

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

**БУДНИ И ПРАЗДНИКИ
ОЛЬВИИ**

В VI—I вв. до н. э.

СЕРИЯ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**



**БУДНИ И ПРАЗДНИКИ
ОЛЬВИИ
в VI—I вв. до н. э.**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2000

ББК ТЗ(2)249
УДК 93(262.5-17)
С 45

Скржинская М. В.
С 45 Будни и праздники Ольвии в VI-I вв. до н. э. / Научное издание. — СПб.: Алетейя, 2000 — 288 с. — (Античная библиотека. Исследования)
ISBN 5-89329-293-6

*Светлой памяти моего учителя
и старшего друга профессора
Марии Ефимовны Сергеевны*

Основатель и руководитель серии:
О. Л. Абышко

В книге впервые в научной литературе описана повседневная жизнь небольшого древнегреческого провинциального города в Северном Причерноморье. Читатель окажется на улицах, центральной площади и у храмов Ольвии, войдет в дома ольвиополитов, представит, как они работали и проводили свой досуг, что ели и пили, какую носили одежду и украшения. Отдельные главы посвящены праздникам и жертвоприношениям, торговле и деньгам, судопроизводству, образованию и тренировкам в гимнасии.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций и Приложением с переводом важнейших ольвийских надписей. Она написана для всех, кто занимается античной историей и культурой, а также для самого широкого круга читателей.

ВВЕДЕНИЕ

На правом берегу Южного Буга близ его слияния с Днестром находится археологический заповедник «Ольвия». Он включает территорию античного города и большую часть его некрополя. Здесь в течение целого тысячелетия стояла Ольвия, основанная в VI в. до н. э. эллинами, прибывшими из Милета (рис. 1). После прекращения жизни города на его месте никогда больше не возникало никаких поселений. Древние строения разрушались от времени и растаскивались окрестными жителями для новых построек, поэтому теперь все, что осталось от Ольвии, лежит под землей или открыто в результате археологических раскопок (рис. 2).

Память об Ольвии в течение многих столетий хранилась лишь в сочинениях некоторых античных авторов¹. Наиболее ценные описания принадлежат «отцу истории» Геродоту и блестящему оратору Диону, прозванному за красноречие Хрисостомом (Златоустом)². Оба они посетили Ольвию. Первый побывал здесь в середине V в. до н. э., когда город был молодым и шел к своему наивысшему расцвету в IV-III вв. до н. э.; второй — в конце I в. н. э. застал Ольвию совсем маленькой и бедной, постоянно находившейся под угрозой набегов ее воинственных соседей.

На основании не совсем ясных сведений древних авторов ученые XVI-XVIII вв. ошибочно локализовали Ольвию то на месте современных городов Николаева или Очакова, то на берегах Днепра³. Точное местоположение Ольвии было определено лишь в конце XVIII в., когда после окончания русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Крым и Новороссия вошли в состав Российской империи.

¹ Свод всех упоминаний античных писателей об Ольвии см.: *Скржинська М. В.* Ольвія в давньому світі. 1994. № 2. С. 130-140.

² Her. IV, 17, 18, 53, 76, 78, 79; Dio Chrys. XXXVI, 1-10, 15-18, 24. Археологія. 1994. № 2. С. 7.

ISBN 5-89329-293-6



Екатерина II, распределяя обширные и мало заселенные земли между Бугом и Днестром, пожаловала 12000 десятин генерал-майору И. А. Безбородко. В их число вошло село Парутино, куда новый хозяин перевел крестьян из своих украинских имений. Существующее до сих пор Парутино расположилось близ урочища Сто могил, около которого на берегу Буга были видны остатки каких-то древних построек. Найденные среди них обломки лапидарных надписей и статуй, архитектурные детали, монеты, фрагменты керамической посуды управляющий именем отправил в Николаев. Там нашлись образованные люди, сумевшие прочесть греческие надписи на каменных стелах и монетах, которые свидетельствовали о том, что они изготовлены в Ольвии. Так выяснилось истинное местонахождение милетской колонии Ольвии.

Научная общественность ознакомилась с этим открытием по книгам П. Палласа, академика Петербургской академии наук, и П. И. Сумарокова, государственного деятеля и писателя, племянника известного русского драматурга⁴. Они совершили путешествие по вновь приобретенным Россией землям и побывали в Николаеве, первый — в 1794 г., второй — в 1799 г. Здесь петербургских гостей ознакомили с ольвийскими древностями и, вероятно, со слов жившего в Николаеве бывшего профессора Московского университета М. И. Афолина, они получили точные сведения о местоположении городища Ольвии⁵.

Книги о путешествиях П. Палласа (по-немецки) и П. И. Сумарокова (по-русски) были переведены в начале XIX в. на французский, немецкий, английский и шведский языки, благодаря чему сведения о древностях Северного Причерноморья и, в частности, о местоположении Ольвии и находках на ее территории стали широко известны европейским ученым. С тех пор находки на городище и история самой Ольвии постоянно привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей⁶.

В первой половине XIX в. были сняты топографические планы городища и совершено несколько эпизодических попыток провести раскопки Ольвии. Но только полевые исследования, предпринятые в 1848 г. по поручению Русского Археологического общества графом А. С. Уваровым,

⁴ *Сумароков П. И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 132-133; *Pallas P. S.* Bemerkunden auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. 2. S. 512-513.

⁵ До недавнего времени считалось, что П. Паллас и П. И. Сумароков сами видели руины Ольвии, однако архивные изыскания последнего времени показали, что это мнение ошибочно (*Тункина И. В.* Указ. соч. С. 10-11).

⁶ В этой работе используются преимущественно труды отечественных ученых, поскольку зарубежные носят в основном компилятивный характер (за исключением статей по ольвийской эпиграфике). Библиография и оценка зарубежных исследований об Ольвии в XIX-XX вв. приведены в кн.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 7-16.

можно считать началом раскопок Ольвии⁷. С той поры они с незначительными перерывами продолжаются вплоть до настоящего времени.

Многие отечественные историки и археологи посвятили свои исследования Ольвии. Назовем лишь некоторые из них. Среди ученых конца прошлого — первой четверти нашего века центральное место занимают работы В. В. Латышева и Б. В. Фармаковского. Латышев издал все известные в его время надписи Ольвии и на их основе написал до сих пор не утративший научного значения труд «Исследования об истории и государственном строе Ольвии» (СПб., 1887). С именем Фармаковского связаны впервые произведенные в России планомерные, основанные на строго научной методике археологические раскопки античного городища и некрополя. Систематические раскопки Ольвии под руководством Фармаковского проводились с 1901 по 1926 г.⁸ Далее около сорока лет раскопки вели его ученики и последователи, работавшие в Институте истории Материальной культуры в Ленинграде (после 1953 г. — Институт археологии АН СССР). Наибольший вклад в изучение Ольвии внесли А. Н. Карасев, Е. И. Леви и Л. М. Славин. Последнего в 1938 г. пригласили в Киев, где он работал в Институте археологии и заведовал кафедрой в университете. Славин постоянно возил студентов в Ольвию и вырастил много учеников-археологов. Так в Ольвии, наряду с Ленинградской, появилась Киевская экспедиция, которая к концу 1980-х годов осталась единственной. Небольшой отряд петербургских ученых продолжает исследования лишь на Березани, где находилось поселение, входившее в состав Ольвийского полиса.

Ныне Ольвия является археологическим заповедником Национальной Академии наук Украины. Здесь ежегодно работает экспедиция Института археологии НАН Украины. После смерти Л. М. Славина в 1971 г. долгие годы экспедицию возглавлял С. Д. Крыжицкий. В настоящее время он участвует в раскопках в качестве научного консультанта, а экспедицией руководит его ученица В. В. Крапивина.

Огромное количество найденных в Ольвии памятников материальной культуры дало возможность разносторонне осветить существование этого города: воссоздать его политическую и экономическую историю, культурную и религиозную жизнь, представить, каковы здесь были архитектура, монетное дело, фортификация и др.⁹ Однако до сих пор не было обобщающей работы о повседневной жизни населения Ольвии.

⁷ *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 8.

⁸ Отчеты и статьи Фармаковского, регулярно печатавшиеся в «Отчетах императорской Археологической комиссии» и в «Известиях императорской Археологической комиссии», до сих пор остаются важнейшими источниками наших знаний об Ольвии.

⁹ Назовем важнейшие книги, вышедшие за последние 20 лет: *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989; *Буйских С. Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса в VII-

Жизнь и быт древних греков издавна интересовали ученых. На эту тему написано немало исследований, которые в основном опираются на сведения письменных источников и на анализ античной скульптуры и вазовой живописи. Массовый же археологический материал использовался весьма ограниченно. В подавляющем большинстве работ ученые описывают жизнь эллинов вообще, а не какого-то конкретного полиса; исключение в этом ряду составляют Афины¹⁰. Напомним читателю широко известное фундаментальное исследование «Жизнь и нравы греков», написанное в прошлом веке Х. Блюмнером¹¹. Вслед за ним появилось немало подобных книг зарубежных ученых, и многие переведены на русский язык¹².

В отечественной историографии обстоятельные исследования о повседневной жизни в античности посвящены лишь Риму¹³. О греках же имеются только небольшие популярные работы¹⁴ и краткие очерки о быте эллинов в античных городах Северного Причерноморья¹⁵.

I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989; *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988; *Кривина В. В.* Ольвия. Материальная культура. I—IV вв. н. э. Киев, 1993; *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993; *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982; *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985; *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев, 1997; *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985; *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981; *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979; *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992; *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

¹⁰ *Webster T. B.* Everyday Life in Classical Athens. London-New-York, 1969.

¹¹ *Blümner H.* Leben und Sitten der Griechen. Leipzig, 1887.

¹² *Цибарт Э.* Культурная жизнь древнегреческих городов. М., 1916; *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи древней Греции и Рима. М., 1988; *Гуро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994; *Flaceliere R.* La vie quotidienne en Grece au siecle de Pericles. Paris, 1959; *Picard Ch.* La vie dans la Grece classique. Paris, 1973; *Kultura materialna starozytniej Grecii.* Wroclaw, 1975; *Hampe R., Simon E.* Griechisches Leben im Spiegel der Kunst. Mainz, 1985.

¹³ *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. М.; Л., 1964; *Она же.* Простые люди древней Италии. М.; Л., 1964; *Кнабе Г. С.* Древний Рим — история и повседневность. М., 1986.

¹⁴ *Колобова К. М., Озерецкая Е. Л.* Как жили древние греки. Л., 1959. Книга написана в основном на материале Афин; *Цветасва Г. А.* Дом и частная жизнь // Античная цивилизация. М., 1973. С. 97-115.

¹⁵ *Ланін В. В.* Побут // Археологія Української РСР. Т. 2. Київ, 1971. С. 479-482; *Цветасва Г. А.* Быт // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 226-236; *Козуб Ю. И.* Быт // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 504-513.

В этой книге автор стремится заполнить отмеченную лауну в изучении истории и культуры античных городов Северного Причерноморья, представив по мере возможности цельную картину жизни провинциального города на северном краю греческой ойкумены в VI—I вв. до н. э. Этот период охватывает время от возникновения Ольвии до ее разгрома гетами в середине I в. до н. э., после чего жизнь там на какое-то время вообще прекратилась. Таким образом, история Ольвии распалась на два крупных периода — до и после гетского разгрома. Второй из них относится уже к римскому этапу истории античного мира и отличается от первого многими существенными особенностями, для анализа которых требуется особое исследование.

Эту книгу я посвящаю памяти моего учителя и старшего друга Марии Ефимовны Сергеенко. Ее труды о ежедневной жизни простых людей древнего Рима и Италии послужили образцом в предпринимавшей мною работе. С благодарностью вспоминаю также Е. И. Леви и А. Н. Карасева. В Ольвийской экспедиции под их руководством мне посчастливилось побывать в студенческие годы. Неоценимую помощь оказали мне мои коллеги по Институту археологии в Киеве, которые беззаветно любят Ольвию и проводят там раскопки, невзирая на все трудности последних лет.



1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ОЛЬВИИ

В VIII—VI вв.¹ эллины, жившие на Балканском полуострове и на побережье Малой Азии, вывели множество колоний на берега Средиземного и Черного морей. Эти три века античной истории называют периодом Великой греческой колонизации². Основной причиной переселения греков стала нехватка земли, которая не могла прокормить многие области Эллады, где в то время стало быстро расти население. Были и другие причины вывода колоний. Эллины искали рынки сбыта для расширявшегося в то время ремесленного производства и поэтому обосновывались на новых землях. Ремесленникам требовалось все больше не достававшего на родине сырья, в первую очередь металлов, и некоторые колонии появились в местах, откуда можно было получить искомое сырье. Наконец, причиной вывода колоний неоднократно служила политическая борьба в греческих полисах, в результате которой побежденных вынуждали покинуть отечество.

Эллинская колония с момента своего основания становилась полностью самостоятельной и независимой, однако чаще всего она поддерживала связи с метрополией в области экономики, культуры, религии, а порой заключала с ней политические союзы. Это прекрасно видно на примере декрета об исополитии (равных гражданских правах) Милета и его колонии Ольвии³.

Милет был крупнейшим городом Ионии, греческой области на азиатских берегах Эгейского моря и близлежащих островах. Он стал метрополией рекордного количества колоний. Одни древние авторы насчитывали их 75 (Sen. Cons. Helv. VII, 2), другие — даже 90 (Plin. NH. V, 112). Сейчас невозможно установить их истинное число, но определенно можно сказать, что милетяне основали несколько десятков поселений, привле-

¹ Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, относятся к периоду до нашей эры.

² О греческой колонизации и ее причинах написано множество исследований. См. раздел «Историография греческой колонизации» в кн.: Яйленко В. П. Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 4-46.

³ Жебелев С. А. Милет и Ольвия // Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 38-47. См. также приложение № 4.

кая жителей других ионийских городов⁴. С VII в. они постепенно продвигались на север, выводя колонии сначала на подступах к Боспору Фракийскому (совр. Босфор), а затем на берега Понта Евксинского (совр. Черное море). Так возникли Кизик на Пропонтиде (совр. Мраморное море), Аполлония, Одесс, Тома, Истрия — в Западном Причерноморье, после чего в середине VII в. наступила очередь освоения северного побережья Понта. Здесь милетяне основали Тиру, Ольвию, Феодосию, Пантикапей и другие города-государства (античные полисы). Среди северопричерноморских колоний лишь Херсонес имел иную метрополию — Гераклею Понтийскую, лежавшую на противоположном берегу Черного моря.

Древнейшее поселение в Северном Причерноморье милетяне построили на полуострове близ устья Борисфена (совр. Днепр) и назвали его по имени этой реки Борисфеном (или, по другим источникам, Борисфенидой). Со временем, после подъема уровня Черного моря, полуостров превратился в остров, и теперь остатки Борисфена частично находятся на маленьком острове Березань, частично скрыты под водой так же, как прибрежные кварталы всех античных причерноморских городов.

В сохранившейся древней литературе уцелело сообщение о годе основания Борисфена: 647/646-й (Euseb. Chron. can. P. 95 b). Время возникновения остальных северопричерноморских поселений определяется по археологическим материалам и относится к первой половине — середине VI в. В этот период возникла и Ольвия.

Сейчас трудно определить, была ли она сначала просто поселком, входившим в сферу влияния Борисфена, или ее сразу же заложили как новую колонию. Археологические находки безусловно свидетельствуют, что во второй половине VI в. Ольвия стала главным политическим, экономическим и культурным центром Нижнего Побужья, а Борисфен постепенно терял свое ведущее положение и к концу VI в. вошел в состав Ольвийского государства⁵.

Основание нового греческого полиса традиционно должен был благословить оракул Аполлона. Милетяне в таких случаях обращались в свой храм Аполлона Дидимского. Там уже хорошо знали от жителей Борисфена о природных богатствах Нижнего Побужья — его плодородных землях, полноводных реках, изобилующих рыбой, прекрасных пастбищах, месторождениях железной руды и соли. Поэтому оракул уверенно предрек счастливую участь основателям и их потомкам в новой колонии, назвав ее Счастливым городом: Ὀλβίη πόλις. Так родилось название Ольвия. Оно не было особенно оригинальным, поскольку в греческой ойкумене насчитывалось около десятка Ольвий (Steph. Byz. s. v. Olbia).

Следует отметить, что в сочинениях античных писателей Ольвия постоянно называется Борисфеном, а ее жители — борисфенитами. В то же

⁴ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, 1983. S. 96.

⁵ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 68; Давня історія України. Т. 2. Скіфо-антична доба. Київ, 1998. С. 214.

время, все найденные официальные документы (декреты народного собрания города, его монеты и др.) свидетельствуют о единственном наименовании города Ольвией и ее гражданах ольвиополитах (рис. 3, 4). Особенно удивительно то, что посетившие Ольвию Геродот и Дион Хрисостом в своих сочинениях пишут о Борисфене и борисфенитах, хотя и знают истинное наименование⁶. Некоторые древние писатели объясняли, что Ольвия и Борисфен — один и тот же город (Ps-Scymn. 804-809; Strab. VI, 13, 17; Plin. NH. IV, 82; Ptol. III. 5, 14; St. Bys. s. v. Borysthenes).

Как было сказано выше, Ольвия и Борисфен — два разных поселения. Однако, когда политический центр Нижнего Побужья переместился из Борисфена в Ольвию, греки из других эллинских городов продолжали называть новое государство Борисфеном. Ведь оно лежало в устье известной одноименной реки, и первоначальное поселение Борисфен вошло в его состав. Для мореплавателей же прежнее название Борисфен звучало гораздо выразительнее, чем новое: ведь Ольвий было несколько, а Борисфен — один. Так из устной речи наименование перешло в литературную традицию. Сами ольвиополиты прекрасно знали, что их полис известен в Элладах как Борисфен, и потому в надписях, помещавшихся за пределами Ольвийского государства, называли себя борисфенитами, а свою родину — Борисфеном⁷.

Первые десятилетия существования Ольвии прошли мирно. Ведь она располагалась на землях, где не было местного земледельческого населения, а кочевые скифы еще только начали осваивать северопричерноморские степи. Основными партнерами в торговле с местным населением стали лесостепные племена, к которым вели водные пути по Гипанису и Борисфену (совр. Южный Буг и Днепр).

Образование нового греческого полиса обычно носило организованный характер. Место колонии заранее выбирали во время предварительных разведок. Переселенцы (их бывало не более ста человек) во главе с руководителем-ойкистом отправлялись на кораблях основывать колонию. Под началом ойкиста они определяли границы будущего города, места для святилищ и общественных зданий, делили участки для жилой застройки, а в окрестностях города распределяли между колонистами земельные наделы и сразу же начинали их обрабатывать. В новом полисе устанавливались сложившиеся в метрополии политические институты и культы богов⁸.

Археологические раскопки показывают, что во второй половине VI в. в Ольвии уже сформировался центр государства. Здесь существовала центральная площадь — агора, где проходили народные собрания, и два темноса (священных участка) с небольшими храмами и алтарями. В это вре-

⁶ Геродот (IV, 18) лишь один раз назвал жителей Борисфена ольвиополитами.

⁷ IPE I № 24. См. Приложение № 3.

⁸ Ehrhardt N. Op. cit. S. 70.

мя начала выпускаться собственная медная монета в виде дельфина, появился контроль над системой мер и весов, было построено общественное здание, где помещался пританей. В греческих городах в нем находился очаг, посвященный Гестии, богине-покровительнице неугасимого огня, объединяющего мир богов, человеческое общество и каждую семью. Пританей считался символическим центром государства, в нем за государственный счет получали угощение особо заслуженные граждане и почетные иностранные гости⁹.

В Ольвии, как и в прочих греческих городах, наряду с полноправными гражданами жили метеки (свободное население, не имевшее гражданских прав) и рабы, в основном негреческого происхождения. Однако среди них встречались и эллины, так как не каждого поселившегося в городе грека принимали в гражданское общество, а в долговое рабство в это время попадал даже гражданин, не говоря уже о метеках. Такой социальный состав населения Ольвии архаического периода, отраженный в двух сохранившихся письмах местных жителей, не изменялся в дальнейшем¹⁰.

В начале V в. в Ольвии и ее округе произошли существенные изменения. Город рос и процветал, здесь строились каменные дома и общественные здания, возводились оборонительные стены и башни. Многочисленные же сельские поселения исчезли, поэтому окрестности Ольвии опустели, их жители переселились в город, а наиболее бедные построили землянки и полужемлянки около западной городской стены II. Если в начальный период колонизации Нижнего Побужья ведущую роль в экономике играло сельское хозяйство, то теперь эта роль перешла к торговле. Все это наглядно отразилось в археологических памятниках; причины же происшедших изменений по-разному истолковываются современными исследователями. Одни объясняют это набегами скифских кочевых племен¹²; однако ни на одном из сельских поселений не зафиксировано следов пожаров и сильных разрушений. Другие полагают, что Ольвия попала в зависимость от скифов, и им было выгодно, чтобы там развивалась торговля, а не сельское хозяйство¹³. Доказательством скифского протектората считается чеканка ольвийских серебряных статеров с негреческим именем Эминак и рассказ Геродота о том, что скифский царь Скил имел в Ольвии свой дом и подолгу жил в городе. Однако имя Эминак известно в

⁹ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 62-64; Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А. Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев, 1997. С. 22-23.

¹⁰ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 75-76; Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 91-108.

¹¹ Козуб Ю. И. Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. №29. С. 3-34; Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурных строительных комплексов. Киев, 1985. С. 57-86.

¹² Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 95.

¹³ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 90-108.

Малой Азии, на родине ольвийских колонистов, кроме того, есть свидетельства источников, что греки иногда носили варварские имена. Поэтому монеты с именем Эминака не могут быть достаточным аргументом в пользу зависимости Ольвии от скифов. Геродот же в своем рассказе о Скиле говорит о его полугреческом происхождении и приверженности к эллинскому образу жизни, но ничего не сообщает о влиянии скифов на существование Ольвии.

Скорее всего, в Нижнем Побужье в процессе колонизации стихийно возникли самостоятельные сельские поселения, а затем их жители влились в состав Ольвийского полиса, многие стали его гражданами и переселились в город. Часть из них продолжала заниматься сельским хозяйством в ближайших окрестностях Ольвии, благодаря чему она получала достаточно продовольствия, а другая часть включилась в ремесленную жизнь или нашла работу на стремительно развивавшемся тогда городском строительстве¹⁴.

В VI-V вв. Ольвия имела оживленные экономические связи с городами Ионии и с полисами на островах Хиос, Самос, Родос, в меньшей степени с Коринфом и Афинами. С середины V в. ведущую роль в торговле Ольвии начинают играть Афины, и после 430 г., когда Перикл принял экспедицию в города на Понте Евксинском, Ольвия на некоторое время вошла в Афинский морской союз и платила ежегодный взнос в размере одного таланта¹⁵. Влияние Афин сказалось на многих сторонах жизни ольвиополитов. В их ионийский диалект, как показывают эпитафические памятники, проникли аттицизмы, афинские черты наблюдаются в шрифте надписей V в.¹⁶ В городе и на некрополе появились статуи и рельефы афинских скульпторов¹⁷, в строительстве использовались привезенные из Аттики архитектурные детали, и, возможно, некоторые общественные здания построили афинские архитекторы¹⁸. Из Афин ввозилось огромное количество расписной столовой посуды, и она вошла в парадный сервиз всех сколько-нибудь состоятельных жителей Ольвии.

В IV в. сохраняется ведущая роль Афин в поставках в Ольвию керамики и предметов культуры, вино привозят из Менды и острова Фасоса. Важное место заняла внутренняя причерноморская торговля: с южных берегов Понта, из Гераклеи и Синопы, поступало вино, растительное масло, простая хозяйственная посуда и черепица.

¹⁴ Давня історія України... С. 302.

¹⁵ *Латышев В. В.* Исследование об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887. С. 45-47; *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз // МАСП. 1960. № 3. С. 57-101; *Виноградов Ю. В.* Указ. соч. С. 132.

¹⁶ *Виноградов Ю. В.* Указ. соч. С. 130.

¹⁷ ІРЕ I № 99; НО № 65; *Соколов Г. М.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 21; *Лесницкая М. М.* Античная мраморная стела из Одесского археологического музея // КСИА. 1976. № 145. С. 23-27.

¹⁸ *Карасев А. Н.* Раскопки Ольвийской агоры в 1967-1969 гг. // КСИА. 1972. № 130. С. 39.

Ольвия поддерживала торговые связи со своими ближними и дальними северными соседями. В обмен на продукты земледелия и животноводства оседлые племена покупали греческие ремесленные изделия, керамические, бронзовые, серебряные и золотые сосуды. Вероятно, одним из средств платежа местных племен были их пленники, которые затем выставлялись на античных рынках рабов. Афины, например, специально покупали скифских стрелков, чтобы использовать их в качестве государственных рабов-полицейских (Aristoph. Lys. 451, 455; Thesm. 1116, 1193; Andoc. III, 5)¹⁹. Таким образом, Ольвия торговала не только своей продукцией, но и служила посредником между Элладой и племенами Восточной Европы, получая от этого значительную выгоду.

С конца V в. началось новое широкое заселение ольвийской округи; вдоль берегов Бугского, Березанского и Днепровского лиманов появились сельские поселения и отдельные усадьбы. На освоенных обширных землях средний урожай зерновых (пшеница, ячмень, просо) составлял 35-50 тыс. тонн в год, поэтому в урожайные годы Ольвия могла экспортировать хлеб, в котором всегда нуждалась Эллада²⁰. В самой Ольвии и на Березани трудилось много ремесленников, изготавливавших керамическую посуду, всевозможные металлические изделия для нужд строительства, сельского хозяйства и рыболовства. Таким образом, Ольвийское государство включало два города — Ольвию и Борисфен, — а также обширную территорию с многочисленными поселениями и усадьбами.

По своему политическому устройству Ольвия была демократической рабовладельческой республикой. Возможно, в отдельные периоды ею управляли тираны и олигархи²¹. В выборах административных органов принимали участие только мужчины — полноправные граждане Ольвии. Они составляли Народное собрание — законодательный орган государства. Этими функциями обладал также постоянно действовавший, избранный гражданами Совет. В нем обсуждались все важнейшие государственные вопросы и затем выносились обычно словами: «Совет и Народ (так кратко называлось народное собрание) постановили...»

Совет наблюдал также за работой исполнительной власти. Ее осуществляли избранные открытым голосованием граждане, входившие в разные коллегии. Высшей среди них была коллегия архонтов из пяти человек. Они руководили прочими коллегиями, следили за состоянием финансов и выпуском денег. Практическими финансовыми вопросами занимались коллегия Семи и коллегия Девяти. Первая вместе с архонтами вносила в Совет предложения об издании почетных декретов в честь особо заслуженных граждан. Военными делами занималась коллегия стратегов из

¹⁹ *Доватур А. И.* Рабство в Аттике в VI-V вв. до н. э. Л., 1980. С. 48-49, 82.

²⁰ *Крыжицкий С. Д., Щеглов О. М.* Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 54.

²¹ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 109-125; 217-220.

шести человек. Коллегия агораномов наблюдала за порядком в городской жизни; они отвечали за соблюдением правил торговли на рынках и качеством товаров, за правильностью мер и весов, для которых существовали государственные стандарты, за водоснабжение и канализацию²².

В 332/31 г. к стенам Ольвии подошло войско Зопириона, одного из полководцев Александра Македонского. Ольвия с большим трудом выдержала осаду и заставила отступить большую армию. Для увеличения рядов защитников города и ослабления внутренних социальных противоречий граждане Ольвии приняли чрезвычайные меры: провели кассацию долгов, дали права гражданства проживавшим в Ольвии иностранцам и освободили рабов (Macg. Sat. 1,11, 33). Следы пожаров последней трети IV в., обнаруженные при раскопках Западных ворот и в Нижнем городе, вероятно, относятся ко времени осады Зопириона²³.

Вскоре после победы над полководцем Александра Македонского Ольвия вступила в период своего наивысшего расцвета, охватывающий конец IV — первую половину III в. В это время площадь города достигла максимальной величины: 50-55 га, застроились склоны между Верхним городом и его прибрежными частями, были перепланированы целые кварталы и возведены новые храмы и общественные здания. Государство провело денежную реформу и, наряду с массовыми медными, стало выпускать золотые и серебряные монеты²⁴.

В последней трети III в. в Ольвии наступила долгая полоса затяжного кризиса. Наряду с экономическими затруднениями и военной угрозой со стороны соседей, в конце III в. Ольвию постигла природная катастрофа: оползень уничтожил множество домов в Террасном и Нижнем городе и лишил крова и содержания многие ольвийские семьи²⁵. В конце III-II вв. изменилось более или менее стабильное окружение Ольвии. На территорию Скифии мигрировали новые племена и стали угрожать нашествиями всем греческим полисам Западного и Северного Причерноморья.

Этот период окончился в середине I в. полным уничтожением города нашествием гетов. Тексты декретов III-II вв. (в честь Протогена, Антестерия, Никерата и др.) свидетельствуют об огромном имущественном неравенстве ольвиополитов, о бедственном положении городских финансов, о голодных неурожайных годах, о раздорах среди граждан, о недостатке средств на ремонт общественных зданий и оборонительных сооружений. Эти трудности усугублялись постоянной угрозой нападения сарматов, галатов, скифов и других воинственных племен, хлынувших в Северное

²² *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 256-301; *Рубан В. В.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. № 39. С. 39-40.

²³ *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Ольвия... С. 28.

²⁴ *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985; *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1998.

²⁵ *Крыжицкий С. Д., Крапивина В. В.* Четверть века раскопок Ольвии // Летопись Причерноморья. Вып. 1. Херсон, 1999. С. 17.

Причерноморье. Иногда от них удавалось откупиться дарами, иногда приходилось вступать в кровопролитные сражения²⁶.

В результате всего происшедшего сельское хозяйство и ремесла в Ольвийской округе пришли в упадок. Государство лишилось своей важнейшей основы — товарного производства сельскохозяйственной продукции и не всегда даже могло обеспечить себя продовольствием.

В середине II в. Ольвия оказалась в зависимости от скифского государства, находившегося в Крыму. Об этом свидетельствуют монеты, на которых в сочетании с названием Ольвии стоит имя скифского царя Скилура. В последние годы II в. Ольвия освободилась от скифского протектората в результате победоносной войны Херсонеса со скифами. Вскоре Ольвия вместе с Херсонесом и Боспором вошла на права автономного города в состав державы понтийского царя Митридата VI Евпатора²⁷. Присланные им отряды воинов защитили Ольвию от набегов варваров. Царь объединил многие греческие государства в борьбе против Рима. Но римляне победили Митридата, и он в 63 г. покончил жизнь самоубийством в Пантикапее.

После смерти Митридата варвары несколько раз врвались в Ольвию. Город постепенно опустевал и был окончательно razoren гетами между 55 и 48 гг. Предводитель гетов Буребиста со своим войском, состоявшим из племен Днестро-Дунайского междуречья, опустошил многие греческие полисы Западного Причерноморья и дошел до Ольвии. К тому времени она стала совсем небольшим городком, изнуренным варварскими набегами. Поэтому завоеватели легко захватили Ольвию и полностью разграбили и разрушили ее. Уцелевшие ольвиополиты покинули город и, по-видимому, переселились на нижнеднепровские поселения²⁸.

Жизнь на развалинах Ольвии возобновилась через несколько десятилетий, когда римляне покорили гетов. Вернувшиеся греки возродили город с традиционными полисной структурой и основными органами управления. Государственные декреты вновь стали издаваться от имени Совета и Народа. Городская экономика стабилизировалась, начиная со второй половины I в. н. э., наладились торговые связи с эллинскими городами, возобновилась чеканка монет, отстроились оборонительные стены. Они защищали Ольвию от постоянной угрозы со стороны скифов и сарматов. Как и прежде, от них либо откупались подарками и данью, либо вступали с ними в сражения.

В заново сформировавшееся общество граждан, наряду с потомками ольвиополитов, вошли эллинизированные представители местных ираноязычных племен, у которых ольвиополиты укрывались во времена нашествия гетов. Это можно заключить по заметному количеству ираноязычных имен в ольвийских надписях первых веков нашей эры. Однако, судя по материальной культуре Ольвии, носители этих имен ощущали себя

²⁶ IPE 2 № 32, 34; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 250-262.

²⁷ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 250-262.

²⁸ Давня історія України... С. 396.

эллинами, говорили по-гречески, почитали эллинских богов и в быту мало отличались от потомственных ольвиополитов.

В 95 г. н. э. Ольвию посетил оратор Дион Хрисостом. Он намеревался написать большое сочинение о гетах и хотел из Ольвии добраться до мест их обитания, чтобы увидеть их своими глазами. История же Ольвии интересовала оратора потому, что ее прошлое было связано с опустошительными походами вождя гетов Бурбисты.

Через несколько лет Дион рассказал о своем пребывании в Ольвии в «Борисфенитской речи». Он произнес ее перед жителями малоазийского города Пруса, а затем включил в обширное собрание своих сочинений. В этой речи содержится единственное сохранившееся письменное упоминание о гетском разгроме Ольвии и о прекращении жизни в городе на несколько десятилетий. Это подтверждается отсутствием на городище культурного слоя второй половины I в. до н. э.

Дион кратко, но выразительно, описал внешний облик Ольвии и ее жителей. Прибрежная часть города оказалась частично заболоченной, частично затопленной водами Гипаниса, образовавшего лиман. Дома ольвиополитов были небольшими и бедными, а в храмах не сохранилось ни одной неповрежденной статуи. Ольвия занимала небольшое пространство по сравнению с ее прежней территорией, так что руины старых оборонительных стен и башен стояли далеко за пределами новых низких и непрочных городских стен. Во время частых нападений варваров городские ворота запирались, и на стене поднимался боевой знак. Мужское население находилось в состоянии постоянной боевой готовности. Ольвиополиты носили скифскую одежду с шароварами и говорили по-гречески с местным акцентом. Но при этом они хранили старые эллинские обычаи, поклонялись греческим богам и особенно любили «Илиаду» Гомера.

После гетского разгрома Ольвия достигла наибольшего благополучия уже после посещения Диона Хрисостома — во второй половине II — первой трети III в. В это время здесь стоял римский гарнизон, защищавший город от набегов варваров. Некоторое время Ольвия входила в состав римской провинции Нижняя Мезия и подчинялась ее римскому наместнику. Таким образом, Ольвия оказалась крайним северо-восточным форпостом Римской империи. Благодаря этому сюда проникли некоторые элементы провинциальной римской культуры. Ольвиополиты познакомились с латинским языком, но в целом Ольвия всегда оставалась греческим городом.

Во второй половине III в. римский гарнизон покинул Ольвию, когда Римская империя оказалась не в состоянии удерживать свои столь дальние рубежи. Следы больших пожарищ на городище показывают, что Ольвия уже не могла самостоятельно отражать набеги варварских племен. Жизнь в городе угасала и окончательно прервалась в третьей четверти IV в. н. э. вместе с наступлением общего заката античной эпохи древней истории²⁹.

²⁹ Давня історія України... С. 395-411, 465-466.



2. ОБЩИЙ ВИД ГОРОДА

Ольвия находилась на правом высоком берегу Гипаниса. Ее территория имела треугольную форму (рис. 5) и четко разграничивалась на три части: Верхний город, лежавший примерно на 40 м выше современного уровня Бугского лимана, Нижний город в прибрежной полосе реки и расположенный между ними Террасный город на склонах, амфитеатром охватывающих Нижний город.

Колонисты выбрали для Ольвии стратегически очень выгодное место. Отсюда на далекое расстояние просматривались окрестности со стороны степи и со стороны реки. Глубокие балки (совр. Заячья и Северная) составляли естественную линию обороны с напольной стороны, а с востока подход к Ольвии затрудняла широкая река. Ее солоноватые воды оказались непригодными для питья, но на пространстве Нижнего города выходило несколько источников хорошей пресной воды, и это также сыграло существенную роль при определении места для колонии.

По мнению древних греков, для того, чтобы называться городом, надлежало иметь несколько самых необходимых построек. Павсаний (X, 4, 1), описывая Панопей в Фокиде, говорит, что, хотя панопейцы посылают своих представителей на всефокидское собрание, их селение нельзя назвать городом, поскольку там нет «ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни площади, ни центрального водоема». Ольвия обладала всем перечисленным Павсанием.

Центральная площадь — агора, — судя по археологическим находкам, существовала уже во второй половине VI в., а в первой половине V в., как пишет Геродот (IV, 78), по ней прогуливался скифский царь Скил. На агоре находился большой каменный водоем, прекрасная кладка которого сохранилась до сих пор¹. В ольвийских надписях упоминаются гимнасий², театр³, правительственные здания: епископий⁴ и гептадейон⁵. В эк-

¹ Леву Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 88-113; 123-124.

² IPE I² № 40. См. также главу «Гимнасий».

³ IPE I² № 25; НО № 28. *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 56-57. См. главу «Праздники и жертвоприношения».

⁴ IPE I² № 24. Некоторые исследователи полагают, что под епископием подразумевалась часть агоры, где проходили народные собрания. См. об этом в главе «Торговля и деньги».

⁵ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 56-57.

кlesiастерии собирався Совет и народное собрание, в гептадейоне заседала коллегия Семи, один из важнейших органов исполнительной власти.

Подобно большинству греческих городов, Ольвия органично вписывалась в окружающий ландшафт. Перед многочисленными кораблями, прибывавшими из Средиземноморья и Причерноморья в IV—III вв., открывался широкий вид процветающего города (рис. 6). Корабли входили в благоустроенный порт, разделенный, как было принято тогда, на две гавани — для торговых и военных кораблей⁶. Неподалеку находились складские строения для товаров, оптовый (δεύμα) и рыбный рынки⁷, затем невысокие дома в один-два этажа и узкие улицы заполняли Нижний город и поднимались на Террасный. Однообразную застройку последнего оживлял лишь театр (рис. 7). Панораму венчали храмы и общественные здания, высившиеся в Верхнем городе. Все это опоясывали каменные стены с башнями⁸.

В VI в., когда прилегающие к городу степи еще оставались почти не заселенными, Ольвии хватало естественных рубежей, затруднявших подход к ней. В V в. их оказалось недостаточно, поэтому началось строительство стен и башен. О них упоминается в новелле о скифском царе Скиле (Hdt. IV, 78-79). Рассказывая о пристрастии Скила, грека по матери, посещать Ольвию и вести там эллинский образ жизни, Геродот написал, что царь оставлял свое войско за стенами города, а ворота приказывал запиравать. Когда же кто-то из ольвиополитов пожелал показать скифам, как их царь поклоняется греческим богам, то нескольких скифов провели на башню, и они оттуда наблюдали дионисийскую процессию с участием Скила.

Первоначально оборонительные сооружения строились только со стороны степи, и лишь в III в. круг стен сомкнулся, защитив также прибрежную часть города. Видимо, раньше не приходилось ожидать нападения со стороны реки, но затем местные племена стали атаковать Ольвию и с этой стороны, особенно зимой, когда Гипанис покрывался льдом⁹.

⁶ Торговая гавань упоминается в надписи: IPE I № 79, ольвийские военные корабли — в декрете в честь Антестерия (*Виноградов Ю. Г.* Указ соч. С. 57). Место гавани и припортовых складов определено во время подводных исследований (*Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 100).

⁷ IPE I² № 32. См. Приложение № 9.

⁸ Далее архитектурный облик города описывается на основании археологических исследований и реконструкций А. Н. Карасева, С. Д. Крыжицкого, Е. И. Леви и А. С. Русяевой. См. их работы: *Карасев А. Н.* Монументальные памятники теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 27-130; *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Ольвийская агора // СА. 1958. № 4. С. 127-143; *Леев Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985; *Крыжицкий С. Д.* Указ. соч.; *Он же.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993; *Русяева А. С.* Исследования Западного теменоса Ольвии (предварительные итоги) // ВДИ. 1991. № 4. С. 123-138.

⁹ В декрете Протогена упоминается о таких зимних набегах варваров. См. Приложение № 9.

Археологи раскрыли остатки оборонительных стен, Северных и Западных городских ворот. Безусловно, существовали ворота и с причечной стороны, откуда ввозили и вывозили товары с пристани. Ворота фланкировались двумя прямоугольными башнями, их верхние края венчали зубцы (рис. 8). Толщина стен составляла примерно 4 м; их высота, судя по данным античной фортификации, могла достигать 10 м, а башни возвышались на 12-15 м.

Башни стояли не только у ворот, но и на поворотах оборонительной линии, а также на длинных прямых отрезках. Таким образом, ольвиополиты могли дать отпор врагу в любом пункте нападения на город. Каждая башня имела свое наименование, и некоторые из них отразились в надписях. Одни башни назывались по имени их строителей: Посия, Эпидаврия, другие были посвящены богам и героям, заступникам города, — Зевсу Полиарху (многовластвующему), Зевсу Элевтерию (освободителю), Аресу и Гераклу. Последняя, находившаяся у берега, определена в надписи, как «удивительная на вид и защитница всех граждан во время войны»¹⁰.

В V — начале III вв. расходы на оборонительные постройки несла городская казна. В одной надписи IV в. сообщается о комиссии стеностроителей, заботившейся о ремонте стен и башен¹¹. Позже, во время кризиса полиса, эту функцию брали на себя богатые ольвиополиты. В декрете в честь Протогена говорится, что он выделил средства на ремонт пяти башен, а также на завершение строительства башни Посия и стены в причечной части Ольвии; посвятельная надпись на башне Геракла гласила, что Клеомброт финансировал постройку этой башни¹².

Ольвия строилась не по единому плану. Ее улицы прокладывались стихийно, соответственно рельефу местности. Лишь в эллинистический период в отдельных частях города, где проводились масштабные перестройки, возникла регулярная прямоугольная планировка улиц. Жилые дома выходили на улицу глухими стенами и заборами. Улицы, вымощенные камнем, а чаще битой керамикой, перемешанной со щебенкой, были узкими (2,2-3,6 м), а переулки еще уже. Исключение составляли улицы, ведущие к Западным и Северным воротам: (рис. 9) первая шириной в 5 м, а вторая, Главная улица, достигала ширины 8-10 м (рис. 10). По античным меркам это немало. Для сравнения можно заметить, что главные улицы Милета, Приены и Магнесии были уже (7,5, 7,36 и 8,5 м).

Однообразие улиц с монотонными рядами глухих стен контрастировало с центральной частью Верхнего города, где располагались общественные здания, храмы и алтари богов, рынок и торговые ряды. Кроме агоры в Верхнем городе, возможно, имелась и вторая площадь с общественными зданиями в Нижнем городе¹³.

¹⁰ IPE I² № 32, 179, 183; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 135, 138, 256-257.

¹¹ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история... С. 138-139.

¹² IPE I² № 32, 179.

¹³ *Крыжицкий С. Д., Крапивина В. В.* Четверть века раскопок в Ольвии // Летопись Причерноморья. Вып. 1. Херсон, 1999. С. 17.

Благодаря многолетним раскопкам можно представить, как выглядела агора и теменос в Верхнем городе, где ежедневно кипела общественная и деловая жизнь; здесь ольвиополиты собирались во время празднеств, сюда приходили за покупками и просто пообщаться и узнать новости (рис. 11).

К агоре вели две упомянутые самые широкие улицы. По ним от Северных и Западных ворот доставлялись товары на рынок, который, как и в прочих греческих городах, располагался на агоре¹⁴. Ее площадь в период наивысшего расцвета Ольвии составляла около 3000 кв. м и имела не совсем правильную прямоугольную форму. В VI — начале V в. агора была примерно на треть меньше, а затем ее расширили за счет прилегавшего к ней теменоса. В IV — начале III в. перестроили все находившиеся там здания. С восточной и западной стороны агору обрамляли торговые ряды, украшенные по фасаду колоннадой. На западной стороне, кроме торговых рядов, помещался также суд, жилой дом и здание общественного назначения. В нем, как и в подобном доме на южной стороне, вероятно, заседали коллегии — органы ольвийской исполнительной власти. Возможно, одно из этих зданий принадлежало коллегии Семи и было тем гептадейоном, в котором по постановлению Народного собрания поставили стелу с декретом в честь Антестерия, одно время возглавлявшего эту коллегию. Наряду со зданием коллегий, на южную сторону агоры выходил своей узкой стороной гимнасий¹⁵.

Всю северную сторону занимала стоя — крытая галерея с колоннадой. Она составляла архитектурную доминанту ольвийской агоры. Такие здания впервые появились в Элладе и стали необходимой принадлежностью любого города. Посещение стои вошло в число обязательных элементов греческого образа жизни¹⁶. Стои строились на площадях и теменосах; в крупных городах, таких, как Милет и Афины, имелось несколько подобных зданий. Римляне переняли у греков этот тип постройки и назвали его портиком. В стое, где можно было укрыться от дождя, палящего солнца и ветра, назначались всевозможные деловые и частные встречи, обсуждались городские и другие животрепещущие новости. В стоях поэты читали стихи, а философы излагали ученикам свои учения. Наименование одного философского течения получило название стоицизм, ибо его основатель Зенон в конце IV в. встречался со своими учениками в Афинской Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота и Микона. Географическая кар-

¹⁴ Подробнее о рынке см. в главе «Торговля и деньги».

¹⁵ В настоящее время не все исследователи согласны с тем, что это здание принадлежало гимнасию. По мнению С. Д. Крыжицкого, это были скорее общественные бани. См.: *Крыжицкий С. Д.* Ольвия... С. 80-81. Однако место в самом центре города и размеры сооружения дают основания считать это здание скорее всего гимнасием. См. ниже главу «Гимнасий».

¹⁶ *Coulton J. J.* The Architectural Development of the Greek Stoa. Oxford, 1976. P. 1.

та мира, составленная под руководством Агриппы, украшала в Риме специально построенный для нее портик, где каждый мог увидеть чертеж всего известного римлянам мира.

Большая ольвийская стоя, несомненно, играла заметную роль в жизни горожан. Открытая в сторону агоры, она имела двухрядную колоннаду длиной 45 м. Ее два нефа разделялись колоннами ионического ордера, а наружные колонны дорического ордера стояли вдвое чаще, чем внутренние. Подобные двухнефные стои открыты в Афинах, Коринфе, Фасосе, Самофракии и других греческих городах¹⁷. Витрувий в сочинении «Об архитектуре», описывая двойные портики в палестрах, заметил, что их так строили, «чтобы во время непогоды ливень не мог проникнуть внутрь» (V, 9, 11). Это вполне оправдывало себя в Ольвии, где весной и осенью часто льют сильные дожди и дуют пронизывающие ветры.

Задняя глухая стена стои примыкала к центральному теменосу, на котором находились главные ольвийские храмы и алтари. Другие стороны теменоса ограждали каменные стены с двумя входами. Один, украшенный фронтоном и двумя колоннами, выходил на Главную улицу, другой располагался с противоположной стороны и вел на параллельную улицу. Первоначально теменос и агора не разделялись, поэтому храмы Аполлона и Зевса выходили прямо на площадь. Лишь в V в. появилась ограда Центрального теменоса.

Аполлон Дельфиний был главным богом, почитавшимся на этом теменосе. Его храм несколько раз перестраивался. Сначала маленький храм ионийского ордера малоазийского типа построили из дерева и сырцового кирпича. Его украшали расписные терракотовые детали, от которых сохранилась лишь полихромная облицовка ионической капители. В V в. первоначальный храм разобрали и его заменил небольшой (7 м в ширину и 15 м в длину) каменный храм в антах: два выступа стен (анты) под фронтоном заканчивались пилястрами, а между ними стояли две колонны ионического ордера. Храм окружала специально посаженная священная роща. В ней находились небольшие алтари, а перед храмом на свободном пространстве стоял большой главный алтарь, сложенный из известняка (рис. 12).

В IV в. ольвиополиты снова заменили храм Аполлона и выстроили самый крупный каменный храм за всю историю города. Вероятно, он был периптером, т. е. колонны окружали его со всех четырех сторон. С длинной стороны они тянулись на 30-35 м. Рядом стоял также заново выстроенный на месте прежнего храм Зевса, значительно уступавший в размерах храму Аполлона (рис. 13). Новый главный алтарь на теменосе украшали резные орнаменты, исполненные на мраморной облицовке. Вдоль западной ограды расположилась небольшая стоя, а около восточной по-

¹⁷ Ibid. P. 58-59, 194-195. В каталог греческих стоей в книге Дж. Култона включена ольвийская стоя; ее план воспроизведен на рис. 94.

мешалась мастерская, в которой изготавливали терракотовые статуэтки и рельефы для культовых целей.

Наряду с Центральным в Ольвии уже в архаический период появился еще один теменос, также примыкавший к Главной улице. Сейчас его называют Западным по расположению относительно Центрального. Судя по найденным посвящениям, на Западном теменосе находились культовые участки Аполлона Врача, Матери богов, Диоскуров, Афродиты и Гермеса. Здесь археологи обнаружили несколько небольших каменных алтарей, а из храмов Западного теменоса сейчас можно реконструировать лишь храм Аполлона Врача, построенный на рубеже VI—V вв. (рис. 14). Его называли Иетроон¹⁸. Подобно современному ему храму Аполлона Дельфиния, его украшали каменные и терракотовые архитектурные детали¹⁹. Сохранился большой расписной известняковый акротерий, венчавший этот антовый храм ионического ордера. Храм простоял около столетия. В последней четверти V в. его разобрали и выстроили новый.

В каждом греческом городе на агоре и около храмов на священных участках стояли многочисленные стелы с надписями и всевозможные каменные и бронзовые скульптуры. О том, каковы они были в Ольвии, сейчас известно по археологическим находкам и эпиграфическим памятникам. К настоящему времени в Ольвии обнаружено несколько сотен надписей²⁰ и среди них фрагменты беломраморных стел, некогда украшавших агору и оба теменоса. На них вырезаны законы, почетные декреты в честь граждан, оказавших особые услуги государству, и проксении — постановления о предоставлении гражданства, торговых и других привилегий иностранцам, чаще всего купцам, чья деятельность способствовала процветанию Ольвии. Стелы с надписями выставляли преимущественно около храма Аполлона Дельфиния по традиции, идущей из метрополии: в Милете множество подобных надписей найдено именно около Дельфиниона и среди них декрет об исполитии (равных правах) жителей Милета и Ольвии²¹. Каменный архив постоянно обновлялся новыми стелами, а старые плиты складывали во дворе святилища лицевой стороной вниз. Наи-

¹⁸ Это название, данное по эпиклезе Аполлона Врача (Ἰετρόβς), сохранилось на одном граффито последней четверти VI в. См.: *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 33. Рис. 6.

¹⁹ В Ольвии найдено много фрагментов архитектурной терракоты архаического времени. По количеству они превосходят подобные находки даже в Милете и являются ценнейшим источником наших знаний о декоре античных храмов VI — начала V в. См.: *Русяева А. С.* Архаическая архитектурная терракота из Ольвии // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев, 1988. С. 33–51.

²⁰ Надписи, найденные до 1916 г., изданы В. В. Латышевым в корпусе: *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli*, 1916. Находки 1917–1965 гг. — в книге «Надписи Ольвии» под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л., 1968. Более поздние находки рассеяны по разным изданиям.

²¹ См. Приложение № 4.

более крупные стелы, например, декрет Протогена, достигали высоты двух метров, но обычно были ниже, чтобы надписи легко читались. Большинство стел увенчивали фронтоны, часто с акротериями по углам. Иногда в центре фронтона изображались голова или бюст божества, например, Аполлона на декрете Антестерия, Афродиты на посвящении богине (рис. 15), Гелиоса на проксении родосцу Агасиклу²².

Любой античный город не мыслим без статуй, будь то Афины с их огромным количеством разнообразной скульптуры или небольшой провинциальный полис, к числу которых принадлежала Ольвия. Античные авторы уделили немало внимания описанию статуй. Особо выдающимся поэты посвящали стихи. Например, восхищаясь статуей Афродиты Праксителя, Платон написал:

*Нет, не Пракситель тебя, не резец изваял, а сама ты
Нам показалась такой, как ты была на суде*²³.

Асклепиад восхвалял скульптора Лисиппа, создавшего бюст Александра Македонского:

*Полный отважности взор Александра и весь его облик
Вылил из меди Лисипп. Слово живет эта медь!
Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:
«Землю беру я себе, ты же Олимпом владей»*²⁴.

По «Описанию Эллады» Павсания и «Естественной истории» Плиния можно представить огромное количество скульптур в разных городах Эллады. Подобные сведения об Ольвии извлекаются только из эпиграфических источников. Лишь Дион Хрисостом упомянул, что он не видел в Ольвии ни одной неповрежденной статуи. Кроме того, существование статуй во все периоды жизни Ольвии подтверждается находками фрагментов каменных статуй и пьедесталов.

Ольвийские статуи стояли в традиционных для греческого города местах: в храмах и возле них, на агоре, в гимнасий, а одна находилась у оборонительных стен²⁵. Они были исполнены из мрамора, бронзы, известняка и дерева. О существовании в Ольвии так называемых архаических деревянных ксоанов можно только догадываться; они стояли в храмах многих греческих городов, в том числе и в Северном Причерноморье, но нигде не сохранились. Страбон (VII, 4, 2) упоминает о таком изваянии в Херсонесском храме Девы, а Арриан (Peripl. 32) — в святилище Ахилла на острове Левка. Деревянные и бронзовые статуи имели вставные глаза из других материалов. В Ольвии найдено три таких глаза из мрамора и кости. В мраморном сохранилась вставка из цветной пасты, имитирую-

²² *Виноградов Ю. Г.* Политическая история... С. 192; *НО* № 24, 69.

²³ Имеется в виду суд Париса, выбиравшего самую прекрасную из трех богинь.

²⁴ Перевод Л. Блуменау в кн.: *Греческая эпиграмма*. М., 1960. С. 58, 78.

²⁵ *ИРЕ* I² № 32.

тая радужную оболочку²⁶. Известно также, что в глаза статуй вставляли драгоценные и полудрагоценные камни²⁷.

По фрагментам и углублениям для ног, в которых крепились мраморные и бронзовые статуи, можно определить, что ольвийские изваяния, подобно большинству греческих, были размером в человеческий рост или немного больше. Отсутствуют материалы, указывающие на существование в Ольвии грандиозных статуй, таких, как, например, Афина Партенос или Зевс Олимпийский Фидия высотой более 10 м. Подобные скульптуры могли устанавливаться лишь очень богатые полисы, к которым Ольвия не принадлежала.

Сохранившиеся мраморные и известняковые фрагменты от ольвийских статуй дают представление об их размерах и формах, но все они потеряли окраску, характерную для греческих каменных скульптур. Мрамор натирали воском и оливковым маслом, отчего он получал тон живой человеческой кожи; соответственными цветами выделяли губы, глаза, ресницы и волосы, а одежду не только тонировали, но и украшали разнообразными цветными узорами. Это требовало большого искусства, поэтому скульпторы стремились поручить раскраску своих произведений хорошим художникам. Например, Пракситель любил работать с известным живописцем Никием, о чем поведал Плиний (NH. XXXV, 133) после перечисления знаменитых картин этого мастера. Возможно, он раскрашивал статую, которую ольвиополиты заказали этому прославленному скульптору. К сожалению, сохранился лишь ее постамент с надписью «Пракситель афинянин сделал»²⁸.

Статуи ставили либо от имени всего полиса²⁹, либо на средства отдельных ольвиополитов или граждан других городов, посещавших Ольвию. Например, во второй половине V в. Западный теменос украшали статуи Аполлона Врача с посвящениями ольвиополита Ксанфа и жителя острова Кеос Аполлония³⁰.

Древнейшая бронзовая статуя Аполлона, вероятно, из его храма на Западном теменосе, известна по изображению на монете II в. н. э.³¹ Зна-

²⁶ *Левин Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.: Л., 1964. С. 140, 172.

²⁷ Статуя Афины в Парфеноне имела глаза из драгоценных камней. Чудом уцелели инкрустированные глаза у знаменитой бронзовой статуи дельфийского возничего, исполненной в начале V в. На фоне белого глазного яблока из стеклянной пасты коричневым камнем выделена радужная оболочка, а черным — зрачки. См.: *Соколов Г. И.* Дельфы. М., 1972. С. 129.

²⁸ IPE 1² № 271.

²⁹ IPE Γ № 31, 34; HO № 28, 29.

³⁰ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история... С. 111; *Русяева А. С.* Религия и культы... С. 35-36.

³¹ *Карышковский П. О.* Монетное дело в Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 31.

чит, эту статую особо почитали и хранили несколько столетий. Стоявший во весь рост Аполлон придерживал рукой находившийся у его ног лук со стрелой. По форме калафа на голове бога статуя датируется серединой VI в. и определяется как работа ионийского, скорее всего милетского скульптора. Ее привезли в Ольвию для почитания Аполлона в ипостаси Врача, который являлся верховным богом основателей Борисфена и Ольвии. Однако вскоре место главного божества занял Аполлон в ипостаси Дельфиния, и его культ отправлялся на Центральном теменосе³².

Судя по археологическим находкам, Ольвия в архаический период была украшена скульптурами богаче прочих городов Северного Причерноморья. Большинство статуй привозили из Милета. Как и во многих полисах Эллады, в это время здесь воздвигали изображения божеств в виде так называемых курсов — обнаженных длинноволосых юношей с развитой мускулатурой. Изваянные из мрамора, известняка или бронзы, тщательно обработанные со всех сторон, эти статуи имели условно стилизованные черты лица, их руки вытянуты вдоль тела, кисти сжаты в кулаки, одна нога всегда выставлена вперед.

Курсы чаще всего изображали Аполлона. В Ольвии найдено несколько фрагментов мраморных статуй курсов и часть мраморной плиты с выемкой в центре для крепления на свинце подножия статуи курса, исполненной в середине VI в.³³

Известняковый курс Аполлон Дельфиний — уникальная находка в Северном Причерноморье. Первоначально статуя изображала бога в полный рост, а когда она разбилась, верхнюю часть высотой в 55 см установили на специальной подставке в здании гимназия эллинистического времени, где ее и нашли в 1969 г. Статуя выполнена из местного известняка, следовательно, ее сделали в Ольвии. Не совсем умелый ольвийский мастер в конце VI в. скопировал фигуру с мраморного курса, привезенного из метрополии³⁴.

В V-IV вв. ольвиополиты заказывали статуи главным образом афинским скульпторам. Им хотелось видеть изображения своих богов, изваянные лучшими художниками того времени. Примерно в середине V в. в Ольвию появилась прекрасная мраморная статуя Зевса, исполненная скульптором школы Фидия³⁵. В IV в., как уже упоминалось, в Ольвию доставили статую работы знаменитого Праксителя. В то же время другой афинский скульптор Стратонид отлил бронзового Аполлона с чашей в од-

³² *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 29, 41-43.

³³ *Русяева А. С.* Скульптура // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 154-156.

³⁴ *Чубова А. П., Лесницкая М. М.* Ольвийский курс // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 210-217.

³⁵ От этой статуи сохранилась несколько поврежденная голова. См.: *Соколов И. Г.* Античное Причерноморье. М., 1973. № 19.

ной руке и лавровой ветвью в другой³⁶, а ваятель круга Скопаса создал статую Зевса³⁷. Исходя из надписи с посвящением Аполлону Врачу на пьедестале с именем Стратонида, изображение бога находилось на Западном теменосе, а скульптуры мастеров школы Фидия и Скопаса предназначались для Центрального теменоса, где помещался храм Зевса.

Наряду с богами ольвиополиты чтили героев, как общегреческих (Ахилл, Геракл), так и местных. От мраморной статуи Геракла сохранился лишь фрагмент дубинки, его постоянного атрибута, а относительно статуи местного героя Сосия известно только по упоминанию в декрете в честь Протогена³⁸.

Величайшая почесть, о которой мог мечтать гражданин, это статуя с изображением его самого либо его отца или сына, поставленная в самом священном месте города. В Ольвии таким местом была округа храма Аполлона Дельфиния на Центральном теменосе. Кроме того, подобные статуи украшали агору, гимнасий и Западный теменос.

Обычай воздвигать статуи гражданам за особые заслуги перед государством появился в Элладе в начале V в. Таковы, например, скульптура тираноубийц Гармония и Аристогитона на афинской агоре, поставленная в 490-е годы, а в IV в. там установили статуи выдающихся полководцев Конона, Каллия и др. (Lys. Leocr. 51).

В Ольвии, насколько теперь известно, стали чествовать статуями особо отличившихся граждан в IV в., а затем также граждан других государств, оказавших Ольвии большие заслуги. Ни одна из этих статуй не сохранилась даже фрагментарно. Наши сведения опираются либо на надписи на постаментах, либо на почетные декреты с решением установить статую. Таковы, например, надписи на базах статуй Каллиника и тираноборца, чье имя утрачено³⁹. На второй базе высечена плохо сохранившаяся стихотворная надпись, датирующаяся первой четвертью IV в., на первой — текст декрета 435-430 гг., тоже со значительными утратами. В нем перечисляются многочисленные заслуги Каллиника, за которые его уже прежде награждали статуей. Ольвиополиты выражали благодарность Каллинику за то, что он способствовал увеличению доходов государства, привел к гражданскому примирению враждовавших между собой граждан, настоял на кассации долгов, реорганизовал финансовую жизнь полиса. За это народное собрание постановило «восхвалить Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяния для народа» и наградить «тысячей зо-

³⁶ НО № 65. Реконструкция статуи предложена Е. И. Леви: Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86-95.

³⁷ От статуи сохранилась мраморная голова: *Соколов Г. И.* Указ. соч. № 20. Возможно, эта статуя стояла на постаменте с посвящением Зевсу Спасителю (НО № 71).

³⁸ IPE F, № 32; *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса... С. 172. Рис. 45.

³⁹ IPE I² № 25+31; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 141-145, 155-156.

лотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре» (рис. 16). Статуи чествуемых народом лиц нередко посвящались богам и героям. Так, статуя Каллиника была посвящена Зевсу Спасителю, а воздвигнутая в III в. статуя Пантакла — Гераклу⁴⁰.

В исключительных случаях государство награждало чествуемое лицо конной статуей. В III в. этой почести удостоился Еврисивий, сын Деметрия, а во II в. Никерат, сын Папия, погибший, защищая соотечественников⁴¹. Из декрета в честь Никерата известно, что его удостоили статуей не только в Ольвии, но и в Херсонесе в благодарность за успешное исполнение роли третейского судьи, разрешившего распрю между херсонеситами. В свою очередь, граждане Херсонеса оказывали Ольвии большие услуги, за которые ольвиополиты награждали их статуями на почетном месте у храма Аполлона Дельфиния⁴².

Не только государство, но и отдельные состоятельные граждане устанавливали в Ольвии статуи своих родственников. Обычно такие скульптуры посвящались богам, главным образом Аполлону и Зевсу, чтимым на Центральном теменосе. Сохранились постаменты IV в. с надписями Леократа и Гикесия, посвятивших статуи своих отцов Зевсу Освободителю⁴³. В III в. статуя Дионисия, жреца Аполлона, была поставлена на теменосе его братьями, а гимнасиарх Никодром воздвиг в гимнасии статую своего сына, вероятно, хорошего атлета⁴⁴. Во II в. Евник посвятил Аполлону Дельфинию статую своего деда Протогена, о разнообразных деяниях которого на благо родины известно из декрета в его честь, а Гикесий посвятил всем богам статую своего сына Филта⁴⁵.

Конечно, сохранившиеся сведения об ольвийских статуях далеко не полны. В Ольвии безусловно были скульптуры не только Аполлона и Зевса, но и других богов. Статуи каких-то сидящих божеств находились в III в. у святилища Афродиты⁴⁶. Статуя Диониса присутствовала в театре во время празднования Дионисий, о которых упоминается в надписях, в частности в цитированном выше декрете в честь Каллиника. Безусловно, ольвиополиты при жизни почтили статуей Протогена и других своих соотечественников и иностранцев, о которых не уцелело никаких свидетельств. Но даже сохранившиеся известия о статуях в Ольвии показывают, что их здесь было немало, и они постоянно обновлялись.

⁴⁰ IPE I² № 188.

⁴¹ IPE I² № 34, 187; *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 246-247.

⁴² Из декрета в честь сыновей херсонесита Аполлония известно о статуях отца и его сыновей у храма Аполлона Дельфиния (НО № 28, 29, 123; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 216).

⁴³ IPE I² № 160; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 135, 147-148).

⁴⁴ IPE 2 № 186, 189.

⁴⁵ *Руслева А. С., Кравівіна В. В.* До історії Ольвії IV—I ст. до н. е. // Археологія. 1992. № 4. С. 27-29.

⁴⁶ НО № 69.

Итак, по археологическим источникам удастся более или менее представить античную Ольвию догетского времени: ее оборонительные стены и башни, не раз испытывавшие натиск врагов, скромные за небольшим исключением жилые дома в один-два этажа, узкие однообразные улицы и нарядный по сравнению с ними центр с традиционной агорой и двумя теменосами, где, по общеэллиническому обычаю, ежедневно бывал каждый гражданин...

Гражданская община города заботилась о постройках общественных зданий, храмов и алтарей, об украшении города скульптурами. Для этого нанимали опытных архитекторов и скульпторов из разных городов Эллады. Сначала это были ионийцы, преимущественно милетяне, в V-IV вв. их место заняли афиняне, а в эллинистический период появились произведения мастеров с острова Родос, из Александрии, а затем из Пергама⁴⁷.

Ольвия предстает перед нами сравнительно небольшим провинциальным эллинским городом со всеми традиционными зданиями, естественно, более скромными, чем в крупных полисах Эллады.



⁴⁷ О них можно узнать лишь по фрагментам небольших скульптур: *Фармаковский Б. В.* Мраморная головка Диониса из Ольвии // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. 1. С. 198.



3. ЖИЛЫЕ ДОМА

На своей новой родине в Северном Причерноморье греки сначала жили в землянках и полуземлянках, а затем стали строить дома, такие же, как в Греции. Они отличались лишь тем, что часто имели жилые подвальные комнаты, где зимой лучше, чем в наземных помещениях, сохранялось тепло¹.

В первой половине V в. многие ольвиополиты жили в типично греческих домах, сложенных из сырцового кирпича и камня. Однако в предместье близ западной оборонительной стены землянки и полуземлянки продолжали строить еще в течение примерно ста лет. Сначала они заполняли все предместье, а с середины V в. в них обитали лишь бедняки.

Эти небольшие однокамерные постройки размером от 6 до 14 кв. м чаще всего бывали прямоугольными, реже круглыми и овальными. Заглубленные в землю на 0,6-1,8 м, они имели либо ступенчатые врезанные в материк входы, либо в них спускались по приставной деревянной лестнице (рис. 17). Полы делали глинобитными, стены белили известью. Их нижняя часть врезалась в землю, а верхняя строилась из дерева, плетня, обмазанного глиной, сырцового кирпича или камня. Дом покрывали крышей из тростника и соломы: у круглых построек она имела коническую форму, а у прямоугольных — двускатную, реже односкатную. Крыша опиралась не только на стены, но и на опорные деревянные столбы. Столбы обычно врывали в землю или устанавливали на камень в центре помещения, реже ставили несколько опорных столбов.

Семьи в землянках жили в большой тесноте, поэтому рядом с жилыми нередко строились хозяйственные землянки. В них хранили всевозможные запасы, делали печи для просушки зерна, а в предместье в холодное время держали скот. По-видимому, круглые землянки служили преимущественно для хозяйственных надобностей.

Внутренность землянок освещалась днем через открытую дверь, а вечером светильниками, заправленными растительным маслом. Землянки

¹ Архитектура ольвийских жилищ описана по книгам: *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев, 1971; *Он же.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985; *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

обогревались либо открытым, врытым в землю, очагом, либо переносными жаровнями. Их использовали также для приготовления пищи.

Из-за тесноты в землянках почти отсутствовала мебель. Не для всех членов семьи хватало места для ложа, на котором греки спали и возлежали во время еды. В первые десятилетия существования колонии большинство жителей спало на положенных на пол матрацах, набитых сухой травой. Их застилали домотканными покрывалами и шкурами.

В классический и эллинистический периоды дома ольвиополитов строились по типичной греческой схеме: все помещения располагались по двум, трем или четырем сторонам внутреннего прямоугольного двора (рис. 18). В богатых домах его окружал портик с каменными колоннами (рис. 19), в более скромных портик строился не со всех сторон, и колонны были деревянными, а во многих домах портики вообще отсутствовали. Размеры внутренних ольвийских дворов колебались от 14 до 70 кв. м, а в наиболее роскошных зданиях достигали более 100 кв. м; они составляли 11-27 % общей площади дома. Небольшие дома занимали вместе с двором 100-200 кв. м, а богатые — 200-400 кв. м, иногда — более 500 кв. м. Соответственно в небольших домах комнат было меньше, чем в крупных, где иногда их строили даже в два ряда.

Окна и двери комнат выходили во внутренний дворик, так что на улице смотрели глухие фасады и заборы с одной лишь входной дверью. Дома тесно примыкали друг к другу, образуя кварталы из двух, трех, четырех, редко из большего количества домов.

Стены домов обычно выкладывались из сырцового кирпича на каменном цоколе из местного известняка или песчаника, изредка полностью из камня. Дома из сырцового кирпича строились в Ольвии чаще, чем в Херсонесе и на Боспоре, где камень добывали поблизости от города. В окрестностях Ольвии выходы известняка маломощны, поэтому камень доставляли из района современного Николаева.

Небогатые дома имели саманные крыши, остальные — черепичные. Последние широко распространились с IV в., когда в Ольвии наладилось местное производство черепицы. На фоне основной массы домов, крытых обычной красной черепицей, выделялись крыши храмов и общественных зданий из привозной блестящей краснолаковой и чернолаковой черепицы.

Комнаты ольвийских домов группировались в северной части двора, так что окна и двери выходили на юг. При малом количестве окон и даже иногда их полном отсутствии в греческом доме дверные проемы играли роль источника света. Напомним, что оконное стекло в Ольвии, как и в остальном античном мире, появилось лишь в римское время. Окна были небольшими прямоугольными отверстиями, имевшими, как и двери, деревянные створки.

Южная ориентация дверей и окон помогала поддерживать тепло в доме. Планировка ольвийских жилищ отразила многовековую практику греков и римлян, всегда учитывавших особенности климата и местности, в которой велось строительство (Хен. Мем. 111, 8-10; Vitruv. VI, 6). Те

же климатические условия породили уже отмеченную выше особенность ольвийских домов, имевших подвальные жилые комнаты. В Греции с ее более теплым климатом аналогичных сооружений не было.

Подвальные и полуподвальные помещения (рис. 20, 21), в число которых входили не только жилые, но и хозяйственные, соединялись с наземными деревянными или каменными лестницами; последние в ряде случаев хорошо сохранились. Например, в полную высоту открыта лестница из 13 ступеней в одном из домов Верхнего города (рис. 22). В V в. стены подвалов делали из сырцового кирпича на каменном цоколе, а в эллинистический период в богатых домах подвальные комнаты ограждались прекрасно выполненной каменной кладкой.

В V-IV вв. жилая застройка Ольвии выглядела довольно однородно, дома богатых и именитых граждан внешне ничем особенным не выделялись. Это было характерно и для других городов Элады. Например, в Афинах дома Мильтиада, Аристиды и других знаменитых людей того времени не отличались от соседних (Dem. Ol. III, 27). Положение изменилось в III в., когда в Ольвии несколько позже, чем в Греции, появились большие частные дома, резко контрастирующие с рядовыми, более скромными, и маленькими, совсем бедными. Богатые дома выросли в центре Верхнего и Нижнего города. Их фасады отличались хорошо пригнанными камнями, отделанными рустом, внутренний дворик окружала красивая колоннада (рис. 19).

Власти греческих городов смотрели за тем, чтобы уличные двери открывались внутрь дома, иначе они загораживали и без того узкие улицы и переулки. Эти деревянные двери обычно имели две створки, о чем свидетельствуют найденные в Ольвии каменные пороги с пазами для вертикально прикрепленных к створкам задвижек. В качестве дверных ручек навешивались металлические кольца.

За дверями узкий проход вел в центральную часть дома — внутренний дворик. Сюда выходили окна и двери всех помещений дома, для них двор был основным источником света. В зависимости от достатка владельца дворы вымачивали каменными плитами, битой керамикой или щебенкой. Когда позволяла погода, в двориках проходила основная жизнь семьи: готовили еду, отдыхали, занимались различными хозяйственными делами.

В домах Нижнего города во дворе нередко располагался колодец с питьевой водой. В Верхнем городе, где отсутствовали источники, для хранения воды служили специальные цистерны, находившиеся не во дворе, а в подвалах или закрытых помещениях. Остановимся в связи с этим на вопросе снабжения питьевой водой ольвийской семьи.

Обеспечение семьи водой входило в круг ежедневных обязанностей гречанок. Они ходили за водой с гидриями, большими кувшинами с узким горлом, двумя ручками по бокам и одной у венчика. Такие сосуды часто находят при раскопках Ольвии. Изображения гидрий на различных предметах античного искусства свидетельствует, что их носили на небольшой

³ Зак. 3362

подставке на голове, причем пустой сосуд клали на бок, а полный ставили вертикально. Это требовало определенной сноровки, и, вероятно, мужчины не умели установить гидрию на голове, ибо на фризе Парфенона они несут их на плечах.

Снабжение семьи водой в Ольвии различалось в зависимости от того, в какой части города стоял дом. Вода в Гипанисе, как и сейчас, была засоленна и непригодна для питья, о чем известно из рассказа Геродота (IV, 52). В Нижнем городе обнаружено несколько родников с хорошей питьевой водой. На месте их выхода для удобства пользования сооружали специальные каменные сливы. Но большинство источников каптировали для направления воды в колодцы по каменным водоводам. У некоторых домов колодцы находились в собственном дворе, жители других домов пользовались общественными колодцами. Их шахты, круглые или прямоугольные в плане, выкладывали из камня и горловину закрывали крышкой. Таким образом, жительницы Нижнего города брали воду прямо в своем доме либо ходили за ней к ближайшим колодцам, которые располагались на одной улице через каждый квартал².

Гораздо сложнее было обеспечение водой в Верхнем городе, где водоносный слой лежал на глубине более 30 м. Здесь археологи нашли всего один колодец. Это очень глубокое и сложное гидротехническое сооружение обеспечивало водой гимнасий³. В некоторых домах Верхнего города сооружались цистерны, вырытые в земле и облицованные известняковым раствором. Воду в них либо собирали во время дождя по специальным желобам с крыш, либо доставляли из Нижнего города. Очевидно, в большинстве домов воду хранили в амфорах. У нас нет ясного представления о том, как жители Верхнего города обеспечивали себя водой. Ведь цистерны найдены далеко не во всех жилых домах. Предположение А. Н. Карасева о сооружении для нужд жителей водохранилища, наполнявшегося за счет атмосферных осадков, встретило серьезные возражения ученых. При небольшой глубине такого водохранилища и отсутствии течения вода летом должна была цвести и становиться непригодной для питья, а само сооружение не имеет обоснованных археологически подтверждений⁴. Значит, скорее всего, воду возили или носили из источников Нижнего города.

Во всех частях Ольвии имелась развитая система канализации. Из дворов по водостокам, пролежавшим под вымостками улиц, дождевые и, возможно, частично сточные воды из некоторых домов отводились в общие коллекторы⁵.

² *Лапин В. В.* Эллинистические колодцы прибрежной части Ольвии // КСИА АН УССР. 1960. №10. С. 100-102; *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 142.

³ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 127-130.

⁴ *Кудренко А. И.* О водоснабжении Ольвии в IV—II вв. до н. э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 188; *Крыжицкий С. Д.* Ольвия... С. 56.

⁵ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 140-141.

Переходя к характеристике комнат, следует напомнить сообщения древних авторов о делении греческого дома на мужскую и женскую половины. Последняя называлась гинекеем. В двухэтажных домах второй этаж обычно отводился женщинам. В мужской половине дома самым парадным помещением был андрон, комната для приема гостей. Однако андрон строили только в домах состоятельных людей. В Ольвии большие андроны обнаружены в трех эллинистических домах, один — в Верхнем городе, два других — в Нижнем. Среди прочих комнат они выделялись своей высотой: 3,8-4,2 м. Средняя высота остальных комнат в ольвийских домах: 2,5-2,7 м.⁶

Наиболее отдаленные от света комнаты служили спальнями, в них хранились деньги и самые ценные вещи (Lys. XII, 6). К сожалению, археологические материалы редко позволяют определить назначение каждого помещения дома; сейчас трудно выяснить, в каких комнатах женщины ткали и занимались рукоделием, в каких жили хозяева, их дети и прислуга, в каких готовили и ели. Казалось бы, легче всего определить местоположение кухни, но редкие в Ольвии остатки стационарных очагов найдены в помещениях явно не кухонного назначения⁷. Из-за погодных условий еду варили и жарили во дворе на открытом очаге лишь в сухую погоду, зимой и во время дождей пищу приготавливали в кухне, вероятно, на переносных жаровнях. Те же жаровни служили для отопления комнат (рис. 96). В них закладывался древесный уголь, остатки которого нередко встречаются в слоях ольвийского городища. В печах и открытых очагах использовали более дешевое и легко доступное топливо⁸, главным образом камыш и солому, а также хворост, сучья и поленья⁹.

Иногда по археологическим остаткам удается определить местонахождение хозяйственных помещений. В одном, например, была врыта верхняя часть разбитого пифоса с дном, заложены обломками черепицы. Остатки рыбных костей на дне пифоса показывают, что там хранили соленую рыбу⁹.

Полотки комнат, по-видимому, были белыми, но об этом не сохранилось никаких археологических свидетельств. Полы в большинстве домов делались глинобитными. В комнатах второго этажа или над подвалами их застилали деревом. Иногда деревянный настил делали в жилых подвальных помещениях¹⁰. В зависимости от достатка владельца на пол клали ковры, шкуры или плетеные из камыша и тростника циновки. Некоторое представление об ольвийских циновках дает сохранившийся на земле отпечаток плетеной циновки в одном эллинистическом склепе. Ее толщина была 0,6-0,8 см, а величина клеток плетения — 2-3 см. 11

⁶ *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли... С. 58.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 270.

⁹ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ ОАК 1913-1915. С. 43.

В богатых домах полы андронов украшали мозаикой. В Греции полы, набранные из морской гальки, известны с V в., а во II в. появилась мозаика из искусственной массы, смальты¹². В Ольвии найдены фрагменты трех мозаичных галечных полов III в., все в центральной части андрона. Вдоль его стен шли неорнаментированные панели шириной 0,9 м, а середину комнаты занимало пространство, выложенное цветной галькой на известковом растворе. В одном доме галька не составляла никакого определенного рисунка, а в двух других из нее были выложены сложные композиции (рис. 23).

В «доме с алтарем» ковровый геометрический рисунок занимал центральную часть комнаты и доходил до западной стены откуда входили в андрон; с трех других сторон мозаику обрамляли оштукатуренные панели ярко-малинового цвета. На их фоне особенно хорошо выделялась композиция из речной гальки белого, синего и темно-серого цветов. Пояса плетенки и меандра окружали сетку ромбов с крестиками посередине (рис. 23). Мозаичная часть отделялась от окружающих ее панелей канавками, в которые стекала вода при мытье пола¹³. Известно, что пол мыли после окончания трапезы — перед началом питья вина. Речная галька в мокром виде ярче блестит, и тогда выложенный из нее рисунок выглядит наряднее. Возможно, для этого пол неоднократно поливали водой во время приема гостей.

Мозаичная вымостка в андроне дома у Зевсова кургана образовывала сложный рисунок из синей, белой и светло-желтой гальки: заключенный в четырехугольную рамку круг заполняла утраченная ныне сложная композиция, как можно заключить по сходным по схеме рисунка мозаикам Олинфа. Сохранились окружавшие центральную композицию четыре пальметты и два пояса орнамента, внешний в виде волны и внутренний с изображением пантер, львов, кабанов и грифонов. В этом андроне вокруг мозаики размещалось на панелях 8 лож. В классический период место, где ставилось ложе, выделялось особым возвышением; затем разница в высоте между полом и местом для ложа уменьшилась, а в ряде случаев и вовсе исчезла, проходы же между ложами стали выделяться декоративным способом. По-видимому, так было в упомянутом андроне, где сохранилась одна галечная дорожка из мелких темных камешков, обрамленных по краю полоской светлых камешков¹⁴. О том, каковы были ложа, стоявшие в подобных богатых домах, можно судить по изображению ложа на стеле ситонов, исполненной ольвийским мастером, современником домов с мозаиками (рис. 24).

Ольвийские андроны с мозаичными полами имеют аналогии в домах Делоса, Афин и Олинфа¹⁵. Их нарядное убранство было исполнено при-

глашенными из Греции мастерами. В городах Северного Причерноморья, кроме Ольвии, сюжетная композиция из гальки найдена лишь в Херсонесе. Выполненная также в период раннего эллинизма, она украшала не андрон, а, вероятно, банное помещение. На ней изображены две обнаженные женщины, моющиеся у лутерия¹⁶. Незначительные остатки галечной вымостки пола обнаружены в Фанагории, Пантикапее, на усадьбе в округе Калос Лимена и в Керкинитиде¹⁷.

Стены хозяйственных помещений и многих жилых комнат в ольвийских домах обмазывали глиной и белили. В некоторых подвальных жилых помещениях стены из прекрасно подогнанных и хорошо обработанных плит известняка и песчаника оставались, очевидно, без дополнительного покрытия. В таких каменных стенах встречаются специально выложенные ниши различных форм и размеров, расположенные на разной высоте. Может быть, небольшие ниши использовались для светильников, а в более крупных, вероятно, устанавливали изображения божеств. Ведь на развалинах домов археологи нередко находят фрагменты терракотовых и мраморных статуэток различных греческих богов.

В парадных комнатах не только богатых, но и рядовых домов стены покрывали известковой штукатуркой. Ее многочисленные обломки, найденные при раскопках, окрашены чаще всего в красный цвет. Штукатуренные стены появились в ольвийских домах в классический период и получили широкое распространение в эллинистический. В богатых домах штукатурку украшали росписи красного, желтого, синего и черного цвета. Например, стены соседней с андроном комнаты в доме у Зевсова кургана были тонированы под мрамор с прожилками и отделаны рельефной штукатуркой с изображением лесбийского киматия на красном фоне¹⁸. Полностью поддается восстановлению роспись стен одной комнаты в доме III — первой половины II в., располагавшемся в Террасном городе. Нижняя часть стен около 40 см была окрашена темно-серым цветом, верхняя до потолка — ярко-красным. Эти части разделены узким белым поясом высотой в 15 см с темным орнаментом в виде кружков и треугольников¹⁹.

Археологические находки свидетельствуют, что в античных городах Северного Причерноморья употреблялись те же виды мебели, что и в других греческих полисах: кресла, стулья, табуреты, сундуки, ложа, скамейки для ног и столы²⁰. Об ольвийской мебели можно составить представле-

¹⁶ Белов Г. Д. Указ. соч. С. 279-290.

¹⁷ Там же. С. 291; Щеглов А. Н. Исследования сельской округи Калос Лимена // СА. 1967. № 3. С. 251-252; Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959-1964 гг. // Сообщения ГМИИ. 1968. № 4. С. 46-47; Кутайсов В. А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. 1985. № 3. С. 183-186.

¹⁸ Леви Е. И. Указ. соч. С. 43.

¹⁹ Назарчук В. И. Комплекс росписного тиньку з Ольвії // Археологія. 1997. № 4. С. 144-148.

²⁰ Сокольский Н. И. Указ. соч. С. 96.

¹² Белов Г. Д. Эллинистическая мозаика // МИА. № 34. 1953. С. 289-291.

¹³ Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли... С. 85.

¹⁴ Там же. С. 55-57.

¹⁵ Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли... С. 109.

ние по украшавшим ее фрагментам костяных накладок и по некоторым произведениям местного искусства. Несколько костяных накладок в виде голов лебедей свидетельствуют о наличии в интерьере богатых ольвийских домов дорогих кресел и стульев. Именно такой тип украшений этих предметов мебели широко распространился в Греции в VI-V вв. Тонкие пластинки выполнены в невысоком рельефе на лицевой стороне; обратная сторона — плоская, иногда с перекрещенными линиями, нанесенными острием для лучшего приклеивания основы²¹. Эти накладки, по большей части изготовленные из слоновой кости, относятся к импортной мебели.

Сидение стульев и табуретов состояло из деревянной рамы с натянутыми кожаными ремнями или веревками из растительных волокон; на них часто клали подушку. Судя по многочисленным изображениям, на стульях обычно сидели женщины (рис. 25); мужчинам же было более привычно возлежать на ложе во время еды и отдыха (рис. 26). Чаще, чем кресла и стулья, для сидения использовались табуретки и сундуки. В последних хранили одежду, ткани, рукописи и другие предметы, поэтому сундуки исполняли роль современных шкафов. Табуретки бывали двух типов: квадратные с прямыми ножками и складные дифросы с изогнутыми ножками²². Складной табурет-дифрос мы видим на росписях аттических ваз, найденных в Ольвии²³. (рис. 42)

Ложа выполняли функции современных кроватей, а днем служили местом для еды и отдыха. Ложе состояло из деревянной, иногда бронзовой, рамы, стоящей на четырех ножках, на нее натягивали ремни или веревки, поверх них клали матрац, а под руку возлежащего — подушку, часто не одну, как это видно на ольвийской стеле ситонов (рис. 24). Изображение на этой стеле дает также представление о том, какой сложной резьбой в эллинистический период могли украшать ножки ложа. У них, как и у других видов мебели, нередко имелись металлические окончания в виде лап животных. Таковы четыре бронзовые ножки в виде копыт из ольвийского погребения конца VI в.²⁴

Две находки свидетельствуют о наличии дорогих лож в домах ольвиополитов эллинистического периода: это остатки деревянного ложа с бронзовым изголовьем²⁵ и костяные накладки на горизонтальную планку ложа

²¹ Там же. Табл. 3, 2-6; 4, 1.

²² Richter G. Ancient Furniture. A History of Greek, Etruscan and Roman Furniture. Oxford, 1926. P. 30-44; Robsjohn-Gibbms T. H., Pullin C. W. Furniture of Classical Greece. New-York, 1963. P. 44.

²³ Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 65, 125.

²⁴ Раньше их ошибочно считали ножками шкатулки. Н. И. Сокольский (указ. соч. С. 88) на основании убедительных аналогий утверждает, что это ножки от мебели, скорее всего от ложа. Однако их небольшая величина, по нашему мнению, может свидетельствовать, что они оканчивали ножки столика или табурета.

²⁵ Орешников А. В. Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Парутине в 1891 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологи-

и на его ножки. Накладки украшены меандром, волютами и лепестками пальметт²⁶.

Кресла, стулья и ложа имели высокие ножки, так что, сидя на них, человек не доставал ногами земли, а опирался на невысокую скамеечку; она же служила подставкой, с которой всходили на ложе. Такие скамеечки неоднократно изображались на ольвийских терракотах классического и эллинистического периодов у ног сидящих в креслах богинь Деметры и Кибелы²⁷.

Чаще всего в быту употреблялись простые четырехугольные подставки, но были и изысканные с резным орнаментом на боковых стенках. Такая парадная скамеечка с волютообразным резным рельефом изображена на стеле ситонов (рис. 24). Здесь сразу видно оба ее назначения: опора для ног сидящей на ложе женщины и подставка для того, кто всходил на ложе. Другой вид скамеечки с точеными ножками представлен на ольвийской терракоте III в., представляющей сидящую богиню Кибелу. Простую скамеечку мы видим на ольвийском мраморном рельефе того же времени с изображением Кибелы²⁸ (рис. 27).

Столы в домах эллинов использовали исключительно во время еды, причем крупных столов на несколько персон не делали. Античные авторы неоднократно писали, что во время пиров у каждого ложа ставился небольшой столик с едой; после еды его либо уносили, либо задвигали под ложе (Xen. Anab. VII, 3, 21; Symp. II, 1; Menandr. Sest. 2). Такие столики часто изображались на боспорских и херсонесских надгробных рельефах²⁹.

В VI-V вв. четырехугольные столешницы опирались на четыре, но чаще на три ножки. У стола с тремя ножками две были на более широкой стороне, ставившейся к изголовью ложа, а третья ножка помещалась в середине более узкой части. В IV в. появляются круглые столы на трех ножках в форме лап животных и постепенно вытесняют четырехугольные³⁰. Именно такой круглый столик с изогнутыми ножками в виде львиных лап изображен перед изголовьем ложа на стеле ситонов (рис. 24). На столике стоят сосуды с едой. Возлежащий на ложе держит в руке ритон,

ческого общества. Т. 15. Вып. 2. М., 1894. С. 1-13. Орешников ошибочно датировал погребение с этим ложем римским периодом. На самом деле, оно относится к концу II в. до н. э.: Скржинская М. В. Из истории античных ювелирных украшений // СА. 1994. № 1. С. 21-22.

²⁶ Сокольский Н. И. Указ. соч. С. 93. Рис. 26.

²⁷ Русяева А. С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 37, 105.

²⁸ Там же. С. 105. Рис. 51.

²⁹ Марти Ю. Ю. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. 1941. Т. 7. С. 31-44; Иванова А. П. Сцена «загробной трапезы» на херсонесских надгробных рельефах // Археология. 1970. № 23. С. 74-90.

³⁰ Richter G. Op. cit. P. 79-87.

который, после того, как будет выпито вино, он поставит на столик. Небольшая величина и высота столика показывает, что он легко переносился и мог быть убран под ложе.

Греки часто драпировали свою мебель цветными покрывалами, а для мягкости клали на нее матрацы и подушки. Их существование в Ольвии иллюстрируется рядом изображений. На ложе, представленном на стеле ситонов, лежат матрац и две подушки (рис. 24). Кресло Кибелы на терракотах и рельефах часто драпируется покрывалом.

Матрацы и подушки, в зависимости от достатка владельца, набивали шерстью, перьями, сухими листьями, сеном и соломой. Материал для них ткали из шерсти и льна. Их часто украшали цветными полосами, так как на вазах VI-V вв. эти ткани обычно рисуют полосатыми. Наряду с тканями на ложа часто клали овчины и звериные шкуры (Plat. Protag. 315; Aristoph. Aves. 120; Nub. 8).

В интерьере греческого дома ткани использовали не только для мебели, их также вешали на стены и в проемы дверей³¹. По произведениям античного искусства можно заключить, что эллины развешивали по стенам разнообразные предметы обихода (всевозможные сосуды, ручные зеркала, полотенца, повязки, сандалии), а также музыкальные инструменты и вооружение³². Таким образом, на стенах находилось то, что теперь обычно хранят в шкафах, которых в античности не было. Поэтому, воссоздавая интерьер даже скромного жилища ольвиополитов, надо представить комнаты, расцвеченные тканями и висевшими на стенах различными предметами. Среди них были также терракотовые протомы и статуэтки со специальными отверстиями для подвешивания. Подобные отверстия имеются также на тарелках и блюдах, но для многих сосудов они не требовались, поскольку их вешали за ручку³³.

В заключение следует сказать несколько слов об освещении комнат. Как уже говорилось, источником дневного света служили двери, выходившие во двор, и немногочисленные небольшие окна. Каковы они были в Ольвии, можно судить в основном по греческим аналогиям, поскольку наземные части стен сохранились лишь на небольшую высоту. Известны только окна, иногда встречающиеся в подвальных помещениях. В одном доме Верхнего города верхней части южной стены жилого подвала обнаружено окно размером 60х65 см; оно выходило на лестничную клетку, соединявшую наземную часть дома с подземной³⁴. Все сказанное показывает, что не только подземные, но и наземные комнаты не могли быть особенно светлыми.

³¹ Ibid. P. 33.

³² *Robsjohn-Gibbins T. H., Pullin G. W.* Op. cit. P. 37.

³³ В Ольвии найдены терракоты с отверстиями для подвешивания (См. САИ. 1970. С. 42, № 3; с. 45, № 30, 31, 33; с. 46, № 36; с. 48, № 61, 62), а также посуда с просверленными отверстиями для шнура (*Козуб Ю. И.* Раскопки в предместье и некрополе Ольвии // АО. 1979. М., 1980. С. 284).

³⁴ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 39.

В темное время суток комнаты освещались светильниками (рис. 28). Их часто находят при раскопках Ольвии. Первоначально они были исключительно привозными, а в эпоху эллинизма наладилось местное их производство³⁵. Греческие светильники изготовлялись главным образом из глины, реже из бронзы, иногда даже из золота и серебра. Ольвийские светильники почти все керамические; найдено и несколько бронзовых. Различаются два типа светильников: открытые и закрытые. У первых открыт резервуар, куда наливали масло, у вторых он закрыт, и масло вливали через рожок, в который вставлялся фитиль из сердцевины тростника или растительных волокон. Чаще всего встречаются светильники с одним рожком, реже с двумя и совсем редко с тремя и более рожками. Свет от них был слабым и давал много копоти, которую, как правило, видно на рожке светильника; эта копоть, конечно, сильно загрязняла стены помещений.

В заключение отметим, что в греческих полисах только полноправные граждане могли владеть землей и домами³⁶. Это считалось столь важной отличительной чертой гражданина, что даже самые бедные из них жили в собственных домах: например, афинский бедняк-инвалид, существовавший на небольшое государственное пособие (Lys. 24, 14) или едва сводившие концы с концами герои комедий Аристофана (Eccles. 310, 673-675; Plut. 230, 259-260). Метеки, вольноотпущенники и приезжие селились в наемных домах.

Среди раскопанных остатков ольвийских домов есть очень скромные жилища. Например, один дом с двором на участке И занимал всего 85 кв. м. Два маленьких жилых помещения и одно хозяйственное выходили в узкий, мощный плитам дворик. Сырцовые стены дома стояли на очень низком каменном цоколе. Отсутствие обломков черепицы указывает на то, что крыша таких домов была соломенной или камышовой, вероятно, покрытой слоем глины³⁷.

Обладатели домов в Ольвии использовали их главным образом для собственного жилья. Однако уже с V в. известно, что комнаты в Ольвии отдавали внаем. Об этом повествуется в письме Артикона своим домашним, которых грозят выгнать, вероятно, за просрочку уплаты, из дома Миллиона. Артикон советует им переселиться в комнату к Аттаку, а если он не позволит, то в дом к Агатарху. В качестве квартирной платы автор письма предлагает расплату шерстью³⁸.

³⁵ *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И» // Ольвия. Киев, 1940. С. 145.

³⁶ *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. До н. э. Л., 1975. С. 20.

³⁷ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 45.

³⁸ *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 78; *Яйленко В. П.* Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 114.

Таким образом, мы знаем, что ольвийское население жило как в собственных, так и в наемных домах. Причем собственными жилищами владело большинство граждан Ольвии. Некоторые из них сдавали часть своих владений. Комнаты нанимали приезжие, ремесленники для мастерских и лавок, представители свободного, но неравноправного населения города. Доход от сдачи дома считался вполне достойным гражданина.

Итак, с V в. ольвиополиты жили в таких же домах, какие строились в других греческих городах. Ольвийские дома отличались лишь наличием жилых подвальных помещений, которые возникли в результате приспособления жилья к более суровому, чем в Элладе, климату Северного Причерноморья. Все существующие сведения об интерьере ольвийских домов указывают на его типично греческий характер. Для строительства и отделки наиболее богатых домов приглашали искусных мастеров из других городов, но большинство построек исполнялось местными силами.



4. КАЛЕНДАРЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В повседневной жизни греков календарь всегда играл важную роль. По нему определяли праздничные и будничные дни, рассчитывали всевозможные сроки (например, долги, займы, аренды), отмечали семейные даты рождений, свадеб, смертей, определяли время начала и окончания различных работ, поездок, школьных занятий и др.

Все греческие полисы пользовались лунным календарем и делили год на 12 месяцев. Месяц длился 29 или 30 дней и всегда начинался с новолуния. Поэтому при сопоставлении греческих месяцев с современными получается, что они начинались во второй половине одного нашего месяца и заканчивались в следующем. Год составлял 354 дня и значительно отставал от солнечного, поэтому раз в несколько лет один из месяцев повторялся дважды.

Календари различных полисов значительно отличались друг от друга. Разными были названия месяцев, а также тот месяц, с которого отсчитывали начало года, и система коррекции лунного и солнечного года. Начало года определялось в зависимости от четырех положений солнца: весеннего и осеннего равноденствия и зимнего и летнего солнцестояния, поэтому греческий год при переводе на современную хронологию охватывает части двух лет. Например, в Афинах первым месяцем считался Гекатомбеон, наступавший в новолуние после летнего солнцестояния; этот месяц соответствовал второй половине июля — первой половине августа. В Милете год начинался после весеннего равноденствия, в Беотии — после зимнего, а в Спарте — после осеннего солнцестояния¹. Наиболее определенные сведения о всей системе календаря в Северном Причерноморье относятся к Ольвии.

Долгое время по лапидарным надписям были известны названия десяти ольвийских месяцев², но отсутствовала возможность установить, каким современным они соответствуют. Знания об ольвийском календаре выстроились в стройную систему после находки в 1975 г. надписи, в кото-

¹ Биккерман Н. Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 16-17; Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 99-106.

² IPE I № 33, 35, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 49; HO № 42, 47, 75.

рой по порядку перечислены все 12 месяцев. В середине V в. некий ольвиополит Андокид посвятил Аполлону чернолаковый скифос и на его доннышке процарапал острым предметом надпись (граффито). Написав названия всех месяцев, Андокид, вероятно, выразил таким способом свое пожелание, чтобы Аполлон покровительствовал ему каждый месяц года (рис. 29). Благодаря этому граффито выяснено, год в Ольвии начинался с Тавреона после весеннего равноденствия в первое новолуние. Этот же месяц повторялся время от времени для коррекции лунного года с солнечным и, возможно, по аналогии с другими полисами назывался вторым Тавреоном. Поэтому через каждые 3-4 года год состоял не из 12, а из 13 месяцев.

В сопоставлении с современным ольвийский календарь выглядел следующим образом:

1. Тавреон — март-апрель,
2. Таргелион — апрель-май,
3. Каламайон — май-июнь,
4. Панемос — июнь-июль,
5. Метагейтнион — июль-август,
6. Боэдромион — август-сентябрь,
7. Кианепсион — сентябрь-октябрь,
8. Апатурион — октябрь-ноябрь,
9. Посейдион — ноябрь-декабрь,
10. Ленеон — декабрь-январь,
11. Антестерион — январь-февраль,
12. Артемисион — февраль-март³.

Этот календарь почти полностью повторяет милетский. Со времени основания Ольвии он сохранялся неизменным в течение многих столетий, поскольку в надписях римского времени встречаются те же названия месяцев, что и на граффито V в. Такая верность календарной традиции присуща не всем милетским колониям. Конечно, на первых порах они все пользовались календарем метрополии, но с течением времени многие его изменяли. Например, на Боспоре с позднеэллинистического периода ввели македонский календарь, начинавшийся с новолуния после осеннего равноденствия⁴. В сохранившихся боспорских надписях лишь два месяца имеют общие названия с ольвийскими (Артемисион и Панемос)⁵.

Стойкость ольвийской календарной традиции отчасти объясняется исключительно важной ролью Аполлона в государственном культе полиса. В то же время, Аполлон у греков считался покровителем календаря, и его празднества тесно связывались со счислением времени. Первый день

³ *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 24-38.

⁴ *Перл Г.* Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969, № 3. С. 40.

⁵ КБН. С. 846.

каждого месяца нумении (новолуние), его середина (дихомении) и 20-е число посвящались Аполлону⁶. Праздник новолуния в Ольвии справляла сакральная коллегия нумениастов. Их посвященные надписи сохранились на нескольких килицах классического периода⁷.

Названия месяцев Каламайон и Кианепсион связаны с обрядами, сопровождавшими уборку урожая. Глагол *καλαμαίομαι* значит собирать колосья после жатвы. Месяц с этим названием приходится на май-июнь и не соответствует времени окончания жатвы в Северном Причерноморье. Сроки жатвы в Средиземноморье примерно на месяц опережали соответствующий период на северных берегах Понта, поэтому колосья после жатвы подбирали в Панемосе и даже Метагейтнионе. Однако название месяца продолжало сохраняться, не соответствуя действительности. Такое же явление наблюдается в нашем календаре. Мы не смущаемся называть восьмым, девятым и десятым месяцами октябрь, ноябрь и декабрь, хотя по счету они у нас десятый, одиннадцатый и двенадцатый. В этом устаревшем счислении сохраняется установление римлян, подобно ольвиополисам, некогда начинавших год с марта.

Ольвийский календарь освещает некоторые моменты повседневной жизни полиса. Греки нередко называли Нумениями детей, родившихся в новолуние. Это имя засвидетельствовано ольвийскими надписями эллинистического времени⁸. Граффито V в. на обломке лутерия (рис. 30) свидетельствует, что в первом месяце Тавреоне в Ольвии истекал последний срок платежей по договорам прошедшего года⁹, и в это время заключались многие сделки и договоры на следующий год.

Каждый год в Ольвии, как и в прочих эллинских полисах, носил имя эпонима — определенного лица, которое удостоивалось этой чести. Списки эпонимов составляли хронологию событий города. Например, в декрете Протогена упоминается о двух годах голода при жрецах Геродоре и Плейстархе.

Должностные лица и выборные жрецы в Греции и Риме, как правило, исполняли свои обязанности один год. Постоянство их ежегодной службы дало толчок для использования этого срока в качестве хронологической единицы, и гражданский год стал тождественным по продолжительности сроку службы одного из магистратов или жрецов, именем которого назывался данный год. Эти лица и назывались эпонимами. В Афинах ими становились архонты, в других городах — жрецы, стратеги, пританы, цари и другие. Время их вступления в должность могло не совпадать с началом года. Например, в Риме эпонимами были два консула, приступавшие к

⁶ *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, 1976. S. 34-40, 644.

⁷ *Леву Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 140-142. Рис. 9, 2.

⁸ IPE I № 147, 175, 201; HO № 24.

⁹ *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Указ. соч. С. 49.

своим обязанностям первого января. Эта дата начала нового года до сих пор принята в европейских и американских государствах. Однако названия сохранившихся в нашем календаре римских месяцев октябрь, ноябрь, декабрь (восьмой, девятый, десятый) указывают, что год некогда начинался с марта (Plut. Mor. 268 a).

В каждом городе существовали списки эпонимов¹⁰; некоторые из них сохранились либо в надписях либо переписаны в сочинениях античных авторов. Например, Диодор Сицилийский включил в свою «Библиотеку» список афинских архонтов от войны с персами (с начала V в.) до 302 г., а в Милете найдена стела со списком эпонимов. Надпись на ней исполнена в 334 г., а затем на свободном месте там ежегодно дополняли новые имена¹¹.

Для перевода античных дат в современные необходимо связать список эпонимов с абсолютной хронологией. Это бывает возможно, если там обнаруживается синхронизм с ранее известными датами. В списке эпонимов Милета такой оказалась запись об исполнении должности стефанора Александром Македонским. По другим источникам известно, что это было в 333 г. Так удалось датировать весь ряд милетских эпонимов с 525 по 314 г. и получить хронологическую основу для истории Ионии более, чем на двести лет. Путем перекрестных сопоставлений надписей и свидетельств древних авторов установлен список афинских архонтов с 496 по 293 г.¹² Поэтому нам известны годы издания афинских декретов в честь боспорских царей.

Например, декрет в честь Спартока и Перисада написан при архонте Фемистокле в восьмое пританство Эгеиды, т. е. в апреле 346 г., а декрет в честь другого царя Спартока, сына Евмела, относится к февралю 288 г., ибо в его заглавии сказано: «при архонте Диотиме в седьмое пританство Антигониды... в последний день Гамелиона»¹³. Афинские надписи позволяют связать некоторые моменты истории Боспора с абсолютной хронологией и перевести их на современное летосчисление. К сожалению, подобных источников об Ольвии не сохранилось.

Сначала ольвиополиты вели местную хронологию по именам айсимнетов, стоявших во главе аристократического союза мольпов. По образцу метрополии колонисты организовали этот союз и стали вести собственную хронологию по именам его айсимнетов¹⁴. В Милете счисление лет по

¹⁰ Возможно, одна ольвийская надпись (IPE I² № 20), исполненная на рубеже II—I вв., представляет собой диахронный каталог ольвийских жрецов-эпонимов. См.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 220.

¹¹ *Биккерман Н. Э.* Указ. соч. С. 62.

¹² *Биккерман Н. Э.* Указ. соч. С. 62-65, 204-205.

¹³ *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях // ВДИ. 1939. № 3. С. 239-242.

¹⁴ См. надпись V в. с посвящением Аполлону Дельфинию; она датирована именем айсимнета Дионисодора, сына Ленея: HO № 58. Уточненное чтение дано в статье: *Graf F.* Das Kollegium der Molpoi von Olbia // Museum Helveticum. 1974. № 31. S. 209.

именам главы мольпов продолжалось в течение нескольких столетий. В III в. или несколько раньше союз мольпов в Ольвии прекратил свое существование. Функция эпонимов перешла к жрецам Аполлона Дельфиния, поэтому годы по-прежнему назывались по имени почитателей верховного бога Ольвии. Эта традиция прервалась после гетского разгрома, когда эпонимами стали гражданские магистраты — первые архонты¹⁵.

Приведем два примера с подобной датировкой из ольвийских надписей. «При жреце Герогейтоне Совет и народ постановили двадцатого числа и далее идет текст декрета в честь херсонесита Дионисия¹⁶. «При архонтах во главе с Антифонтом, сыном Анаксимена, месяца Кианепсиона» издан декрет в честь ольвиополита Дадага¹⁷. К сожалению, эти даты невозможно привязать к современной хронологии, и время надписей определяется по особенностям начертания букв и другим косвенным признакам. Первая относится к концу III — началу II в., вторая — к рубежу I и II вв. н. э.

Греки делили месяц на три декады и вели счет дней по дням декады. У эллинов и римлян отсутствовал еженедельный праздничный свободный день, такой, как воскресенье у христиан или суббота у иудеев. Свободными от работы были дни государственных праздников, количество которых в каждом полисе было различным. Например, афиняне, по свидетельству Ксенофонта (Ath. pol. III, 9), справляли вдвое больше праздников, чем другие эллины. В Ольвии известен целый ряд городских празднеств, о которых речь пойдет в следующей главе. Однако сейчас невозможно определить точные даты и количество дней того или иного ольвийского праздника.

Сутки у греков разделялись на 24 часа, но, в отличие от современных, часы оказывались разной величины, поскольку 12 часов, отводившиеся на дневное время, продолжались от восхода до захода солнца; на оставшуюся темную часть суток также приходилось 12 часов. Следовательно, продолжительность часа менялась в зависимости от времени года и широты пункта, в котором находился тот или иной полис. Часы с постоянной продолжительностью впервые стали использовать астрономы и космографы (Strab. II, 5, 36. С. 133).

Простейшим определением времени дня у греков было измерение тени человека количеством умещавшихся в ней ступней. Существовали также солнечные часы, но они вряд ли имели в Ольвии широкое распространение. Лишь один мраморный фрагмент считается обломком подобного прибора. Ночью время определялось по положению звезд, что было возможно лишь в ясную погоду. Как и измерение собственной тени, солнечные часы имели существенные ограничения в их использовании. Они показывали время лишь в светлую часть суток и только в солнечный день.

С V в. по письменным источникам известно о водяных часах, клепсидрах. Они состояли из шара с трубкой вверху и мелкими дырочками внизу.

¹⁵ *Карышковский П. О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82-66.

¹⁶ HO № 26. В надписи отсутствует название месяца.

¹⁷ HO № 42.

Через трубку шар наполнялся водой, которая вытекала за определенное количество времени. Античные авторы пишут о клепсидах главным образом в связи с их употреблением в суде. Там с их помощью определяли время, отведенное для речей истцов и ответчиков. Вероятно, клепсида стояла в ольвийском здании суда на агоре.

В повседневной жизни время определялось приблизительно. День делили на четыре части: утро, начинавшееся с рассвета, затем часы между 9 и 12-ю назывались временем «наибольшего наполнения агоры», потому что тогда шла торговля и проходили важнейшие деловые и прочие встречи граждан. Дион Христом начинает свою «Борисфенитскую речь» с рассказа о том, как он встретил юношу Каллистрата, когда прогуливался по берегу Гипаниса «в час наибольшего наполнения агоры». После этого наступало полуденное время и затем часы до заката. Ночь разделяли на три части: вечер, середина ночи и часы, когда начинает светать. Таким образом, ночь и вечер наступали в разное время, в зависимости от сезона.

Среди многочисленных картин повседневной жизни Афин Аристофан в «Птицах» (ст. 488-492) представил раннее утро, которое начиналось примерно одинаково в любом греческом полисе. С криком петуха

*Встают для работы ткачи, гончары, кузнецы,
заготовщики кожи,
Мукомолы, портные, настройщики лир, все,
кто точит, сверлит и строгают,
Обуваются быстро, хоть ночь на дворе, и бегут...*

Греки, как и другие народы древности, очень дорожили светлой частью суток. В городе и деревне они вставали рано, едва начинало светать. Платон в «Законах» (VII, 807e) предписывал хозяину дома подниматься до рассвета. Такая практика подтверждается словами Исхомаха в «Экономике» Ксенофонта (XI, 14), объяснявшего своей молодой жене, что она должна встать первой на рассвете и будить слуг.

После заката солнца деловая жизнь замирала. При слабом свете свечей нельзя было заниматься большинством ремесел; с наступлением темноты приостанавливались сельскохозяйственные работы, дети возвращались из школы, юноши из гимназия, прекращалась торговля, заседания суда и т. п.



5. ПРАЗДНИКИ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Древнейшие ольвийские празднества повторяли милетские, которые колонисты привыкли отмечать на своей прежней родине. Со временем праздники приобрели местные черты, вызванные условиями жизни в Северном Причерноморье и влиянием других полисов, с которыми Ольвия в тот или иной период имела наиболее тесные связи. Например, в религиозных ритуалах греков большую роль играли ветви лавра и мирта. Из-за невозможности вырастить в Ольвии средиземноморские растения их заменяли какими-то местными, подобно тому, как христиане во многих областях Европы вместо пальмовых ветвей в день «Входа Господня в Иерусалим» берут вербу, и праздник называется «Вербное воскресенье». Почитание в Ольвии элевсинской триады богов появилось в период тесных контактов с Афинами, и празднества в их честь в какой-то степени копировали Элевсинские мистерии.

Платон в «Законах» (II, 653 c) писал, что «боги, тронутые состраданием к человеческому роду, установили людям времена отдохновения в правильной последовательности праздников и сделали Муз, их главу Аполлона и Диониса участниками праздников». Вероятно, не случайно оказалось, что из весьма ограниченных сведений об ольвийских праздниках более всего известно именно о посвященных двум богам, упомянутым Платоном.

Со времени основания города ольвиополиты почитали Аполлона в ипостаси Ιατρός, буквально Врач. По-видимому, в этой эпikleze заложен более широкий смысл, означающий Спаситель: бог вступал не только целителем, но и покровителем первой волны милетских колонистов¹. На Западном теменосе находился храм, статуи и алтари Аполлона Врача, о чем уже упоминалось во второй главе. Около них проходили древнейшие празднества в Ольвии. Как и прочие, они сопровождались торжественными шествиями, жертвоприношениями и песнопениями. О содержании подобных песнопений можно получить представление по так называемым гомеровским гимнам, сложенным в VI в. В гимне «К Аполлону Дельфийскому» поэт говорит, что ионийцы, где бы они ни были, услаждают Аполлона пением, танцами и атлетическими состязаниями (I, 149-150). Эти слова правомерно отнести и к ионийским колонистам, основавшим Ольвию.

¹ Русьева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 40.

Главные ольвийские празднества в честь Аполлона проходили на Центральном теменосе, где почитали бога в ипостаси Дельфиния. Эта эпikleза бога так разъясняется в гомеровском гимне «К Аполлону Пифийскому» (II, 315-317):

*Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию².*

Вероятно, милетский жрец Аполлона Дельфиния возглавлял вторую волну колонистов, появившихся на берегах Гипаниса в третьей четверти VI в. Вместе с ним прибыли почитатели этого бога, чье большое святилище Дельфинион находилось в Милете³. Аполлон Дельфиний стал верховным ольвийским богом, и ему ольвиополиты построили самый большой на Центральном теменосе храм. Атрибут бога, дельфин, занял важнейшее место в символике полиса. Сначала здесь обращались монеты в виде дельфинов, (рис. 31) затем дельфин и орел, символ Зевса, составили эмблему Ольвии. Ее чеканили на монетах с последней трети V в. до первой половины II в.⁴ (рис. 4).

Верховному божеству города обычно посвящался один из главных религиозных праздников, например, Панафиней в Афинах, Партении в Херсонесе Таврическом, Аполлонии на Делосе, священном острове бога, где, по преданию, он родился на другой день после своей сестры Артемиды. В Ольвии таким было празднество, посвященное Аполлону Дельфинию. Как и прочие празднества, оно сопровождалось жертвоприношением, вероятно, особенно богатым. Жертвы приносили на алтарях, стоявших перед храмом. Вообще все празднества совершались у греков вне храмов; они считались жилищем бога, и туда допускался далеко не каждый.

Для почитания бога зачастую сооружался только алтарь. На Западном теменосе в Ольвии находились священные участки с алтарями Кибелы, Афродиты и Гермеса, Диоскуров. Алтари, особенно небольшие, греки нередко воздвигали за собственный счет. Например, ольвийский жрец Афродиты в III в. посвятил богине мраморный алтарь⁵.

Греческие алтари разделялись на два типа: 'εσχάρα — для сжигания жертв и βωμόс — для различных возлияний. И те и другие найдены перед ольвийским храмом Аполлона Дельфиния. Сложенный из камня и сырцового кирпича жертвенник для сжигания стоял между деревьями священ-

ной роши Аполлона до середины IV в., а на свободном месте напротив храма высился самый большой главный алтарь Ольвии⁶.

На этом алтаре совершались возлияния не только Аполлону Дельфинию, но также Зевсу и Афине. Ведь храм Зевса находился рядом, а обнаруженные на его месте посвящения Зевсу и Афине дают основания думать, что там почитались оба божества. Эту традицию ольвиополиты могли заимствовать из своей метрополии, потому что в Милете существовал культ Зевса и Афины как сохранных и соалтарных божеств⁷. Три чашеобразных углубления на алтаре V в., по-видимому, указывают на то, что Аполлон, Зевс и Афина имели на главном алтаре свои отдельные чаши для возлияний.

В такие чаши наливали обычно неразбавленное вино и другие жидкости из сосудов различных форм. В VI-V вв., судя по находкам на теменосе Ольвии, это были главным образом килики. В религиозных церемониях иногда использовались специальные фигурные сосуды. В коллекции ольвийской керамики сохранился канфар начала V в. с головой молодой женщины-коры (рис. 32). Вообще канфары широко применялись в культе Диониса, и самого бога часто изображали с этим сосудом в руках (рис. 33).

Археологи выявили несколько этапов существования главного ольвийского алтаря. Самый ранний каменный был поставлен в VI в. вскоре после основания полиса. В V в. его заменили новым несколько больших размеров, а цоколь прежнего алтаря использовали в качестве площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношения. На краю алтаря высились статуя, вероятно, Аполлона. Сложенный из прекрасно обработанных известняковых плит этот алтарь почти полностью сохранился до наших дней (рис. 34), так как в III в. его засыпали слоем земли и возвели на нем новый мраморный алтарь. Вероятно, он был самым красивым сооружением такого рода за всю историю Ольвии. От него остались многочисленные мелкие мраморные обломки с резным, тонко выполненным орнаментом⁸.

Эллины совершали приношения богам двух видов. Жертвы, предназначенные для временного наслаждения божества, состояли из разных напитков, мяса, плодов, специально приготовленных блюд и печений. Вклады же, остававшиеся в святилище в качестве его собственности, служили для надобностей культа (например, сосуды для возлияний) и для украшения храма. К последним относились статуи, рельефы, треножники, венки, парадное оружие и др.

Принесение жертв первого вида отвечало представлениям греков о том, что боги питаются ароматом сжигаемого мяса, испарениями жидкостей, которыми совершаются возлияния, и вдыхают запах курений из мир-

² Перевод В. В. Вересаева в кн.: Эллинские поэты. М., 1963. С. 56.

³ Русяева А. С. Указ. соч. С. 42.

⁴ Карышковский П. О. Об изображениях орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80-98.

⁵ НО № 68.

⁶ Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 73-112.

⁷ Ehrhardt N. Milet und Seine Kolonien. Frankfurt am Mein, 1983. S. 158.

⁸ Леву Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 81.

ра, ладана и других ароматических веществ. Их воскурjali на треножниках и в специальных сосудах-курильницах. В Ольвии найдены подставки для треножников и керамические курильницы местного производства эллинистического периода⁹.

На главном ольвийском алтаре совершались возлияния. Чаще всего их делали чистым, не смешанным с водой вином; в определенных случаях для возлияний использовали воду, молоко и мед. На ольвийской стеле с декретом римского времени сохранился рисунок, изображающий стоящего на площадке у алтаря молодого человека с ветвью в одной руке и сосудом в другой (рис. 35)¹⁰.

Среди бескровных жертв особенно распространенными были приношения первых созревших злаков и плодов, а также всевозможных печеных. Бедные люди, будучи не в состоянии приобрести жертвенных животных, приносили печения, имевшие форму этих животных. В жертву чаще всего приносили коров, овец, коз, свиней и петухов. Для приношения небесным богам брали животных со светлой шерстью, а для подземных богов — с темной шерстью, обязательно здоровых, без телесных недостатков. Самцов обычно жертвовали мужским, а самок — женским богам¹¹.

Кости жертвенных животных найдены при раскопках обоих ольвийских теменосов. Они находились в специальных ямах, ботросах, куда закапывали отслужившие приношения богам и износившуюся храмовую утварь¹². Ведь греки считали, что все, пожертвованное богу, нельзя уносить с его священного участка, а грабителей священных предметов наказывали смертью¹³. Сохранилась надпись последней трети III в. с указанием цен на сакральных животных в Ольвии: «Приносящие жертвы должны вносить в сокровищницу за быка 1200, за овцу и козу — 300 медных монет»¹⁴.

Часть мяса и внутренностей животного обертывали жиром и сжигали на жертвеннике, поливая его маслом и воскуряя благовония. Оставшиеся части получали жрецы и участники жертвоприношения, после которого устраивался пир.

Во время больших государственных праздников совершались общественные жертвоприношения, и количество убиваемых животных было очень велико. Так, в Афинах на ежегодном празднике победы при Марафоне приносили в жертву 500 коз, а на Делосе в IV в. для панэллинского

⁹ *Сорокина Н. П.* Мраморная капитель из Ольвии // *Культура античного мира.* М., 1966. С. 261; *Зайцева К. И.* Местная керамика Ольвии эллинистического времени // *ТГЭ.* Т 7. 1962. С. 184-206

¹⁰ *IRE* 1² № 101.

¹¹ *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Раздел 3, глава 11 СПб 1997, С. 84-87.

¹² *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 68-69, 82-83.

¹³ *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 15

¹⁴ *IRE* 1² № 76.

праздника в честь Аполлона закупили 109 быков¹⁵. Жертвенные животные приобретались либо за счет государства либо деньги на это давали разные благотворители. Например, в III в. родосец Гелланик, вероятно, торговавший с Ольвией, оплатил ольвийское общественное жертвоприношение¹⁶.

Пожертвования отдельных граждан, конечно, были скромнее общественных. Частные жертвоприношения совершались по случаю домашних праздников, например, рождения ребенка или свадьбы, а также для того, чтобы очиститься от какого-либо греха или чтобы умилостивить или поблагодарить то или иное божество. Деметре обычно приносили в жертву свинью, Дионису — козла, Посейдону — лошадь, Асклепию — петуха.

Из черепов некоторых жертвенных животных изготавливали букрании, особые украшения для храмов. Черепа специально обрабатывали, иногда оставляя на лбу часть шкуры, затем вешали на них гирлянды из листьев и цветов или виноградные гроздья и в таком виде помещали на стену храма. В ботросе на Центральном теменосе Ольвии найдены семь таких бычьих черепов, у которых задняя сторона плоско срезана, а на лбу и на рогах просверлены отверстия для укрепления гирлянд¹⁷. Изображения букраниев часто украшали рельефы алтарей и других посвященных богам сооружений. Например, фриз из букраниев с гирляндами опоясывал алтари в Афинах и Херсонесе, а в Ольвии они были вырезаны на мраморной капители колонны, поддерживавшей треножник¹⁸. При раскопках Ольвии найдено много свинцовых моделей букраниев (рис. 36), использовавшихся для каких-то религиозных ритуалов¹⁹.

Мы располагаем некоторыми сведениями о том, что приносили ольвиополиты в дар богам для украшения храмов и для ритуальных церемоний. Остатки этих предметов найдены в ботросах на обоих теменосах. Там лежали многочисленные обломки керамических сосудов, на многих имеются граффито с посвящением богу (рис. 37) и именем дарителя. Например, скифос V в. с календарем, упомянутый в четвертой главе, был даром Андокида Аполлону на Западном теменосе. Там же найден фрагмент чернофигурного кратера, расписанного в середине VI в. известным афинским мастером Лидосом; на венчике сосуда надпись с посвящением Матери богов от Артемиды, дочери Гипасия. Возможно, она была жрицей этой богини²⁰. На Центральном теменосе некий Тихон посвятил Аполлону Дельфинию чернофигурный килик, украшенный изображениями живот-

¹⁵ *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 87.

¹⁶ *IRE* 1² № 30.

¹⁷ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 83. Рис. 77.

¹⁸ *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 142; *Сорокина Н. П.* Указ. соч. С. 259.

¹⁹ *Зайцева К. И.* Ольвийские культовые свинцовые изделия // *Культура и искусство античного мира.* М., 1971. С. 84-106.

²⁰ *Русьява А. С., Диатроптов П. Д.* Новый кратер Лидоса з Ольвії // *Археологія.* 1994. № 2. С. 143-144.

ных²¹. Мраморные блюда и краснофигурные килики, расписанные лучшими афинскими мастерами, были поднесены Зевсу и Афине в конце VI в. Эти килики, вероятно, специально приобрели для пожертвования в храм, поскольку в это время посуда с недавно появившейся краснофигурной росписью еще не использовалась в повседневной жизни²². Были и очень скромные приношения, например, чернолаковая солонка с надписью «Зевсу»²³.

Ольвиополиты жертвовали богам также дорогие металлические сосуды. Их пришлось отдать в заклад, когда город во второй половине III в. стал испытывать финансовые трудности. Об этом сообщается в декрете Протогена, который выкупил священные сосуды за 100 золотых и, вероятно, спас их от переплавки, ибо ростовщик уже собирался отдать их мастеру.

По греческому обычаю, ольвиополиты украшали храмы венками и гирляндами из живых цветов и ветвей, а также из драгоценных металлов²⁴. В надписи III в. говорится о посвящении такого венка ценой в 5 золотых в храм Афродиты²⁵. На Боспоре найдены прекрасной сохранности золотые оливковые и дубовые венки, изготовленные во второй половине IV в.²⁶ Аполлону посвящали лавровые венки, Зевсу — дубовые, Дионису — плющевые и виноградные, Афине — оливковые, Деметре — венки из злаков.

В Ольвии, как и в прочих греческих городах, граждане дарили в храмы свои почетные награды (венки, треножники и др.)²⁷. Вероятно, так поступили Каллиник, Протоген и Антестерий, увенчанные венками от имени народа. Возможно, так делали и иностранцы, награжденные ольвиополитами, например, херсонеситы Аполлоний и его сыновья²⁸. Известно ведь, что боспорские цари, награжденные золотыми венками в Афинах, передавали их в храм Афины Полиады с посвятельными надписями от своего имени²⁹.

Богам часто приносили терракотовые статуэтки, которые во множестве найдены на обоих теменосах в Ольвии. Государство и богатые ольви-

²¹ Леви Е. И. Указ. соч. С. 68. Рис. 49. 3.

²² Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и Agora. М.; Л., 1964. С. 175-187.

²³ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. № 21.

²⁴ Например, лавровые, оливковые, плющевые, миртовые, виноградные и дубовые золотые венки перечислены в инвентаре III в., называющем сокровища храмов на Делосе: *Hommel Th. Kränze in delische Tempelinventaren // Bulletin de correspondance Hellenique. 1982. № 6. P. 107-110*

²⁵ HO № 68.

²⁶ Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб., 1995. № 105, 113, 115.

²⁷ Косвенное свидетельство об этом обычае содержится в надписи римского времени: HO № 80.

²⁸ См. переводы декретов в их честь в Приложении.

²⁹ Траков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях // ВДИ. 1939. № 3. С. 240.

ополиты ставили возле храмов статуи. Сохранились постаменты некоторых таких статуй с посвящениями Аполлону Врачу и Дельфинию, Зевсу Спасителю, Освободителю и Олимпийскому³⁰. В III в. на Центральном теменосе стоял также характерный для эллинов посвященный памятник — мраморная колонна высотой в 2-2,5 м с капителью, украшенной листьями пальм и аканфов, между которыми изображены букрании; на этой капители высился бронзовый треножник³¹.

Каждый храм или святилище имели свой особый ритуал жертвоприношений и празднеств, о правильном порядке которых во всех подробностях знали жрецы. Функции жреца у эллинов имел право исполнять любой полноправный гражданин, причем можно было попеременно становиться жрецом разных богов. Например, ольвиополит Агрот был жрецом Афродиты, Плутона и Коры³². В одних храмах жрецов избирали так же, как гражданских магистратов; в других — жрецами становились члены одного рода. В Ольвии особенно почетной считалась должность жреца Аполлона Дельфиния. Его именем называли текущий год, и с этим обозначением он входил в анналы ольвийской истории³³. Наследственное жречество известно в ольвийском роде Еврисибиадов, почитавших Зевса. В некоторых культах жреческие должности исполняли женщины. В Ольвии были жрицы Кибелы и Деметры³⁴.

К сожалению, сейчас не известно, как именовался главный ольвийский праздник в честь Аполлона. Можно назвать зато несколько других, менее важных, аполлоновских празднеств, которые ольвиополиты отмечали по традиции своей метрополии.

Таргелии справлялись в большинстве ионийских полисов как весенний праздник плодородия, очищения и молитв о будущем урожае. Его название произошло от жертвенной каши *θύργελος*, сваренной из разных злаков и зерен растений. В первый день Таргелий проводили очищение, во второй совершали жертвоприношения. Обряд очищения состоял в том, что по городу проводили нескольких преступников, которые, как считалось, вбирали в себя всю нечисть, затем их убивали или изгоняли из полиса и таким способом избавлялись от скверны³⁵.

О Таргелиях в Ольвии свидетельствует название месяца Таргелион и эпиклеза Аполлона Таргелий на скифосе V в. (рис. 29)³⁶. Праздник справ-

³⁰ IPE I² № 164; HO № 58, 65, 71; Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 35-37, 43, 58-61. См. также выше главу 2.

³¹ Сорокина Н. П. Указ. соч. С. 261.

³² HO № 68, 70.

³³ Карышковский П. О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 85. См. также предыдущую главу о календаре Ольвии.

³⁴ Русяева А. С. Указ. соч. С. 204-208; HO № 71.

³⁵ Deubner L. Attische Feste. Berlin, 1932. S. 179; Simon E. Festivals of Attica. An Archaeological Commentary. 1983. P. 86; Parke H. W. Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 226.

³⁶ Русяева А. С. Указ. соч. С. 49.

ляли в день рождения Артемиды 6-го Таргелиона и ее брата Аполлона 7-го. В Ольвии это приходилось на рубеж апреля и мая. В Милете церемонии Таргелий проходили у храма Аполлона Дельфиния, и ведущую роль в них играли мольпы, которым за государственный счет выделялось животное для жертвоприношения³⁷. Вероятно, в Ольвии сходным образом праздновали Таргелий, по крайней мере, в VI-V вв., когда здесь существовал союз мольпов³⁸.

Другой распространенный у ионийцев праздник Кианепсии отмечался 7-го Кианепсиона и приходился в Ольвии на конец сентября. Его название, подобно Таргелиям, происходит от специально приготовленного в этот день блюда из чечевицы, бобов и разных овощей. Эту кашу приносили в дар Аполлону как богу, способствующему созреванию плодов и злаков. В то же время, Кианепсии знаменовали поворот к зиме, когда Аполлон отправлялся на несколько месяцев к сказочному счастливому северному племени гипербореев.

Судя по названию ольвийского месяца Боэдромиона, в конце лета на берегах Гипаниса проводился еще один праздник Аполлона, на котором он прославлялся как помощник в битвах. Упоминания в надписях V в. коллегии нумениастов (нумении — новолуние и первое число каждого месяца) свидетельствуют о том, что они ежемесячно отмечали новолуние, вероятно, устраивая сакральную трапезу в храме Аполлона Дельфиния³⁹.

Дионисийские празднества в Ольвии упомянуты не только в эпиграфических источниках, но и в античной литературе. Геродот (IV, 78) рассказал в новелле о Скиле, как этот скифский царь стал поклонником Диониса и принял участие в вакхических шествиях по улицам города. Такие шествия предвещали состязания дионисийских хоров и представлений в театре. Поэтому можно думать, что в Ольвии уже в первой половине V в. существовал театр для празднования Дионисий.

Вероятно, сначала его строили как временное сооружение с возвышающимися деревянными помостами для зрителей. О таком театре известно на афинской агоре; там его возводили до тех пор, пока в V в. не перенесли на южный склон Акрополя и построили стационарное сооружение⁴⁰. В IV в. в Ольвии выстроили стационарный театр, вероятно, на склонах Террасного города, поскольку места для зрителей в античных театрах обычно врезаны в естественные возвышенности (рис. 7).

Театр и проводившиеся там празднества Дионисии упоминаются в четырех ольвийских декретах. Старшая надпись датируется IV в., остальные — III в. В них говорится о прочтении почетного декрета глашатаем и

³⁷ Parke H. W. Op. cit. P. 227.

³⁸ Карышковский П. О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 42-51.

³⁹ Русяева А. С. Указ. соч. С. 50.

⁴⁰ Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 264-265.

о награждении золотыми венками «на Дионисии в театре»⁴¹ (рис. 16). Обычай сообщать в театре о заслугах выдающихся граждан и иностранцев, оказавших благодеяния городу, характерен для многих греческих полисов. По словам Демосфена (XVIII, 83-84), это постоянно делалось в Афинах «во время представления новых трагедий». Таким образом, декрет оглашали перед самым многолюдным собранием жителей города. Как утверждал Эсхин в речи «Против Ктесифонта», публичные провозглашения глашатаев оказывали огромное воспитательное влияние на молодежь.

Косвенным свидетельством о драматических представлениях в ольвийском театре служат находки терракотовых моделей комических и трагических масок и фигурок актеров⁴², а также расписных ваз с театральными сценами. Из них наиболее выразительна комическая маска раба (рис. 38) и фрагмент краснофигурного кратера. Вазописец изобразил двух актеров, одетых в женские костюмы и с масками на лицах, а также аккомпанирующего им флейтиста. Все эти находки датируются V—IV вв., временем безусловного существования ольвийского театра. В последние два века перед гетским разгромом, когда город находился в тяжелом финансовом и экономическом положении, источники об ольвийском театре отсутствуют.

В греческих театрах выступали не только местные, но и приезжие драматические актеры и музыканты. Последние либо аккомпанировали во время драматических представлений, которые у греков всегда сопровождалась музыкой, либо давали сольменные концерты. В сочинениях Полиэна (Strateg. V, 44) и Афиней (VIII, 41) упомянуты выступления в боспорских театрах знаменитых кифаристов Стратоника и Аристоника, разъезжавших в IV в. по многим городам. Вероятно, подобные концерты бывали и в Ольвии.

Во время Дионисий первые ряды в театре занимали жрецы Диониса, лица, исполнявшие высокие государственные должности (архонты, стратеги и др.), почетные гости, послы из других эллинских городов, а также граждане, удостоенные этой почести, которая называлась проедрией. Ею награждали соотечественников и прочих эллинов, оказавших полису важные услуги. В ольвийских надписях IV в. упоминается о праве милетян на проедрию в Ольвии и о даровании проедрии Феодоту из Истрии, а в III в. ольвиополит Дионисий получил проедрию в Дельфах⁴³.

⁴¹ Это декреты в честь Каллиника, Антестерия, сыновей Аполлония и неизвестного лица. См.: Виноградов Ю. Г. Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов. Киев, 1975. С. 89.

⁴² Худяк М. М. Терракоты // Ольвия. Киев, 1940. С. 98, 101. Рис. 83, 90; Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 131-133.

⁴³ Но № 7; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях // ВДИ. 1939. № 3. С. 247. № 12. Приложение № 4.

Театр служил не только для проведения дионисийских праздников. В нем нередко устраивали народные собрания, иногда проходили заседания Совета и некоторые судебные процессы, на которых также действовало право проедрии⁴⁴.

У нас нет никаких определенных сведений о времени, когда проходили Дионисии в Ольвии. Если исходить из аналогий с Афинами, праздник отмечали в начале весны. Кроме того, во всяком случае в начальный период существования Ольвии здесь справляли еще два дионисийских праздника: Ленеи и Антестерии. Одноименные названия ольвийских месяцев приходятся на зиму.

Ленеи — праздник молодого вина, которое впервые открывали после изготовления его осенью. Вряд ли в Ольвии этот праздник имел большое значение, так как здесь не было молодого вина. Лишь в римский период ольвиополитам окончательно удалось акклиматизировать виноградную лозу и наладить производство собственного вина⁴⁵. В догетский период Ленеи могли повторять лишь некоторые обряды метрополии, но всеобщей радости от питья молодого вина не возникало. Судоходство замирало еще осенью, поэтому доставить такое вино было невозможно. Не случайно, наверное, имя Леней встречается в ольвийских надписях VI-V вв.⁴⁶, когда традиции метрополии еще существенно не изменились под влиянием местных условий.

Во время Антестерии тоже существенную роль играло молодое вино, и поэтому праздник, так же, как Ленеи, не получил в Ольвии широкого распространения. Теофорное имя Антестерии встречается в Ольвии эллинистического периода⁴⁷, но, вероятно, не имеет непосредственного отношения к празднику.

Широко распространенное среди ионийцев празднество Апатурии (Нег. I, 147) приходилось в Ольвии на октябрь-ноябрь. После завершения земледельческих работ этот праздник справляли три или четыре дня. В это время в официальные списки вносили имена новорожденных детей и новобрачных жен; отец клялся в законности рождения ребенка, а присутствующие могли опротестовать правомочность записи нового гражданина⁴⁸. Отцы также представляли сыновей-подростков. Среди мальчиков

⁴⁴ Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. 2. München, 1926. S. 936.

⁴⁵ Об этом свидетельствуют находки нескольких виноделен римского времени: *Кранивина В. В., Кудренко А. И.* Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 52-64.

⁴⁶ НО № 58; *Розанова Н. П.* Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Северного Причерноморья. М., 1968. С. 248-251.

⁴⁷ НО № 67; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история ольвийского полиса. М., 1989. С. 192-194.

⁴⁸ *Parke H. W.* Op. cit. S. 132-133.

устраивали соревнование в чтении стихов, изучавшихся в школе, и победители получали призы. Критий в диалоге Платона «Тимей» (21 b) вспоминал, как он десятилетним мальчиком вместе со своими сверстниками выступал со стихами Солона в третий день Апатурий. Зная из речи Диона Хрисостома об особой приверженности ольвиополитов к поэмам Гомера, надо думать, что на ольвийском празднике дети чаще всего читали его стихи. Стоит отметить, что в Ольвии давали имя Апатурий⁴⁹. Возможно, им нарекали сыновей, родившихся в дни праздника.

Закон об исополитии Милета и Ольвии, несомненно действовавший в V-IV вв., а, возможно, и дольше⁵⁰, гласил, что милетяне имели равные права с ольвиополитами при совершении религиозных церемоний. Таким образом, они могли участвовать во всех ольвийских праздниках. Граждане других греческих полисов принимали активное участие только на торжествах в честь Ахилла. Они проходили на Ахилловом Дроме (буквально «бег Ахилла»), совр. Тендровской косе, которая в древности была островом. Празднество сопровождалось спортивными играми, включавшими атлетические состязания и бег колесниц — очень дорогой, доступный немногим, вид соревнований (рис. 39).

Конные ристания сопровождали самые торжественные общегреческие праздники: Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры, Панафинеи, Сотерии в Дельфах и др. В них соревновались всадники, а также колесницы, запряженные парой или четверкой коней (биги и квадриги). Их изображения нередко встречаются на аттических вазах из раскопок Ольвии⁵¹. Особенно выразителен рисунок с состязанием колесниц на афинском оносе (наколеннике для разглаживания шерсти), найденном на Березани⁵². В ольвийском некрополе обнаружена амфора IV в. — приза колесничий бег⁵³. На ее тулове изображен возница, правящий квадригой. Украшающие сосуд гирлянды из лавра указывают, что это наградная амфора. Ее положили в погребение как одну из самых дорогих вещей для покойного, напоминающую о счастливейшем дне его жизни⁵⁴. Ведь победа в колесничном беге на всех играх оценивалась как самая главная.

⁴⁹ IPE P № 76, 208; *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. № 87, 96а.

⁵⁰ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 69-70, 168-170; см. также Приложение. № 4.

⁵¹ См. напр. чернофигурные лекифы в: *Борисковская С. П.* Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. № 28. С. 33.

⁵² *Горбунова К. С.* Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962—1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 42-44. Рис. 6.

⁵³ ИАК № 8. 1903. С. 29-30. Рис. 15.

⁵⁴ Знаменитые эпиникии Пиндара и Вакхилида прославляют всадников и победителей в колесничном беге, которые съезжались на разные празднества из городов Эллады и ее колоний на Сицилии и в Южной Италии. Возможно, в панэллинских празднествах принимали участие всадники и колесницы из Ольвии.

В греческом мире хорошо знали об Ольвийских агонах уже в V в. Недаром в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (ст. 438) упомянуты прекрасно размеченные стадиы для бега людей и колесниц на Ахилловом Дроме. Возможно, на этом, как и на других общеэллинских праздниках, наряду с атлетами состязались музыканты. Ведь, по преданию, Ахилл был не только великолепным бегуном (напомним его постоянный эпитет «быстроногий»), но хорошим певцом и музыкантом (II. IX, 185-189). Греки верили, что по ночам он пирует с друзьями на своем священном острове Левке и поет песни о Троянской войне, играя на кифаре (Мах. Туг. XV, 7). Этот остров (совр. Змеиный) находился под патронатом Ольвии в VI-III вв.

Агоны на Ахилловом Дроме, единственный известный нам в Северном Причерноморье панэллинский праздник, учредили в V в.; сам бог Аполлон благословил его устами своей пророчицы Пифии в Дельфах. Происхождение игр на Ахилловом Дроме связывали с местным преданием о том, что герой устроил на этом острове состязания в честь какой-то победы (Mela. II, 5; Plin. IV, 83). В память об этом остров получил свое название, и ольвиополиты стали устраивать празднество. Оно проходило даже в опасные годы, когда варвары грозили нападением. Так было в первой половине II в., когда погиб отважный ольвиополит Никерат, защищая соотечественников, возвращавшихся в город после праздника. Декрет в честь Никерата является сейчас главным источником наших сведений об агонах на Ахилловом Дроме⁵⁵.

В программу игр входили традиционные греческие атлетические состязания: бег, борьба, прыжки, метание копья и диска. О победах ольвиополитов во всех этих видах спорта известно по надписям римского времени⁵⁶. Почетное место занимали состязания в стрельбе из лука, которые в самой Элладе не имели широкого распространения⁵⁷.

На Ахилловом Дроме им придавался особый смысл. Во-первых, главный бог Ольвии Аполлон славился как прекрасный стрелок. Лук и стрелы были неизменными атрибутами Аполлона Врача. Сейчас широко известна мраморная копия бронзовой статуи Леохара, представляющая Аполлона в момент его победы в Дельфах над чудовищем Пифоном. При взгляде на многочисленные повторения этой статуи Аполлона Бельведерского

вспоминаются строки А. С. Пушкина:

*Лук звенит, стрела трепещет
И, клубясь, издох Пифон,
И твой лук победой блещет,*

Бельведерский Аполлон!

⁵⁵ IPE I² № 34; *Кубланов М. М.* Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. № 1. М., 1957. С. 222-231.

⁵⁶ IPE I² № 130, 155-158, 685.

⁵⁷ Отметим, однако, что Платон в «Законах» подчеркивал пользу этого вида спорта.

Во-вторых, соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве главного оружия, заставляло ольвиополитов обращать особое внимание на умение стрелять из лука. Это подтверждается массовыми находками бронзовых наконечников стрел во всех слоях городища Ольвии. Ольвийские стрелки достигали превосходных результатов в своем мастерстве. Надпись IV в. гласит, что Анаксагор пустил стрелу на 282 оргии (около 540 м)⁵⁸. Результат Анаксагора значительно превышает современный рекорд, достигающий 440 м. Вероятно, конструкция ольвийского лука позволяла достичь большей дальности, чем у современных спортивных снарядов⁵⁹.

Ольвиополиты принимали участие в крупных празднествах в разных городах Эллады. Священные послы феоры прибывали в Ольвию с сообщением о сроках знаменитых общеэллинских Олимпийских, Истмийских, Немейских и Пифийских игр, о праздниках Аполлона и Диониса на Делосе и в Дельфах, о Панафинях и Дионисиях в Афинах. Корабли с феорами обычно обходили несколько греческих городов. В Ольвию прибывали феоры, объезжавшие западные и северные берега Понта⁶⁰.

Игры на Ахилловом Дроме, подобно крупным панэллинским празднествам, вероятно, проводились раз в несколько лет. Обычно интервал составлял 3-4 года. Ежегодно в Ольвии устраивались другие, менее крупные агоны. Юноши состязались на празднике Гермеи, посвященном Гермесу, покровителю гимнасии. Иногда победителя увековечивали статуей⁶¹. Агоны сопровождали некоторые ольвийские празднества в честь Аполлона, потому что у всех ионийцев было принято таким образом чтить этого бога (Hom. Hymn. I, 149-150).

В середине III в. ольвиополит Дионисий, херсонесит Сокрит и боспорянин Никий, оказавшие гостеприимство феорам из Дельф, получили целую серию привилегий: вне очереди вопрошать знаменитый дельфийский оракул Аполлона, сидеть на почетных местах в театре, пользоваться неприкосновенностью, принимать у себя на родине феоров, не платить налоги при торговых операциях и без очереди решать в суде свои спорные дела⁶².

Дельфы с древнейших времен устраивали общеэллинские Пифийские игры, основателем которых считался Аполлон, а в III в. там учредили торжественные Сотерии. Упомянутый декрет показывает, что ольвиополитов приглашали на эти празднества.

⁵⁸ IPE I² № 195.

⁵⁹ По-видимому, ольвиополиты пользовались луками скифского типа. Турецкие луки позволяли стрелять на еще большее расстояние — до 900 м (*Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981. С. 139).

⁶⁰ *Граков Б. Н.* Указ. соч. С. 247.

⁶¹ IPE I² № 186. См. об этом празднике в главе о гимнасии.

⁶² *Граков Б. Н.* Указ. соч. С. 247. № 12.

Два почетных декрета второй половины III — начала II в.в. свидетельствуют о посещении ольвиополитами острова Делос, где проходили широко известные празднества, посвященные Аполлону и Дионису.

В последней трети V в., когда Ольвия входила в Афинский морской союз, ольвиополиты наряду с другими союзниками имели обязательство доставлять жертвенных животных на Панафинеи и идти в праздничной процессии на Акрополь⁶⁴. Вероятно, ольвийские атлеты и музыканты принимали участие в панафинейских агонах, где мог выступить полноправный гражданин любого греческого полиса.

Ольвийские послы отправлялись в Афины также на Дионисии, праздновавшиеся 9-13 числа месяца Элафеболиона, когда возобновлялась навигация после зимнего перерыва. В театре проходила пышная церемония выноса на оркестру денежных взносов союзников (Isocg. VIII, 82-83). Среди них был и один талант, доставленный ольвиополитами. Вместе с другими союзниками они участвовали в торжественной процессии к алтарю Диониса, где совершалось жертвоприношение, а потом смотрели в театре состязания хоров, трагедии, сатирические драмы и комедии, слушали громкий голос глашатая, читавшего почетные декреты, прославляющие афинян и иностранцев, оказавших особые услуги Аттике.

Наши сведения об ольвийских празднествах имеют множество лакун. Например, ничего конкретного не известно о праздниках в честь таких широко почитавшихся в Ольвии богов, как Зевс, Кибела, Деметра и ее дочь Кора-Персефона. Их культ засвидетельствован надписями, изображениями на терракотах и рельефах и другими археологическими материалами. И все же имеющиеся источники позволяют достаточно многообразно представить праздники ольвиополитов. Они справляли по крайней мере пять праздников Аполлона на Центральном и Западном теменосе, устраивали торжественные шествия по улицам своего города, собирались в театре на Дионисии, проводили панэллинские агоны на Ахилловом Дроме.

Некоторые ольвиополиты, в том числе и жрецы, бывали на празднествах в разных греческих городах. Наблюдая их, они заимствовали какие-то обряды для проведения собственных торжественных процессий и жертвоприношений.



⁶³ Там же. С. 257-258. № 23, 24.

⁶⁴ Deubner L. Op. cit. S. 34.



6. МУЗЫКА

Музыка играла большую роль в повседневной, праздничной и религиозной жизни греков. Она звучала при всех более или менее значительных моментах жизни человека, начиная с первых дней его появления на свет, когда устраивали праздник в честь рождения ребенка, и кончая проводами к могиле под заунывные звуки аулосов¹. Сейчас их называют флейтами, хотя звучание аулосов было ближе всего к современному гобой².

С детских лет эллины не только слушали музыку и пение, но и сами учились играть на лире и аулосе. Аристотель (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b) писал, что музыка входит в обязательный курс обучения вследствие ее благотворного воздействия на нравственную сторону души, а в ежедневной жизни она неизменно сопровождает отдых свободного гражданина. Найденная в Ольвии аттическая терракотовая статуэтка рубежа IV—III вв. иллюстрирует обучение ребенка игре на лире: маленький мальчик стоит рядом с бородатым педагогом, держащим в руке лиру³. Лира изображена также на предметах местного производства: на ольвийских монетах⁴, около Аполлона на фронте декрета в честь Антестерия⁵, на форме для терракоты с фигуркой сидящего Аполлона с лирой⁶.

Теперь уже невозможно воссоздать звучание античной музыки. Музыкальные инструменты сохранились лишь во фрагментах, а считанные нотные записи столь отрывочны и несовершенны, что по ним нельзя до-

¹ Сцена похорон под звуки аулосов изображена на фреске одной боспорской гробницы. См.: *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. Т. 1. Табл. 88.

² *Wegner M.* Musikgeschichte in Bildern. Leipzig, 1985. Bd. 2. S. 32.

³ *Пругло В. И.* Раскопки северо-западного района Ольвийской агоры в 1975 г. // КСИА. 1979. № 156. С. 50. Рис. 4.

⁴ *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 383, 387.

⁵ *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 52.

⁶ *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 82. Рис. 73. Лира здесь ошибочно названа кифарой; однако на кифаре играли стоя, а на форме изображен сидящий Аполлон, кроме того, резонатор инструмента овальный, как у лиры.

стоверно сыграть мелодию. Однако об огромной роли музыки в жизни эллинов мы знаем по сочинениям философов, специальным трактатам и бесчисленным изображениям музыкантов на вазах, терракотах, скульптурах, рельефах, фресках и мозаиках⁷.

Греческие музыкальные инструменты, как и современные, делились на три группы: струнные, духовые и ударные. К первым относились лира, барбитон, кифара и тригон (арфа), ко вторым — аулос, сирина (флейта Пана), труба и орган, к третьим — кроталы (род кастаньет), тимпаны (бубны), литавры и ксилофоны.

Лира, наиболее распространенный струнный инструмент, отличалась легким весом, небольшим размером (50-60 см) и простотой при обучении⁸. Ее резонатор овальной формы делали из панциря черепахи или из металла, повторявшего форму этого панциря. Струны из жил животных закреплялись на переключине, соединявшей боковые роговые или деревянные стойки, их концы либо изгибались наружу, либо были прямыми. На лире, как и на других струнных инструментах, играли пальцами левой руки, а правой — с помощью плектрона, небольшой деревянной или костяной пластинки.

Первоначально лира имела всего три струны, затем к ней добавилась четвертая, а с IV в. и до конца античности наиболее распространенной стала семиструнная лира⁹. Она все же окончательно не вытеснила своих предшественниц с меньшим числом струн, на которых, по-видимому, исполнялись определенные виды музыки в старинных традициях. Поэтому на эллинистических ольвийских монетах изображалась лира с тремя и шестью струнами¹⁰. Может быть, на таких лирах аккомпанировали традиционным гимнам на ольвийских празднествах в честь Аполлона, считавшегося непревзойденным исполнителем на струнных инструментах.

Лира часто звучала во время домашнего музицирования, широко распространенного у древних. Ведь играть на ней умел почти каждый грек, так как именно на лире учились играть в школе¹¹. Напомним, к примеру, сцену из комедии Аристофана «Облака» (ст. 1353-1372). Ее герой, пожилой крестьянин, предлагает сыну после обеда взять лиру и спеть оду Симонида или что-нибудь из трагедий Эсхила. Но молодой человек не хочет петь произведения времен молодости отца и деда, а желает исполнить что-нибудь из входящих в моду драм Еврипида.

Под аккомпанемент лиры или ее разновидности барбитона в архаический и классический периоды исполнялись все стихотворные произведе-

⁷ Об античной музыке см. в книгах: *Герцман Е. В.* Античное музыкальное мышление. Л., 1986; *Он же.* Музыка древней Греции и Рима. СПб., 1995.

⁸ *Paquette D.* L'instrument de musique dans la ceramique de la Greece antique. Paris, 1984. P. 150.

⁹ *The New Grove Dictionary of Music and Musicians.* London, 1980. P. 400.

¹⁰ См. прим. 4.

¹¹ *Beck F.* Album of Greek Education. Sydney, 1975. P. 23.

дения. Поэтому лира стала символом поэтического творчества, и александрийские ученые ввели термин «лирика». Уже в древности поэтические произведения отделились от музыкального сопровождения. Горация и Овидия нельзя представить выдающимися музыкантами, какими были Сафо, Анакреонт, Пиндар или великие поэты-трагики Эсхил, Софокл и Еврипид, писавшие не только стихи, но и прекрасную музыку к ним. Начиная с эпохи эллинизма, лира у античных поэтов олицетворяет поэзию. В таком качестве она вошла в литературу нового времени. Например, в начале хрестоматийного известного стихотворения Пушкина «Чернь» («Поэт на лире вдохновенной рукой рассеянно бряцал»), в знаменитой некрасовской строке «Я лиру посвятил народу своему» или в словах Есенина «Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам».

Лира и кифара существовали на всем протяжении античности, а близкий лире барбитон — только в эпоху архаики и классики; в IV в. он вышел из употребления¹². Барбитон имел сходный с лирой резонатор в форме черепашьего панциря, а боковые стойки и струны — более длинные. Струны числом от трех до семи крепились на переключине, расположенной над стойками, загибающимися, в отличие от лиры, внутрь, а не наружу. Инструмент издавал густой и низкий звук, считавшийся лучшим аккомпанементом при исполнении лирических стихов. Недаром в Афинах стояла статуя Анакреонта с барбитоном в руках, а аттические живописцы изображали с этим инструментом Сафо, Алкея, Анакреонта, Кидия и других поэтов¹³.

На лире и на барбитоне играли, сидя на стуле или на табурете и держа их под углом или параллельно полу (рис. 40). Кроме того, на этих легких инструментах аккомпанировали пению и танцу во время движения, поэтому лира и, особенно часто, барбитон присутствуют в сценах возвращения гостей с пирушки¹⁴. Под барбитон часто пели на симпозионах¹⁵, а во время религиозных церемоний он звучал при песнопениях в честь Диониса; на вазах барбитон изображают в руках самого поющего бога или его спутников, сопровождавших дионисийское шествие¹⁶.

Хорошее изображение барбитона сохранилось на краснофигурном лекифе из Ольвии¹⁷. Вазописец первой трети V в. нарисовал сидящего на стуле музыканта. На его барбитоне всего три струны, поэтому на нем звучал довольно простой аккомпанемент к пению стихов. Вероятно, исполнитель только что окончил строфу, потому что одной рукой он заглушает

¹² *Paquette D.* Op. cit. P. 175.

¹³ *Webster T. W.* Potter and Patron in Classical Athens. London, 1973. P. 53-54.

¹⁴ *Boardman J.* Athenian Red-figure Vases. The Archaic Period. London, 1985. № 47, 129.

¹⁵ Ibidem. № 47, 129, 253, 265, 320.

¹⁶ Ibidem. № 39, 47, 129.

¹⁷ *Скржинская М. В.* Изображение поэта на лекифе из Одесского археологического музея // ВДИ. 1997. № 2. С. 130-137.

струны, а другую опустил, держа зажатый в пальцах плектрон (рис. 40). Сюжет рисунка наиболее близок к изображениям поэтов Сафо, Алкея, Анакреонта и Кидия, играющих на барбитоне. Поэтому можно заключить, что художник запечатлел здесь поэта. Его лицо, как и на других аттических вазах, не имеет индивидуальных черт, так что, глядя на лекиф, зритель свободно представлял любого поэта или исполнителя стихов под барбитон. Ольвиополиты во время симпозионов распевали собственные стихи и разные лирические произведения, услышанные в своем театре или во время поездок в Элладу, а также от приезжих мореходов. Лекиф с оливковым маслом для добавки в кушанье входил в сервировку праздничного стола, а сюжет его росписи соответствовал обстановке симпозиона.

Научиться играть на кифаре было гораздо сложнее, чем на лире и барбитоне, поэтому она стала инструментом профессионалов или больших любителей музыки. На кифаре исполняли сольные произведения, а также аккомпанировали пению. Кифарист играл почти всегда стоя и держал свой инструмент вертикально. На музыкальных состязаниях самые дорогие призы присуждали кифаристам.

Корпус кифары изготовляли из дерева, он имел прямоугольную форму и был тяжелее и массивнее, чем у лиры. Струны, обычно семь, а иногда и более, крепились особым способом, дававшим возможность хорошо настроить инструмент. Кифара представляла собой усложненную модификацию древней форминги, упоминаемой в поэмах Гомера: «божественный певец» Демодок аккомпанировал на ней своим песням на пиру у царя Алкиноя, а другой рапсод Фемий развлекал женихов Пенелопы игрой на форминге.

Одно из самых древних изображений кифары сохранилось на кратере, найденном на Березани¹⁸. Его расписал в первой половине VI в. вазописец из малоазийского города Клазомены. На центральном фризе он представил торжественное, скорее всего, религиозное, шествие с участием четырех женщин, играющих на кифарах. Их деревянный корпус и способ крепления струн детально прорисованы. Вазописец хорошо показал, как большую и тяжелую кифару прижимали левым локтем к боку и закрепляли широкой лентой, охватывающей с одной стороны шею, а с другой — запястье исполнителя; более узкой лентой к кифаре прикрепляли плектрон (рис. 41).

подавляющее большинство изображений музыкальных инструментов сохранилось на чернофигурных и краснофигурных вазах, а также на скульптурах, не передающих цвет. Березанский кратер — редчайший рисунок с раскраской кифары. Корпус дорогих инструментов расписывали орнаментами, в данном случае, меандром; ленты брали ярких цветов; у березанских кифар можно различить вышивку или тканый узор на лентах, а на их концах — кисти. Из письменных источников известно, что

¹⁸ Корпусова В. И. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 50.

дорогие кифары и лиры покрывали золотом и инкрустировали слоновой костью и янтарем¹⁹. Такие драгоценные инструменты посвящали богам в храмы; например, они включены в опись сокровищницы Парфенона V в.²⁰

Не известно, обладали ли какие-нибудь жители Ольвии столь дорогими кифарами и лирами и приносили ли их в дар богам. Во всяком случае, ольвиополиты видели такие инструменты на привозных изображениях и в руках гастролеров, дававших концерты в театрах городов Северного Причерноморья. Несомненно, прославленные музыканты, такие, как Аристоник и Стратоник, выступавшие на Боспоре (Polyen. V, 44, 1; Athen. VIII, 41, 349 d), играли на первоклассных кифарах.

Лира и кифара для ольвиополитов были символами их верховного бога Аполлона. Поэтому на ольвийских монетах эллинистического времени с одной стороны отчеканена голова Аполлона, с другой — кифара, реге лира²¹. Музицирующий Аполлон, как уже говорилось, изображен на местной форме для отливки терракоты, а также на нескольких привозных вазах. Мы видим его играющим на лире рядом с двумя музами²² и стоящим с кифарой около сестры Артемиды и матери Лето²³. На лекифе последней трети VI в. сохранилось редкое архаическое изображение бородастого Аполлона (обычно он юный, безбородый) между Гермесом и Дионисом²⁴. Сидя на табурете-дифросе, Аполлон играет на кифаре, частично раскрашенной белой краской, возможно, отмечающей костяные украшения корпуса инструмента. Вазописец запечатлел неординарный случай игры на кифаре сидя, а не стоя (рис. 42).

Последний из струнных инструментов — тригон — ближе всего к современной арфе, но гораздо меньше. Он получил название из-за своей треугольной формы. На тригонах играли преимущественно женщины. Женские терракотовые фигурки с тригоном неоднократно находили на Боспоре²⁵. В Ольвии известно одно схематическое изображение тритона на кувшине-лагиносе конца III — начала II в.²⁶

Среди духовых инструментов господствующее место занимал аулос. Это был один из самых любимых музыкальных инструментов у эллинов.

¹⁹ Reinach S. *Lyra* // Daremberg Ch., Saglio E. *Dictionnaire des antiquites grecques et romaines*. Paris, 1904. Т. III, 2. P. 1442.

²⁰ Инвентарь сокровищ Парфенона 422-421 г. // Известия ГАИМК. 1933. Вып. 78. № 568.

²¹ Анохин В. А. Указ. соч. № 282-291, 311, 313, 317, 338, 339, 383, 387.

²² Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983. С. 169. № 51.

²³ ОАК за 1909-1910 г. С. 93. Рис. 114: Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 64. № 79.

²⁴ ИАК. № 13. 1896. С. 156; Скуднова В. М. Указ. соч. С. 38. № 9.

²⁵ Финогенова С. И. Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 239-240.

²⁶ Книпович Т. И. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 372. Рис. 16.

Аттические вазы из Ольвии иллюстрируют игру на аулосе, как сольную, так и сопровождающую пение. На фрагменте краснофигурной пелики представлен авлет — победитель на музыкальном агоне (рис. 43). Он стоит на возвышении-беме, куда поднимались призеры состязаний, и символом его победы служит изображение подлетающей к нему крылатой богини Ники²⁷. На других вазах мы видим, как авлеты аккомпанируют танцорам, певцам и театральным представлениям²⁸. Кроме этих рисунков, в Ольвии найдено несколько обломков костяных аулосов²⁹, дающих самое надежное свидетельство о том, что здесь играли на этом инструменте.

Аулос состоял из трости с несколькими отверстиями и мундштука. Трость изготовляли из тростника, дерева или полой кости животного, а мундштук, составленный из язычка и одной или двух так называемых лукович, вытачивался из дерева или кости, либо отливался из металла. При раскопках античных городов Северного Причерноморья не найдено целых инструментов, а лишь обломки костяных тростей с разным количеством отверстий и металлические части мундштуков различных форм. Это указывает на многообразие аулосов и разнообразие музыки, исполнявшейся на них.

Обычно играли одновременно на двух трубках, но иногда музыкант исполнял мелодию на одной, отведя вторую в сторону, что редко фиксируется вазописцами. Поэтому для истории античной музыкальной культуры важно выделить найденный в Ольвии фрагмент медальона килика выдающегося мастера Эпиктета, изобразившего такой момент³⁰ (рис. 44). В качестве параллели можно привлечь килик вазописца Дуриса: на его росписи возлежащий на ложе мужчина играет на одном аулосе, держа его так же, как юноша Эпиктета, правой рукой, левая же со вторым инструментом отведена от губ³¹.

Судя по фрагментам и изображениям, аулосы изготовлялись разной длины. Поллукс (IV, 75) писал о пяти видах античных аулосов. Современные ученые следующим образом определяют эти виды: сопрано (20-30 см), альт (40-50 см), тенор (около 50 см), баритон (около 80 см) и очень редко встречающийся бас длиной в 1 м и более³². Таким образом, звучание

²⁷ Штерн Э. Р. Две хранящиеся в Одесском музее вазы строгого краснофигурного стиля // ЗООИД. 1900. Т. 22. С. 93-100. Табл. 3, 2.

²⁸ ОАК за 1906 г. С. 47. Рис. 55, Штерн Э. Р. Указ. соч. С. 97-98; Шауб И. Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов // КСИА. 1979. № 159. С. 63. Рис. 3.

²⁹ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 73. В коллекции ольвийских находок есть много неопубликованных фрагментов аулосов.

³⁰ Горбунова К. С. Краснофигурные килики из раскопок ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 182.

³¹ Павлуцкий Г. О. О жанровых сюжетах в греческом искусстве до эпохи эллинизма. Киев, 1897. С. 144. Рис. 66.

³² Raquette D. Op. cit. P. 25.

аулоса отвечало пяти тембрам человеческого голоса. На ольвийском килике Эпиктета довольно длинная трубка аулоса, вероятно, соответствует тенору, чаще же изображали сопрано или альт. Глядя на длину нарисованного аулоса, зритель представлял тембр инструмента.

Как правило, обе трубки аулоса рисуют одинаковой длины. Редкое изображение на вазе из Пантикапея³³ показывает, что иногда играли на инструментах разного тембра. Это подтверждается письменными источниками. Поллукс (IV, 80) писал, что свадебная мелодия исполнялась на аулосах с трубками разной длины.

При игре на аулосе исполнитель надевал на голову своеобразную узду из кожаных или матерчатых лент. Греки называли ее форбеей или перисотомией. Она захватывала затылок и верх головы, а на лице покрывала щеки и губы, около которых находилось отверстие для мундштука аулоса. Назначение форбеи сейчас не до конца понятно. Вероятно, она предохраняла исполнителя от чрезмерного нажима воздуха при сильном надувании щек и поддерживала губы около мундштука. Судя по изображениям, форбею надевали мужчины, в редких случаях женщины, а дети — никогда. Форбея отсутствует у музыкантов, принимающих участие в симпосии, то есть в закрытом помещении. Видимо, в ней нуждались при громкой игре на открытом воздухе: в театре, на палестре, во время праздничных шествий, религиозных церемоний и военных действий. Однако на вазах и скульптуре с подобными сценами исполнитель далеко не всегда имеет форбею.

Форбея хорошо видна на фрагменте ольвийской пелики с изображением победителя авлета (рис. 43)³⁴, на обломке кратера с театральной сценой и на фрагменте канфара, найденного на острове Левке, находившемся под покровительством Ольвии (рис. 33)³⁵. Эпиктет украсил канфар сценой дионисийского праздника с участием авлета. Он играет на двойном аулосе, а за спиной у него находится кожаный футляр с отделениями для двух трубок аулоса. Такие футляры часто изображали на стенах комнат, где происходили симпосии и звучали аулосы. Иногда на футляре можно различить притороченную к нему коробочку для хранения язычков аулоса³⁶.

Другие духовые инструменты занимали довольно скромное место в античной музыке. На сиринге, изготовленной из нескольких склеенных воском трубок различной длины, в основном играли пастухи. Их бог Пан часто изображался с сирингой, называемой также флейтой или свирелью Пана. Среди ольвийских находок есть серебряный браслет эллинистиче-

³³ ДБК. Табл. 63.

³⁴ См. прим. 26.

³⁵ Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 14.

³⁶ Прушевская Н. М. Обломок краснофигурного килика из Мирмекия // Труды Отдела истории искусства и культуры античного сектора Гос. Эрмитажа. Л., 1945. Т. 1. С. 121. Прим. 4.

ского времени с фигуркой козлоногого Пана, играющего на многорядной свирели³⁷ (рис. 45), и две терракоты, изображающие Аттиса, спутника богини Кибелы, в виде фригийского пастуха с сиригой в руках³⁸. Вероятно, и ольвийские пастухи играли не только на простых одинарных дудочках, но и на сиригах.

Труба у греков и римлян служила не для исполнения мелодий, а для подачи различных сигналов. Она оповещала горожан о военной опасности (Васш. XVIII, 15), подавала сигналы к началу сражений на суше (Хен. Анаб. I, 1, 17; Агг. Анаб. VI, 3, 3; Diod. Sic. XVI, 12, 62). Она же возвещала о конце морского боя и времени отплытия кораблей (Агг. Анаб. VI, 3, 3; Diod. Sic. XVI, 12, 62). В словаре Поллукса (IV, 185) отмечены различные «части мелодии трубы»: выступление, призыв к началу боевых действий, отбой и отдых, сигнал к привалу. В Северном Причерноморье известно о звуках военных труб при осаде Феодосии в IV в. (Polyen, V, 23) и о состязании трубачей в Херсонесе³⁹. Вероятно, и в Ольвии подавали трубами различные сигналы; некоторые из них, по свидетельству Поллукса (IV, 88), были слышны на расстоянии до 10 км.

К духовым инструментам относится также орган, изобретенный в конце эпохи эллинизма. Поэтому в рассматриваемый нами период орган в Ольвии просто не мог существовать⁴⁰.

Последняя группа греческих музыкальных инструментов — ударные. Из них ксилофон и кимвалы (металлические тарелки) звучали в древности сравнительно редко и на предметах искусства изображаются эпизодически. В эллинистический период ксилофон встречается среди музыкальных инструментов на росписях малоазийских и итальянских ваз. Его схематическое изображение вместе с тритоном имеется на упомянутом кувшине-лагиносе из Ольвии⁴¹ (рис. 46).

Стук кроталов (род кастаньет) и тимпанов (бубны) постоянно раздавался во время различных танцев и при отправлении культов Диониса и Матери богов или Кибелы, широко распространенных в Ольвии. Пиндар в дифирамбе фиванцам писал:

*Перед державною Матерью богов
Первыми грянут тимпаны,
Ударят кроталы,*

³⁷ Alexander Ch. Jewellery. The Art of the Goldsmith in Classical Times. New York. 1928. P. 39. Tab. 84.

³⁸ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 90.

³⁹ IPE F № 493. Ср. также херсонесское надгробие трубача Аврелия Сальвиана, жившего во II в. н. э. (IPE I № 551).

⁴⁰ В Северном Причерноморье единственное изображение ручного органа сохранилось на росписи боспорского саркофага I в. н. э. (Ростовцев М. И. Указ. соч. Табл. 92).

⁴¹ Худож. М. М. Терракоты // Ольвия. Киев. Книпович Т. Н. Указ. соч. С. 372. Рис. 16.

*Вспыхнет факелом рыжая сосна,
Прозвучат глухие стоны наяд
И безумные «алала!»*

Перевод М. Л. Гаспарова

Костяные, бронзовые или деревянные кроталы состояли из двух частей, которые прикреплялись к пальцам и ударялись одна об другую. По фотографиям Доддсиз XXIII в. кроталы можно видеть на чернофигурных вазах, найденных в Ольвии: на килике с изображением гетеры и на ойнохое, расписанной фигурами двух танцующих менад, спутниц Диониса⁴². Кроталы и тимпан отчеканены на медных ольвийских монетах начала II в.⁴³

Тимпан — круглый бубен с металлическим или деревянным ободом, обтянутым кожей. На тимпане часто аккомпанировали танцу, нередко он изображался в руках танцоров. Обычный тимпан имел диаметр около 30 см, а при отправлении культа Кибелы, Диониса и некоторых других богов восточного происхождения гремели гораздо более крупные тимпаны. Большой тимпан рядом с Кибелой неоднократно изображен на ольвийских терракотах⁴⁴ и мраморном рельефе (рис. 27). Дионисийские празднества сопровождались пением хоров под аулос, шествиями и танцами, которым аккомпанировали аулосы вместе с отбивающими ритм тимпанами и кроталами. Подобные шествия проходили по улицам Ольвии. О них рассказал Геродот (IV, 78), повествуя о приобщении скифского царя Скила к поклонению Дионису.

Греческие музыканты чаще аккомпанировали сольному и хоровому пению, чем исполняли чисто инструментальную музыку. В античности не было сколько-нибудь больших оркестров, но нередко составлялись ансамбли из нескольких одинаковых или разных инструментов. Мы знаем об этом в основном по памятникам изобразительного искусства. Например, на упомянутом березанском кратере четыре кифаристки, судя по одинаковому положению их рук, играют, вероятно, в унисон. Аттические вазописцы рисовали музыкантов, играющих на лире или кифаре и на аулосе, а также авлетов, исполняющих мелодию в сопровождении тимпанов и кроталов.

В Ольвии, как и в любом другом греческом городе, постоянно исполнялась разная музыка. Она звучала на агоре, на теменосах у храмов и на улицах, по которым двигались шествия во время праздников в честь разнообразных божеств. Ольвийские улицы оглашались песнями и музыкой, сопровождавшими свадьбу, когда невеста отправлялась из своего дома в

⁴² Леви Е. И. Архаическая керамика из раскопок ольвийской агоры // КСИА. 1972. № 30. С. 56. Рис. 16; Скудникова В. М. Указ. соч. С. 52.

⁴³ Анохин В. А. Указ. соч. С. 112. № 334. 1940. С. 98; Русяева А. С. Указ. соч. С. 83. Рис. 33, 87.

дом жениха⁴⁵. А по вечерам веселые компании возвращались с симпозионов, распевая и пританцовывая под мелодии аулоса, лиры или барбитона⁴⁶. (рис. 56) В домах музыка и хоровое пение сопровождали все праздничные застолья, на которые состоятельные люди приглашали профессиональных музыкантов, чаще всего флейтисток. В гинекее женщины играли на лирах, тритонах и аулосах, что составляло одно из немногих дозволенных им развлечений; они также пели, убаюкивая детей и сидя за своим постоянным занятием, прядением и ткачеством⁴⁷. В гимнасий и на палестре ольвиополиты тренировались под музыку аулоса, а из школы неслись звуки музыкальных упражнений учеников. Лучшую музыку в исполнении квалифицированных любителей и профессионалов слушали в ольвийском театре.

Эллины считали, что они становятся похожими на богов, когда испытывают чувство счастья. Оно, по словам Страбона (X, 3, 9; с 467), создается занятиями философией, радостью, праздниками, а также музыкой.



⁴⁵ Одно из лучших изображений свадебного шествия сохранилось на фрагменте краснофигурной кальпиды, найденной в Горгиппии. В процессии участвуют флейтистка и женщина, поющая под аккомпанемент лиры. См.: Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпиды 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. 1915. № 35. С. 25.

⁴⁶ Такая сцена изображена на аттическом килике, найденном в Ольвии. См.: Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. С. 186. № 152.

⁴⁷ В античной литературе сохранились названия песен, которые пели во время различных работ, в частности за прялкой и при ткачестве. См.: Грубер Р. И. История музыкальной культуры. М., 1941. Т. 1. С. 271.



7. ГИМНАСИЙ И ЗАНЯТИЯ АТЛЕТИКОЙ

Идеалом граждан большинства греческих государств было стремление достичь совершенства одновременно в сферах духовной и физической культуры. Все молодые греки хотели быть сильными и ловкими, иметь красивую пропорциональную фигуру, как на статуях, изображавших богов, героев и прославленных атлетов, уметь стойко переносить трудности военных походов и успешно выступать на всевозможных состязаниях. Для этого в городах строились тренировочные площадки (палестры), где атлетикой занимались главным образом подростки, и гимнасии для тренировок и соревнований юношей и молодых людей¹.

Любая греческая община, претендовавшая на статус города, имела гимнасий. В больших городах, подобных Афинам или Милету, было несколько гимнасиев. В них находился большой зал для тренировок и состязаний атлетов; к нему примыкали комнаты для раздевания, умашения маслом и посыпания песком, а также банные комнаты для мытья после занятий атлетикой.

В гимнасий допускались только мужчины, полноправные граждане, так что круг постоянно встречавшихся здесь лиц, особенно в небольшом городе, был весьма ограниченным, и все хорошо знали друг друга. В крупных городах существовали отдельные гимнасии для юношей и для взрослых мужчин, но в большинстве эллинских полисов один и тот же гимнасий служил и тем и другим².

Ольвия имела свой гимнасий уже в V в., затем его неоднократно перестраивали вплоть до римского времени. Сохранились две надписи с упоминанием ольвийского гимнасия³. На штукатурке здания III в. обнаружено граффито со словами гимнасий и натирание маслом (оно у греков предшествовало любому занятию атлетов). Лапидарная надпись II в. н. э. сообщает о постройке нового гимнасия.

¹ См. главу «Воспитание и обучение детей».

² Jones A. H. City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 220-225.

³ Семенов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940. С. 40; IPE I № 40.

Здание гимнасия догетского периода находилось возле южной части агоры. Его построили в V в., а в конце IV — начале III в. заново возвели каменный гимнасий с фасадом, украшенным мраморными деталями⁴. Большую часть постройки занимал зал для тренировок и соревнований. Он делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. От выложенного галькой пола сохранилось немного, но, вероятно, разноцветная галька составляла какой-то рисунок, подобный тем, которые мы видели в парадных комнатах богатых ольвийских домов.

К восточной стороне зала примыкали банные помещения; в них найдены остатки труб, по которым вода поступала в большие пифосы из колодца, располагавшегося в юго-западной части здания. Там, как бы охраняя колодец, в специальной нише стояла полуфигура Аполлона⁵. Этот каменный колодец был сложным гидротехническим сооружением, поскольку водоносный слой в Верхнем городе лежал на глубине примерно 30 м. На южной стороне гимнасия концентрировались комнаты хозяйственного назначения и туалет, а в восточной части помещались большие топки. Жар от них по гончарным трубам шел к днищам резервуаров с водой, и она таким образом становилась горячей⁶.

Ольвийские надписи свидетельствуют о том, что на берегах Гипаниса занимались всеми основными античными видами атлетики: бегом, прыжками, борьбой, метанием копья и диска, составляющими классический греческий пентатлон⁷. Кроме того, вне гимнасия стреляли из лука на дальность, учились ездить верхом и править колесницей⁸.

Различалось несколько видов бега: простой на один стадий⁹, двойной, при котором следовало, пробежав один стадий, вернуться к старту, шестерной, трижды повторявший двойной, и длинный, достигавший более 20 стадиев. Греки очень ценили упражнения в борьбе, потому что в ней приводились в действие все мышцы и одновременно проявлялись сила,

ловкость, находчивость. Копье метали и правой и левой руками, иногда бросали два копья обеими руками. Диски различных диаметров также бросали обеими руками двумя способами: либо, как в наше время, на дальность полета, либо вверх, заставляя его вращаться и стараясь его поймать падающим плащмя.

Афинские вазописцы иллюстрировали все виды атлетических упражнений. Вазы с этими сюжетами привозили в Ольвию. На них мы видим бегунов¹⁰, борцов¹¹, кулачных бойцов¹², дискоболов¹³, юношей с одним или двумя копьями¹⁴, стрелков из лука¹⁵ и возниц на колесницах¹⁶. Нередко рядом с атлетами изображены тренеры и судьи, а в руках атлетов нарисованы стригили¹⁷.

Стригилем, специальным загнутым в форме полумесяца скребком, счищали масло и прилипшие к нему песок и пыль. Ведь эллины занимались атлетикой полностью обнаженными, предварительно натерев тело оливковым маслом и посыпав его мелким песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял атлетов от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев тела перед упражнениями или соревнованиями.

Отправляясь в гимнасий, грек подвешивал на шнурке, охватывавшем кисть руки, арибалл — небольшой сосуд с узким горлышком и венчиком с широко отогнутыми краями¹⁸. Этим венчиком растирали масло, которое лилось из арибалла каплями или тонкой струйкой. В коллекции ольвийских находок имеется немало керамических арибаллов, а также стригилей из кости, железа и бронзы¹⁹.

¹⁰ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 148. Рис. 15; *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 40, 56, 156, 172.

¹¹ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 149. Рис. 16; с. 164.

¹² *Леви Е. И.* Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры // КСИД. № 130. 1972. С. 51. Рис. 15, 2.

¹³ *Горбунова К. С.* Краснофигурные килики из раскопок Ольвии // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964. С. 186. Рис. 15, 1.

¹⁴ Там же. С. 185-186. Рис. 5.

¹⁵ Одесский археологический музей Украинской ССР. Одесса, 1983. № 59.

¹⁶ *Борисковская С. П.* Аттические чернофигурные лекифы из некрополя Пантикапея // ТГЭ. Т. 28. С. 33.

¹⁷ *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельскохозяйственная округа Ольвии. Киев, 1989. С. 131. Рис. 50.

¹⁸ *Richter G., Milne M.* Shapes and Names of Athenian Vases. New-York, 1935. P. 16.

¹⁹ *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии // ИАК № 13. 1906. С. 156; *Наливкина М. А.* Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935-1936 гг. // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940. С. 192; *Козуб Ю. И.* Некополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 85; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 117.

⁴ Описание здания гимнасия дано по книге: *Е. И. Леви.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 99-108.

⁵ См. об этой статуе во второй главе.

⁶ Не все исследователи согласны с определением только что описанного здания как гимнасия, потому что его план отличается от других эллинских гимнасиев этого времени. С. Д. Крыжицкий считает его общественными банями. См.: *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 80-81. Однако трудно предположить, чтобы в небольшой Ольвии существовали столь обширные общественные бани, вовсе не характерные для эллинских городов того периода. Все же, если даже не считать это здание гимнасием, его существование в Ольвии надежно засвидетельствовано надписями.

⁷ IPE I² № 130, 138, 155, 156, 157, 158, 685.

⁸ Ibid. № 34, 195.

⁹ Существовали стадионы разной длины: олимпийские (192 м), ионийские (210 м), аттические (177 м) и др. См.: *Фирсов Л. В.* Об эратосфеновом исчислении окружности земли и длине эллинистической стадионы // ВДИ. 1972. № 3. С. 161.

Учителя гимнастики и содержание самого гимнасия оплачивались либо государством, либо лицами, исполнявшими обязанности гимнасиархов, которых выбирали из числа богатых граждан. Сохранились имена двух ольвийских гимнасиархов. Первый из них, Никодром, в середине III в. поставил в гимнасии статую своего сына Дионисия, победителя (по-видимому, в беге) во время праздничного состязания в честь Гермеса. От статуи уцелел лишь постамент с сильно поврежденным стихотворным посвящением Гераклу и Гермесу. Они были у греков традиционными покровителями гимнасиев, и во многих городах устраивались агонистические празднества Гермеи, на которых состязались юноши²⁰. Наряду с Ольвией, в Северном Причерноморье Гермеи, как гласят надписи, проводились в Горгииппии и в Херсонесе²¹.

Другой ольвийский гимнасиарх, Феокл, во II в. н. э. построил гимнасий, а когда он умер, там установили его статую. Феокл входил в число не только состоятельных, но и весьма уважаемых граждан. Ольвиополиты четырежды избирали его первым архонтом; 18 городов наградили Феокла золотыми венками за гостеприимство, оказанное их гражданам²². Традиция избирать гимнасиархами первых лиц государства существовала также в других полисах Северного Причерноморья. Например, в III в. в Херсонесе должность гимнасиарха исполнял Агасикл, занимавший многие важные магистратуры²³.

О том, что в ольвийском гимнасий тренировались не только молодые, но и мужчины среднего возраста, свидетельствуют надписи о победах архонтов в атлетических соревнованиях. Ведь архонтами, высшими должностными лицами государства, становились, лишь пройдя определенные ступени политической карьеры. Поэтому далеко не юношами были архонты Пурфей, одержавший победу в метании копья и диска, Еврисивий, победивший в беге и прыжках, и не известный по имени архонт, который дальше всех бросил копье и диск²⁴.

Все эти сведения происходят из надписей римского времени. Однако традиция занятий взрослых граждан в гимнасий восходит к классическому периоду. Известно, например, что Сократ занимался борьбой вместе со своим учеником Алкивиадом (Plut. Alc. 4), а Платон учился борьбе у хорошего учителя Аристана из Аргоса и участвовал в Истмийских играх (Diog. Laert. III, 4). В «Пире» Ксенофонта (I, 7) говорится, что гости Каллия днем занимались в гимнасий перед тем, как прийти к нему на симпозион, чтобы отметить победу в борьбе юного Автолика.

²⁰ IPE I² № 186. *Карышковский П. О.* Монеты с изображением Гермеса // ЗООИД. Т. 2. 1967. С. 260.

²¹ КБН № 1137; IPE I № 436.

²² *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887. С. 220, 262; IPE I² № 40.

²³ IPE I² № 418, 437.

²⁴ Ibid. № 130, 156, 157.

Греки справедливо считали, что тренировки в гимнасии служат не только для укрепления здоровья и поддержания физической формы для успеха во время военных действий, но и, как писал Лукиан (Anach. 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Гимнасий реализовал в нужном направлении энергию молодых греков, а люди старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования.

В гимнасиях греки собирались для бесед на философские темы, здесь читали лекции, выступали хоры, местные поэты и риторы, создавались библиотеки учебной литературы²⁵. Напомним, что Платон обучал своих учеников в гимнасии, стоявшем в роще героя Академа, а Аристотель дважды в день читал лекции в гимнасии, находившемся около священной рощи Аполлона Ликейского. Эти афинские гимнасии дали название платоновской Академии и аристотелевскому Ликейю (или Лицею в более распространенной латинской транскрипции).

Таким образом, в Ольвии, как и в любом греческом городе, гимнасий служил любимым местом проведения досуга граждан полиса и играл в его жизни важную воспитательную роль.



²⁵ *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 67, 108.



8. ТОРГОВЛЯ И ДЕНЬГИ

Главный ольвийский рынок, как и в любом греческом городе, располагался на агоре. С двух сторон ее окружали здания с разнообразными лавками, имевшими торговое помещение и подвал для склада товаров. На их месте найдено множество ольвийских медных монет¹. В больших количествах эти монеты встречаются во всех слоях ольвийского городища; они дают нам самое надежное доказательство интенсивности внутренней торговли в Ольвийском государстве.

По археологическим остаткам можно определить, что в одних лавках торговали столовой привозной посудой, в других — местными сероглиняными, красноглиняными и лепными сосудами, в третьих продавали мясо, в четвертых — вино или масло². Одни товары продавцы взвешивали гирями, другие (вино, масло, муку, крупу) отмеряли сосудами определенного объема. В Ольвии найдено немало гирь и мерных сосудов с клеймами агораномов — магистратов, следивших за порядком на рынках.

Агораномы собирали налоги с торговцев, которые либо имели постоянные лавки в торговых рядах, либо раскидывали на агоре временные палатки и прилавки, либо ходили по рынку, торгуя вразнос. Звонком в колокол агораном оповещал об открытии и прекращении торговли на рынке, а также о поступлении в продажу партии только что привезенной свежей рыбы. Прохаживаясь между торговцами, агораном со своими помощниками следил, чтобы цены не превышали установленного предела; кроме того, он проверял качество товаров и правильность мер и весов. Для этого имелись контрольные сосуды и гири с определенной маркировкой³. Агораномы также регулировали процесс наема на работу поденщиков: поваров, музыкантов, гетер, посыльных и др. Нарушители платили штрафы, а иногда привлекались к суду.

В Ольвии и ее округе найдены мерные чашки и ойнохои с клеймами, на которых вытеснены имена агораномов⁴. По ним можно заключить, что

¹ *Леву Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 97.

² Там же. С. 96-99.

³ *Aristot.* Pol. 51; *Jones A. H.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940. P. 214-217.

⁴ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 98-99. Рис. 99. Наибольшее количество мерных сосудов опубликовано в: *Рубан В. В.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. № 39. С. 30-40.

сначала за ольвийской торговлей наблюдал один агораном, а в III в. их стало трое⁵. Стоит отметить, что контроль за системой мер и весов и, соответственно, за розничной торговлей был организован уже в первые десятилетия жизни греков в Нижнем Побужье. Об этом свидетельствует находка на Березани ойнохои второй половины VI в. с надписью «узаконенная мера»⁶.

Точность веса контрольных гирь гарантировалась рельефной надписью «Ольвия», к которой иногда добавлялось имя агораном, и каким-либо изображением⁷, чаще всего дельфина, символа верховного ольвийского бога Аполлона⁷. Такие гири изготавливались преимущественно из бронзы. С их помощью проверяли вес массовых немаркированных гирь, обычно сделанных из свинца. Крупные греческие гири весили одну, две или половину мины, а мелкие разновесы — треть, четверть, пятую и даже восьмую мины.

Начиная с классического периода, ольвиополиты пользовались одной из наиболее распространенных в античном мире эвбейско-аттической весовой системой; вес мины составлял в ней примерно 450 г.⁸ Цифровые обозначения на амфорах и других сосудах V—III вв. показывают, что Ольвия приняла аттическую цифровую систему⁹. На многих привозных амфорах стояли клейма, гарантирующие стандартный объем сосуда, так что при покупке амфоры вина или масла не требовалось измерять заключенную в них жидкость.

Торговля на греческих рынках наиболее интенсивно шла между девятью или двенадцатью часами утра, поэтому эти часы назывались «временем наполнения агоры» (Her. II, 173; VII, 223; Dio Chrys. XXXVI, 1). На ольвийском рынке продавали множество разных местных и импортных товаров. Их предлагали не только в лавках, расположенных в зданиях торговых рядов, но также во временных палатках и на открытых прилавках, которые убирали после окончания торгового дня. Здесь покупали дешевую еду и изысканные деликатесы¹⁰, пряжу, ткани, одежду, украшения, посуду, оружие, мебель, парфюмерию, книги, древесный уголь для жаровен и др. Здесь приобретали цветы и зелень для гирлянд и венков, необходимых во время любого домашнего и городского праздника. Самодельные лека-

⁵ Там же. С. 35-36.

⁶ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 63.

⁷ Кроме дельфина на ольвийских гирях встречаются изображения богов Аполлона, Деметры, Афины, Гелиоса, а также коня и черепахи. Наиболее полный каталог ольвийских гирь приведен в статье: *Кривина В. В.* Весовые гири Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 83-98.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ *Яценко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980 № 3 С 97-99. № 106, 107, 109, 110, 113, 117.

¹⁰ См. главу «Еда и посуда».

ри предлагали всевозможные лекарства и снадобья от разных болезней; более дорогие лекарства, вероятно, наряду с парфюмерией продавались в лавке, находившейся рядом с гимнасием. В ее подвальном складском помещении сохранилось около двадцати глиняных лекарственных флакончиков и более сотни монет, так и не истраченных хозяином ¹¹.

Во время рыночных торгов ольвиополиты, вероятно, так же, как в других греческих городах, нанимали стоявших в определенном месте поваров для приготовления праздничных обедов, музыкантов и гетер для развлечения во время симпозиона, посыльных, доставлявших покупки в назначенное место. Здесь же на особом высоком помосте работорговцы демонстрировали свой живой товар.

Греки часто устраивали рыбный рынок отдельно от главного. В Ольвии, как известно из декрета Протогена, рыбный рынок располагался в Нижнем городе, в непосредственной близости от реки. Сюда на лодках и кораблях доставляли свежую речную и морскую рыбу и моллюсков. На этом рынке продавали также сухую, копченую, вяленую, соленую рыбу и рыбные соусы. Как и на агоре, между продавцами ходил агораном, наблюдая за тем, чтобы они не обвешивали покупателей и не поливали рыбу водой, тем самым скрывая ее истинную свежесть. Вероятно, здесь агораном изобличил в мошенничестве продавца соленой рыбы, вольноотпущенника, отца философа Биона Борисфенита. За это его самого и всю его семью продали в рабство, и юношу Биона приобрел ольвийский ритор (Diod. Laert. IV, 46).

Кроме названных двух в Ольвии существовал еще третий рынок — оптовый, упомянутый, как и рыбный, только в декрете Протогена. По-гречески он назывался дейгма (δείγμα), буквально образец. На нем выставляли образцы товаров, продававшихся большими количествами, в первую очередь, зерно, вино и оливковое масло.

Приобретенное для нужд города зерно ссыпали в государственный склад οἰτόβολον, о котором известно также из декрета Протогена. Хлеб же, отправлявшийся в Элладу, грузили на корабли. На дейгме пробовали оливковое масло и вино, а затем покупали его целыми партиями амфор. Особенно ценилось масло из Аттики, а хорошее вино доставлялось из нескольких центров. В VI-V вв. ведущее место в виноторговле занимал Хиос; тогда вообще все торговые связи были ориентированы на ионийскую часть Эллады. В классический и эллинистический периоды много товаров поступало из Афин. Кроме того, ольвиополиты получали прославленные фасосские и мандосские вина, а более дешевые сорта доставляли из Гераклеи и Синопы ¹².

На дейгме покупали вино для отправки в Скифию, здесь же брали его местные виноторговцы. Сохранилось несколько граффито с их записями.

¹¹ Леви Е. И. Указ. соч. С. 110. Рис. 116.

¹² Все это удается определить по многочисленным обломкам амфор, формы которых характерны для каждого центра производства. См.: Лейпунская Н. А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981.

Особенно интересно одно на чернолаковом черепке III в. Хозяин винной лавки отпускал вино в кредит постоянным покупателям; он записал имена своих должников Евксена, Диотима и Кимона и причитающиеся с них деньги за вино, приправленное пряным растением иссопом. Такое вино употреблялось с лечебными целями (Dioscorid. X, 40) ¹³.

В античной литературе упоминаются дейгмы в Афинах (Theophr. Char. 23; Dem. XXXV, 29; Xen. Hell. V, 1, 21; Polyae. VI, 22) и на Родосе (Polyb. V, 88, 8; Diod. XIX, 45). Они располагались недалеко от торгового порта; например, афинская находилась в Пирее, а ольвийская неподалеку от Гипаниса. В III в., когда ольвиополитам пришлось возвести оборонительную стену вдоль реки, дейгма оказалась внутри города. Протоген построил рядом с ней ворота, через которые ввозили товары ¹⁴. В настоящее время остатки ольвийской дейгмы и рыбного рынка затоплены водами лимана.

Продавцами и покупателями на греческих рынках были в подавляющем большинстве мужчины. В Ольвии это можно иллюстрировать надписью на местном сероглиняном сосуде IV в. «Гиппий купил» ¹⁵. Женщинам вообще считалось неприличным появляться в городской толпе, но это правило неукоснительно соблюдалось в состоятельных семьях. В бедных семьях, где умерли взрослые мужчины, женщины покупали на рынке все необходимое и зарабатывали торговлей, продавая чаще всего пряжу собственного изготовления и сплетенные венки и гирлянды из цветов, трав и ветвей.

Ольвийская торговля в основном велась на деньги ¹⁶. Лишь с местными племенами, возможно, осуществлялся натуральный обмен, потому что они, живя бок о бок с греками многие столетия, так и не восприняли у них денежного обращения. Уже в VI в. в Ольвии начали отливать собственную медную монету в виде дельфинов разной величины (рис. 31). Они обращались на ольвийском рынке вплоть до IV в. За крупные покупки в VI-V вв. ольвиополиты расплачивались золотыми монетами малоазийских городов Кизика и Лампсака. Кизикские статеры в то время служили, как бы мы теперь сказали, международной валютой, обращавшейся во множестве греческих полисов. В IV в. эту функцию у них отвоевали золотые статеры Александра Македонского и одного из его преемников Лисимаха. Видимо, такими монетами Протоген дал заем своим соотечественникам, а они, не имея золота, отдавали долг из расчета 400 медных ольвийских монет за один золотой.

¹³ Яйленко В. П. Указ. соч. С. 96. № 106.

¹⁴ Слово πυλῶν в декрете Протогена может означать ворота, ворота с башней или часть стены, фланкирующая ворота. При любом толковании этого слова ясно, что ольвийская дейгма в III в. находилась возле ворот.

¹⁵ Яйленко В. П. Указ. соч. С. 96. № 105 а.

¹⁶ Об ольвийских монетах см.: Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев, 1988; Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Медные монеты Ольвии весьма разнообразны. Наряду с дельфинами в начале V в. здесь появились первые монеты традиционной круглой формы. Они также были литыми, очень крупными, весом около 120 г. Сейчас их называют ассами по аналогии с наименованием ранних римских литых монет. На первых ольвийских ассах изображена Афина, затем на них появилась маска Медузы Горгоны, украшавшая эгиду на груди Афины, потом голова Деметры в фас (рис. 47). На оборотной стороне ассов часто находилась эмблема Ольвии: орел, символ Зевса, над дельфином, символом Аполлона, а также надпись с наименованием города (рис. 4, 48).

С середины V в. чеканные монеты стали постепенно вытеснять литые. Древнейшие отчеканенные ольвийские монеты — серебряные статыры с изображением Геракла в львиной шкуре на аверсе и именем Эминака на реверсе — выпускали между 460 и 430 гг. Единственный раз Ольвия в период своего наивысшего расцвета в середине III в. чеканила серию монет из всех трех монетных металлов древности: золота, серебра и меди. Они имели сходные изображения: голова Деметры (аверс) и орел над дельфином (реверс) (рис. 48).

В III в. наиболее распространенными ольвийскими деньгами стали так называемые борисфены — медные монеты нескольких номиналов с профилем речного бородатого и рогатого бога, которого современные ученые сочли Борисфеном (рис. 49). На реверсе этих монет помещено название города, горит с луком и стрелами и секира. В период процветания экономики Ольвии борисфены принимали для платежей во многих городах Причерноморья.

После кризиса конца III в. в Ольвии пользовались в основном медными деньгами, на старых монетах появились надчеканки с новыми надписями и изображениями. Время от времени выпускались серебряные монеты. Ольвийские деньги II—I вв. несут изображения многих олимпийских богов — Аполлона, Афины, Зевса, Гермеса, Деметры, Артемиды, а также любимого эллинского героя Геракла, богини судьбы Тюхе и бога солнца Гелиоса.

Как уже говорилось, сначала торговля в Ольвии осуществлялась на местные и иногородние деньги. Затем, во всяком случае, уже в IV в., государство запретило обращение всех иностранных монет на своей территории и обязало производить их обмен на местные деньги по определенному курсу. Это положение закрепил закон 340-330 гг., предложенный ольвиополитом Канобом и одобренный народным собранием¹⁷.

Копия закона Каноба, высеченная на мраморной стеле, найдена на азиатском берегу пролива Босфор на месте поселка Гиерон (Священного), стоявшего у храма Зевса Урия (Попутного). Здесь останавливались корабли, следовавшие в Понт Евксинский, и моряки просили Зевса помочь им совершить благополучное плавание по бурному морю. Ни один корабль не мог миновать Гиерон, поэтому он оказался весьма удобным местом для

¹⁷ См. перевод текста этого закона в Приложении № 3.

помещения копий законов, знакомивших купцов с правилами торговли во всех греческих городах Причерноморья¹⁸.

Согласно закону Каноба, всем направлявшимся в Ольвию надлежало знать, что

1. можно ввозить туда и вывозить из города любые золотые и серебряные монеты;
2. на территории Ольвийского полиса средством платежей могут быть только местные деньги, а привезенные монеты продаются и покупаются в обмен на ольвийские серебряные и медные деньги лишь в одном определенном месте «на камне в эkkлесиастерии»;
3. установлен твердый курс обмена кизикинов: один кизикин приравнен к 10,5 ольвийских серебряных статов, остальные монеты обмениваются по соглашению;
4. налог за обмен не взимается;
5. с нарушителей в судебном порядке взыскивается штраф, конфискуется весь товар и уплаченные за него деньги.

Итак, в Ольвии разрешалась покупка и продажа золотых и серебряных монет любого государства. Власти устанавливали определенный курс только на кизикины, которые в VI — начале IV в. выполняли роль международной валюты, вроде современного доллара. Недаром Платон назвал их «общими деньгами Эллады».

Серебряные статыры, о которых говорится в декрете, найдены при раскопках в Ольвии. На их аверсе находится профиль Деметры с ожерельем на шее, а на реверсе — орел с распушенными крыльями над дельфином¹⁹. Электровые кизикины имели различные изображения в зависимости от времени их чеканки. Принимались же монеты любых эмиссий. Свое наименование кизикины получили от выпускавшего их города Кизика на азиатском берегу Мраморного моря. Сюда поступал электр, добывавшийся в Лидии в долине золотоносной реки Пактол. В разных партиях электра, природного сплава золота и серебра, соотношение между этими металлами было неодинаковым. Только на рубеже V—IV вв. греки научились выплавлять искусственный электр и соблюдать заданное соотношение между двумя составляющими его металлами. Во время издания ольвийского декрета нормой считалось 52% золота и 48% серебра.

Ольвийский курс обмена кизикинов, по всей вероятности, отражал курс этих монет на греческом рынке. Государство могло извлечь небольшую прибыль от установленной нормы обмена, поскольку резкий разрыв между стоимостью кизикина в Ольвии и других городах привел бы к переходу на золото и серебро иных полисов. Ведь их монеты разрешалось ввозить в Ольвию без ограничения и менять по соглашению сторон²⁰.

¹⁸ Демосфен (XX, 36) сообщает, что в Гиероне находилась копия декрета афинян о данных ими торговых привилегиях боспорскому царю Левкону.

¹⁹ *Карышковский П. О.* Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 3. С. 125.

²⁰ Там же. С. 124.

Текст ольвийского декрета разъясняет механизм наказания нарушителей закона. Право взимания штрафа получали откупщики, уплатившие государству определенную сумму. Все, что они выручали сверх этого, составляло их доход, поэтому они были заинтересованы выявить как можно больше нарушителей. Откупщик передавал иск в суд, и там его рассматривали вне очереди, как и прочие дела, связанные с морской торговлей. В случае выигрыша дела откупщик становился владельцем товара нарушителя или денег, уплаченных за этот товар.

Стоит особо остановиться на пункте декрета с указанием обязательства проводить обмен денег только в одном месте, «на камне в эkkлесиастерии». Эkkлесиастерий — место народного собрания, которое у греков часто проходило на агоре, и там выступали ораторы, поднявшись на каменное возвышение. Поэтому еще в прошлом веке В. В. Латышев предположил, что на ольвийской агоре находился камень для ораторов, и на нем надлежало обменивать деньги²¹. Другие ученые, анализировавшие декрет, либо соглашались с интерпретацией В. В. Латышева, либо никак не комментировали его слова²².

По моему мнению, эkkлесиастерий в декрете Каноба подразумевает здание для народного собрания и заседаний Совета. Такие постройки известны по раскопкам в некоторых греческих городах, например, в Приене, небольшом городе недалеко от Милета, сопоставимом по размеру с Ольвией. Там эkkлесиастерий в IV в. вмещал всех полноправных граждан числом около восьмисот²³. В Ольвии с ее суровым в зимнее время климатом такое здание представляется весьма необходимым. В центре Верхнего города, где концентрировались сооружения общественного назначения, остатков эkkлесиастерия не обнаружено. По-видимому, он располагался в Нижнем городе неподалеку от порта, откуда приезжие направлялись обменивать деньги. Наиболее подходящим местом для подобного здания представляется вторая ольвийская агора, площадь которой, по-видимому, открывается в Нижнем городе²⁴.

Что же касается камня, на котором должен был производиться обмен, то, думаю, речь идет о хранившемся в здании эkkлесиастерия эталонном пробирном камне²⁴³. На нем испытывали качество благородных металлов

²¹ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 49, 234.

²² См. указанную в прим. 18 статью П. О. Карышковского и его же монографию «Монеты Ольвии». Киев, 1988. С. 10, а также статью: **Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.** Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости монетных металлов на Понте в IV в. // ВДИ. 1976. № 4. С. 20-42.

²³ Андреев Ю. Г. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 65.

²⁴ **Крыжицкий С. Д., Крапивина В. В.** Четверть века раскопок Ольвии // Летопись Причерноморья. Вып. 1. Херсон, 1999. С. 17. В греческих городах нередко имелось две агоры, например, в афинском порту Пирее. См.: **Колобова К. М.** Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 101.

^{24a} О существовании в Ольвии пробирных камней свидетельствует находка одного такого камня со следами золота. См. **Карышковский П. О.** Ольвийские

в разных изделиях, в первую очередь, в монетах, выявляя среди них фальшивые и недоброкачественные.

Подобно электру, лучшие пробирные камни (βάσανος) добывали в Лидии, поэтому греки часто называли их лидийскими. Например, Феокрит в идиллии «Влюбленный» (XII, 36-37) сравнил уста судьи состязаний юношей с лидийским камнем, «которым менялы поддельный металл различают». Этот камень представлял природную разновидность мелкозернистого сланца темного или черного цвета. На нем даже сейчас иногда, наряду с более совершенными методами, устанавливают пробу благородного металла. Этот простой и быстрый способ (штрих-проба) не изменился принципиально с античных времен.

Меняла имел набор заранее приготовленных эталонов (теперь это стержни из различных сплавов строго определенных проб). Испытуемым изделием (или монетой) проводили черту на пробирном камне и рядом другую черту эталоном. Если на камне обе черты оказывались одинаковыми, то состав металла испытуемого предмета соответствовал эталонному. Если же черты имели разные оттенки, то подбирали иной эталон, с помощью которого и определялось количество благородного металла в монете или другом изделии (украшениях, сосудах и пр.).

Распоряжение испытывать монеты на определенном эталонном камне соответствовало другим мерам, обеспечивавшим контроль ольвийского полиса за порядком в торговле, в частности, установлению стандартов мер и весов, о чем говорилось выше. Государственный контроль за пробой металлов в монетах существовал и в других полисах, например, в Афинах в том же IV в.²⁵

Начиная с VI в., несколько сотен греческих городов и их колоний выпускали собственные монеты в разных денежно-весовых системах. Интенсивная торговля требовала возможности приравнять друг к другу денежные единицы разных полисов. Так появилась профессия менялы. Он раскладывал деньги и проверял качество монет на особом столе (по-гречески τράπεζα), откуда произошло греческое название этой профессии — трапезит. Трапезиты существовали в каждом греческом городе. Сначала они занимались обменом денег одной денежной системы на другую и проверкой качества монет; ведь фальшивомонетчики появились уже в древности, а иногда некоторые государства выпускали неполноценные монеты²⁶.

Постепенно функции трапезитов расширялись, а к концу V в. меняльные лавки-трапезы превратились в прототипы современных банков и отчасти ломбардов²⁷. Обмен денег составлял лишь малую часть их функций.

монеты: производство и метрология // Stratum. Археологический журнал. 1999. № 6. С. 25.

²⁵ Hopper R. Trade and Industry in Classical Greece. London, 1979. P. 118.

²⁶ Ibidem.

²⁷ См. об этом: **Bogaert R.** Les origines antiques de la bank de αερφί. Leiden, 1966. О деятельности афинских трапезитов см.: **Гускина Л. М.** Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 71-100.

В трапезу вносили краткосрочные или долгосрочные вклады. Первые производили для сохранности денег, главным образом, приезжие, опасавшиеся хранить свои деньги в том месте, где они останавливались. Долгосрочный вклад помещали под проценты для увеличения капитала. В некоторых трапезах за определенную сумму брали на прокат дорогую посуду, покрывала, гиматии и т. п. для приема гостей (Dem. XLIX, 22). Трапезиты давали деньги под залог ценных вещей, осуществляли денежные переводы в другие города, выдавали займы под проценты; за определенную плату они хранили ценности и разные документы, совершали от имени клиента различные сделки, выступали посредниками при заключении договоров и разных платежей. Греческие трапезиты первыми стали практиковать введение в оборот чужих денег; это, по мнению современных ученых, является решающим доказательством того, что древняя Эллада была родиной банковского дела.

О трапезитах в Ольвии известно по эпиграфическим источникам и различным косвенным данным. В декрете Протогена сохранилось имя ольвийского трапезита Полихарма, которому архонты на городские нужды заложили священные сосуды. Срок выкупа подходил к концу, и трапезит собирался отдать эти сосуды на переплавку, но Протоген выкупил их за 100 золотых. Стоит подчеркнуть, что Полихарм назван иностранцем, то есть не гражданином Ольвии. Профессия трапезита считалась в древности не достойной гражданина, и ею занимались метеки и вольноотпущенники. Например, большинство из известных афинских трапезитов IV в. было явно не афинского происхождения²⁸.

Косвенное свидетельство об ольвийских трапезитах содержится в законе Каноба об обмене денег, так как его осуществляли трапезиты. Ольвийские декреты, предоставлявшие различные льготы приезжим купцам из Эллады²⁹, позволяют считать, что они совершали краткосрочные вклады в местные трапезы для сохранения своих денег. Так, например, сразу же поступил молодой боспорянин, приехавший в Афины с большой суммой денег; друзья отца немедленно представили его крупнейшему афинскому трапезиту Пасиону, которому боспорянин отдал на сохранение свои деньги и в дальнейшем вел с ним много финансовых дел (Isocr. XVII, 4).

В ольвийских трапезах совершались всевозможные денежные сделки и, как было повсюду в Элладе, часто выдавались займы. Правда, давать деньги в долг под проценты не брезговали и отдельные граждане. Так поступал, например, знаменитый оратор Демосфен и его родственник Демон, ссужая крупные суммы под залог кораблей и грузов (Dem. XXXII, 31; Nuper. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. et Cic. III, b). Договоры о займах для морской торговли заключались при свидетелях; их текст (συγγραφή), скрепленный подписями кредитора и должника, отдавали на хранение трапезиту (Dem. XXXV, 14), за что он получал определенную мзду. Если

²⁸ Глушкина Л. М. Указ. соч. С. 73-74.
²⁹ НО№ 1-24.

условия сделки нарушались и потерпевший обращался в суд, то договор служил важным документом для разрешения иска.

В V-IV вв. большинство операций в трапезе основывалось на доверии. Соглашения трапезита с клиентом, заключенные устно без свидетелей, часто приводили к судебным тяжбам. Такому делу посвящена, например, семнадцатая речь Исократа «Трапезитик». Вероятно, поэтому Платон в «Законах» (XII, 7, 953 e) предложил оформлять в присутствии свидетелей письменные договоры при сделках купли-продажи.

Различными финансовыми операциями занимались и ольвийские граждане. В VI в. деньги в рост давали богачи Анаксагор и Леонакт³⁰, а в III в. состояние семьи Протогена, по всей вероятности, хотя бы частично было нажито на процентах от денежных кредитов. Среди них наибольший доход приносила морская торговля.

В Ольвии морской торговлей занимались местные и приезжие купцы. Греческие корабли плохо переносили непогоду и часто терпели крушения; кроме того, их нередко грабили пираты. Поэтому займы для подобной торговли выдавались под самые высокие проценты. Системы страхования судов не существовало, и в случае крушения корабля или его разграбления заимодавец терял все, данное в долг.

Навигация длилась с апреля по октябрь. Осенью риск кораблекрушения возрастал по сравнению с летом, поэтому ставка займа повышалась. Это прекрасно иллюстрируется текстом договора о выданном в Афинах кредите для покупки вина с целью его продажи на Боспоре или в Ольвии (Dem. XXXV, 10). Заем предоставлялся под 22,5%, если корабли с грузом войдут в Понт «до восхода Арктура», то есть не позже первой трети сентября. Если же суда минуют Гиерон после этого срока, то заплатить придется уже 30%. Для сравнения укажем, что кредиты под залог земли давались под 8—10%³¹.

Кипучая жизнь ольвийского порта ежегодно продолжалась около полугода. Зимой же она вообще замирала, потому что в античности регулярно замерзали не только реки Северного Причерноморья, но и Керченский пролив; по нему скифы перегоняли скот с Крымского на Таманский полуостров и обратно (Her. IV, 28; Schol. Aristoph. Av. 945). В холодное время года значительно сокращалось поле деятельности ольвийских трапезитов из-за отсутствия торговли с другими греческими полисами.

Зато летом порт был наиболее оживленной частью Ольвии. Прибытие любого корабля становилось важным событием. В порт сходились множество жителей Ольвии. Одни встречали друзей и деловых партнеров, другие стремились заработать на погрузке и разгрузке товаров, третьи просто узнавали новости. Аристотель (fr. 83 Rose) осмеивал зевак, сбегавшихся в афинский порт, чтобы послушать рассказы мореходов, прибывших из Ольвии. Вероятно, и на берегу Гипаниса собиралось много

³⁰ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 75.

³¹ Глушкина Л. М. Указ. соч. С. 81.

народу послушать, что происходит в Афинах, Милете и других греческих полисах.

Из Верхнего города открывался далекий обзор, поэтому ольвиополиты заранее знали, какие корабли движутся в их порт. С юга появлялись суда из Эллады и Причерноморья, с севера по Гипанису и по Борисфену из-за Гипполаева мыса выходили корабли, плававшие с товаром в Скифию (рис. 50). Торговля на них осуществлялась в основном ольвийскими купцами. Они вели главным образом посредническую торговлю, снабжая скифов вином, посудой, украшениями и другими товарами³², которые пользовались там спросом и закупались в Ольвии с кораблей, прибывших из разных греческих полисов.

Местные племена получали из Ольвии также товары ее собственного производства: соль, добывавшуюся в устье Борисфена (Her. IV, 53; Dio Chrys. XXXVI, 3) и разные ремесленные изделия. Среди них заметное место занимали зеркала. Уже в VI в. ольвийские ремесленники изготавливали зеркала, украшенные в скифском зверином стиле, которые покупали во всей Восточной Европе³³. Их находки свидетельствуют, что ольвийские купцы отправлялись в отдаленные области Восточной Европы не только речными, но и сухопутными путями. На севере их деятельность простиралась до широт Киева, а на востоке они вместе со скифскими торговцами доходили до Урала, где в обмен на свои товары покупали золото³⁴. На их рассказах построено почти все описание Восточной Европы в «Истории» Геродота, почерпнувшего свои сведения о Скифии в основном у ольвиополитов³⁵. Позже, в эллинистический период о дальних поездках ольвийских купцов по Восточной Европе свидетельствуют находки ольвийских монет в Нижнем Поволжье³⁶.

По рекам Северного Причерноморья греки плавали на небольших судах, а по мелководным притокам на плоскодонных челнах. Уже в VI в. они достигали Немировского городища, отстоящего от Ольвии на 300 км вверх по Гипанису на его левом притоке реке Мирке. Здесь найден местный сосуд с процарапанной на нем застойной греческой надписью, сделанной во время пребывания купцов в этом районе³⁷.

³² См. подробно об этом в двух томах Свода археологических источников СССР: *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье // САИ Д 1-27. М., 1966, 1970.

³³ *Граков Б. М.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? // Археологія. 1947. № 1. С. 23-37; *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 115-122.

³⁴ *Скржинская М. В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 93-94.

³⁵ Там же. С. 87-98.

³⁶ *Шелов Д. Б.* Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 296-299.

³⁷ *Граков Б. Н.* Греческое графито из Немировского городища // СА. 1959. № 1. С. 259-261.

Борисфен служил ольвийским купцам не менее важным торговым путем, чем Гипанис. В V в. в левом притоке Днепра на территории современной Черкасской области утонула партия крупных бронзовых сосудов, по видимому афинской работы, которые были отправлены на продажу в Скифию. В торфянике, на месте пересохшего русла реки Супой, близ села Песчаного найдены амфоры, гидрии, ситуты и лутерии, некоторые из них украшены рельефами; на стенке лутерия помещено изображение грифона, терзающего оленя, а на гидрии у ручки — фигурка сирены³⁸. В Ольвии целых бронзовых сосудов этого времени не уцелело, поэтому мы можем лишь представить, каков был бронзовый сервиз в домах состоятельных ольвиополитов, как эти сосуды понравились скифской знати, и купцы из Эллады стали привозить их для перепродажи скифам.

За греческие товары местные племена расплачивались сельскохозяйственной продукцией, кожами, лесом и пленниками, превращенными в рабов. Все это ольвиополиты приобретали частично для себя, но большую часть перепродавали с выгодой в разные греческие полисы. Торговля, по видимому, приносила основной доход Ольвийскому государству³⁹. Его большие прибыли от торговли с варварами органично вписываются в общую картину высоких торговых доходов множества греческих полисов⁴⁰.

Начиная с VI в., местные племена постоянно нуждались в Ольвии как торговом центре⁴¹. Они содействовали ее возрождению после гетского разгрома, уничтожившего город в I в. Как писал Дион Хрисостом (XXXVI, 4), варвары убедились, что к ним непосредственно никто не стал ввозить товары из Эллады, и для того, чтобы их получить, нужен был греческий город с гаванью.

Итак, на ольвийских рынках наряду с горожанами можно было увидеть варваров, выделявшихся своей одеждой и речью⁴², а также приезжих

³⁸ *Ганина О. М.* Античні бронзи з Пісаного. Київ, 1970; *Штительман Ф. М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. № 53-56; Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. S. 311-313. Ганина написала, что эти сосуды затонули в найденном неподалеку деревянном челне, и такое представление закрепилось в научной литературе. Однако узкий небольшой челн, находящийся сейчас в Киевском историческом музее, не мог вместить 15 крупных сосудов. Кроме того, анализ дерева лодки показал, что ее сделали в средневековье.

³⁹ *Яйленко В. Л.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 277.

⁴⁰ *Андреев Ю. В.* Указ. соч. С. 348-349.

⁴¹ Уже в начале V в. скифские цари поручали отдельным ольвиополитам представлять их торговые и, наверное, политические интересы. Таков был доверенный царя Ариапифа Тимн, к которому Геродот (IV, 76) обращался с вопросами о скифских царях и их родственниках.

⁴² К сожалению, конкретных сведений об этом очень немного. В VI в. из Ольвии отправился в свое путешествие по Элладе скиф Анахарсис и сюда же возвратился, как можно заключить из рассказа о нем Геродота (IV, 76). В Ольвии в первой половине V в. жил скифский царь Скил (IV, 78). В середине II в. Ольвия находилась под протекторатом скифского царя Скилура, и здесь же бывал он сам и его представители: *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 230-250.

из многих городов, находившихся на Черном и Средиземном морях. Эпиграфические памятники донесли до нас имена считанных ольвийских купцов. Наиболее яркий из них Посидей; во II в. он многократно совершал поездки с торговыми и политическими целями в Средиземноморье, на острова Родос, Кос и Тенедос, а также поддерживал тесные связи с Неаполем Скифским в Крыму⁴³.

Гораздо обширнее наши знания о купцах, приезжавших в Ольвию из Причерноморья и Эллады. Их имена сохранились в многочисленных декретах-проксениях, которыми поощрялись наиболее деятельные иностранцы, оказывавшие Ольвии торговые, финансовые, политические и дипломатические услуги. Напомним, что у греков дипломатические и политические миссии постоянно сочетались с торговлей.

Институт проксении в античности исполнял функции современных торгпредств и посольств. Проксен в дружественном городе пользовался определенными льготами, а у себя на родине оказывал поддержку и помощь приезжим из этого города. Так действовал, например, в III в. гражданин западнотонтийского города Каллатиса Навтим по отношению к ольвиополитам. За это ольвийский Совет и народ наградили его почетным декретом и рядом привилегий⁴⁴.

Высшей степенью признания заслуг проксена было дарование ему гражданства, уравнивавшего приезжего во всех правах с ольвиополитам и ставившего его под защиту местных законов. Проксении предоставляли также освобождение от пошлин на товары, ввозимые и вывозимые из Ольвии, и давали право не платить гаванный сбор. В декретах V-IV вв. перечисляются только права, предоставленные Советом и Народом, а в декретах III-II вв. наряду с этим называются заслуги проксена.

Наиболее ранняя из сохранившихся проксений относится к первой половине V в.⁴⁵ В ней даровалось освобождение от пошлин Иетроклу, гражданину южнотонтийского города Синопы. Всего в Ольвии найдено около тридцати подобных декретов; большинство сохранилось лишь во фрагментах. Уцелевшие полностью проксении афинянам Ксантиппу и Филополиду, а также гераклеотам Феофану и Аристе, дают представление о текстах подобных документов с максимальным и неполным набором привилегий⁴⁶. Сходные привилегии получали купцы в других греческих государствах, например, на Боспоре⁴⁷. Сравнение текстов проксений многих полисов показывает, что они составлялись по строго установленным формулам, незначительно отличавшимся в разных городах, и мало изменялись в течение рассматриваемого нами периода VI-I вв. Ольвийские

проксении свидетельствуют о торговле Ольвии с городами в Северном (Херсонес), Западном (Истрия, Каллатис), Южном (Гераклея, Синопа) Причерноморье и с рядом полисов Эллады⁴⁸ (рис. 51).

Эти декреты указывают на непосредственные связи Ольвии с названными городами. Другие же археологические находки не выявляют прямых взаимоотношений с центром, в котором изготовлялся тот или иной предмет. Ведь у греков процветала посредническая торговля. Первоначально многие товары поступали в Ольвию от милетских, а в V-IV вв. от афинских купцов, разъезжавших по всей греческой ойкумене. Заработать на понтийской торговле стремились также жители других греческих городов.

Выразительный пример посреднической торговли составляет содержание речи «Против Лакрита», включенной под № 35 в корпус сочинений Демосфена, однако не принадлежавшей его перу. Там повествуется о том, как в середине IV в. Артемон и Аполлодор из малоазийского города Фаселида взяли денежный заем в Афинах для покупки вина в Менде или Скионе с тем, чтобы выгодно продать его на Боспоре и в Ольвии. Известно, что мендосское вино пользовалось высокой репутацией в античном мире (Athen. I, 23 d; 29 d, e; Pollux. IV, 15). Обломки мендосских амфор в большом количестве найдены в Ольвии⁴⁹, однако, как явствует из упомянутой речи, они попадали туда отнюдь не по линии непосредственных контактов с Мендой.

Итак, жители Ольвии в повседневной жизни постоянно пользовались местными деньгами, продавали на рынке излишки своей продукции и покупали продовольствие, необходимые предметы обихода, инструменты для ремесленного и сельскохозяйственного производства и др.

По-видимому, круглый год действовал только рынок на агоре, а рыбный рынок и дейгма были сезонными. Рыбный рынок, по всей вероятности, функционировал лишь тогда, когда на него в большом количестве доставляли свежую рыбу. О подледном лове зимой нам ничего не известно, а для продажи консервированной рыбы не стоило держать специальный рынок в холодное время года. Судя по тому, что в декрете Протогена говорится о местоположении прежнего рыбного рынка, надо думать, что он в разные периоды существования Ольвии располагался не на одном и том же месте. Сначала свежей рыбой торговали в непосредственной близости от гавани, затем в III в., в связи с постройкой стен, защитивших город со стороны Гипаниса, рыбный рынок перенесли, вероятно, в черту города.

Оптовый рынок дейгма наполнялся товарами в период судоходства, когда в Ольвию прибывали корабли из многих греческих полисов, и купцы сбывали товары крупными партиями. Тогда же по Гипанису и Борисфену доставляли всевозможное сырье, также продававшееся на дейгме.

⁴³ Там же. С. 242-244.

⁴⁴ IPE I² № 227; Латышев В. В. Указ. соч. С. 241. Ср. другие ольвийские декреты подобного содержания; IPE I² № 26, 28, 30.

⁴⁵ HO № 1. С. 6.

⁴⁶ См. Приложение № 1,2.

⁴⁷ КБН № 1-5.

⁴⁸ IPE I² № 20-23, 26-30; HO № 1-26.

⁴⁹ Брашинский И. Б. Амфоры Менды // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 67-74.

Здесь кипела жизнь крупнейшего в Северном Причерноморье перевалочного пункта.

Торговлей и покупками в основном занимались взрослые мужчины. Для них посещение рынков было не только необходимостью, но и развлечением. В таком небольшом городе, как Ольвия, все продавцы и покупатели знали друг друга. Рынки становились своеобразным утренним клубом, где обменивались всевозможными новостями, встречались с приезжими мореходами, разглядывали разные предметы, не собираясь их покупать. Состоятельные ольвиополиты могли приобрести самые изысканные товары: изящные украшения из золота и серебра, дорогую металлическую посуду с рельефными фигурами или глиняную, расписанную искусными вазописцами, мебель, инкрустированную костью, редкостные благовонные масла и мази, первоклассные вина и оливковое масло, свежие и сушеные заморские фрукты и др.

Во многом благодаря оживленной международной торговле Ольвия на протяжении многих веков сохраняла греческую культуру в своей повседневной жизни. Торговые интересы приводили в Ольвию множество греков из разных городов, а сами ольвиополиты отправлялись в черноморские и средиземноморские полисы. Все это способствовало постоянному включению Ольвии в жизнь греческой ойкумены.



9. СУД

В греческих полисах дикастерий (δικαστήριον — суд) представлял один из главных атрибутов деятельности государства. С помощью суда следили за исполнением законов, в дикастерии разбирали гражданские и уголовные дела и определяли меру наказания за различные проступки.

Из произведений античных авторов известно, что суды постоянно рассматривали множество подававшихся туда жалоб. Большинство граждан так или иначе участвовали в судопроизводстве, выступая то судьями, то свидетелями, то истцами и ответчиками, то присутствуя на судебных процессах для поддержки тяжущихся друзей и просто из любопытства. Слово суд по-гречески, как и по-русски, одновременно означает и процесс разбора того или иного дела, и само здание, в котором совершается судопроизводство. Ольвийские эпиграфические источники освещают первое значение этого слова, а второй его смысл раскрывается при анализе архитектурных остатков дикастерия и найденных там принадлежностей, использовавшихся судьями.

Здание ольвийского дикастерия, по греческой традиции, помещалось в центре города I. Его построили на агоре, подобно афинскому суду Гелиэе. Украшенный портиком фасад частично выходил на площадь, частично на вливавшуюся в нее с севера главную улицу Ольвии. Средняя часть дикастерия возвышалась на два этажа; центральный вход вел в большой внутренний двор, окаймленный с одной стороны крытой колоннадой, где можно было укрыться от солнца и непогоды. В здании насчитывалось двенадцать отдельных помещений, в которых одновременно могли слушаться несколько дел.

Судя по находкам, дикастерий на агоре находился по крайней мере с IV по II в. Это не означает, что раньше или позже этого времени в Ольвии не вершился суд. Ведь он мог помещаться в несохранившемся здании, кроме того, известно, что не всякое заседание суда собиралось в дикастерии. В Афинах, например, процессы о нечестии в отношении богов прохо-

1 О раскопках и реконструкции здания ольвийского суда см.: *Карасев А. Н.* Раскопки ольвийской агоры в 1967-1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 35-44, *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 92-95; *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование. Киев, 1985. С. 120-121.

дили в Царской стое, именно там осудили Сократа 2. Поэтому можно предположить, что в Ольвии какие-то дела разбирали в большой стое на агоре. Ведь ольвийское судопроизводство во второй половине V—III в. во многом было сходно с афинским³. Это ясно по находкам на месте дикастерия.

Здесь обнаружены уникальные для Северного Причерноморья предметы, связанные с судопроизводством. Более 500 глиняных кружков имеют либо гладкую поверхность, либо просверленное посередине отверстие. Судьи голосовали гладкими кружками за оправдание, просверленными — за осуждение. По-гречески подобные жетоны для голосования назывались псефами (ψήφος). Их бронзовые аналоги найдены в Афинах, а в Ольвии обнаружено два бронзовых псефа второй половины IV — начала III в., совершенно тождественных по форме афинским: на одной стороне этих кружков выступает небольшой стержень. Разнятся лишь надписи на псефах: на афинских — ψήφος δικασία, а на ольвийских — ἰήρα, то есть первые относятся к гражданским делам, вторые — к религиозным. Вероятно, ольвийские бронзовые псефы служили для голосования на процессах о религиозных преступлениях⁴.

Кроме псефов на месте дикастерия оказалось много черепков с написанными на них одним или несколькими мужскими именами. Одни из них процарапаны, другие нанесены краской. Может быть, на некоторых черепках указаны имена судей, а на других сохранились черновые наброски списков коллегий магистратов⁵. Во всяком случае, здесь названы ольвиополиты, так или иначе связанные с судопроизводством.

Вероятно, из раскопок в Ольвии происходит хранящаяся в Эрмитаже прямоугольная бронзовая пластинка с надписью и отверстием для подвешивания. Подобные пластинки выдавались судьям, и они носили их на поясе, а дома или в суде вешали на гвоздь. На одной стороне эрмитажной пластинки прочерчена буква Γ и имя Артемидор, сын Полихарма, на другой — такая же буква и имя Мик, сын Артемидора. Буква Γ, означающая цифру 3, указывает на то, что пластинка принадлежала судье из третьего отделения. Там заседал Артемидор, а затем его сын Мик. Сходными пластинками пользовались судьи и в других городах Северного Причерноморья, например, в Херсонесе⁶.

Греческие суды имели несколько отделений, специализировавшихся на разборе определенной категории дел. Истцу надлежало правильно выбрать отделение суда, так как при ошибочном выборе дело отклоняли с рекомендацией обратиться в другое отделение. Так, в Афинах в одном отделении разбирали дела, связанные с религиозными преступлениями и

гимнастическими состязаниями, которые обычно приурочивались к религиозным празднествам, в другом отделении судили метеков и иноземцев, в третьем занимались военными делами, а в четвертом — торговыми (Dem. XXXV, 45–48).

В Ольвии определенно известно наименование одного «народного» отделения суда δηϊοτικόν δικαστήριον, в котором разбирались тяжбы между гражданами. О нем говорится в декрете о равных правах граждан Милета и Ольвии⁷. Там сказано, что в случае судебной тяжбы жалоба милетянина должна быть рассмотрена в пятидневный срок в народном отделении ольвийского суда, которому подведомственны дела между гражданами. Соответствующее право имели ольвиополиты в Милете. Из слов декрета ясно, что в Ольвии существовало отделение суда, где разбирались тяжбы между гражданами и негражданами.

Другая ольвийская надпись с упоминанием суда — декрет о деньгах, изданный в 330–320 гг.⁸ Он гласит, что преступившие ольвийский закон об обмене иноземных монет на местные преследуются в судебном порядке; дело против них возбуждают лица, взявшие у государства на откуп получение штрафов с нарушителей закона. В зависимости от социального статуса нарушителя и откупщика решение выносилось в соответствующем отделении суда, т. е. либо там, где решались споры между гражданами, или там, где судили неполноправных жителей Ольвии и иностранцев.

Кроме двух упомянутых декретов несколько ольвийских граффити содержат свидетельства о суде. Старшее из них относится к IV в. Внутри желтой глиняной чашки прочерчены слова магического наговора: «Я связываю языки противников по суду и свидетелей Телесикрата и сыновей Телесикрата, Агрона, Гиппоника, Артемидора, Ахиллора и остальных всех, кто вместе с ними»⁹ (рис. 52).

Надписи подобного содержания известны по многочисленным находкам в Афинах¹⁰, а в Северном Причерноморье, кроме Ольвии, такой наговор обнаружен при раскопках Пантикапея II. Чаще всего наговоры писали на свинцовых пластинках; их закапывали в могилы, чтобы предать богам подземного царства перечисленных в надписи людей. Находки наговоров

⁷ См. Приложение № 4. По всей вероятности, этот декрет изданный в 330–320 гг., подтверждал уже ранее существовавший закон об исополитии милетян и ольвиополитов. См.: *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 39–40.

⁸ См. Приложение № 3. Подробно об этом декрете см. в главе «Торговля и деньги».

⁹ *Диль Э.* Ольвийская чашка с наговором // ИАК. 1915. № 58. С. 40–56; *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 44–46. № 63.

¹⁰ *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. Bd. 1. S. 757–759.

¹¹ *Диль Э.* Указ. соч. С. 53.

² *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 240.

³ *Виноградов Ю. Г.* Табличка дикаста из Эрмитажного собрания // Античная балканистика. М., 1987. С. 16.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ *Карасев А. Н.* Указ. соч. С. 38.

⁶ *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч. С. 10–12.

в некрополях говорят о том, что греки верили в способность умерших причинить вред живым¹².

К колдовству подобного рода прибегали не только рядовые эллины, но даже ораторы и политики¹³. Судебные наговоры составлялись заранее; с их помощью надеялись «связать языки», т. е. лишить убедительности речи оппонентов во время их выступления на судебном процессе. Ведь судьи, избранные из числа рядовых граждан, зачастую выносили оправдательный приговор, руководствуясь не столько законами, сколько впечатлением от речей истцов и ответчиков.

Некоторые исследователи причисляют к ольвийским судебным наговорам еще четыре надписи на свинцовых пластинках. На трех из них перечислены только имена проклинаемых людей¹⁴, и нет уверенности в том, что проклятия связаны с судебными тяжбами; четвертая пластинка заполнена довольно пространством и трудным для толкования текстом, написанным в III-II вв. Одни ученые понимают его как судебный наговор¹⁵, другие — как письмо с предложением взятки судьям¹⁶, третьи — как частное письмо с предостережением адресату о готовящемся против него судебном разбирательстве¹⁷. Однако все согласны, что надпись имеет отношение к судебному делу, поскольку в ней ясно читается слово *μαρτυρίη* — свидетельство на суде.

На ольвийских свинцовых письмах обычно пишутся имена отправителя и адресата¹⁸, здесь же они отсутствуют. Представляется убедительным мнение о том, что составитель письма не знал, кто будет судьей по интересующему его делу, потому что в Ольвии, вероятно, как и в Афинах, судьи определялись путем жеребьевки перед заседанием. Поэтому заранее заготовленное письмо было вручено судье в последний момент перед началом судопроизводства или подброшено в соответствующее отделение

¹² Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 157.

¹³ Там же. С. 156.

¹⁴ Шкорпил В. В. Три свинцовых пластинки с надписями из Ольвии // ИАК. 1908, № 27. С. 68-74; Диль Э. Указ. соч. С. 52-53.

¹⁵ Диль Э. Указ. соч. С. 48, 54; Bravo B. Une tablette magique d'Olbia Pontique les morts, les heros et les demos // Poikilia. Etudes offertes à J. P. Vernant. Paris, 1987. P. 185-218.

¹⁶ Шкорпил В. В. Указ. соч. С. 72-74; Книпович Т. Н. Население Ольвии в VI-I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., 1956 (МИА № 50) С. 134-135; Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 13-14.

¹⁷ Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 122-129.

¹⁸ Таковы письма Ахиллодора, Артикона и Батикона, перечисленные в статье: Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 78, 79, 89. В этой статье автор упоминает неопубликованное ольвийское письмо на свинцовой пластинке, в котором сообщается о неудачном судебном разбирательстве.

суда. Письмо начиналось словами: «Точно так же, как мы не знаем тебя, мы не знаем, как выступят по новому процессу Евполис, Дионисий, Макарей, Аристократ, Демополис, Комей, Герагор, Лептин, Эпикрат, Гестией...» Далее судье обещан хороший подарок, если он воспрепятствует перечисленным лицам при даче свидетельских показаний¹⁹.

Первоначально суд Ольвии копировал соответствующие процедуры Милета, потому что колонисты какое-то время продолжали жить по законам и обычаям своей метрополии. Затем в V в., когда Ольвия на некоторое время вошла в Афинский морской союз и влияние Афин проникло в разные стороны жизни города, ольвиополиты стали ориентироваться на афинское судопроизводство. Они поместили свой суд так же, как Гелиэю, у входа на агору, и при постройке придерживались похожей планировки здания²⁰. Бронзовые ольвийские жетоны для голосования изготовили по образцу афинских. Позднее, в эллинистический период, судопроизводство унифицировалось во всем греческом мире²¹. Поэтому представляется возможным обрисовать в общих чертах ход заседаний ольвийского суда в IV-III вв., основываясь не только на ольвийских археологических материалах, но и на сообщениях античных авторов, главным образом на «Афинской политике» Аристотеля (гл. 47, 48) и судебных речах афинских ораторов²².

Обратиться в суд с иском могли только совершеннолетние и полноправные ольвийские граждане или граждане других городов, которым ольвиополиты даровали свое гражданство. Они имели право выступать истцами от имени неполноправных лиц: хозяин — за раба, старший в семье мужчина или опекун — за женщин и несовершеннолетних детей, проксен — за иностранца, покровитель — за своего подопечного метека. В качестве ответчиков привлекали людей всех сословий.

Суд имел несколько отделений, специализировавшихся на определенных вопросах. Роль председателя каждого отделения выполняли государственные должностные лица; в Афинах, например, преимущественно архонты. В их обязанности входили также прием жалоб, производство предварительного следствия, получение документов от каждой из тяжущихся сторон.

Перед судебным заседанием по жребию определялся состав присяжных из числа избранных народом граждан на роль судей. Они давали клят-

¹⁹ Виноградов Ю. Г. Табличка дикаста... С. 14-15.

²⁰ Карасев А. Н. Указ. соч. С. 39.

²¹ Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. по судебным речам Демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи. М., 1994. Т. 2. С. 466.

²² В отечественной литературе античное судопроизводство подробнее всего охарактеризовано в кн.: Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 226-245. См. также указанную в предыдущем примечании статью Л. М. Глускиной.

ву, что будут выполнять решения, руководствуясь законами, а при отсутствии соответствующего закона, — исходя из наивысшей справедливости. Демосфен в речи «Против Тимократа» (XXIV, 149-151) велел секретарю суда прочесть текст клятвы афинских судей:

«Я буду подавать свой голос в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета пятисот. Я не окажу поддержку тирании или олигархии, и, если кто попытается упразднить демократию афинян или станет против нее выступать или вносить предложения, направленные против нее, я не стану им подчиняться. Я не буду поддерживать требования отмены частных долгов или передела земли и домов афинян. Я не стану возвращать на родину изгнанных или тех, кто приговорен к смертной казни. Я не буду изгонять граждан, живущих здесь, в нарушение существующих законов и постановлений народа и Совета афинян, и не буду делать этого сам и не допущу, чтобы так поступали другие. Я не буду утверждать в должности тех, кто не отчитался за свою прежнюю должность, будет ли это один из девяти архонтов, или гиеромнемон, или один из тех, кто избирается по жребию в тот же день вместе с девятью архонтами, будь это глашатай, посол или синедр. Я не допущу того, чтобы один и тот же человек занимал дважды одну и ту же должность или чтобы один человек занимал в течение одного года две должности. Я не буду брать взятки, используя должность судьи, сам или кто-нибудь другой или другая от моего имени по сговору со мной, прибегая к каким-либо уловкам или хитростям. Возраст мой — не менее 30 лет. Я буду одинаково беспристрастно выслушивать выступления как обвинителя, так и обвиняемого, и голос свой буду подавать по существу рассматриваемого дела»²³. Вероятно, клятва ольвийских судей содержала сходные обязательства.

За несколько дней до судебного заседания глашатай на агоре и на улицах объявлял время, когда истец и ответчик призываются в суд. Судебные заседания собирались в любые дни, кроме праздничных и дней, считавшихся тяжелыми и несчастливymi. В такие дни судили только убийц. При объявлении присутствовали понятые; они свидетельствовали в случае неявки в назначенный срок тех, кого призвали в суд, что приглашение было сделано. Суд имел право разобрать дело без соответствующего участника тяжбы, но это оказывалось ему невыгодным.

Председатель суда заранее собирал свидетельские показания. Из круга свидетелей исключались женщины, несовершеннолетние и близкие родственники. Показания рабов получали, непременно применяя пытки, поскольку считалось, что только тогда они говорят правду.

Антифонт в речи «О смерти одного хоревта» (гл. 25) сказал, что свободный человек дает показания под присягой, а раб под пыткой, «которая надежно вырывает у него истину». Эту мысль развивает Исей в речи «О наследстве Кирина» (гл. 12), подчеркивая, что в глазах судей пытка

рабов — самый точный прием следствия: «Если рабы и свободные люди присутствовали при событии, в котором надо осветить какую-нибудь темную сторону, вы не доверяете показаниям свободных людей, но предаете пытке рабов... И вы правы. Вы говорите себе, что видели, как многие свободные свидетели давали ложные показания, между тем среди рабов, отданных под пытку, не нашлось таких, у которых она не вырвала бы истину». Аристофан в «Лягушках» (ст. 614-621) перечисляет разные роды пыток рабов: битье, сдирание кожи, вывертывание членов, литье в нос уксуса и др.

Все свидетельские показания записывались и вместе с другими документами, например, выписками из соответствующих законов, помещали в эхин — специальный глиняный или бронзовый сосуд. Его запечатывали и открывали только во время заседания суда. Документы каждой тяжущейся стороны хранились в отдельном эхине. На судебном заседании запрещали добавлять новые документы и ссылаться на те, которые отсутствовали в эхине.

В день суда присяжные собирались в определенном по жребию помещении дикастерия. Каждый предъявлял металлическую или деревянную табличку со своим именем и получал псефы для голосования. Председатель садился на высокое кресло, около него располагался секретарь. Перед ними стоял стол, на который ставили эхины и урну для голосования. Присяжные занимали скамьи, отделенные от остального зала перегородкой или веревкой. За ними теснились друзья, родственники и знакомые тяжущихся. Чем серьезнее оценивалась тяжба, тем больше привлекалось судей. Большинство процессов велось публично, и на них собиралось немало народа.

Заседание начиналось с молитвы богам и, вероятно, жертвоприношения. Затем секретарь вызывал истца и ответчика, просил назвать их имена и читал текст жалобы. После этого на специальное возвышение (бему) выходил обвинитель и произносил свою речь; вслед за ним выступал обвиняемый.

Часто эти речи за определенную плату были заранее составлены логографом — человеком опытным в законодательстве и риторике. Выступавший заучивал речь наизусть и говорил ее от своего имени. Кроме того, не возбранялось пригласить синэгора — гражданина, защищавшего истца или ответчика и говорившего вместо них.

Выступавшие в суде ссылались в свое оправдание на законы, а также всячески стремились произвести хорошее впечатление на судей и очернить противников. Поэтому в судебных речах (а их немало сохранилось в сборниках сочинений античных ораторов) постоянно приводятся доводы, не имеющие отношения к существу дела: подчеркиваются заслуги говорившего перед государством, упоминаются средства, затраченные на общественные нужды, а противники обвиняются в безнравственности, корыстолюбии, лживости. Истцы и ответчики зывали к состраданию судей, противопоставляли свою бедность богатству оппонента, указывали

²³ Демосфен. Речи. В трех томах. Т. 1. М., 1994. С. 282-283. Перевод Г. В. Боуховича.

на собственную неопытность в судебных тяжбах, приводили плачущих родственников.

Опытные логографы умели проникнуть в психологию своего заказчика и убедительно составить речь от его лица. Услуги хорошего логографа стоили немало денег. Знаменитые ораторы Лисий, Исократ, Демосфен и другие получали большой доход от подобной деятельности. Из-за недостатка средств далеко не каждый мог воспользоваться квалифицированной помощью, и тогда в ход шло колдовство, проклятие противников, о чем сохранились свидетельства граффити в разных греческих городах, в том числе и в Ольвии. А состоятельные ольвиополиты обращались к местным логографам; этой деятельностью, вероятно, занимались риторы, о существовании которых в Ольвии говорится в главе об образовании. В экстраординарных случаях богатый ольвиополит мог заказать речь выдающемуся логографу из другого города. Так поступил, например, один аристократ из Сифноса, обратившись к афинскому оратору Исократу, чтобы тот написал речь для решения дела о его наследстве в суде Эгины (Isocr. XIX).

Для каждого выступления отводилось определенное время, измерявшееся с помощью водяных часов-клепсидры. Если оратор просил привести свидетельские показания, процитировать закон или другой документ, то секретарь вынимал соответствующую запись из эхина и читал. На это время клепсидру останавливали. Если вода из клепсидры полностью вытекала, а выступающий не кончал свою речь, то председательствующий его прерывал.

После речей тяжущихся сторон судьи голосовали, бросая в урну песфы. Затем их высыпали из урны на стол, и председатель производил подсчет. При равном количестве голосов за и против дело считалось выигранным. Председатель оглашал результаты голосования и меру наказания.

Самое суровое наказание — смертную казнь — применяли за государственную измену, за покушение на государственный строй, за предательство, за отрицание государственной религии, за умышленное убийство. Следующее по тяжести наказание — изгнание из полиса. Оно сопровождалось лишением гражданских прав и, в большинстве случаев, конфискацией имущества. Присуждали либо к пожизненному изгнанию, либо — на определенный срок. Так наказывали граждан по политическим и уголовным мотивам: за лжесвидетельство, подкуп, злоупотребления опекунов и др.

Еще один вид сурового наказания — обращение в рабство преступивших закон вольноотпущенников и лиц, незаконно выдававших себя за граждан. Государство и сами граждане не были заинтересованы в расширении состава гражданской общины, члены которой пользовались всей полнотой прав и различными привилегиями. Поэтому находилось немало желавших опротестовать в суде гражданские права того или иного лица. Об обращении в рабство вольноотпущенника в Ольвии известно на при-

мере семьи философа Биона Борисфенита (Diog. Laert. IV, 46). Проступок отца повлек в обращение в рабство не только его самого, но и детей. Возможно, в Ольвии, как и в Афинах, дети казненных граждан расплачивались за преступления родителей лишением гражданства.

В ряде случаев подсудимого наказывали ограничением гражданских прав. Например, запрещали выступать в народном собрании, подавать жалобы в суд, занимать определенные должности и пр. Если виновный продолжал незаконно пользоваться отобранными у него правами, его приговаривали к более тяжелому наказанию вплоть до смертной казни.

Большинство судебных приговоров ограничивалось наложением денежных штрафов различной величины или конфискацией имущества. В ряде случаев размер штрафа определялся законом. Так, по ольвийскому закону о деньгах у продавца, торгующего на иномонетные монеты, конфисковался весь товар, а покупатель расплачивался штрафом в размере цены приобретенного товара²⁴. Если осужденный не выплачивал назначенный судом штраф, то выигравший дело имел право захватить имущество своего противника. Нередко имущество отнималось на большую сумму, чем следовало по штрафу, в результате чего возникали новые судебные иски.

В греческих судах постоянно рассматривались дела о нарушении разных законов. Особенно часто разбирались иски, связанные с претензиями на наследство (Isocr. XIX; Dem. XLIII, XLIV)²⁵; судьи выносили решения о всевозможных денежных спорах (Dem. XLIX; Isocr. XVII, XXI), слушали жалобы на злоупотребления опекунов (Dem. XXVII, XXVIII), на незаконное возбуждение дела (Dem. XXXII, XXIII; Isocr. XVIII) или неправомерность иска (Dem. XXXVII, XXXVII), на лжесвидетельства (Dem. XXIX, XLV, XLVI, XLXVII), на избивание одного гражданина другим (Dem. XXI, LIV; Isocr. XX).

Особую группу дел представляли жалобы, связанные с морской торговлей. От нее во многом зависело благосостояние Ольвийского государства, и поэтому оно должно было заботиться о быстром и справедливом разрешении подобных споров. В IV в. афинское законодательство обогатилось рядом законов, облегчающих судопроизводство по подобным искам²⁶. Вероятно, и в Ольвии появились сходные законы. Например, о внеочередном рассмотрении таких жалоб в сезон судоходства и вынесении решения по ним не более, чем через месяц после подачи иска, о праве иномонетных купцов защищать свои интересы в местном суде, о равной защите прав местных и чужеземных купцов и судовладельцев. Морские займы, в отличие от прочих, обязательно оформлялись письменным соглашением в присутствии свидетелей. Текст соглашения сторон скреплялся подпи-

²⁴ См. Приложение № 3.

²⁵ Показательно, что подобным искам посвящены 11 из 12 сохранившихся речей Исея.

²⁶ *Глускина Л. М.* Указ. соч. С. 441.

сями кредитора и получившего деньги, а также свидетелей, после чего его сдавали на хранение доверенному лицу, обычно трапезиту. Этот документ непременно требовался в суде при разрешении спора о возвращении займа для морской торговли²⁷.

В заключение отметим, что о суде в Ольвии сохранилось наибольшее количество источников по сравнению с другими городами Северного Причерноморья. Только в Ольвии обнаружены здание дикастерия и псефы для голосования, а надписи с упоминанием суда более многочисленны, чем в прочих полисах северной части греческой ойкумены. Все это в сочетании с сообщениями древних авторов о греческой юриспруденции позволяет осветить одну из существенных сторон жизни населения Ольвии.



²⁷ Подобные письменные обязательства стали важным шагом к появлению в эллинистический период различных документов, имевших юридическую силу. Ранее свидетельским показаниям придавали решающее значение по сравнению с письменным соглашением.



10. ЕЖЕДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ДОСУГ МУЖЧИН

Среди мужского взрослого населения Ольвии выделялась привилегированная группа граждан, обладавших всей суммой прав и властью в полисе. Другую группу составляли неполноправные свободные жители; среди них были поселившиеся здесь греки из других государств, вольноотпущенники и представители местных племен. В третью группу входили бесправные рабы, принадлежавшие хозяевам из двух первых сословий.

Чаще всего в письменных и эпиграфических источниках упоминаются граждане Ольвии. Наличие рабов засвидетельствовано несколькими граффити, начиная с VI в. до н. э., а также записями в трудах Диогена Лаэртского и Макробия. Оба они упомянули не только рабов, но и неполноправное население. Диоген (IV, 46) сообщил, что философ Бийон Борисфенит и его отец пребывали в рабстве, а затем стали вольноотпущенниками. Макробий в «Сатурналиях» (I, 11, 33) написал о том, как ольвиополиты во время осады города Зопирином освободили рабов и дали гражданские права неполноправным жителям, чтобы те встали на защиту государства. О рабах и иностранцах в Ольвии говорится в декрете Протогена.

Свободные мужчины в Ольвии, как и в других греческих полисах, проводили большую часть времени вне дома. Они занимались, главным образом, ремеслом и торговлей, а богатые — управлением своим имуществом. Вероятно, в Ольвии жили также и земледельцы, чьи поля находились вблизи города. Значительное время ольвийские граждане посвящали исполнению всевозможных государственных, общественных и религиозных обязанностей. Досуг мужчины также в основном проводили не в собственном доме.

В повседневной жизни мужчины дома лишь спали, завтракали утром и обедали вечером. Домашним хозяйством занималась жена вместе с дочерьми и рабами, однако любой важный вопрос решал глава семьи, обычно отец, безраздельно властвовавший над всеми членами семьи и слугами. Он был хозяином всего имущества и единовластно распоряжался им до самой смерти, что нередко вызывало раздражение взрослых детей².

¹ *Яйленко В. П.* Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 92-109. Автор статьи считает, что в архаический период в Ольвии было кабальное рабство, т. е. за долги могли обратиться в рабство даже гражданина.

² *Lacey W. K.* The Family in Classical Greece. New-York, 1984. P. 21.

Известно, например, как сыновья драматурга Софокла, дожившего до 90 лет, хотели установить над ним опеку, объявив отца выжившим из ума. Однако когда Софокл прочел перед судьями отрывок из своей новой трагедии, в этом иске его детям было отказано. Сыновьям Перикла и их женам не нравилось, как он распоряжался большим семейным состоянием, поскольку они не могли позволить себе ничего лишнего (Plut. Per. 16).

Повседневная жизнь ольвийских граждан была тесно связана с выполнением всевозможных государственных обязанностей. Все без исключения полноправные ольвиополиты могли принимать участие в народном собрании, выступать на нем со своими предложениями, одобрять или критиковать предлагаемые постановления, а также кандидатуры на те или иные должности. Сохранившиеся декреты свидетельствуют о том, что народное собрание решало вопросы внешней политики и общественной безопасности Ольвии, ее внутреннего управления и организации городского хозяйства; граждане избирали магистратов и голосовали за различные постановления относительно отдельных лиц, принимали законы о денежном обращении, торговле и др. Как и в других греческих полисах, народное собрание называлось *эклесией*³. От имени народного собрания и избранного им Совета издавались всевозможные декреты⁴. Эти два органа осуществляли законодательную власть.

В таком небольшом городе, как Ольвия, почти все граждане знали друг друга, поэтому участие в народном собрании, где выступали и избирались известные всем лица, решались затрагивавшие всех животрепещущие вопросы, представляло непосредственный и живой интерес для каждого гражданина. Без особенной натяжки на ольвийское народное собрание можно перенести слова Сократа о том, что, подобно афинскому, оно состояло в основном «из суконщиков, сапожников, плотников, кузнецов, земледельцев, купцов, рыночных торговцев» (Хеп. Мем. III, 7, 6). Возможно, в эллинистический период, когда в Ольвии сузился круг лиц, могущих претендовать на ключевые государственные должности, и когда вообще во всех греческих полисах большинство граждан стало больше интересоваться частной, а не общественной жизнью, ольвиополиты стали меньше уделять внимание участию в народных собраниях. Однако сама возможность быть их полноправным членом, конечно же, продолжала высоко цениться, поскольку выделяла гражданина из числа прочего, большего по численности населения государства: женщин, детей, вольноотпущенников, рабов и чужестранцев, временно или постоянно живших в Ольвии.

Раз в год на специальном собрании граждане избирали исполнительную власть — городских магистратов сроком на один год, причем повторное избрание на следующий срок в классический период считалось недопустимым. Это правило стало нарушаться, начиная с III-II вв.⁵ Глав-

³ IPE F № 32; HO № 28, 47.

⁴ IPE F № 40, 51, 52, 57, 59, 63, 94, 181, 183, 188, 199, 258, 279, 289, 325; HO № 24–28.

⁵ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 220.

ные административные функции осуществляла коллегия архонтов, руководившая деятельностью других коллегий. Так, военными делами ведала коллегия стратегов, финансовыми — коллегия Семи или Девяти, за правильностью торговли и городским благоустройством наблюдали коллегии агораномов и астиномов. В чрезвычайных случаях ольвиополиты выбирали разные коллегии для решения внезапно появившихся проблем. Например, во время голода и неурожая избиралась коллегия ситонов, заботившихся о покупке хлеба и раздаче его гражданам — даром или по умеренным ценам⁶. Ситонами становились состоятельные граждане, потому что при выполнении своих обязанностей они вкладывали в порученное им дело собственные средства. Высокий имущественный ценз считался необходимым и для тех, кто ведал общественными финансами. Однако, по крайней мере в классический период, когда множество магистратур менялось ежегодно, в число их исполнителей входило значительное число граждан, поэтому многие ольвиополиты участвовали в государственной жизни не только как члены народного собрания, но и как деятельные участники городского управления.

Заметное место в жизни ольвиополитов занимал суд. Избранные народом судьи и присяжные разбирали многочисленные тяжбы местных жителей и приезжих. На судебные заседания сходились немало людей — дать свидетельские показания, поддержать или, наоборот, опорочить одну из тяжущихся сторон. Деятельность ольвийского суда описана в специально посвященной ему главе. Здесь же стоит подчеркнуть, что многие ольвиополиты постоянно в том или ином качестве имели дело с судом, чаще всего в роли слушателей громких дел или сочувствующих своим друзьям и знакомым.

Жители Ольвии постоянно исполняли различные религиозные обряды, связанные с городскими или домашними культами богов⁷. Многие граждане избирались жрецами, иногда становились ими по жребию и даже покупали эту должность. Особым почетом пользовался избравшийся ежегодно верховный жрец бога Аполлона Дельфиния; этой должности добивались многие видные граждане Ольвии, например, Протоген. Греческие обычаи не возбраняли служить жрецом сначала одному, а затем и другому богу. Так, в III в. ольвиополит Агрот исполнял функции жреца Афродиты, Плутона и Кору и по окончании срока жречества поставил им алтари с надписями⁸. В иных случаях благодарственное приношение божеству после исполнения функции жреца было более скромным. Современник Агрота принес Гефесту чернолаковый канфар с надписью «Гейрогейтон Гефесту, исполнив обязанности жреца, посвятил»⁹.

⁶ О деятельности этой коллегии см. в главе «Торговля и деньги».

⁷ В этой книге не рассматривается обширная и специальная тема о религии в Ольвии. См. об этом в кн.: *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. Частично мы коснулись религиозной жизни ольвиополитов в главе «Городские праздники и жертвоприношения».

⁸ HO № 68, 70.

⁹ *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 79.

Но, конечно, у большинства мужчин в ежедневной жизни основное место занимала та или иная работа. Археологические находки, хотя и представляют всевозможные сведения об этом, но все же не отражают всего многообразия занятий ольвийского населения. Ведь от некоторых видов работ не сохраняется никаких следов, например, от шитья парусов для кораблей, деятельности матросов, цирюльников, банщиков.

Для характеристики профессионального состава жителей Ольвии, наряду с материальными и эпиграфическими источниками, следует привлечь сочинения древних авторов, описывающих другие греческие города. Античные философы выделили основные типы занятий, необходимые для существования государства. Аристотель в «Политике» (IV, 3. 11; 1290в—1291а) назвал четыре основных рода занятий населения. Подобно прочим греческим мыслителям, на первое место он поставил земледелие как труд не только первоочередной важности, обеспечивавший основные жизненные потребности, но и наиболее достойный гражданина. По словам Ксенофонта, излагавшего взгляды своего учителя Сократа, земледелие облагораживает характер человека и побуждает защищать свою страну от врагов, в то время, как ремесленники могут спокойно взирать на разграбление хоры, укрываясь за стенами города и ничего не теряя из своего добра (Xen. Oic. V, 1-17).

На второе место философы ставили занятия ремеслами, «без которых, — как писал Аристотель, — невозможно само существование государства». Третье место в классификации философов занимала оптовая и розничная торговля, четвертое — наемные рабочие и военные.

Как уже говорилось, в Ольвии жила какая-то часть земледельческого населения. Это были хозяева участков, расположенных близ города, крупные землевладельцы, имевшие дома и в городе и в своем имении, а также бедняки, нанимавшиеся на сезонные сельскохозяйственные работы.

По объему находок на ольвийском городище ведущую роль играют строительные остатки жилых домов и общественных зданий. Они дают возможность получить представление о профессиях ольвиополитов, связанных со строительством. Надписи из метрополии с текстами строительных отчетов, перечисляющих траты на труд различных специалистов, помогают понять свидетельства безмолвных руин древних зданий.

Строительство в Ольвии велось в основном из сырцового кирпича, местного камня и дерева. Для добычи камня требовалось большое число рабочих на каменоломнях. В декрете Протогена говорится, что камень для строительства и ремонта оборонительных стен доставляли на частных и государственных транспортных судах, — следовательно, каменоломни находились достаточно далеко от города. Возчики камня на телегах везли его из каменоломни на корабль и из ольвийского порта к месту строительства. Крупные детали (например, большие блоки или барабаны колонн), которые вытесывали для храмов и оборонительных сооружений, перевозили на специальных, особо прочных телегах, и для доставки такого груза приходилось иногда ремонтировать и укреплять дорогу¹⁰.

Наряду со строительными деталями, каменотесы изготавливали ряд предметов бытового и хозяйственного назначения. В Ольвии найдены каменные ступы для приготовления крупы и муки, зернотерки, жернова, корыта и кормушки для скота, рыболовные грузила, точильные бруски и оселки (рис. 53). Для похоронных обрядов каменотесы делали саркофаги, надгробные памятники и склепы, обнаруженные при раскопках ольвийского некрополя.

Среди представителей этой достаточно распространенной в античном мире профессии в Ольвии были мастера высокого класса. Они работали не только на местном (песчаник, известняк), но и на привозном материале: из белого мрамора ваяли стелы и резали на них декреты народного собрания, посвятельные и надгробные надписи. Многие из них дошли до наших дней целыми, но чаще фрагментированными. В настоящее время опубликовано более 500 ольвийских лапидарных надписей. Их число постоянно увеличивается благодаря работам археологов. В ряде ольвийских декретов оговаривается вопрос об оплате труда резчиков надписей¹¹. Некоторые ольвийские камнерезы умели также ваять скульптуры и рельефы. Ими выполнены, например, упомянутая выше скульптура Аполлона, стоявшая в гимнасии у колодца, рельеф на стеле ситонов (рис. 24), антропоморфные надгробия.

В античности скульпторы, как и другие мастера изобразительного искусства, рассматривались не как представители особой профессии, но как ремесленники высокого класса. Лишь немногим из них удавалось заниматься исключительно созданием произведений искусства. Основная же масса зарабатывала на жизнь различными работами, входившими в арсенал данного ремесла.

Возвращаясь к строительству в Ольвии, которое достигло наивысшего расцвета в IV—III вв., назовем еще несколько необходимых для этого профессий, известных по строительным отчетам того времени: изготовители сырцовых кирпичей, столяры, плотники, кузнецы, маляры и штукатуры, пильщики. Находки в Ольвии подтверждают существование в городе всех этих мастеров.

От изделий столяров, плотников и пильщиков почти ничего не сохранилось, но анализ строительных остатков и письменные источники позволяют представить сферу их деятельности. Основную массу дерева для строительства и прочих деревянных поделок Ольвия получала из лежавшей поблизости Гилей. Оттуда поступал не только лес, но и древесный уголь, необходимый для отопления с помощью жаровен и для многих ремесел, в первую очередь, металлообрабатывающего.

Столярные и плотничьи работы, вероятно, выполняли одни и те же люди. При строительстве зданий они изготавливали стропила и балки, лестницы, межэтажные перекрытия, двери. В Ольвии сохранились лишь проемы для дверей и гнезда в камне, куда вставлялись деревянные балки.

¹⁰ Кузнецов В. Д. Ремесленники Элевсина // ВДИ. 1989. № 3. С. 131.

¹¹ NO № 35, 36, 45.

Поскольку плотник сооружал основу для крыши и балки при строительстве стен из сырцового кирпича, он обычно умел класть черепицу и строить сырцовые стены. Это видно из строительных надписей, в которых за эти виды работ нередко выписывается оплата одному и тому же лицу. Например, уроженец Делоса Фаний умел делать кесоны для потолка и двери для храма, и одновременно строил кирпичные стены, а Евфранор клал черепицу на крыше и соорудил дверь из пальмового дерева¹².

Наряду со строительными работами столяры изготавливали мебель (лоса, столы, стулья, сундуки), а также другие предметы, необходимые в домашнем быту: ткацкие станки и веретена, гребни, рукоятки для ножей и других инструментов. Высокое мастерство требовалось для производства телег, особенно колес к ним, а также лодок и кораблей. Вероятно, в Ольвии работали профессионалы, специализировавшиеся на каждом из этих особых видов деревообрабатывающего ремесла. Например, для перевозки разных грузов по Гипанису и для ловли рыбы постоянно требовались все новые и новые лодки и небольшие корабли. Для постройки крупных грузовых и военных кораблей, упомянутых в декретах в честь Протогена и Антестерия, приглашали, наверное, специалистов из других городов. Ведь это занятие требовало значительных средств и особого искусства, поэтому такие суда в Ольвии строились нечасто. Их ремонт, по видимому, производили местные мастера.

При раскопках Ольвии встречается немало предметов из кости: рашпили, игральные кости, пуговицы, шпильки, гребни, иглы, рукоятки ножей, бусы и подвески, коробочки и фрагменты инкрустации на мебели и шкатулках. Поскольку косторезы употребляли те же инструменты, что и столяры (пила, долото, резец, бурав, токарный станок), то не исключено, что костяные изделия выходили из рук тех же мастеров, которые работали по дереву; они изготавливали мебель, украшая ее костяными накладками, делали костяные и деревянные рукоятки к ножам и другим инструментам, вытачивали на токарном станке небольшие деревянные и костяные сосуды.

Значительная группа ольвийских ремесленников выплавляла и обрабатывала металл. Они появились в Нижнем Побужье в числе первых колонистов и уже в VI в. построили печи для выплавки железа и цветных металлов. В низовьях Днепра на Ягорлыцком поселении обнаружены остатки сыродутных печей VI-V вв. и железные изделия: ножи, шилья, гвозди, наконечники стрел¹³.

Железо добывали из местной руды, а медь и свинец поступали в Ольвию в виде привозных слитков. Их плавляли в специальных печах, а затем

¹² Кузнецов В. Д. Указ. соч. С. 133; *Burford A. Craftsmen in Greek and Roman Society.* New-York, 1972. P. 99-100.

¹³ *Островерхое А. С.* Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. С. 30-31.

с помощью литья иковки изготавливали из них всевозможные предметы¹⁴. В Ольвии, как и в других греческих городах, металлообрабатывающие мастерские находились в ее центре¹⁵.

Здесь можно было купить, заказать или починить различные орудия труда, оружие, предметы туалета и украшения. Из железа делали сельскохозяйственные орудия (наральники, мотыги, серпы) и ремесленные инструменты (топоры, молотки, молоты, клещи, ножи, ножницы, зубила, иглы), некоторые предметы вооружения (мечи, доспехи), а также гвозди и всевозможные скрепы. Гораздо большее число предметов производилось из меди и бронзы: мелкие орудия труда (иглы, шилья, рыболовные крючки, крючки для плетения сетей, различные инструменты, в том числе медийские), многие виды вооружения (основная масса наконечников стрел, панцири, шлемы, щиты, кнемиды), украшения (браслеты, кольца, бусы, подвески, серьги, булавки) и предметы туалета (зеркала, стригили), а также светильники, детали конского убора и основная масса монет. Ольвийские находки свидетельствуют о том, что местные ремесленники обеспечивали жителей большинством этих предметов. Они владели всеми процессами металлообработки: выплавкой металла нужного состава, его литьем и ковкой, завершающей обработкой с помощью полировки и чеканки. Все упомянутые этапы обработки металлов хорошо прослеживаются, например, на местных зеркалах и украшениях¹⁶. В Ольвии найдены остатки печей для плавки цветных металлов, льячки для разлива расплавленного металла и литейные формы для всевозможных украшений¹⁷.

Безусловно, среди мастеров металлообработки существовала определенная специализация. Трудно представить, чтобы кузнец, изготавливавший и чинивший различные сельскохозяйственные орудия, одновременно мог делать украшения или чеканить монеты. Однако в Ольвии не могло быть столь узкой специализации, как в Афинах, где античные авторы упоминают отдельные мастерские ножевщиков, оружейников, златокузнецов. Это подтверждается находками ольвийских мастерских, в которых одновременно обрабатывали железо и медь¹⁸.

Гончарные мастерские из-за опасности пожаров от печей для обжига располагались на окраине или даже вне города. Ольвийские гончары де-

¹⁴ *Фурманська А. І.* Бронзоліварне ремесло в Ольвії // Археологія. 1963. № 15. С. 68; *Сон Н. А.* Ремесленне виробництво // Культура населення Ольвії і її округи в архаїчне час. Київ, 1987. С. 118-125.

¹⁵ *Козуб Ю. І.* Металообробне виробництво // Археологія Української РСР. Т. 2. Київ, 1971. С. 397; *Леви Е. І.* Ольвія. Город епохи еллінізму. Л., 1985. С. 84.

¹⁶ Подробно о них см. в последней главе.

¹⁷ *Фурманська А. І.* Указ. соч. С. 61-70.

¹⁸ *Штительман Ф. М.* Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии // КСИА АН УССР. 1955. № 4. С. 63.

ляли посуду, черепицу, водопроводные трубы, а наиболее искусные мастера в эллинистический период научились изготавливать терракотовые статуэтки. На центральном теменосе города обнаружены остатки мастерской короппласта, а в других частях Ольвии найдены терракотовые формы и множество статуэток местного производства¹⁹.

Со второй половины IV в. в ольвийских гончарных мастерских работали художники, расписывавшие сосуды всевозможными растительными и геометрическими орнаментами. Излюбленным мотивом было украшение горла сосуда изображениями разнообразных лент. Лучшие ольвийские художники рисовали людей и животных. Сохранились две вазы с подобными рисунками: на одной — фигура воина и пантеры в броске, на другой — сцена проводов умершей девочки к лодке Харона и скорбящая мать²⁰ (рис. 66).

Среди мастеров, которые определенно жили в Ольвии, хотя остатков их деятельности не сохранилось, можно назвать кожевников. Из-за вредности дубильного производства выделкой кож занимались преимущественно рабы и свободные, не имевшие гражданских прав²¹. Их продукция шла не только на внутренний, но и на внешний рынок. Ведь античные авторы, упоминая об экспорте из Северного Причерноморья, вслед за хлебом сразу же называют кожи (Strab. XI, 2, 3; Polyb. IV, 38, 4-5)²². Массовые находки в Ольвии костей коров, овец, коз и лошадей показывают, что материалов для кожевенного производства было достаточно. Благодаря более холодному, чем в Средиземноморье, климату в Ольвии больше, чем в Греции, требовалось одежды и обуви, а также шкур, которыми укрывались зимой и стелили их на холодный пол.

Если по костям животных можно судить, какие кожи использовались в Ольвии, то даже о сырье для столь необходимых вещей, как паруса и всевозможные веревки и канаты, ничего не известно, тем более, мы ничего не знаем об их изготовителях.

Итак, в Ольвии трудились мастера всех основных видов ремесел, развивавшихся в любом более или менее крупном греческом полисе. Большинство ольвийских ремесленников производили широкий ассортимент изделий. Ведь, как писал Ксенофонт в «Киропедии» (VIII, 2, 5), «в небольших городах один и тот же человек делает и ложе, и дверь, и плуг, и стол, а часто он же строит дома и бывает доволен, если хотя бы таким образом получит достаточное для своего прокормления количество заказчиков».

Наряду с местными ремесленниками в Ольвии часто работали приезжие. Их нанимали для выполнения работ, которые нельзя было исполнить своими силами, например, чтобы выложить мозаику или расписать стены

¹⁹ Леви Е. И. Указ. соч. С. 83-84.

²⁰ Зайцева К. И. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 97-106.

²¹ Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 56.

²² Брашинский И. Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 175.

в богатом доме. Во время крупного строительства (храмы, оборонительные сооружения) любому греческому полису требовалась дополнительная рабочая сила, в частности, мастера таких распространенных специальностей, как каменотесы, столяры, плотники; поэтому их приглашали из разных городов. Например, в надписи 279 г. о ремонте и строительстве делосских храмов перечисляются ремесленники с Пароса, Сироса, Серифа, а также из Фив и Ренеи²³.

Об интенсивной оптовой и розничной торговле в Ольвии свидетельствуют в первую очередь многочисленные находки местных и привозных монет²⁴. Трудно сказать, насколько многочисленны были в Ольвии люди, зарабатывавшие исключительно розничной торговлей. Ведь в античности роль продавцов часто выполняли сами производители: земледельцы доставляли на городской рынок свою продукцию, рыбаки торговали своим уловом, а мастерская ремесленника была одновременно и лавкой. Однако на ольвийской агоре в лавках со складскими помещениями продавали товары профессиональные торговцы. По находкам можно определить, что в одной лавке Восточного торгового ряда продавалась местная, а в другой — импортная посуда²⁵. Вероятно, профессиональным розничным продавцом был отец Диона Борисфенита, ибо сын назвал его «торговцем соленой рыбой» (Diog. Laert. IV,46).

Крупные торговые и денежные операции в Ольвии осуществляли купцы, трапезиты и ростовщики. По письмам на свинцовых пластинках известны имена ростовщиков Анаксагора и Леонакта²⁶. Ольвийские трапезиты обменивали иногородние монеты на местные, хранили ценности, выдавали деньги под залог²⁷. Они обычно принадлежали к числу неполноправных жителей. Недаром в декрете Протогена Полихарм, которому архонты заложили священные сосуды, назван иностранцем. Владельцы кораблей, перевозивших товары из Ольвии в Элладу и в обратном направлении, часто бывали одновременно и купцами²⁸.

Ольвию часто посещали купцы из средиземноморских (Афины, Орхомен, Византий, Фасос, Хиос, Родос, Смирна) и понтийских (Синоп, Гераклея, Истрия, Херсонес) городов. За особо выдающиеся заслуги они иногда получали ольвийское гражданство²⁹ и могли активно участвовать в общественной, экономической и религиозной жизни города.

²³ Burford A. Op. cit. P. 63.

²⁴ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев, 1988; Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

²⁵ Леви Е. И. Указ. соч. С. 96-99.

²⁶ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. С. 75.

²⁷ См. о них в главе «Торговля и деньги».

²⁸ Об ольвийских владельцах кораблей свидетельствует надпись о коллегии навклеров. См.: Шебалин Н. В. К ольвийским государственным древностям // Античная история и культура Северного Причерноморья. М.; Л., 1968. С. 296-299.

²⁹ Но № 1-27. См. пример ольвийской надписи-проксении с дарованием гражданства купцам из Афин и Гераклеи в Приложении № 1,2.

Людей так называемых интеллигентных профессий в Ольвии было немного. Это учителя, архитекторы, врачи. Судя по широкому распространению грамотности среди ольвиополитов, в городе трудилось немало учителей начальной школы. Считалось, что обучать грамоте может всякий грамотный человек. Профессия учителя не относилась к разряду престижных, и ею часто занимались греки из свободного, но неполноправного населения. Более престижным считалось занятие ритора, в школе которого получали среднее образование³⁰. О существовании таких профессионалов в Ольвии известно из биографии Биона Борисфенита (Diog. Laert. IV, 46). Наряду с преподаванием, ритор мог подрабатывать составлением судебных речей.

Наличие храмов, богатых ордерных домов, больших общественных зданий и сложных оборонительных сооружений свидетельствует, что они возводились под руководством профессиональных архитекторов. Их труд предполагал в древности обладание огромным диапазоном знаний, включавшим постройку не только всевозможных зданий, но и кораблей. Вряд ли в столь провинциальном городе, как Ольвия, постоянно обитали собственные архитекторы. Ведь здесь они не могли овладеть своей профессией и иметь постоянную работу. Поэтому естественно думать, что по мере надобности архитекторов приглашали из других городов. Подобная практика засвидетельствована письменными и эпиграфическими источниками для многих греческих полисов. Вопрос о возведении крупного здания или корабля на государственные средства решался в народном собрании. Затем устраивался конкурс проектов или каждый из претендентов устно обосновывал свое предложение и обещал построить дешевле, лучше и быстрее³¹. Определенное свидетельство о приглашении архитектора в Ольвию имеется лишь в надписи римского времени, сообщающей о постройке бани на средства города архитектором из Никомерии³². Упоминание о том, что этот архитектор был также гражданином Том, показывает, что он строил различные сооружения в городах Причерноморья, и его труд оценивался настолько высоко, что полис Тома награждал архитектора своим гражданством.

Вероятно, в эпоху расцвета Ольвии государство, как и в других полисах, нанимало для граждан одного или нескольких опытных врачей. Возможно, здесь практиковали и частные врачи, которые, как писал Ксенофонт, ходили «с утра до вечера по своим больным» (Xen. Oic. 13, 2). О деятельности ольвийских врачей можно судить лишь по нескольким сохранившимся медицинским инструментам, в основном, хирургическим³³.

³⁰ См. главу «Воспитание и обучение детей и юношей».

³¹ *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 245.

³² IPE 1² № 174.

³³ *Соломоник Э. И., Антонова И. А.* Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1. С. 104. Прим. 50; *Холчик М. А.* Хірургічні інструменти з Ольвії // Археологія. 1991. № 3. С. 63-68.

Косвенным подтверждением наличия врачей в Ольвии служат свидетельства источников о них в других городах Северного Причерноморья³⁴. Наряду с врачами, медицинские услуги оказывали торговцы лекарствами — *φάρμακοπώλοι*. В Ольвии близ агоры находилась лавка, в которой продавались лекарства. В подвале ее складского помещения обнаружено множество маленьких глиняных лекарственных флакончиков³⁵.

Археологические находки иллюстрируют уровень мастерства исполнения тех или иных изделий, но не дают представления о положении в обществе создавших их людей. Сведения об этом имеются в некоторых надписях и в ряде сочинений древних писателей. Например, в ряде строительных отчетов записано, что одни и те же работы выполняли граждане, метеки и рабы, причем плата зависела лишь от характера работы, а социальный статус исполнителя не играл роли³⁶.

Бедность вынуждала многих граждан заниматься разными тяжелыми и плохо оплачиваемыми работами. Однако существовали некоторые средства заработка, прибегать к которым гражданину было зазорно. Об этом неоднократно писали Платон, Феофраст, Демосфен. Общественное мнение считало недопустимым для гражданина содержание публичного дома и постоянного двора, ростовщичество, занятие розничной торговлей, взимание налогов и пошлин, работ глашатаем и поваром (Plat. Nom. 918 b; Theophr. Char. V, 6). Демосфен (XVIII, 129-131; XIX, 129) насмехался над отцом своего противника Эсхина за то, что тот учил детей грамоте в начальной школе; оратор называл позорным труд сезонных сельскохозяйственных рабочих (XLVII, 45). Среди торговцев почему-то особенно презирали продавцов парфюмерии, хотя она приносила большие доходы (Athen. XIII, 611 ff³⁷).

В целом унижительной считалась работа по найму частного лица. Даже бедный гражданин не желал подчиняться чьим-то приказам. Поэтому он охотно трудился в поте лица на собственном участке земли или в собственной мастерской, но не хотел идти даже управляющим к другому богатому гражданину (Xen. Oic. II, 8). Благодаря признанной обществом зависимости всех граждан от государства, работа по его найму не представлялась унижительной, поэтому немало граждан принимало участие в постройках общественных сооружений. Гражданин считал зазорным арендовать землю у частного лица и в то же время охотно брал ее в аренду у государства³⁸. Вероятно, поэтому один из героев речей Демосфена (XLIX, 3-4) из-за бедности взялся за не престижную с точки зрения эллинов работу глашатая в Пирее, потому что его наняло народное собрание. Из ольвийских надписей известно о местных глашатаях. Они торжествен-

³⁴ *Соломоник Э. И., Антонова И. А.* Указ. соч. С. 94-106.

³⁵ *Леви Е. И.* Указ. соч. С. 110. Рис. 116.

³⁶ *Глушкина М. М.* Указ. соч. С. 48.

³⁷ Там же. С. 66.

³⁸ Там же. С. 35.

но возвешали о наградах, дарованных от лица народа и Совета заслуженным гражданам и иностранцам³⁹, они же вызывали желающих принять на себя подряды с публичных торгов⁴⁰.

В сфере торговли, по большей части, действовали представители неполноправного населения. Платон и Аристотель считали посредническую торговлю приличной только иностранцам. Граждане предпочитали лишь вкладывать деньги в торговлю и получать от нее подобным способом доходы. Так поступали оратор Демосфен и его отец⁴¹. Возможно, таким способом нажил частично свое богатство знаменитый Протоген и другие ольвийские богачи⁴². Купцами и владельцами кораблей могли быть и граждане и неполноправные свободные ольвиополиты.

Рабы прежде всего занимались тяжелым неквалифицированным трудом на каменоломнях, на стройке, в порту, а также всевозможными работами в сельском и домашнем хозяйстве. Некоторые рабы обладали определенными профессиональными навыками и трудились либо в мастерской хозяина, либо на стороне по найму, иногда даже имели собственную мастерскую. В последнем случае им следовало отдавать хозяину часть своего заработка. Эсхин (I, 97) упоминает рабов-сапожников, которые ежедневно платили хозяину по 2 обола, а раб, трудившийся в собственной мастерской, выплачивал 3 обола. Некоторым удавалось скопить деньги для выкупа на волю. Вероятно, так освободился от рабства отец философа Биона, но затем, торгуя рыбой, он обманул откупщиков торговых сборов, и его за это снова продали в рабство.

Жестокое отношение к рабам, характерное для античного мира, процветало и в Ольвии. Недаром шрамы на лице отца Биона сын назвал «знаком хозяйской жестокости». В то же время отдельные рабы пользовались расположением и доверием своих хозяев. Таких примеров немало в сочинениях древних авторов. Например, богатейший трапезит Пасион, ставший за заслуги перед государством афинским гражданином, завещал свое дело не сыну, оказавшемуся мало способным, а своему вольноотпущеннику Формиону (Dem. XXXVI, 43-44). Один пример такого рода известен и в Ольвии. Хозяин Биона Борисфенита не только отпустил его на волю, но и сделал своим наследником (Diog. Laert. IV, 46).

В светлое время дня мужчины по-разному проводили свой досуг. По большей части, граждане посещали гимнасий, агору, а в теплое время года — порт. В гимнасии тренировались, смотрели соревнования, слушали своих и приезжих поэтов и риторов⁴³.

На агору приходили не только по делу или за покупками, но также для общения и узнавания последних новостей, которыми делились в цирюль-

³⁹ IPE I² № 34, 38, 40, 46, 51, 52, 57; HO № 28, 43.

⁴⁰ IPE I² № 32.

⁴¹ Dem. XXVII, 11; Plut. Dem. III, 6.

⁴² *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 109.

⁴³ Подробно см. об этом в главе о гимнасии.

нях и всевозможных лавках. Здесь встречались представители всех слоев общества: граждане и метеки, рабы, сопровождавшие хозяев или посланные за покупками, и чужестранцы — матросы с кораблей и купцы, привезшие свои товары. Неделовая жизнь агоры хорошо отражена в одной из речей Лисия (XXIV, 20): «Каждый из нас привык заходить то в парфюмерную лавку, то в цирюльню, то в сапожную, ... Более всего к тем, кто устроился поблизости агоры, ... ведь все вы привыкли заходить и болтать, где придется»⁴⁴.

Наряду с агорой порт Ольвии служил тем местом, куда стекались жители, дабы получить свежие новости. Приход каждого судна из любого греческого центра становился заметным событием в жизни города. Аристотель писал о том, как падкие до всего невероятного афиняне любили слушать рассказы моряков, прибывших из Борисфена и Фасиса⁴⁵. Вероятно, жители Ольвии с неменьшим интересом относились к рассказам мореплавателей из разных городов Эллады. Однако порт был оживленным местом встреч лишь в сезон судоходства от поздней весны до ранней осени, агора же всегда была многолюдной.

Посещать порт и агору, стою и лавки мог любой житель Ольвии, но проводить свой досуг в гимнасии разрешалось лишь полноправным гражданам. Только для них город тратился на содержание здания гимнасия, закупку масла и оплату тренеров. Только для них богатые граждане вносили пожертвования на масло и ремонт гимнасия. Трудно сказать, кто, кроме граждан, имел право ходить в ольвийский театр. Представления и музыкальные концерты в театре давались не часто, и ради них откладывались все текущие дела⁴⁶.

Подобно другим эллинам, ольвиополиты любили охотиться, о чем свидетельствуют находки костей диких животных, главным образом зайцев, оленей и кабанов⁴⁷. Их малое количество по сравнению с костями домашних животных показывает, что дичь не играла существенной роли в питании жителей Ольвии. Значит, они, как и все греки, охотились для развлечения и упражнений в ловкости⁴⁸. Во время охоты греки использовали лошадей и собак. Их многочисленные кости в слоях Ольвии указывают на то, что в Нижнем Побужье могли устраивать псовую и конную охоту.

Эллины увлекались всевозможными азартными играми. Наиболее распространенными были игра в кости, а также бои петухов и перепелов, во время которых делали ставки на ту или иную птицу. Находки костей

⁴⁴ О лавках на ольвийской агоре см. в разделе «Торговля и деньги».

⁴⁵ *Ross W.* Aristotelis Fragmenta selecta. Oxonii, 1955. P. 60.

⁴⁶ О театре см. в главе «Городские праздники и жертвоприношения».

⁴⁷ *Топачевский В. О.* Фауна Ольвии // Збірник праць Зоологічного музею. Київ, 1956. № 26. С. 78; *Журавов О. П.* Кісткові решітки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія. 1983. № 42. С. 83.

⁴⁸ *Webster T. B.* Everyday Life in Classical Athens. L., 1969. P. 32.

петухов⁴⁹ дают основание думать, что в Ольвии могли проводиться петушинные бои.

Развивавшие ловкость и глазомер игры в кости любили в античности все: и взрослые мужчины, и женщины, и дети. Игра в кости бывала и просто развлечением и азартной со ставками на деньги. Из произведений древних авторов известно несколько разновидностей подобных игр⁵⁰. О таких играх в Ольвии свидетельствуют находки множества астрагалов во всех слоях городища. Астрагал или бабка — название кости первого сустава третьего пальца лошади, третьего или четвертого пальца быка, барана, козы, которые имеют удобную для игры форму. На одном ольвийском астрагале сохранилась надпись «бей», другие имеют высверленные отверстия, третьи — специально сточены или спилены⁵¹. Это указывает на их использование в разных играх.

Иногда бабки клали в могилы, поэтому известно, сколько костей требовалось для различных игр. В одном ольвийском погребении лежало 16 астрагалов, в другом — 5, в третьем — один. Вероятно, играли обеими руками, поскольку в погребениях астрагалы находят лежащими одновременно у обеих рук⁵².

В вечерние часы греки посвящали свой досуг встречам с друзьями у себя дома. Такие встречи сопровождались угощением и питьем вина, которое называлось симпосионом (σμπόσιον — совместное питье вина). Масса упоминаний о симпосионах рассыпана по всей античной литературе: у лирических поэтов и комедиографов, у философов и гастрономов. «Пир» Платона и Ксенофонта хотя и посвящены философским рассуждениям на симпосионе, изобилуют массой бытовых подробностей своего времени. Лучше всего известно об афинских симпосионах, а о других есть лишь отдельные упоминания; среди них отсутствуют сведения, касающиеся городов Северного Причерноморья. Между тем, археологические находки в сопоставлении с записями древних авторов предоставляют немалые возможности для реконструкции этой стороны быта северопричерноморских греков, которой исследователи прошлого и настоящего почти не уделили внимания.

Небольшие объединения частного характера или, как их теперь называют, микрогруппы, составляли на протяжении всей античности важную особенность общественной и частной жизни любого греческого полиса⁵³.

⁴⁹ *Войтвенский М. А.* Орнітофауна Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 7. 1958. С. 156-158.

⁵⁰ *Блаватская Т. В.* Игральные кости из Пантикапея // Listy Filologicke. 1959. Т. 8. S/68-80/

⁵¹ *Петерс Б. Г.* Указ. соч. С. 81, 83.

⁵² Там же. С. 79-80.

⁵³ *Свеницкая И. С.* Роль частных сообществ в общественной жизни греков эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4. С. 43; *Кнабе Г. С.* О специфике межличностных отношений в античности // ВДИ. 1987. № 4. С. 164-181.

Особенно возросла их роль в эпоху эллинизма⁵⁴. Совместные трапезы были излюбленной формой общения греков из разных слоев населения, объединявшихся во всевозможные союзы: культовые, погребальные, землячества соотечественников, живущих в чужом полисе, союзы взаимопомощи. Наиболее древними были культовые ассоциации, почитавшие не общегосударственные божества.

Одна из важных черт почитания божества — совместная с ним трапеза, на которой бог считался хозяином или гостем и получал в качестве дара свою долю жертвы. Наряду с ритуальной стороной, такая трапеза стала в значительной степени и поводом для веселого времяпровождения⁵⁵.

Известные с гомеровских времен пиры аристократии возникли, по мнению исследователей, как средство подкармливания дружинников и повышения их социального статуса. Подобные пиры практиковались не только в античности, достаточно вспомнить прославленные в былинах и летописи пиры при княжеском дворе в древнем Киеве⁵⁶. В Греции такая форма организации военной аристократии в классический период видоизменилась в иную — «аристократию досуга»⁵⁷. Все же еще в V—IV вв. аристократические лидеры нередко приглашали на симпосион тех, кто оказывал им помощь в достижении политических целей. Заметная роль аристократии в истории Ольвийского полиса архаического и классического периодов отмечается в современной историографии⁵⁸.

Мода на подражание жизни высших слоев общества сыграла определенную роль в распространении симпосионов среди менее знатных и состоятельных граждан. Таким образом пиры аристократов и ритуальные совместные трапезы послужили основой для широкого распространения и развития обычаев симпосиона⁵⁹. Совместные трапезы нередко устраивались вскладчину, когда каждый приносил, что мог (Xen. Symp. I, 15; Memorb. III, 14, 1).

В эпоху эллинизма, когда многие граждане отстранились от общественной жизни и целиком ушли в частную жизнь, появилась потребность принадлежать к некому объединению, отличному от семьи⁶⁰. В результате возникло много новых различных сообществ, и общей чертой большинства из них были совместные трапезы в домах членов сообщества или в нанятом помещении⁶¹.

⁵⁴ *Устинова Ю. Б.* Частные и культовые сообщества у греков // Быт и история античности. М., 1988. С. 215.

197.

⁵⁶ *Лупец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 120-159.

⁵⁷ *Кнабе Г. С.* Указ. соч. С. 177.

⁵⁸ *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. I. С. 393; *Карышковский П. О.* Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 48.

⁵⁹ *Устинова Ю. Б.* Указ соч. С. 210.

⁶⁰ *Barbu Z.* Problems of historical psychology. L., 1960. P. 109.

⁶¹ *Свеницкая И. С.* Указ. соч. С. 45; *Устинова Ю. Б.* Указ. соч. С. 198, 208.

Сохранились сведения о некоторых ольвийских религиозных сообществах. Это аристократические союзы мольпов и нумениастов, почитатели Диониса, о которых говорится в новелле о Скиле у Геродота (IV, 78) и орфические сообщества V—II вв., тесно связанные с культом Диониса⁶². Ольвийский союз мольпов, известный по эпиграфическим источникам V в., продолжил традиции своей метрополии. Судя по надписям, милетские мольпы имели общественную кассу и свой дом, в котором проходили симпозионы. Для них все члены союза, кроме специально освобожденных, предоставляли продукты, доставка которых входила в обязанности младших членов. Структура, функции и совместные трапезы ольвийской коллегии мольпов, вероятно, были аналогичными⁶³.

Симпозионы устраивались не в любой день; например, в дни, посвященные подземным богам, полагалось соблюдать пост. Поводом для симпозиона часто служили разного рода знаменательные события в жизни хозяина дома. Широко распространенным был званый обед, который полагалось дать после жертвоприношения (Хен. Мем. 3, 11; Plut. Mor. 642 Г). В Ольвии жертвоприношения производились на алтарях, открытых на двух священных участках в центре города, и в других местах⁶⁴. Подобно другим грекам, ольвиополиты отмечали симпозионом различные награды, полученные за заслуги перед государством или за победу на каком-нибудь агоне. О таких наградах известно по многочисленным надписям⁶⁵. Симпозион собирали, провожая друзей в дальний путь, а также в честь приезжих (Plut. Mor. 666 f).

Близкие знакомые могли привести на симпозион своих друзей. В «Пире» Платона к пятерым приглашенным гостям Агафона присоединились еще несколько: Сократ привел с собой Аристодема, Алкивиад вошел в разгар пира, возвращаясь из других гостей, а под утро к пирующим пришли еще несколько гуляк.

По литературным источникам («Пир» Платона, Ксенофонта, Плутарха и Лукиана) можно заключить, что греки не любили многолюдных сборищ. Даже на очень богатую свадьбу, описанную Афинеем (IV, 23), было приглашено всего 20 гостей. Это подтверждается данными эпиграфики и археологии. Члены афинского фиаса Геракла собирались в количестве 18 человек, а в одном помещении, нанятом для трапез, стояло 6 лож⁶⁶. Ведь греки во время пира не сидели, а полулежали на ложах, опершись левой рукой на подушки. Поклонники Аполлона Простата в Ольвии римского времени имели помещение с тремя застольными ложами⁶⁷. В богатых

⁶² Русяева А. С. Указ. соч. С. 193-200.

⁶³ Карышковский П. О. Ольвийские мольпы... С. 44.

⁶⁴ Леви Е. И. Указ. соч. С. 73. Рис. 55; с. 81. Рис. 69; Русяева А. С. Указ. соч. С. 34. Рис. 8.

⁶⁵ IPE I² № 25, 32, 34, 38, 42; HO № 28. Ср. «Пир» Платона; хозяин пира трагический поэт Агафон устроил симпозион по случаю своей победы на состязаниях драматургов в афинском театре.

⁶⁶ Устинова Ю. Б. Указ. соч. С. 198, 208.

⁶⁷ HO № 85.

ольвийских домах эллинистического времени строились комнаты для приема гостей — андроны. Потолки в них были выше, чем в других помещениях дома, а в одном андроне точно определяются места для установки восьми лож⁶⁸.

Античные авторы пишут, что на ложе во время пира возлежало по одному или по двое гостей (Plut. Symp. 213b; 223 b), на рисунках же иногда изображается и больше. Так что в упомянутом ольвийском андроне могло собраться до двадцати гостей. Но обычно их бывало значительно меньше. Ведь греки считали, что за столом для приятного общения количество сотрапезников не должно превышать числа муз, т. е. девяти. Недалром Агафон в «Пире» Платона пригласил всего пятерых, а Аристофан в «Осах» перечислил семерых сотрапезников.

На симпозион приходили в праздничной одежде, при входе в андрон снимали обувь и обмывали ноги (Plut. Symp. 213 b). Парадный костюм ольвиополитов, судя по сохранившимся изображениям, не отличался от одежды других греков⁶⁹.

После того, как гости разместились на ложах, они выбирали симпосира, распорядителя пира. Он следил за направлением беседы, не допускал крайностей, руководил смешиванием вина с водой, старался не разрешить выпить лишнего (Plut. Mor. 619 b). Можно представить ольвиополита на симпозионе, глядя на местную стелу ситонов с изображением пирующего бога. Он возлежит на ложе, около которого стоят круглый столик с яствами и мальчик-виночерпий, готовый добавить вина в ритон, находящийся в руке пирующего (рис. 24).

При перемене блюд столы выносили, а гостям подавали воду для мытья рук, подметали и даже мыли пол (Xenophon I, 1). Ведь с маленьких столиков, стоявших перед каждым ложем, падали остатки пищи, и на пол бросали куски специального хлебного мякиша, с помощью которого ели и обтирали руки, поскольку греки почти не употребляли ложек; они ели руками пищу, предварительно разрезанную на небольшие куски. В одном ольвийском андроне археологами обнаружены даже канавки, куда стекала вода при мытье пола⁷⁰. После влажной уборки мокрая галечная мозаика в центре андрона блестела особенно ярко и радовала глаз своим узором.

Трапеза начиналась с горячих и холодных растительных, мясных или рыбных блюд. Потом подавался десерт: фрукты, орехи, сыр, а затем начинался собственно симпозион — совместное питье вина.

В присутствии гостей вино смешивалось с водой в больших кратерах, откуда его разливали в кубки различных форм — килики, скифосы, канфары, ритоны и др. (рис. 56, 102, 103). Вино зачерпывали специальными

⁶⁸ Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. Киев, 1971. С. 57-58.

⁶⁹ См. главу «Внешний облик ольвиополитов».

⁷⁰ Крыжицкий С. Д. Указ. соч. С. 57.

черпаками — киафами (рис. 101) и лили через ситечки (рис. 97), поскольку в древности вина имели осадок. В богатых домах в парадный сервиз входили сосуды из золота, серебра и бронзы. Бесчисленное количество обломков расписной столовой керамики дает представление о том, какими красивыми и разнообразными были сервизы у ольвиополитов, и сколько часто менялась мода на их декор⁷¹.

Перед тем, как начать пить вино, греки повязывали голову лентами и надевали венки из цветов и душистых растений, умащались благовонными маслами⁷², затем пели хором пеан и совершали возлияние в честь Доброго Гения и других божеств (Plat. Symp. 212 e; Xen. Symp. II, 1; Athen. IV, 2). Граффити на застольных чашах свидетельствуют о том, что в Ольвии на симпозионе придерживались аналогичных правил. Посвящения Доброму Гению прочерчены на двух киликах V-IV вв.⁷³ На ряде киликов вырезаны надписи застольного содержания: «Наливай пить в меру сид»; «Выпив меня, Поликрат будет радоваться»; «Наполняй до краев» и др.⁷⁴

Вино пили, разбавляя водой в различных пропорциях. Гесиод (Op. 596) рекомендовал три части воды на одну часть вина, а вино, разбавленное наполовину водой, считалось очень крепким. Утонченные любители вина пили каждый сорт в определенной пропорции с водой (Plut. Mor. 619 b). Иногда вино смешивалось с горячей водой (Athen. IV, 4), но обычно с холодной, а летом со специально охлажденной. Для охлаждения вина использовались сосуды особой формы, псиктеры. В Ольвии они были не только привозными, но и местными⁷⁵. Пить цельное вино считалось опасным для жизни. Об этом говорится в эпиграмме Каллимаха (AP УП.454):

*Пьяницу Эрасискена
винные чаши сгубили:
Выпил несмешанным он сразу две чаши вина.*

Перевод Ю. Шульца

По мнению греков, только варвары способны пить неразбавленное вино, но вместо приятной беседы и веселого настроения у них, как, например, у соседей ольвиополитов — скифов, получалось крикливое пьяное собрание. Такие привычки считались унижительными и губительными.

⁷¹ См. главу «Еда и посуда».

⁷² Об употреблении благовонных масел в Ольвии свидетельствуют находки флаконов для них: *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 79-81; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 108-111. О венках известно из надписей: IPE I № 37, 40, 43, 46, 51, 52, 61, 94, 107; HO № 28, 43, 80, 81. Остатки венков находят в погребениях: *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 182, 205, 209. Все это искусственные венки, но, конечно, ольвиополиты, как и другие греки, надевали венки главным образом из живых цветов.

⁷³ *Толстой И. И.* Указ. соч. № 12, 14.

⁷⁴ Там же. № 10-17.

⁷⁵ *Скуднева В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 20.

Геродот (IV, 84) записал рассказ спартанцев о том, как их царь Клеомен сошел с ума и умер, потому что научился у скифов пить неразбавленное вино. Поэтому, когда спартанцы хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски!» (Athen. X, 29).

Греки считали хорошим тоном пить умеренно, чтобы можно было вернуться домой без помощи слуги (Theogn. 475-495; Xenophon. I, 17-18). Но нередко это правило нарушалось, и гости засыпали тут же за столом (Theogn. 469-470, 479-484; Plat. Symp. 223, c, d). Во фрагменте комедии Евбула с наибольшей полнотой отразилось отношение греков к тому, сколько следует пить вина: после трех чаш разумный гость удаляется домой, четвертую чашу осушают соревнующиеся в умении пить кубок залпом, после пятой чаши за столом поднимается крик, после шестой гости ударяются в разгул, после седьмой начинают драться; восьмая чаша приводит к тюрьме, девятая к болезни, а после десятой сходят с ума (Athen. II, 36). На симпозионах в Ольвии устраивались соревнования, о которых говорит Евбул. Надпись со значением «выпить одним духом» вырезана на одном из киликов⁷⁶.

Симпосион сопровождался различными беседами, музыкой, пением, играми. Выразителен в этом плане вопрос одного из гостей в «Пире» Платона (214 b): «Неужели мы не будем беседовать за чашей, ни петь, а просто пить, как пьют для утоления жажды?» Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 660 a-b) писал, что «на симпосион разумные люди для того и отправляются, чтобы доставить удовольствие себе и друзьям, вместе с тем приобрести новых друзей. Сотрапезнику подобает приобщиться не только к еде, вину и лакомствам, но и к речам, шуткам и веселью, приводящему к взаимному дружескому расположению».

Беседы на различные темы были излюбленным времяпровождением греков. Днем в городе цирюльни и лавки становились центрами сборищ имеющих досуг граждан; в них обсуждались различные животрепещущие вопросы (Plut. Nic. 30). Неспешные и серьезные беседы велись в узком кругу на симпозионе. Сохранившиеся сочинения о пирах посвящены в основном философским рассуждениям. Вероятно, в Ольвии участники симпосионов могли также обсуждать философские темы. Костяные таблички V в. с надписями орфиков свидетельствуют о том, что ольвиополиты задумывались о смысле жизни и смерти, войны и мира, истины и лжи⁷⁷, а Дион Хрисостом (XXXVI, 16, 24) встретил в Ольвии людей, читавших Платона, и собрал большую аудиторию, слушавшую его рассуждения о наилучшем управлении государством. Но гораздо чаще, конечно, речь шла о житейских делах: судебных тяжбах, которые касались участников или о которых говорил весь город, о ценах, о войнах и т. п. Многие сотрапезники хотели отвлечься от тяжелых повседневных забот, предаваясь легким разговорам о любви за чашей вина, как писал об этом Анакреонт (AP. IV, 9):

⁷⁶ *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии... С. 91. № 92.

⁷⁷ *Русяева А. С.* Указ. соч. С. 16.

*Мил мне не тот, кто, пируя, за полною чашею речи
Только о тяжбах ведет, да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселей на пиру.*

Перевод Л. Блуменау

Иногда на симпозион приглашали шутов и актеров; первые развлекали общество остроумными высказываниями и анекдотами, вторые разыгрывали небольшие сцены и даже целые представления (Xen. Symp. I, 15; Plut. Mor. 623 c). Об участии актера-мима в пирушке, устроенной в середине VI в. в Борисфене, известно по фрагментарно сохранившемуся граффито на поддоне чернофигурной чаши для вина, которая принадлежала некоей Мелесии, по-видимому, гетере⁷⁸.

Жены, матери и сестры пирующих не допускались на симпозион. Здесь могли появляться женщины низкого социального положения. Они развлекали мужчин музыкой, танцами, пением, фокусами и любовью (Ael. Var. hist. VII, 2). О существовании таких женщин в Ольвии будет рассказано в следующей главе.

На симпозионах в Ольвии звучали музыка и пение, как было принято у всех греков. Об ольвийских музыкальных инструментах известно по находкам костяных аулосов⁷⁹ и по изображениям кифары и лиры на монетах и терракотах местного производства⁸⁰. Под их аккомпанемент пирующие пели стихи лирических поэтов, арии из драматических произведений и застольные песни (Xen. Symp. VII, 2)⁸¹.

Аристофан в «Осах» (ст. 1225-1245), описывая симпозион, приводит начальные стихи популярных в его время застольных «кривых песен», сколиев. Они получили свое название от того, что их пели не по порядку, в котором располагались участники пира, а по выбору поющего: он передавал любому сотрапезнику миртовую ветвь, и тот должен был либо закончить песню, либо начать другую и передать ветвь следующему.

В другой комедии Аристофана «Облака» (ст. 1355-1372) старый крестьянин предлагает сыну после обеда взять лиру и спеть оду Симонида или что-нибудь из трагедий Эсхила. Но молодой человек выражает желание исполнить новые отрывки из входящих в моду произведений Еврипида, а не петь песни времен молодости отца и деда. Сцена из комедии показывает, что стихи прославленных поэтов звучали не только на пирах интеллигентной элиты, но были широко известны.

Вероятно, ольвиополиты исполняли не только местные песни; в V-IV вв. они знали также аттические сколии, стихи и популярные отрывки

⁷⁸ Яйленко В. П. Греческая колонизация VII-III вв. до н. э. М., 1982. С. 302-303.

⁷⁹ Петерс Б. Г. Указ. соч. С. 73.

⁸⁰ Леви Е. И. Указ. соч. С. 82. Рис. 73; Анохин В. А. Указ. соч. № 281-291; 338-339.

⁸¹ Bowie E. L. Early Greek Elegy. Symposium and Public Festival // JHS. 1986. Т. 106. Р. 15.

из произведений афинских драматургов. Ведь Ольвию постоянно посещали афиняне, привозившие всевозможные товары. Многие имели ксенов в Ольвии, которые безусловно приглашали их на симпозионы. О том же, сколь хорошо и много стихов и мелодий из популярных пьес запоминали афинские моряки и как их любили слушать в разных городах, рассказывает Плутарх в биографии афинского стратега Никия (Plut. Nic. 29).

На краснофигурном аттическом лекифе V в., найденном в Ольвии, изображен сидящий на стуле бородатый мужчина с барбитоном, разновидностью лиры (рис. 40). В VI-V вв. негромкий звук этого инструмента сопровождал исполнение стихов. На рисунке исполнитель заглушает струны пальцами левой руки, а в опущенной правой у него зажат небольшой плектрон — палочка из дерева или кости, которой извлекался звук из струн. Вазописец представил момент окончания пения строфы: заканчивая ее, исполнитель проводил плектроном по струнам и опускал руку. Лекиф, наверное, входил в парадный сервиз ольвийской семьи, и сюжет росписи хорошо подходил к обстановке симпозиона⁸².

Редкий пир обходился без хотя бы одной флейтистки. Недаром их часто изображают у ложа, на котором возлежит пирующий. Приглашали также исполнителей на других инструментах: лире, кифаре, тимпане (Plut. Prot. 347 c; Xen. Symp. 2, 1; Athen. IV, 2). Иногда этих музыкантов посылали развлечь женскую половину дома. Так, поэт Агафон позвал, как положено, на свой пир флейтистку, но когда гости единодушно решили посвятить все время философской беседе, Эриксимах отослал ее в гинекей (Plut. Symp. 176 e). Там женщины лакомились блюдами, которые подавали на первой и второй перемене столов, но содержимое третьих им не полагалось. По мнению греков, женщина, «склонная к вину, а тем более много пьющая, была отвратительна» (Ael. Var. hist. II, 41). Элиан в «Пестрых рассказах» (П, 38) со ссылкой на Феофраста сообщил, что в Милете и Массилии существовал закон, воспрещавший женщинам пить, и они его строго придерживались. Возможно, такие же правила действовали в милетской колонии Ольвии. Однако подобные установления нигде не касались гетер, принимавших участие в симпозионе. Их нередко изображали на вазах с чашей для вина в руках; многие из них умели танцевать и играть на музыкальных инструментах. Такой гетерой была Анагора; на одном ольвийском симпозионе V в. ей поднесли наполненный вином кратер и написали на нем ее имя⁸³ (рис. 54).

Пирующие любили смотреть на танцы, которые нередко сопровождались акробатическими номерами. В «Пире» Ксенофонта танцовщица исполняет один танец на гончарном круге, другой среди воткнутых в землю кинжалов, третий — подбрасывая в такт музыке одновременно 12 обру-

⁸² Скржинская М. В. Изображение поэта на лекифе из Одесского археологического музея // ВДИ. 1997. № 2. С. 130-137.

⁸³ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л., 1953. С. 15. № 13.

чей. Иногда и сами гости пускались танцевать (Her. VII, 129; Xen. Symp. 16-20). Надо думать, что ольвиополиты, милетяне по происхождению, любили известные во всей Греции ионийские танцы, исполнявшиеся на пирах⁸⁴.

Участники симпозиона развлекались всевозможными играми, чаще всего в коттаб. В углубленном сосуде с водой плавали пустые чашечки, в них надо было попасть остатками вина из своего кубка, чтобы чашечка погрузилась в воду. Были и другие варианты этой игры, но задача всегда состояла в том, чтобы метко выплеснутым вином заставить другой сосуд принять определенное положение⁸⁵.

Такое развлечение во время симпозиона в Ольвии упомянуто в граффито на чернолаковом скифосе рубежа VI-V вв. Во фривольной надписи сообщается, что призом за удачную игру в коттаб была близость с юношей Гестодором, получавшим за это определенную плату⁸⁶. Названное граффито вместе с другим, на столетие более поздним⁸⁷, свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Христом (XXXVI, 8), писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета. Впрочем, такие отношения были вообще характерны для эллинов. Об этом имеется множество упоминаний в античной литературе, начиная с мегарского поэта Феогнида, посвятившего в VI в. Кирну свои знаменитые элегии.

Великолепное изображение симпозиона можно увидеть на краснофигурном килике, хранящемся в Британском музее. Бригос, один из лучших аттических вазописцев первой четверти V в., нарисовал пятерых участников симпозиона, возлежащих на ложах (рис. 55). Трое из них — юноши, а двое — бородатые мужчины. Каждого развлекает гетера. Одна, нарисованная в медальоне на дне килика, танцует, две другие играют на аулосе. На стене висят лира и футляры для аулосов из пятнистой кожи. Около колонны (ею вазописцы обозначали закрытое помещение) стоит юноша с барбитоном. Таким образом зритель представлял, что симпозион сопровождался струнной и духовой музыкой.

На питье вина указывают специально предназначенные для него сосуды — килик в руках гетеры и скифосы у бородатых мужчин, а также опершийся на колонну юноша-виночерпий, держащий киаф на длинной ручке и сито для процеживания вина.

Возвращаясь с симпозиона домой, гости продолжали пританцовывать и петь песни под аккомпанемент лиры или аулоса. Такую веселую процессию нередко рисовали аттические вазописцы на различных сосудах, пред-

⁸⁴ Винничук Л. Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. С. 351-354.

⁸⁵ Sparkes B. A. Kottabos: an Athenian After-dinner Game // Archeology. 1960. V. 13. P. 202.

⁸⁶ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 115. Рис. 4.

⁸⁷ Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии... С. 89. № 90.

назначавшихся для вина. Чернофигурный килик с подобной росписью найден в Ольвии⁸⁸. На нем представлены идущие с пирушки четверо мужчин и одна женщина; один молодой человек играет на аулосе, другой заигрывает с гетерой, держащей в руках лиру (рис. 56).

Итак, симпозион был распространенной формой организации досуга более или менее состоятельных граждан, которые объединялись в небольшие группы с общими взглядами и интересами. На бытовом уровне симпозион служил для отдыха и развлечений, определявшихся интеллектуальным уровнем и настроением собравшихся. У одних преобладали дружеские беседы, у других игры и песни, у третьих гетеры и выступления танцовщиц, мимов и фокусников, но все это сопровождалось питьем вина. Конечно, состоятельные люди имели возможность чаще, чем более бедные сограждане, располагать досугом и собираться на симпозионе.

Порядок совместной трапезы в основных чертах сохранялся в течение многих веков. Изменения касались способов приготовления разных блюд, менялась мода на застольные песни и мелодии и, конечно, беседы затрагивали все новые животрепещущие темы современности.

Во второй половине II в. н. э. Афиней (XI, 462 с) включил в свое сочинение элегию ионийского поэта Ксенофана, ибо его описание пира в конце VI в. не устарело и через много веков. Строки Ксенофана в равной мере можно отнести к иллюстрации симпозиона в любом греческом полисе, в том числе и в Ольвии:

*Вот уж пол подметен, руки вымыты, вымыты кубки...
Кто возлагает на нас дивно сплетенный венок;
Кто по порядку разносит душистое масло в сосудах;
Выситя тут же кратер, полный утехой пиров;
Есть и другое в кувшинах вино, что сулит не иссякнуть,
Сладкое, нежных цветов слышится в нем аромат:
Посередине хором льет ладан свой запах священный,
Чаша с холодной водой, сладкой и чистой, стоят,
Хлеб перед нами лежит золотистый, и гнется под грудой
Сыра и сотов густых пышно убранный стол.
Густо украшен цветами алтарь, что стоит среди зала,
Песни и пляска, и пир весь переполнили дом.
Прежде всего благочестных толпа священной песнью
И речью чинной своей бога восславить должна.
Но возлиянье свершив и о том помолясь, дабы силы
Были дарованы пир благопристойно провесть —
Это ближайший наш долг! — не грех сколько выпить, чтоб каждый,
Если не дряхл, он домой и без слуги мог прийти.
А из гостей тех чтим, кто, и выпив, нам с честью докажет,
Что добродетель живет в памяти, в слове его.*

Перевод Г. В. Церетели



11. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЩИН

О жизни и занятиях ольвийских женщин сохранилось мало источников. В дошедшей до настоящего времени античной литературе лишь один раз упоминается жительница Ольвии, которая стояла на одной из самых низких ступеней общества. В биографии уроженца Ольвии Биона Борисфенита, включенной в труд Диогена Лаэртского (IV, 46), сказано, что его мать была блудницей.

В ольвийских надписях женские имена встречаются гораздо реже мужских. Например, в найденных в 1917-1965 гг. надписях из 194 имен лишь три женских, и все три на надгробных памятниках: Патрофила, дочь Посия (конец V — начало IV в.); Протта, жена Баттиона, дочь Никомаха (первая половина IV в.); Арета, мать такого-то (I в. до н. э.)¹. Сходная картина наблюдается при выявлении женских имен в надписях других греческих городов.

Не случайно каждый раз указано отношение женщины к кому-то из мужчин, членов ее семьи. Ведь женщина в античном полисе всегда зависела от старшего в семье мужчины, а в случае смерти всех мужчин семьей ей назначался опекун. В эпоху эллинизма женщина-гражданка в отдельных случаях получила право выступать как самостоятельное юридическое лицо. Однако это касалось исключительно имущества и некоторых семейных отношений². Практиковалось ли это в Ольвии, нам неизвестно. Зато определенно можно сказать, что право занимать какие-либо государственные должности женщина никогда не имела ни в Ольвии, ни в каком ином античном полисе.

Наиболее обширной категорией из сохранившихся источников о женщинах в Ольвии являются их изображения на надгробиях, посвященных стелах, терракотах, расписных вазах местной работы. Однако они представляют главным образом внешний вид жительниц Ольвии в праздничном одеянии³ и почти ничего не говорят об их роли в обществе. Лишь

¹ HO № 96, 97, 100.

² Cantarella E. Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore-London, 1989. P. 90-91.

³ См. главу «Внешний облик ольвиополиитов».

по стеле со сценой жертвоприношения кабана можно заключить, что ольвийские женщины принимали участие в религиозных церемониях. Это подтверждается и надписями с именами жриц Артемиды и Кибелы⁴.

По социальному положению в греческих полисах можно выделить три группы женщин: 1. жены и дочери свободных граждан, считавшиеся гражданками данного полиса; 2. жены и дочери свободного, но неполноправного населения; 3. рабыни. О каждой из этих групп имеется свидетельство их бытования в Ольвии. О первых — надгробия и посвячительные надписи с именами их отцов и мужей, ольвийских граждан; о вторых — несколько граффити с именами гетер⁵ и упоминание матери Биона Борисфенита, которую некоторые авторы считали приезжей из Греции гетерой (Athen., XIII, h. 591 f); о третьих — письмо Ахиллодора, написанное на свинцовой пластинке, отправленное на рубеже VI и V вв. из Ольвии в Борисфен⁶.

Наибольшим почетом и уважением пользовались женщины-гражданки, но одновременно с этим на них налагалось наибольшее количество запретов. Полнее всего обязанности такой женщины охарактеризованы в «Экономике» Ксенофонта (VII, 20), где четко выделены три главных функции жены: рождение детей и уход за ними, приготовление пищи для семьи, производство тканей и одежды для нужд домочадцев.

Все это привязывало женщину к жизни почти исключительно в нескольких комнатах и дворике ее дома. Если семья была более или менее зажиточна, то хозяйка руководила работами помогавших ей служанок; в бедных же семьях жена справлялась со скромным хозяйством одна и с помощью дочерей.

Греческие дома, за исключением самых бедных и маленьких, делились на мужскую и женскую половины. Если дом был двухэтажным, то гинекей размещался во втором этаже, а в одноэтажном здании женские комнаты находились подальше от входа. Спальня, как пишет Ксенофонт (Oic. IX, 31), считалась наиболее безопасным местом, и в ней хранились самые ценные вещи. Женская половина дома отделялась от мужской дверью с засовом, «чтобы нельзя было выносить из дома, чего не следует, и чтобы слуги без нашего ведома не производили детей» (Xen. Oic. IX, 5).

В государствах с традициями ионийской культуры, к которым принадлежала Ольвия, жизнь женщин была более замкнутой и стесненной, чем в дорийских полисах. В последних, например, девочки, как и мальчики, занимались физическими упражнениями, а значит выходили из дома.

⁴ IPE I² № 190, 192. В первой надписи названа Тимо, дочь Ипсикреонта, жрица Артемиды, во второй — имя жрицы Кибелы не сохранилось.

⁵ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л., 1953. С. 15. № 13; Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3. С. 92-93.

⁶ Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 98; Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 92.

Все члены семьи обедали вместе, если не было посторонних. Когда же к мужу приходили гости, то жена и дочери выходили только к родственникам⁷. Лисий (III, 6) упоминает о скромных женщинах, которые стыдились даже своих домашних мужчин. Не удивительно, что Исхомах в «Экономике» Ксенофонта стал учить свою молодую жену ведению хозяйства лишь тогда, когда она привыкла к нему и перестала дичиться, «так что можно было говорить с ней» (VII, 10). Ведь до свадьбы эта 14-летняя девочка жила под строгим надзором родителей, и в семье считалось правильным, чтобы она возможно меньше видела и слышала о чем-либо постороннем. Так воспитывались будущие тихие и покорные жены, для которых естественно было принимать как должное любой поступок мужа.

В античной литературе неоднократно упоминалось о главной добродетели женщины — молчании. Софокл в «Аяксе» (ст. 293) назвал молчание украшением женщины. В знаменитом надгробном слове Перикла наилучшей женщиной признается та, о которой меньше всего говорят в мужском обществе не только в дурном, но и в хорошем смысле (Thuc. II, 45, 2). Ксенофонт в «Экономике» (III, 12) пишет, что муж поручает жене важных дел больше, чем кому-либо другому, но почти ни с кем не разговаривает меньше, чем с собственной женой.

Однако даже идеальная, с точки зрения греков, жена не отвечала всем запросам мужа. Эта неудовлетворенность возмещалась общением с женщинами из неполноправного населения, которым разрешалась большая воля в поведении, но положение их в обществе рассматривалось как более низменное, чем у жен граждан. В речи «Против Неэры», приписываемой Демосфену, с предельной ясностью определена роль разных социальных групп женщин в жизни греческого гражданина: «Гетер мы имеем ради удовольствия, наложниц для повседневного плотского удовлетворения, а жен для рождения законных детей и для верной охраны домашнего имущества» (Dem. LIX, 122).

Рождение и воспитание детей полностью контролировалось главой семьи. Жена должна производить на свет детей, но каких и сколько оставить в семье, — решал отец. Греки и римляне сразу же избавлялись от детей, родившихся с физическими недостатками. Например, Сенека (De ira I, 15, 2) спокойно писал, что обычно топят младенцев, «если они родились хилыми или уродцами». С самого рождения к девочке относились как к существу второго сорта. Во фрагменте (fr. 35) комедии Менандра «Двородные братья» говорится:

*Приятно, если умный сын в дому растет,
Но с дочерью отцу не в меру хлопот.*

Поэтому рождение девочек не было желанным, и от них избавлялись чаще, чем от мальчиков, не принимая в расчет чувства матерей. Младенца

⁷ Lacey W. K. The Family in Classical Greece. New-York, 1981. P. 159.

клали в глиняную кастрюлю и ставили ее у дороги в надежде, что кто-нибудь возьмет ребенка⁸. Зачастую таких детей подбирали, иногда усыновляли, но обычно растили для пополнения количества рабов. Не случайно эллинистическая комедия часто строится на мотиве узнавания некогда выброшенного ребенка.

Такое отношение к новорожденным разрешалось законом и воспринималось общественным сознанием как должное. Сохранились частные письма на папирусе, адресованные жене находящимся в отъезде мужем. В них отец велит выбросить ребенка в случае рождения девочки, а сына оставить⁹. Во фрагменте комедии Посидиппа, жившего в III-II вв., говорится, что бедняк выбрасывает сына, а от дочери избавляется даже богатый человек. Это объяснялось экономическими соображениями: чтобы вырастить девочку, а затем выдать ее замуж, семья тратила средства, которые затем не возвращались. Показательны в этом плане расчеты, сделанные современными учеными на основании эпиграфических памятников IV в.: в 61-й афинской семье было 87 сыновей и 44 дочери, а в 79 семьях, переселившихся в Милет из Малой Азии в 228-220 гг. и получивших там права гражданства, зарегистрировано 118 сыновей и 28 дочерей¹⁰.

Закон обязывал главу семьи заботиться о женщинах своей семьи, содержать престарелых родителей и выдавать девушек замуж. Если в семье умирал отец, то эти заботы переходили на старшего в семье мужчину, а в случае его отсутствия назначался опекун. По достижении половой зрелости в 13-14 лет девочку стремились поскорее выдать замуж. Замужество и рождение детей в раннем возрасте нередко кончалось смертью при родах. На это обратили внимание философы и рекомендовали выдавать девушек замуж в 18 лет (Aristot. Pol. VII, 35) или между 16 и 20 годами (Plat. Nom. VII, 772 d-e). Однако на практике это не соблюдалось, и семейство спешило пораньше избавиться от девочки. Не случайно образцовый хозяин Исхомах в «Экономике» Ксенофонта женился на 14-летней девочке (VII, 5).

Брак рассматривался мужчинами как сугубо деловое предприятие, главное назначение которого — иметь законных наследников и хозяйку в доме (Aristot. Ethic. Nicom. VIII, 14, p. 1162; Dem. LIX, 122). При совершении брака большое значение имели имущественные соображения, из-за которых нередко заключались браки между родственниками, чтобы сохранить добро в рамках рода¹¹. Муж имел право в любое время развестись с женой и отослать ее в семью отца; при этом единственным необходимым условием было возвращение приданого. Теоретически такое же право имела и женщина, но осуществить его практически удавалось редко. Ког-

⁸ Cantarella E. Op. cit. P. 43.

⁹ Ibid. P. 91.

¹⁰ Винничук Л. Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. 156-157.

¹¹ Lacey W. K. Op. cit. P. 106.

да жена Алкивиада решила покинуть его, не в силах терпеть приведенную мужем гетеру, Алкивиад силой заставил ее возвратиться (Plut. Alc. 8).

Чувства греческой женщины, принужденной во всем подчиняться воле мужа, великолепно выражены в трагедии Еврипида «Медея» (ст. 230-240):

*Да между тех, кто дышит и кто мыслит.
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим и не дешево. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб.
И первого второе горе больше,
А, главное, — берешь ведь наобум.
Порочен он иль честен, как узнаешь?
А, между тем, уйди — тебе ж позор,
А удалить супруга ты не смеешь.
И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы, и законы,
Приходится гадать, с каким она
Постель создашь делит.*

Перевод И. Ф. Анненского

Чем старше становилась женщина, тем более свободный образ жизни ей разрешалось вести, особенно если она становилась вдовой. У нее появлялась возможность отказаться от второго брака с человеком, который ей не нравился (Нурег. I, 7). Пожилым женщинам не возбранялось свободно ходить по городу, ибо они уже не представляли интереса для мужчин, и на их честь никто не покушался. Стобей (LXXIV, 33), цитируя Гиперида, пишет, что в городе прилично появляться женщине, о которой спрашивают, чья она мать, а не чья она жена. После 60 лет женщины могли участвовать в похоронах не только близких родственников, но и любимых своих знакомых¹².

Все сказанное не означает, что в греческих семьях не встречались любящие супруги или сыновья не были душевно привязаны к матери. О таких чувствах изредка упоминается в античной литературе. Классический пример, приходящий всем на память, — Перикл и Аспасия. В «Пире» Ксенофонта (VII, 3) Сократ говорит о пылкой любви Никерата, сына знаменитого полководца Никия, и его жены. По преданию, эта женщина покончила жизнь самоубийством после того, как Никерата казнили при 30 тиранах в 404 году. Их счастливый брак длился не менее 18 лет, поскольку действие «Пира» Ксенофонта происходило в 422 году. Плутарх в биографии Кимона, известного афинского полководца V в., упомянул о его горячей любви к своей жене Исодике и глубоком горе после ее смерти (Plut. G m. 4).

¹² Ibid. P. 175.

ИРЕ 1²№

Некоторые памятники из Ольвии говорят о любви и уважении к женам и матерям. Обломки двух великолепных аттических стел с изображениями женщин в идеальном облике спокойных величественных фигур в красивой одежде найдены на ольвийском некрополе. Одна из этих стел исполнена скульптором круга Фидия в последней четверти V века, другая — в первой четверти IV века¹³. К сожалению, надписи не сохранились, и нельзя сказать, кто из родственников позаботился о постановке этих памятников. Погребенные под ними женщины, несомненно, принадлежали к весьма состоятельным ольвийским семьям. Ведь подобные памятники стоили больших денег, затраченных на заказ стелы хорошему скульптору и ее перевозку из Афин в Ольвию.

О любви и скорби о безвременно ушедших дочерях свидетельствуют две другие ольвийские находки. Первая — небольшая мраморная статуя девочки, идеализированный портрет умершей дочери ольвиополита. Скульптура выполнена ионийским мастером в начале эллинистического периода¹⁴. Вторая находка — погребальная амфора III в., на которой ольвийский художник нарисовал проводы девочки к лодке Харона и скорбящую мать¹⁵, (рис. 66)

Особым почетом пользовались женщины-жрицы. Им можно было воздвигнуть памятник не только на могиле, но и у святилища. Сохранился постамент такой статуи, которую в III в. установил ольвиополит Эпикрат в честь своей жены Тимо, жрицы Артемиды¹⁶.

Если семья находилась в бедственном положении или лишалась кормильца, женщинам приходилось пряхать и ткать для продажи шерсть и ткани и выходить из дома в поисках заработка. В городе они торговали на рынке, становились повитухами и кормилицами, ухаживали за детьми в других семьях, а в сельской местности работали в поле, на винограднике и в огороде. Аристофан (Thesm. 446-452) упомянул о вдове солдата, которая плела и продавала цветочные гирлянды, а Демосфен говорил о женщинах, содержавших семью торговлей лентами, помощью при родах, сбором винограда и разными работами по найму (LVII, 34, 44).

Видимо, подобные источники заработка для бедных женщин существовали и в Ольвии. Девушки же, особенно из неполноправных семей, занимались проституцией.

О существовании в Ольвии «древнейшей профессии» свидетельствует рассказ Биона Борисфенита о его матери (Diog. Laert. IV, 46). Отец

¹³ *Лесницкая М. М.* Аттическая стела из Одесского археологического музея // КСИА. 1976. № 45. С. 23-27; *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. № 21.

¹⁴ *Воцинина А. И.* Статуэтка девочки из Ольвии // СА. 1958. № 28. С. 117-122.

¹⁵ *Зайцева К. И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 98-100. 190.

философа, вольноотпущенник, женился на женщине из публичного дома, вероятно, выкупив ее оттуда. Так часто поступали молодые люди, увлеченные гетерами¹⁷. Наличие публичных домов в других городах Северного Причерноморья известно по эпиграфическим источникам классического и римского времени¹⁸.

Женщины этой профессии разделялись на две категории. Те, которых называли гетерами (то есть, подругами), часто происходили из свободных семей. Известно, что в метрополии Ольвии Милете и других городах были специальные школы, где такие девушки обучались поэзии и музыке; они могли стать приятными собеседницами и улаживать своих гостей хорошей игрой на музыкальных инструментах (рис. 57). Такой гетерой была Анагора. Ее имя написано на обломке сосуда V в., найденного в Ольвии. Ей, участнице веселой пирушки, подарили кратер с памятной надписью, гласящей, что он принадлежит Анагоре и ей желают пить вино. Подобное пожелание можно было высказать лишь гетере¹⁹.

Низшая категория продажных женщин называлась *лорваи* и формировалась из рабынь или девочек, отданных родителями, оказавшимися в крайней нужде. Содержательница дома, где жили такие женщины, обычно сама в молодости занималась этим ремеслом и нередко брала на воспитание выброшенных новорожденных девочек, чтобы обучать их своей профессии.

Типичные ситуации, при которых девушки вынуждены были торговать своим телом, изображены в «Диалогах гетер» Лукиана. Мать выговаривает дочери за то, что она решила показать свой характер обидевшему ее любовнику: «Не знаешь ты разве, дочка, что мы бедны? Забыла ты, сколько мы от него получили и какую зиму мы провели бы в прошлом году, если бы нам его не послала Афродита? ... Сердись, но не отвечай ему на оскорбления» (гл. 3). В другом диалоге (гл. 6) Кробилла решает сделать дочь гетерой. Через два года после смерти своего мужа-медника она с трудом перебивалась продажей его инструментов, прядла и ткала на продажу, но это не давало ей достаточных средств для жизни.

В заключение скажем несколько слов о рабынях. Их существование в Ольвии засвидетельствовано уже в архаический период в письме Ахиллодора, где говорится о рабах и рабынях некоего Анаксагора, перешедших в собственность другого гражданина Матасия, которому Анаксагор заложил свое имущество²⁰.

Рабынь использовали главным образом в домашнем хозяйстве. Им поручали в первую очередь самую трудную женскую работу: пригото-

¹⁷ Грейс Е. О конкубинате в Афинах классического периода // ВДИ. 1968. № 1, С. 28-52.

¹⁸ Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 127-128.

¹⁹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 15. № 13.

²⁰ См. прим. 6.

ние муки и испечение хлеба. Занимались они также изготовлением шерсти и тканей для нужд дома (Хер. Оис. X, 10). Нередко рабыни бывали кормилицами и няньками детей хозяев, и в этой роли они постоянно выступают в пьесах греческих драматургов. В состоятельных семьях, наряду с хозяйкой, за трудом рабынь и всем домашним хозяйством приглядывала показавшая себя верной рабыня. Богатая женщина могла позволить себе иметь специальную рабыню, ведающую туалетом госпожи и умеющую делать красивые прически. Большинство флейтисток, кифаристок, танцовщиц, которых приглашали на пиры, были рабынями²¹.

Мы можем лишь догадываться о том, что состоятельные ольвиополиты не только строили красивые дома и покупали дорогие вещи, остатки которых обнаруживаются при раскопках, но также приобретали рабынь, умевших хорошо играть и танцевать, ткать или делать прически.

По находкам из Ольвии можно воссоздать тот тесный мирок, который окружал женщину. В главе о доме описан дворик, в котором гречанка проводила за различными занятиями большую часть своей жизни. Там же упоминается и об остатках лестниц, которые вели во второй этаж, где в больших домах располагался гинекей. В последней главе этой книги будет рассказано о кухонной и столовой посуде, печах и жаровнях, на которых готовили еду, что дает представление о вещах, к которым ежедневно прикасались женские руки.

Другая сфера ежедневных забот женщин относилась к обработке шерсти и ткачеству²². Обнаруженные при раскопках многочисленные веретена, грузила и пряслица напоминают нам об этом важнейшем занятии жительниц Ольвии. В научной литературе опубликованы некоторые из названных предметов, но еще не было ни одной попытки, объединив их в единый комплекс, восстановить на этом основании одну из важнейших сторон быта Ольвии. Это возможно сделать, если сопоставить ольвийские находки со сведениями греческих писателей и рисунками на вазах.

Из произведений античных авторов известно о существовании в греческих полисах мастерских, изготовлявших на продажу пряжу, ткани и одежду. Однако их продукция удовлетворяла лишь небольшую часть потребности населения²³. В основном же обработка шерсти и ткачество производились в каждой семье, и на протяжении всей античности эта обязанность была одной из главных забот хозяйки дома. Об этом неоднократно упоминают многие греческие писатели, наиболее определенно Платон в «Законах» (805 d) и обстоятельнее всех Ксенофонт в «Экономике» (VII, 6; IX, 7; X, 10).

²¹ Доватур А. И. Рабство в Аттике VI-V вв. до н. э. Л., 1980. С. 69-70.

²² Perkidou-Gorecki A. Mode im antiken Griechenland. München, 1989. S. 38-39.

²³ Geddes A. G. Rags and Riehes: the Costume of Athenian Men in the Fifth Century // Classical Quarterly. 1987/ № 2. P. 310-311.

Пряли и ткали женщины всех сословий, начиная от рабынь и кончая женами и дочерьми самых богатых и именитых граждан (Aristoph. Nub. 53). На аттических вазах женщины за этой работой нередко изображаются в дорогой одежде, указывающей на их высокое социальное положение²⁴. Напомним, что Гомер в «Илиаде» описал Елену с золотым веретеном в руках, а в «Одиссее» — Пенелопу у ткацкого станка. Непревзойденной ткачихой считалась богиня Афина, сурово наказавшая смертную девушку Арахну, решившуюся состязаться с ней в этом искусстве. Ежегодно самые искусные девушки Афин ткали пеплос для статуи богини на Акрополе, сходные обычаи существовали и в других полисах²⁵.

В греческих городах устраивали состязания лучших прях. В Таренте найден чернофигурный килик с надписью о том, что его дали в награду Мелусе, победившей девушек в искусстве прядения шерсти²⁶. Во время таких состязаний использовали парадные принадлежности для прядения: веретена из драгоценных металлов или особо искусно изготовленные из дерева и кости, а также оносы или эпипероны — особые приспособления для разглаживания шерсти перед прядением. Исходя из названия (βνος — осел), предполагают, что первоначально это был кусок грубой ослиной шкуры, который клали на колени для защиты от трения шерсти. В VI в. появились керамические оносы полусферической формы, они изготовлялись до конца V в. В Северном Причерноморье фрагменты оносов найдены только на Березани и в Ольвии²⁷. На двух березанских чернофигурных оносах изображены состязания на колесницах (рис. 39), на фрагментах ольвийского оноса V в. изображение утрачено.

Керамический онос длиной около 30 см надевался на правое колено; его верхняя часть, на которой раскатывали шерсть до равномерной толщины, была шереховатой, а бока украшала чернофигурная или краснофигурная роспись²⁸ (рис. 58). Больше всего оносов обнаружено в Афинах, где их изготовляли и вместе с другой керамикой продавали во многие греческие полисы. Они найдены на Родосе, в Олинфе, Элевсине, Беотии²⁹ и, как уже говорилось, на Березани и в Ольвии. Среди них есть детский онос³⁰; это одно из немногих конкретных свидетельств того, что девочек с

²⁴ См., например, изображение женщины в нарядной одежде с веретеном в руках на краснофигурной пиксиде начала V в.: Zinserling V. Die Frau in Hellas Leipzig, 1972. Taf. 38.

²⁵ Milne M. I. A Prize for Woolworking // AJA. 1945. V. 59. № 4 P 530-533

²⁶ Ibid. P. 528.

²⁷ Козуб Ю. И. Отчет о работе Загородного отряда Ольвийской экспедиции в 1975 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1975/21. С. 19; Горбунова К. С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962-1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 42-44.

²⁸ Perkidou-Gorecki A. Op. cit. S. 16-19.

²⁹ Robinson D. Excavations at Olynthos. V. 10. London 1941 P 484-490

³⁰ Ibid. P. 490. № 41.

раннего возраста учили прясть. Судя по тому, что керамические оносы редко попадают при раскопках, они никогда не вытесняли кожаные приспособления для разглаживания шерсти; но последние не сохранились, как и многие другие инструменты для прядения и ткачества, которые делали из плохе сохраняющихся в земле кожи и дерева.

При раскопках Ольвии и ее хоры во всех слоях попадает масса костей овец и коз. Они занимают первое место среди костных остатков других домашних животных. Это свидетельствует, что Ольвия обеспечивала себя сырьем для шерстяных тканей, из которых делали большую часть одежды, а также ковры, покрывала, одеяла, наволочки для подушек. Шерсть была разнообразного качества, поскольку ольвиополиты получали ее не только от разных животных (овцы, козы), но и культивировали разные их породы. По костным остаткам зоологи различают две породы ольвийских овец и столько же пород коз³¹.

Милетская шерсть и изделия из нее славились во всей Греции³²; вероятно, ольвийские женщины унаследовали из своей метрополии выдающееся искусство обработки шерсти и выделки тканей. До того, как шерсть попадала в руки пряжи, ее мыли, вычесывали специальными гребнями-чесалами, отбивали палкой, чтобы сделать более мягкой, и окрашивали. В Ольвии и на ее хоре найдено несколько костяных чесал³³, но в основном чесала изготовлялись из дерева и потому не сохранились.

Дальнейшая выделка шерсти производилась женщинами в домашних условиях. Приспособления для прядения были простыми и легкими: прялка в виде небольшой палочки, веретено длиной не более 50 см, плетеные корзины для кудели (необработанной шерсти) и для клубков ниток, намотки для ниток из дерева, керамики и кости. Поэтому прясть можно было в любой комнате и во внутреннем дворике дома, где в теплое время года проходила вся хозяйственная жизнь семьи. Тяжелый же деревянный ткацкий станок стоял на одном месте в женской половине дома.

Для получения нити из шерсти и льна пользовались веретенами, которые, как и ткацкий станок, на протяжении всей античной эпохи не претерпели существенных изменений. Веретено состояло из стержня (шпинделя) и набора пряслиц и маховичков различной формы, величины и веса. Шпиндель делали главным образом из дерева, а также из кости и металла. Из дерева и кости изготовляли маховички.

³¹ Топачевський В. О. Фауна Ольвії // Збірник праць Зоологічного музею. № 27. Київ, 1956. С. 71; Журавлев О. П. Домашние овцы и козы эллинистического периода Ольвии // Некоторые вопросы экологии и морфологии животных. Киев, 1975. С. 22-24.

³² Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 29; Gilbert E., Aström P. Thread of Ariadne. Göteborg, 1970. P. 11.

³³ ОАК 1901. С. 20. Рис. 45; Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Античное поселение Лупарово 2 // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 66. Рис. 5, 13. Многие из этих орудий не опубликованы, например, три чесала из рога благородного оленя, найденные на Березани в 1975 г. (инв. № АБ 1975/298, 461, 462).

Деревянные веретена в Ольвии не сохранились, однако при раскопках Боспора и Херсонеса найдено несколько их образцов³⁴. В любой семье могли выстрогать для веретена круглую деревянную палочку с утолщением посередине и с заостренными концами. Однако встречаются и мастерски сделанные деревянные веретена, для выделки которых требовалось профессиональное умение. Среди них бывали и привозные, например, веретено из пальмового дерева, лежавшее в женском погребении близ Керчи³⁵. Дорогие деревянные веретена иногда золотили³⁶.

Металлические веретена найдены в Греции³⁷ и в Северном Причерноморье. Из хищнических раскопок в Ольвии, производившихся в 1891 г., известно бронзовое веретено; из кургана Куль-Оба — серебряное, плакированное золотом, из Артюховского кургана — три серебряных веретена³⁸. Все перечисленные металлические веретена относятся к эллинистическому периоду.

Больше всего сохранилось костяных веретен; в Северном Причерноморье именно в Ольвии и ее округе найдено наибольшее количество археологически целых веретен эллинистического периода. Костяные веретена бывают двух типов: со сплошным и с составным стержнем. Для их выделки требовался токарный станок.

Веретена первого типа — гладкие, а у веретен второго типа стержень имеет выпуклую резьбу в виде чередующихся по высоте различных геометрических фигур. Нижнее звено часто вырезано в форме шахматной пешки, которая была рукояткой-стопором, закрепляющей пряслица и маховички. Последние усиливали оборот веретена; на костяных веретенах они обычно сделаны из того же материала.

Сложные костяные веретена появились в обиходе ольвийских женщин с первых лет существования Ольвии. Больше всего сохранилось ольвийских веретен эллинистического периода³⁹. Тогда их окрашивали в разные цвета. На одном ольвийском веретене сохранились следы красной краски, на веретенах из других центров встречаются остатки зеленой краски⁴⁰.

В наилучшей сохранности дошло до нашего времени ольвийское веретено IV в.⁴¹ Его пять звеньев соединены шипами, составляя шпиндель

³⁴ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 219.

³⁵ Сокольский Н. И. Указ. соч. С. 219 Рис 67

³⁶ ДБК. Табл. 30, 8.

³⁷ Robinson D. Op. cit. P. 374.

³⁸ Яковенко Е. В. «Скiпетр царици» з Куль-Оби // Археологія. 1973. № 11. С. 39-43; Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 88.

³⁹ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 59. Табл. X, 14, 15; XI, 3, 5; Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 77. № 109.

⁴⁰ Петерс Б. Г. Указ. соч. С. 57.

⁴¹ ИАК № 8, 1903. С. 66. Рис. 72; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 173.

длиной 44,5 см. Веретено украшено выточенными на токарном станке кольцевыми рельефными поясами.

Хорошо сохранившееся складное веретено IV в. из полированной слоновой кости найдено в 1969 г. на Кошарском городище. Как и ольвийское, оно привезено из Средиземноморья и куплено в Ольвии для жительницы небольшого поселения⁴². Веретено состоит из четырех звеньев, соединенных шипами, по размеру оно короче ольвийского на 10 см и весит с пряслицем около 30 г. Вес веретена определял возможность получения пряжи определенной тонкости и прочности. У составных костяных веретен вес стержня варьировался, так как можно было использовать разное количество звеньев. Вес веретена менялся также от веса и числа пряслиц, которые бывали разнообразными по форме и тяжести. Их делали из дерева, глины, кости и свинца. При весе веретена в 15-20 г. можно было изготовить очень тонкую нить до № 100 по современному обозначению⁴³. Складные костяные веретена из Ольвии с их небольшим весом, который можно было варьировать, показывают, что местные гречанки умели прясть очень тонкие нити. Из этнографических наблюдений известно также, что хорошая прядильщица с большим искусством подбирала пряслица в зависимости от того, какую нить надо было получить⁴⁴.

Из принадлежностей для прядения пряслица лучше всего известны по находкам. Их назначение состояло в обеспечении равномерного вращения веретена и в возможности с его помощью варьировать его вес. Шире всего пользовались керамическими пряслицами, обычно из обожженной глины. Изредка встречаются самодельные лепные пряслица или выточенные из обломков какого-либо керамического предмета. Глиняные пряслица надевали на наиболее распространенные деревянные веретена, с помощью которых выпрадали нити для обычных тканей. В середине пряслица всегда находилось отверстие для насадки на шпиндель. Керамические и свинцовые пряслица имели биконическую, сферическую или конусовидную формы, в высоту они составляли 2-4 см, а в диаметре 2-5 см. И те и другие изготовлялись в Ольвии. Керамические сначала формировали из сырой глины, прокалывали в центре конусовидный канал и затем обжигали. Ольвийские керамические и свинцовые пряслица классического и эллинистического периодов чаще всего встречаются в слоях городища, но опубликованные обычно принадлежат к погребальным комплексам⁴⁵.

Деревянные и костяные пряслица в виде дисков вытачивались на токарном станке. Для вращения веретена применялись также плоские де-

⁴² Диамант Э. И. Складное костяное веретено из раскопок Кошарского некрополя // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев, 1984. С. 117-119.

⁴³ Малышев А. П. Веретено. М., 1950. С. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Козуб Ю. I. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 114-115. Рис. 61, 62; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 133.

ревянные и костяные насадки — маховички. В Ольвии не сохранилось деревянных пряслиц и маховичков; представление о них можно получить по немногочисленным находкам в других центрах Северного Причерноморья⁴⁶. Среди ольвийских археологических материалов есть несколько костяных пряслиц и маховичков, гладких и орнаментированных, сделанных в IV—II вв. Иногда такие пряслица и маховички встречаются в наборе с костяными веретенами, как с простыми, так и с составными⁴⁷. Оба описанных выше веретена из Ольвии и Кошарского городища найдены с маховичками в виде круглых щитков.

Процесс прядения оставался неизменным в течение всей античности. Его классическое описание дал Катулл в поэме «Свадьба Пелея и Фетиды» (ст. 310-319). Поэт изобразил богинь судьбы, которые ткуют нить человеческой жизни; греки их называли Мойрами, римляне — Парками.

*Ловким движением рук они вечный урок выполняли,
Левая прялку рука держала, одетую волной,
Правая нитку легко, персты изгибая, сучила,
Быстро пальцем большим, крутя, ее отправляла,
Ровное веретено круговым вращая движеньем;
Зуб работу равнял, ненужное все обрывая,
И на иссохших губах шерстяные висели обрывки,
Те, что мешая сучить, на тоненьких нитках торчали,
Возле ног их лежала, хранясь в плетеных корзинах,
Тонкая нежная шерсть, руна белоснежного волна.*

Перевод С. Шервинского

Описание Катулла великолепно иллюстрируется рисунками на аттических вазах VI-V вв.⁴⁸ Приступая к прядению, брали следующие приспособления: прялку, веретено с пряслицами или маховичками и корзины для кудели и напряденной шерсти, перемотанной с веретена в клубки. Упомянутые Катуллом плетеные корзины постоянно изображаются у ног женщин на вазовой живописи. Прядение состояло из трех операций: вытягивания волокон из кудели, их скручивания и намотки готовой нити. По рисункам на вазах видно, что гречанки пряли, сидя и стоя. Небольшой кусок кудели насаживался на прялку. Обычно это была палочка, которую держали в левой руке. Употреблялась также отдельно стоявшая прялка с куделью. Хотя при стоячей прялке остаются свободными обе руки, ее использовали реже ручной, как можно заключить по рисункам на вазах. Правой рукой вытягивали из кудели и слегка скручивали группу волокон, на конце которых висело приведенное во вращение веретено. Таким образом свивалась нить, которая наматывалась на веретено.

⁴⁶ Сокольский Н. И. Указ. соч. С. 220.

⁴⁷ Петерс Б. Г. Указ. соч. Табл. 10. № 9, 10, 11. № 2.

⁴⁸ Gansinieg Z. Wiokiennictwo // Kultura materialna staro'iytnej Grecij. T. 1. Wroclaw-Warszawa, 1975. S. 420-424. Rys. 7, 8, 13, 14.

После изготовления нитей приступали к производству ткани на ткацком станке. О его виде и устройстве можно судить исключительно по рисункам древних мастеров (рис. 59), поскольку до сих пор нигде не найдено остатков такого станка. Однако эти рисунки настолько детальные, что по ним была изготовлена действующая модель античного ткацкого станка⁴⁹. Он состоял из двух вертикальных деревянных стоек, скрепленных сверху поперечиной, под которой находился вал с наматывавшейся на него готовой тканью. Штырьки на верхней перекладке станка не допускали обратного вращения вала, чтобы не разматывалась ткань. С вала спускались вертикально натянутые нити основы, на концах которых висели грузила. Посередине станка были две рейки, служившие для образования зева. Одна рейка соединялась с четными нитями основы, другая — с нечетными. Ткачиха попеременно выдвигала вперед то одну, то другую рейку, создавая зев, сквозь который она продевала уток сначала справа налево, затем слева направо. Ткали стоя, постоянно передвигаясь от одной к другой стороне ткацкого станка; в греческом языке существовало специальное выражение «ходить у станка» (ἐλθοῦσαι ἴστων).

Все части станка были деревянными, лишь грузила изготовлялись из глины или металла. В коллекции археологических материалов из Ольвии находится много ткацких грузил пирамидальной или дисковидной формы с круглыми отверстиями в верхней части. В отверстие продевались либо концы каждой вертикально висящей нити, либо собранная в пучок группа нитей; их сначала продевали в петлю из тонкой веревки или ремня, а затем к петле прикреплялось грузило. Первый способ подвески грузил изображен на краснофигурном скифосе середины V в., на котором художник нарисовал сидящую у ткацкого станка Пенелопу, а также на двух беотийских скифосах; второй способ представлен на чернофигурном лекифе мастера Амасиса, расписанном в Аттике ок. 550 г.⁵⁰ (рис. 59).

Среди многочисленных ольвийских ткацких грузил, сходных с подобными изделиями из других греческих центров, выделим два более редких. Одно — небольшое свинцовое, найдено в позднеэллинистическом слое. Оно сделано в местной мастерской и имеет высоту 3 см, ширину у основания 1,3 см⁵¹. Другое — керамическое V-IV вв. из местной глины, правильной пирамидальной формы. До обжига владелец оттиснул на нем свою печать, что редко встречается в Ольвии. Печать с изображением перса была вырезана греческим мастером высокого класса и принадлежала состоятельному ольвиополиту⁵². Заказывая в мастерской грузила для до-

⁴⁹ Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. 1952. № 52. С. 402-405; Gansinieg Z. Op. cit. S. 430-436.

⁵⁰ Gansinieg Z. Op. cit. S. 431-435. Rys. 19-24.

⁵¹ Лейпунська Н. О. Свинцеві вироби з Ольвії // Археологія. 1988. № 63. С. 70. Рис. 7.

⁵² Максимова М. И. Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати // МИА. 1956. № 50. С. 190.

машного ткацкого станка, хозяин отметил их своей печатью. Такого рода отметки встречаются и на других предметах домашнего обихода. На Боспоре найдены грузила с оттисками печатей, изображавших Эрота и Силена, есть оттиски печатей и на ткацких подвесках из Херсонеса⁵³.

Как и пряслица, ткацкие грузила имели разнообразный вес и подбирались в зависимости от характера изделия. Например, вес боспорских колебался от 6 до 460 г.⁵⁴ Очень легкие грузила свидетельствуют о производстве тончайших тканей, а тяжелые, наоборот, показывают, что изготовляли также грубые материи.

Античные ткани делали из шерсти и льна, а грубые — из конопли. Мы не располагаем сведениями о разведении льна в Северном Причерноморье. Традиционным поставщиком льна в античности был Египет. О наличии конопли в Скифии сообщает Геродот (IV, 87). Но большая часть тканей изготовлялась из шерсти. Недаром почти все сохранившиеся остатки античных тканей из Северного Причерноморья — шерстяные⁵⁵. К сожалению, среди хранящихся в музеях греческих тканей нет ни одного фрагмента из Ольвии, хотя их неоднократно обнаруживали в погребениях⁵⁶.

Ткань сразу изготовлялась для определенной цели, необходимой длины и ширины, поэтому мужские и женские плащи, покрывала и ковры выходили готовыми прямо с ткацкого станка. Некоторые изделия требовали еще сшивания, например, хитоны и наволочки. Для этого использовались бронзовые и железные иглы с ушками, по форме близкие к современному. Сохраняются, как правило, крупные иглы; их неоднократно находили в Ольвии⁵⁷.

Итак, все, что мы знаем о женщинах в Ольвии, соответствует тому, что известно о гречанках в других античных полисах. Жительницы Ольвии преимущественно проводили свое время в доме, занимаясь хозяйством, воспитывали детей, пряли шерсть, ткали и шили. Если в Ольвии встречались образованные женщины, то их было крайне мало. В большинстве женщины оставались неграмотными, потому что ни одно из ольвийских граффити нельзя с уверенностью отнести к женской руке, в то время, как на многих прямо указано авторство мужчин. Женщины официально не имели права принимать участие в политической и общественной деятельности, а в религиозной жизни Ольвии им отводилась значительно более скромная роль, чем мужчинам.

⁵³ *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч. С. 407.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Герцигер Д. С.* Античные ткани из собрания Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 70.

⁵⁶ *Козуб Ю. И.* Ткачество // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 453.

⁵⁷ ИАК № 8. 1903. С. 62-63.

12. ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕЙ

Рождение ребенка отец отмечал праздником в честь появления нового члена семьи. Дом украшали зелеными ветвями и травами, а у дверей на улице вешали шерстяную ленту, если родилась девочка, и масличную ветвь, если на свет появился мальчик. Нам неизвестно, каким растением в Ольвии заменяли масличную ветвь, поскольку здесь не росли оливы.

Родственники и друзья поздравляли родителей и приносили подарки. Живая картинка такого праздника обрисована в одном фрагменте комедии Эфиппа: у дверей развешаны венки, с улицы уже слышен запах кушаний: поджаренного сыра, бараньей грудки, капусты; вдыхая их, гость предвкушает обильное угощение и выпивку¹.

В разделе о календаре говорилось об ольвийском осеннем празднике Апатурии, когда отцы вносили в списки граждан имена новорожденных. В Элладе на третий день Апатурий мальчикам 14-16 лет обрезали волосы и посвящали пряди богам, охранявшим ребенка. Обычно это был Аполлон или бог реки родного города². Обоих богов широко почитали в Ольвии: Аполлону были посвящены крупнейшие ольвийские храмы, а на ольвийских монетах, называемых сейчас борисфенами, изображался местный речной бог (рис. 20).

После обрезания волос мальчик официально выходил из отрочества и становился юношей, обязанным в случае необходимости принимать участие в войнах. К этому его готовили от 16 до 18 лет. Таким образом, обряды праздника Апатурий охватывали жизнь ребенка от рождения до вступления во взрослую жизнь.

В греческих семьях мальчики и девочки первые годы жизни воспитывались вместе. До семи лет они жили с матерью на женской половине дома. У состоятельных родителей за детьми до трех лет смотрела кормилица, а затем нянюшка. Кормилиц брали из рабынь или нанимали женщин из бедных семей. Они занимали привилегированное положение среди прочих домашних слуг и нередко становились нянюшками у подросших де-

¹ См.: *Уссинг Ж.* Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1899. С. 17.

² Там же. С. 22.

тей. Однако к кормилицам часто относились с подозрением, обвиняя их в том, что они съедали большую часть предназначенной ребенку пищи (Aristoph. Equ. 717; Aristot. Rhet. 111,4).

Новорожденного сначала кормили грудным молоком, а затем предвзвешенно разжеванной пищей и козьим молоком. Чтобы напоить младенца молоком или водой, использовались специальные небольшие сосуды — гуттусы. Они имели шарообразную форму, боковую ручку с одной стороны, а с другой — носик с очень узким отверстием; через него жидкость вытекала постепенно тонкой струйкой или каплями.

В детских погребениях, в том числе и в ольвийских, обнаружено немало гуттусов. В Ольвии они были как местного производства, так и привозные³. Наиболее ранние изготовлены в Ионии из светлой глины и украшены красным ободком; в V—IV вв. из Аттики поступали чернолаковые, а также расписные гуттусы. Более редким изделием для новорожденных были сосуды в форме женской груди. Образец такого изделия известен по раскопкам на Березани.

Некоторые терракотовые статуэтки изображают женщин с маленьким ребенком на руках. Несколько подобных терракот найдено в Пантикапее. Одна из них представляет мать, сидящую на стуле и кормящую грудью спеленутого ребенка; по остаткам краски видно, что пеленки были окрашены в голубой цвет. Другая статуэтка изображает женщину в парадном хитоне и гиматии, держащую обнаженного младенца⁴.

Маленьких детей клали в колыбели. Судя по вазовой живописи, их плели из ивовых прутьев с двумя ручками по бокам для легкости переноски⁵. При раскопках Пантикапея обнаружена терракотовая фигурка лежащего в колыбели обнаженного малыша со скрещенными ножками и игрушечным оленем в руках.⁶ Эта фигурка служила детской погремушкой, в ее полую внутренность положен глиняный шарик, который гремел при каждом движении. Погремушки, как и теперь, были распространенными игрушками для самых маленьких. Какой-то особый вид погремушки изобрел пифагорейский философ V в. Архит, о чем упоминает Аристотель в «Политике» (VIII, 6, 11. Р. 1340 b. 25-28).

Танагрская статуэтка конца IV в., хранящаяся в Эрмитаже, великолепно показывает, как гречанки забавляли погремушками своих маленьких детей⁷. Статуэтка изображает Афродиту, играющую со своим сыном Эротом. Мифологический сюжет трактован в жанре повседневной жиз-

³ Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 57-58; Парович-Пешкан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 85-86. Рис. 91.

⁴ Силантьева Л. Ф. Терракоты Пантикапея. САИ. Г-П. Т. 3. М., 1974. С. 86. Табл. 15, 1 и 3.

⁵ Уссинг Ж. Указ. соч. С. 38.

⁶ Силантьева Л. Ф. Указ. соч. С. 36. № 219.

⁷ Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975. № 91.

ни. Афродита представлена в виде молодой женщины в подпоясанном под грудью хитоне и плаще, накинутом на левое плечо. В правой руке у нее большая шарообразная погремушка на палке, к которой приковано внимание сидящего на коленях у матери пухлого младенца. Только крылышки на его спине свидетельствуют о мифологическом сюжете. Все остальное мастер лепил с натуры: стул с высокой спинкой и положенную на него подушку в яркой полосатой наволочке, сидящую в непринужденной позе молодую женщину в одежде его времени и хорошо известную всем игрушкой.

Не случайно ребенок, изображенный на упомянутой пантикапейской погремушке, держит в руках игрушечного оленя. По находкам в детских погребениях известны фигурки всевозможных зверей и птиц, которыми любили играть греческие дети. Из раскопок Ольвии происходит немало терракотовых статуэток животных; среди них собаки, бычки, лошади, свиньи, черепахи, обезьяны, львы, пантеры, медведи, петухи, голуби, орлы⁸. Одни из них служили религиозным целям, другие были детскими игрушками. Например, свистульки в виде фигурок животных. В детских погребениях иногда встречается по несколько игрушек; так, в одной могиле некрополя Нимфея рядом с ребенком лежали терракотовые собака, птичка и обезьянка⁹. В Ольвии наряду с терракотовыми находят игрушки, сделанные из других материалов. Например, костяная обезьянка в оловянной ванночке. Вообще оловянные игрушки занимали заметное место в числе прочих изделий этого рода. Среди редких животных отметим найденного в ольвийском детском погребении оловянного верблюда¹⁰.

Девочки в Ольвии играли в куклы, а мальчики в войну. Среди ольвийских находок есть оловянные всадники II и терракотовые куклы. Одна кукла V в. имеет подвижные руки и ноги, прикрепленные к туловищу проволочками¹¹. Таких кукол делали в Коринфе и вывозили не только в Ольвию, но и в другие города Северного Причерноморья¹². В IV в. вкусы изменились, и сюда стали привозить более искусно изготовленных кукол из Аттики¹³. Девочки одевали своих кукол в разные платья и сажали за стол, накрытый игрушечным сервизом. Предметы из подобных сервизов найдены в ольвийских детских погребениях эллинистического времени. Дет-

⁸ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 134-143.

⁹ Штерн Э. Р. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 22-23.

¹¹ Там же. С. 21. Табл. 1.

¹² Леви Е. И. Терракоты из Ольвии // САИ. Г-П, 1970. Т. 2. С. 51. № 5. Табл. 29, 3.

¹³ Силантьева Л. Ф. Указ. соч. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 9.

ская посуда копировала распространенные формы столовых сосудов, таких, как ойнохои, кувшины, миски¹⁵.

Археологические материалы, конечно, не отражают все многообразие жизни маленького ребенка. Нам ничего не известно, например, о песнях, баснях и сказках, которые рассказывали ольвийские матери и нянюшки. В греческих баснях часто действовали животные, не водившиеся в Северном Причерноморье. Вероятно, фигурки обезьян, верблюдов, львов и других зверей показывали детям, как выглядели персонажи популярных басен и сказок¹⁶.

Дети любили игры с животными. На античных вазах и скульптурах детей часто изображали ласкающими разных зверюшек или играющими с собаками, петухами, гусями, журавлями, маленькими птичками¹⁷. Кости всех этих животных найдены в Ольвии, поэтому можно легко представить, что маленькие ольвиополиты в этом отношении не отличались от других греческих детей. Но лишь одна ольвийская терракота сохранила для нас подобную живую сценку: улыбающаяся девочка, склонившая голову к плечу, ласкает рукой собачку, и от этого движения ее хитон слегка сполз с плеча¹⁸.

По рисункам на аттических вазах видно, что дети любили кататься на маленьких тележках, запряженных собаками. Находки в Ольвии костей крупных собак дают возможность предположить, что так забавлялись и ольвийские детишки. Многие подростки приобщались к игре в кости, используя костяные кубики и обработанные астрагалы, которые нередко находили в Ольвии¹⁹. От других предметов для популярных игр в Ольвии ничего не сохранилось. Например, о всевозможных играх в мяч или о катании на качелях мы знаем лишь по изображениям на вазах и упоминаниям античных авторов.

Мужчины не уделяли особого внимания маленьким детям; они считали недостойным проводить много времени в гинекее, нянчиться и играть с малышами. Феофраст в «Характерах» (гл. 20) с осуждением пишет о человеке, который, отобрав дитя у няньки, сам кормит его, разжевывая для ребенка пищу, «сюсюкает и причмокивает» и называет его «папиной игрушкой».

Детство греческого мальчика делилось на два периода: до семи лет, когда он вместе с сестрами воспитывался на женской половине дома, и после семи лет, когда его посылали в школу, и он, подобно взрослому мужчине, начинал проводить значительную часть своей жизни вне дома. Девочки же до выхода замуж жили в гинекее под присмотром матери и учи-

¹⁵ Штерн Э. Р. Указ. соч. С. 26-31.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Beck Fr. Album of Greek Education. Sydney, 1975. P. 49.

¹⁸ Леви Е. И. Указ. соч. Табл. 14, 2.

¹⁹ Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986. С. 79.

лись вести домашнее хозяйство: в первую очередь готовить еду, пряхать шерсть и ткать. Некоторые девочки могли научиться грамоте у кого-нибудь из членов семьи. В VI—IV вв. неграмотная женщина была заурядным явлением даже в Афинах. Недаром в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (ст. 583-584) героиня, царская дочь, просит греческого пленника написать для нее письмо в родной Аргос. Только в эллинистический период в некоторых городах появились школы для обучения девочек²⁰. Но об образовании женщин в Северном Причерноморье ничего не известно.

Многочисленные надписи, прочерченные на сосудах и обломках керамики, — самый показательный источник, свидетельствующий о широком распространении грамотности в Ольвии (рис. 29, 30, 37, 52, 54). Эти надписи имеют самое разнообразное содержание: письма, посвящения богам, заметки о ценах, мерах, весах, всевозможные заклятия, имена владельцев и дарителей сосудов, отдельные стихи из известных поэм, стихотворные надписи собственного сочинения и др.²¹. Однако ни одно из этих граффити нельзя с уверенностью приписать женской руке. В эллинистический период, когда папирус становится общедоступным материалом для письма, граффити на керамике почти исчезают, и мы лишаемся этого ценнейшего источника. Папирус же в слоях городища Ольвии не сохраняется.

Несколько ольвийских писем на свинцовых пластинках и на фрагментах керамики написаны мужчинам и им же адресованы. Таковы, например, адрес письма VI в.: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору» (рис. 60) и начало письма IV—III вв.: «От Баттикона к Дифилю»²². Вероятно, все же некоторые жительницы Ольвии умели читать и писать, так же, как отдельные афинянки. О грамотности последних свидетельствуют изображения на аттических вазах, где нарисованы женщины со свитками в руках²³. Некоторые ольвийские граффити, особенно посвященные женским богам, возможно, начертаны женщинами.

Любознательная ольвийская девочка могла научиться тому, что преподавали ее братьям, посещавшим школу. Будущие граждане, даже из бедной семьи, получали по меньшей мере начальное образование, включавшее элементарные навыки чтения, письма и счета. Это, как подчеркивал Аристотель (Pol. VIII, 2; 1338 a), было необходимо для ведения денеж-

²⁰ Jones A. H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford. 1940. P. 222.

²¹ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953. С. 7-56; Яйленко В. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72-99; № 3. С. 75-116; Русаева А. С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 134-154; Она же. Религия и культы античной Ольвии... С. 43, 47, 56, 91, 102, 130, 213.

²² Виноградов Ю. Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4. С. 78, 98; Яйленко В. П. Человек в античной Ольвии // Человек в античном мире. М., 1988. С. 92-129.

²³ Beck F. Op. cit. P. 85.

ных дел и домоводства. Кроме того, любому греческому полису требовалось немалое количество образованных граждан, способных успешно справляться с многочисленными должностями на государственной службе.

Эллины считали, что закон о всеобщем обучении грамотности впервые установил Харонд еще в VII в. (Diod. Sic. XII, 12, 5). На деле грамотность всего свободного населения греческих государств стала возможной лишь в эллинистическое время. До этого даже в Аттике были малограмотные граждане, особенно среди живших в сельской местности. Известен рассказ о том, как неграмотный крестьянин попросил Аристида написать его имя на остраконе (Plut. Aristid. 7), а другой афинянин, не умевший читать, выучил наизусть все нужные ему законы (Crat. fr. 122).

Образование греков разделялось на три ступени: всеобщее начальное, среднее, доступное более или менее зажиточной части населения, и высшее, появившееся в Элладе на рубеже V-IV вв. и охватывавшее немногих граждан. Эпиграфические и письменные памятники свидетельствуют о наличии в Ольвии по крайней мере первых двух ступеней образования. Первую ступень проходили в начальной школе мальчики в возрасте от 7 до 12 лет. Затем с 12 до 15 лет учились в грамматической школе и далее, с 16 до 18 лет, — в гимнасий.

Греки старались гармонично развивать умственные и физические способности ребенка. Поэтому в школьную программу, наряду с изучением гуманитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта.

Уже первые поколения колонистов заботились об образовании своих детей. Древнейшие граффити из Ольвии и Березани относятся к VI в.; среди них есть и школьные упражнения²⁴. Вероятно, ольвийские законы были сходны с теми, о которых мы знаем из сочинений Платона и Исократа (Plat. Crit. 12; Nom. VIII, 6; Isocr. VII, 45): государство требовало, чтобы отец заботился об обучении сына «музыке и гимнастике». В понятие музыки древние греки вкладывали все отрасли знания, находившиеся под покровительством муз: чтение, письмо, арифметику и собственно музыку в нашем понимании. Последней приписывалось важное моральное воздействие на ребенка (Aristot. Pol. VIII, 2, 3). Считалось, что отец или опекун, не давший мальчику достаточного образования и не обучивший его никакому полезному знанию или ремеслу, не может жаловаться, если сын не станет содержать его в старости.

Подобно взрослым мужчинам, мальчики проводили большую часть светлого времени дня вне дома — в школе и на палестре. В школу они отправлялись на рассвете (Thuc. VII, 25; Plat. Nom. 808), тогда же, когда взрослые принимались за работу. В более или менее состоятельных семьях к мальчикам приставляли специального раба-педагога. Он провожал

²⁴ Яйленко В. П. Начальное школьное образование в античных греческих городах // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 54-60.

мальчика в школу или на палестру, следил за опрятным видом и поведением своего подопечного (Plat. Nom. VII, p. 494, d, e; Aristot. Pol. II, 12). Педагог учил есть так, как принято в хорошем обществе: брать рыбу, мясо и хлеб двумя пальцами, держать хлеб в левой, а мясо в правой руке, не таскать лакомств у родителей, а также правильно надевать плащ и завязывать сандалии²⁵. За любую провинность педагог мог побить мальчика, поэтому вазописцы изображали его рядом с ребенком обязательно с палкой в руке.

Конечно, не во всякой семье к ребенку могли приставить специального раба. В миме Герода «Учитель» бедная женщина, с трудом вносящая плату за обучение сына, жалуется на то, что он пропускает уроки в школе, убегая играть в азартные игры.

На образование сыновей семья выделяла в своем бюджете денежные средства, в которые входили оплата учителю, приобретение письменных принадлежностей, музыкальных инструментов и всего необходимого для гимнастических тренировок.

Оплата учителю начальной школы, в которой обучали грамоте и счету, была невелика и доступна почти всем. Первоначально школы были только частными; социальное положение родителей не имело значения, поэтому там могли учиться дети не только граждан, но и всех свободных жителей города. Когда же в эллинистический период многие города стали нанимать учителей на общественные деньги, привилегией получения бесплатного образования пользовались дети граждан и, возможно, тех метеков, которые платили определенные налоги в государственную казну. Например, из надписей известно, что Милет оплачивал четырех учителей и столько же атлетических тренеров²⁶. Однако существование государственных школ не исключало наличия частных. О государственных школах в Северном Причерноморье известно лишь по одному упоминанию в надписи римского времени из Пантикапея²⁷; все прочие данные о школах в этом регионе относятся к числу косвенных.

Начальная школа помещалась не в особом здании, а в комнате дома учителя или в нанятом помещении. В теплое время года учитель собирал детей в каком-нибудь удобном месте на открытом воздухе. В школе занимались одновременно дети разных возрастов; одни только начинали выводить первые буквы, а другие выполняли более сложные упражнения. Учитель сидел на высоком стуле, а дети на низких табуретках. Пока один отвечал урок, другие готовили каждый свое задание²⁸.

Специальность грамматиста, учителя начальной школы, относилась к числу мало престижных (Plat. Prot. 313 b; Dem. XVIII, 258). Считалось, что учить письму и счету может любой грамотный человек; труд его оце-

²⁵ Уссинг Ж. Указ. соч. С. 51-55.

²⁶ Jones A. H. Op. cit. P. 222.

²⁷ КБН № 706.

²⁸ Beck F. Op. cit. P. 14.

нивался дешево, а во время каникул и за праздничные дни учитель ничего не получал. Феофраст (Char. 30) писал, что жадный человек вычитает деньги из платы за обучение, когда его дети не ходят в школу из-за нездоровья, а в месяце Антестерии, в котором много празднеств, вообще не посылает детей в школу, чтобы не платить денег.

Отправляя сына в школу, родители снабжали его письменными принадлежностями двух видов, поскольку в античности существовало два вида письма: нанесение букв острием на воск, керамику, свинец, камень, дерево и написание их краской или чернилами главным образом на папирусе (рис. 61). От первого способа в Ольвии сохранились надписи на камне, граффити на керамике и письма на свинцовых пластинках. Вторым способом использовался папирус, который в слоях Ольвии не сохраняется. Однако свидетельством такого рода письма служат дипинти — цифровые и буквенные обозначения, нанесенные краской на амфорах, а также написанные красной и черной красками имена на черепках, найденных при раскопках ольвийского суда²⁹.

Для обучения первому виду письма ребенку давали натертые воском таблички и стиль, палочку, заостренную для письма с одной стороны и утолщенную с другой, чтобы стирать написанное на воске. Для второго вида письма требовался папирус, тростниковое перо и чернила. Часть этих предметов могли изготавливать ольвийские мастера: таблички, стили, воск, порошок для чернил. Папирус же был исключительно привозным. Сначала он был очень дорог, а с эллинистического периода стал доступен широким слоям населения. Ребенок из состоятельной семьи мог иметь стиль и таблички из дорогих заморских сортов дерева, бронзы или кости, но большинство этих школьных принадлежностей делалось из обычного дерева.

При раскопках Ольвии неоднократно находили костяные стили³⁰, таблички же вообще не сохранились. Лишь на одной эллинистической терракоте можно увидеть диптих (двойную табличку): развернув его на коленях, человек в плаще что-то пишет на нем³¹. Эта терракота хорошо иллюстрирует манеру греков писать не на столе, как принято теперь, а положив таблички на колени. Таблички имели прямоугольную форму с приподнятыми краями, до уровня которых наливали расплавленный воск, а затем разглаживали его небольшим металлическим скребком трапецевидной или сердцевидной формы. Такие скребки изредка находят в Северном Причерноморье³². Воск на табличках меняли, вероятно, каждый месяц; это делал или раб-педагог либо родители (Herod. Mim. III, 14-19).

Дети сначала учились писать буквы, затем слоги, слова и, наконец, целые предложения. В Берлинском музее хранится табличка со тщательно выведенной учителем надписью, которую ученик затем повторил четыре раза: «Будь трудолюбив, мальчик, чтобы не быть высеченным»³³. Учитель наказывал нерадивых учеников не только по собственной инициативе, но и по просьбе родителей сек их плетью, так что спина становилась «пестрее змеи» (Herod. Mim. III, 60-63, 92). На аттических вазах встречаются сцены, когда детей бьют палкой или сандалией, а иногда на теле мальчика нарисован отпечаток сандалиии как след побоев³⁴.

Маленькие ольвиополиты иногда в качестве материала для письменных упражнений использовали обломки керамики, сохранившиеся до наших дней. Эти школьные граффити иллюстрируют процесс обучения грамоте в Ольвии от букв к слогам и простым словам, а затем и целым предложениям. Подобный способ обучения, общий для всех греческих начальных школ, описан у Афиней (X, 49).

Приведем пример школьного упражнения на черепке архаического периода из Ольвии. Ребенок еще не твердо знал порядок букв алфавита и вырезал А В Г Е, пропустив Д. На другом черепке более позднего времени исправлена ошибка в написании слова "Αβδηρα, где вместо η было написано ε. На свободном пространстве черепка учитель еще дважды прочертил букву, которую ему исправил учитель³⁵.

Поскольку греки обозначали цифры буквами, твердое знание алфавита было необходимо для любых цифровых записей, не говоря уже о знаниях в области математики. Элементарные арифметические расчеты сопровождали ежедневную жизнь каждого грека. Нередко он делал цифровые записи для памяти. Их образцы имеются на ольвийской керамике. Чаще всего записывались цены и долги. Наиболее яркий пример — граффито III в., начертанное ольвийским торговцем на черепке чернолакового сосуда³⁶. Он записал, что у него было вино стоимостью в 102 статера, по 14 статов за амфору; он отпустил (вероятно, в долг) Эвксену пряного вина на статер, Диотиму — на 5 статов, Кимону — на обол. Однако чаще встречаются цифровые записи для памяти, понятные только самому писавшему: это либо просто цифра, либо цифра с указанием имени человека, которому следует отдать долг или, наоборот, получить его³⁷.

Целый школьный урок читается на горле амфоры III в., найденной на Березани³⁸. Сначала школьник вырезал свое имя Фок и повторил первую букву имени. Потом сделал упражнение на слог «как», повторив его несколько раз и отделяя один слог от другого точками. Здесь запечатлен из-

²⁹ *Левин Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 94.

³⁰ *Петерс Б. Г.* Указ. соч. С. 61.

³¹ *Худяк М. М.* Терракоты // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940. С. 96. Рис. 77.

³² *Кадеев В. И.* Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первые века нашей эры // Вестник Харьковского ун-та. № 343. История. Вып. 23. 1989. С. 56.

³³ *Радциг С. И.* Введение в классическую филологию. М., 1965. С. 494.

³⁴ *Веск Ф.* Op. cit. P. 44-45.

³⁵ *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани, Ольвии... С. 96, № 102, 105.

³⁶ Там же. С. 97, № 106.

³⁷ Там же. С. 97-98, № 107, 109, 110, 113, 117.

³⁸ *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982. С. 306.

вестный по описаниям античных авторов прием обучения грамоте по слогам. Затем школьник вырезал слово *τύλο* (письмена), а ниже выполнил упражнения, в которые входили слова из двух или трех букв: *ῥς* (кабан), *ῥς* (как), *μῦς* (мышь). Некоторые слова написаны в именительном и в родительном падежах. Упражнение кончается более длинным словом *ἔπι-κοῦρη*, в котором сделаны две ошибки. Сходные упражнения, обнаружены среди граффити других греческих полисов, и это подтверждает сходство приемов обучения грамоте во всем греческом мире³⁹.

Приступая к чтению связанных текстов и написанию более или менее длинных фраз, учитель обычно брал произведения Гомера или поэмы Троянского цикла⁴⁰. Два граффити V в. подтверждают, что ольвиополиты со школьных лет запоминали многие стихи из эпических поэм. На чернолаковом килике процарапан, вероятно, школьником стих из «Одиссеи»: «От Илиона унеся меня, ветер к киконам пригнал»⁴¹. Другая надпись на черепке воспроизводит начало одной из поэм Троянского цикла «Малая Илиада»:

*Я, Илион, пою с Дарданией, конями прекрасной,
Ради которой страдали данайцы, слуги Арея*⁴².

Таким образом, можно определенно сказать, что в классический период ольвийские школьники учили те же стихи, что и во многих городах Эллады. Знание стихов знаменитых поэтов побуждало некоторых ольвиополитов к собственному стихотворному творчеству в распространенных в то время размерах. Об этом свидетельствуют стихотворные граффити на сосудах⁴³. В стихотворной форме составлялись и некоторые надписи на памятниках⁴⁴ и эпитафии на ольвийском некрополе. Такова, например, ольвийская эпитафия IV в., написанная элегическим дистихом:

*О, Эпикрат, Исократ дитя. Над могилою стела —
Памятник это, хотя рано в могилу тебе*⁴⁵.

Дион Хрисостом, посетивший Ольвию в конце I в. н. э., отметил особую любовь ольвиополитов к Гомеру и стремление местных поэтов пи-

³⁹ Там же. С. 306-307.

⁴⁰ *Зайцев А. И.* Культурный переворот в древней Греции VII-V вв. до н. э. Л, 1985. С. 167.

⁴¹ *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии... С. 68. № 33.

⁴² *Виноградов Ю. Г.* Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ 1969 № 3 С. 142.

⁴³ Там же. С. 147; *Яйленко В. П.* Граффити Левки, Березани и Ольвии № 84-90.

⁴⁴ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 141, 147.

⁴⁵ Перевод А. А. Белецкого помещен в статье: *Козуб Ю. И., Белецкий А. А.* Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1 С. 173.

сать в гомеровском стиле (Ог. XXXVI, 10). Все это традиционно воспитывалось в ольвийской школе, и, наверное, среди ольвийских мальчиков были такие, как Никерат из «Пира» Ксенофонта, который в отрочестве выучил наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею» (Xen. Symp. 12).

По лапидарным надписям можно судить, что некоторые ольвиополиты имели не только начальное, но и хорошее среднее и даже высшее образование. Многочисленные ольвийские декреты составлены правильным литературным языком с некоторыми цветистыми выражениями, свойственными ораторским упражнениям, которые выполнялись в средней и высшей школах под руководством риторов⁴⁶. Косвенным свидетельством существования ольвийских ораторов служат сведения надписей о постоянной деятельности народного собрания⁴⁷. Чтобы завоевать его внимание и убедить в своей правоте требовалось хорошо составить и произнести речь. Риторы обучали юношей ораторскому искусству, которое способствовало не только политической карьере, но оказывалось необходимым в суде⁴⁸.

Юноши из богатых семей в Северном Причерноморье, собираясь сделать политическую карьеру, иногда отправлялись получать высшее образование в Греции. Дионисий Галикарнасский сообщает, что боспорянин Сопеид был учеником прославленного афинского оратора Исократ (Dion Hal. De Isocr. 18). Мы знаем о некоторых ольвиополитах, уехавших в Элладу получить образование, оставшихся там и завоевавших большую известность. Это философы эллинистического периода Бион Борисфенит и Посидоний Ольвиополит (Diog. Laert. IV, 46-58; Suda. P. 877).

Но, конечно, большинство ольвийских граждан учились у местных риторов. Об одном из них можно прочесть у Диогена Лаэртского (IV, 46). Этот ритор был не только учителем, но и автором ряда произведений. Купив способного юношу Биона, ритор обучил его, отпустил на волю и сделал наследником своего дела. Однако после смерти учителя Бион сжег все его сочинения, продал имущество и на эти деньги отправился в Элладу искать там мудрости.

В круг среднего и высшего образования греков входили, наряду с гуманитарными предметами, геометрия и астрономия. Сократ подчеркивал их практическую пользу для каждого гражданина: геометрия в ее первоначальном значении «измерения земли» оказывалась необходимой при купле, продаже и закладе земельных участков и в спорах о границах земельных наделов; знание же звездного неба использовалось для определения времени ночью, для установления сроков сельскохозяйственных работ, начала и конца навигации, смены караула у стен и ворот города и т. д. (Xen. Mem. VII, 3-4).

⁴⁶ *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887. С. 178-180.

⁴⁷ IPE № 32, 34, 40, 42, 43, 46 и др.

⁴⁸ См. главу «Суд».

Процесс обучения в школе лучше всего изображен на хранящемся в Берлине аттическом килике первой четверти V в.⁴⁹ Вазописец Дурис нарисовал сидящего на стуле учителя, который разворачивает папирусный свиток со словами: «Муза моя, про Скамандра текучего петь начинаю». Это начальные строки какой-то, теперь утраченной, поэмы. Стоящий перед учителем мальчик, вероятно, повторяет за ним эти стихи, а, может быть, читает их наизусть; учитель развернул свиток так, чтобы зрителю было понятно, чему он обучает своего ученика. Другой учитель, держа в руках стиль, проверяет задание, выполненное учеником на вощеных табличках. Около ученика сидит его педагог с палкой, орудием наказания за провинности.

На стене художник изобразил висящие всевозможные предметы, связанные с обучением: корзину с книгами-свитками, футляр для аулоса, лиру и крестообразный ключ для ее настройки. Музыкальные инструменты — свидетельство о музыке, необходимом компоненте образования грека. Не случайно на килике представлены два учителя письма и литературы и два учителя музыки, из которых один обучает игре на аулосе, а другой — на лире (рис. 62).

Аристотель (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b) писал, что музыка входит в обязательный курс обучения, потому что она благотворно воздействует на нравственную сторону души, а в ежедневной жизни музыка — неизменный спутник свободного гражданина во время отдыха⁵⁰.

В V в. ольвийские школьники занимались пением и игрой на аулосе и лире, но к IV в. игра на аулосе стала считаться недостойной свободного гражданина, и осталось обучение пению под аккомпанемент струнных инструментов (Aristot. Pol. VIII, 6, 5; 1341 a). Трудно сказать, распространялось ли это правило на Ольвию.

На дне упомянутого килика Дуриса нарисован атлет, перевязывающий сандалию. Так художник отразил третью составную часть образования греков — занятия гимнастикой, считавшейся необходимой «для укрепления здоровья и развития телесных сил» (Aristot. Pol. VIII, 2, 3).

Физические тренировки начинались на палестре под руководством педотриба и продолжались затем в гимнасий. О гимнасий в Ольвии говорилось уже выше, здесь же скажем несколько слов о палестре. Ее название указывает, что первоначально это была просто площадка для занятий борьбой. Позже там стали строить подсобные помещения и скамьи для зрителей, пришедших посмотреть на тренировки подростков. На палестре, кроме занятий разными видами атлетики, обучали танцам и различным играм, а также устраивали состязания. Плутарх в «Застольных беседах» (Mog. 747 a-b) описывает присуждение наград мальчикам-победителям в пляске. Судьями были учитель гимнастики и брат писателя,

⁴⁹ Beck F. Op. cit. P. 14-15.

⁵⁰ Музыке и музыкальным инструментам в Ольвии посвящена отдельная глава этой книги.

«который сам превосходно плясал пирриху» и в отрочестве на палестре «выделялся грациозностью среди всех своих сверстников».

О любви к танцам в Ольвии красноречиво свидетельствует граффито на сосуде V в., хранящемся в Киевском Историческом музее. Владелец с гордостью написал «и красив я в танце». Об играх в мяч сохранилось лишь косвенное свидетельство. Это найденная в Ольвии краснофигурная аттическая амфора IV в. с изображением юноши, который под наблюдением тренера готовится ударить ногой по мячу⁵¹. Ольвийские надписи сообщают о победителях в различных видах спорта⁵². Первые шаги к этим победам ольвиополиты совершали на палестрах.

Палестру, как и начальную школу, обычно содержали частные лица, а в гимнасии тренеры нанимались на государственный счет или за счет лица, исполнявшего обязанности гимнасиарха. Сейчас известны имена двух ольвийских гимнасиархов Никодрома и Феокла⁵³. В надписи на уцелевшем постаменте статуи середины III в.⁵⁴ говорится, что Никодром посвятил статую своего сына Дионисия Гермесу и Гераклу. Эти два бога были у греков постоянными покровителями гимнасии. Вероятно, Никодром таким образом отметил атлетическую победу Дионисия во время праздничного состязания в честь Гермеса, носившего наименование 'Ερμαίοι⁵⁵. В эллинистический период на таких праздниках во многих греческих городах соревновались юноши и мальчики.

Состязания в честь Гермеса в Ольвии представляют одно из свидетельств способа оценки знаний и успехов школьников. Начиная со школьных лет, жизнь грека строилась на принципе соревновательности, агона⁵⁶. В школе отсутствовали экзамены, но время от времени устраивались соревнования в чтении стихов, игре на музыкальных инструментах, в различных видах спорта и танцах. Состязания приурочивались к местным праздникам и проводились для разных возрастных групп. К числу таких праздников принадлежали Апатурии, которые справлялись в Ольвии так же, как и во всех ионийских городах. На третий день, когда мальчики посвящали в храм свои волосы, они соревновались в чтении стихов. Критий в диалоге Платона «Тимей» (гл. 21) вспоминает, как в этот праздник «по установленному обряду для нас, мальчиков, наши отцы предложили награды за чтение стихов».

Призы получали не только победившие, но, хотя и реже, их учителя и тренеры⁵⁷. В эллинистическое время стало принято помещать на видном

⁵¹ Одесский Археологический музей АН УССР. Киев, 1983. С. 172. № 84.

⁵² См. главу «Гимнасий и занятия спортом».

⁵³ IPE 1² № 40, 186.

⁵⁴ О датировке этой надписи см.: *Виноградов Ю. Г.* Политическая история... С. 197.

⁵⁵ *Карышковский П. О.* Монеты с изображением Гермеса // Записки Одесского Археологического общества. Т. 2. 1967. С. 260.

⁵⁶ *Зайцев А. И.* Указ. соч. С. 75-110.

⁵⁷ Beck F. Op. cit. P. 37.

месте в городе списки победителей и даже воздвигать им статуи. Это практиковалось в Ольвии, как видно из упомянутой надписи на постаменте статуи Дионисия.

В Ольвии, как и в других греческих государствах, существовал круг семей, в которых мужчины из поколения в поколение занимались религиозной и политической деятельностью⁵⁸. В таких семьях, конечно, сыновья, получив среднее образование, обучались у риторов ораторскому искусству, без которого невозможно было завоевать внимание слушателей в народном собрании, отстоять свою точку зрения в споре с оппонентами. Свои риторы, как уже говорилось, преподавали в Ольвии в период ее расцвета. В большинстве же семей подросток, получив элементарные знания, становился помощником отца в его мастерской или на сельскохозяйственных работах, либо мальчика отдавали учиться какому-нибудь ремеслу на сторону.



13. ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Памятники местного изобразительного искусства и многочисленные украшения позволяют представить, каков был костюм жителей Ольвии. В письменных источниках об этом сохранилось лишь одно косвенное свидетельство. Геродот (IV, 78) в новелле о Скиле писал, что этот скифский царь, приходя в Ольвию, жил там по эллинским обычаям, переодевался в греческое платье и появлялся в нем на агоре. В VI—V вв. ольвиополиты даже называли себя милетянами (Нег. IV, 78) и носили одежду ионийского образца. Ведь до эпохи эллинизма, когда мода стала универсальной, в греческом костюме различалось два основных вида: ионийский и дорийский¹. Ионийцы одевались в льняные хитоны и шерстяные плащи, а одежда дорийцев, состоявшая также из хитона и плаща, была короче и изготовлялась только из шерсти.

Вероятно, во второй половине V—IV вв., когда в культуре Ольвии преобладало влияние Афин, ольвиополиты стали ориентироваться на аттическую моду в одежде и украшениях. Своеобразным журналом мод для них служили росписи аттических ваз, во множестве ввозившихся в Ольвию, раскрашенные мраморные статуи, рельефы и терракоты. Хотя художники изображали главным образом богов, следует помнить, что греки представляли их в образах идеальных людей с красивыми лицами, кудрявыми волосами и статными фигурами, в лучшей одежде своего времени.

Мода на одежду у греков менялась медленно, и два ее основных компонента оставались неизменными как в мужском, так и в женском костюме: хитоны — род нижней рубашки, который носили дома, а также во время работы, и всевозможные плащи, главным образом длинные гиматии, которые надевали поверх нижней одежды².

Хитон состоял из двух четырехугольных кусков материи, сшитых с обеих боков (рис. 63); у некоторых хитонов шов с одной стороны не доходил до конца одеяния, так что полы его распахивались при ходьбе. На плечах хитон скреплялся булавками, пуговицами или завязывался тесьмами.

¹ *Abrahams E. B.* Greek Dress. London, 1908. P. 126; *Geddes A. G.* Rages and Riches: the Costume of Athenian Men in the Fifth Century // *Classical Quarterly*. № 37. 1987. № 2. P. 307-331.

² *Perkidou-Gorecki A.* Mode im antiken Griechenland. München, 1989. S. 121.

Хитоны бывали безрукавными, с короткими рукавами, образованными напуском ткани, и изредка с длинными рукавами. Рабочей одеждой мужчин был короткий хитон темных цветов и его разновидность эксомида, состоявшая из двух кусков ткани, заколотой на левом плече и оставлявшей обнаженной правую рабочую руку. Женские хитоны доходили до пола. В коротком хитоне изображали богиню-охотницу Артемиду и амазонок, поскольку охота и война требовали короткого одеяния. В реальной жизни короткие хитоны носили танцовщицы³. Кроме того, короткий хитон надевался поверх длинного пеплоса, представлявшего парадное женское одеяние со многими складками. Пеплос широко носили в архаический и классический периоды, а в эпоху эллинизма он вышел из употребления. На пеплос шло наибольшее количество ткани, в ширину она достигала 2 м, а в длину до 3 м, что определялось ростом женщины и величиной напуска, поддерживаемого поясом⁴.

Плащи различной длины защищали греков от холода, а их длинная разновидность, называвшаяся гиматием, считалась необходимой принадлежностью при появлении в общественных местах, на улицах и площадях города.

Различие между мужскими и женскими хитонами и гиматиями состояло в большей длине женской одежды по сравнению с мужской, в качестве тканей и их расцветке, а также в различных способах драпировки и завязывании пояса. Так, мужской хитон опоясывался по талии, а женский под грудью (рис. 64) или ниже талии и очень редко — прямо по талии. Женщины надевали плащ всегда на хитон, а мужчины в теплое время года могли носить его прямо на голом теле. Женщины часто накрывали плащом голову, мужчины же, судя по изображениям, этого не делали.

Исследователи отмечают демократический стиль ежедневной греческой одежды: каждый носил то, что был в состоянии приобрести, независимо от принадлежности к той или иной социальной прослойке общества⁵. Даже рабыню скорее можно было узнать по коротким волосам, чем по одежде (Хер. I, 10). На памятниках изобразительного искусства одежда слуг изображается такой же, как у хозяев; она отличалась, по-видимому, лишь качеством ткани. Разнообразие одежды при малом количестве ее фасонов достигалось цветом и орнаментацией. Узоры, обычно геометрические и растительные, чаще всего украшали края, а иногда и целиком весь хитон или гиматий. Мужчины появлялись в богатых узорных одеядах лишь в исключительных случаях: так были одеты актеры в театре, жрецы, выдающиеся граждане на общественных церемониях⁶. Например, оратор Демосфен заказал гиматий, украшенный золотом, для участия в торжественной процессии во время Дионисийских празднеств (Dem. XXI, 22).

³ Bieber M. Griechische Kleidung. Berlin-Leipzig, 1928. S. 34.

⁴ Ibidem. S. 17.

⁵ Ibidem. S. 37; Geddes A. G. Op. cit. P. 326.

⁶ Geddes A. G. Op. cit. P. 314; Perkidou-Gorecki A. Op. cit. S. 122.

На верхнее одеяние использовали более плотную и толстую шерстяную ткань, чем на нижнее. Хитоны шили из тонкой шерсти, из льна, а особенно дорогие тончайшие женские хитоны, начиная с V в., — из китайского шелка⁷. Почти все остатки тканей, найденные в Северном Причерноморье, сотканы из шерсти, изредка из льна, и только один кусок ткани римского периода — из китайского шелка⁸. Кроме тканей, на рабочую одежду и плащи шли также кожи⁹. Например, в комедии Аристофана «Птицы» (ст. 940) бедный поэт получил в награду кожаный плащ.

Ткани и одежду изготовляли главным образом дома, но они также продавались на рынке (Aristoph. Ran. 1346-51; 1386; Acharn. 129; Aeschyn. I, 97) и служили предметом экспорта (Theophr. De lap. 69; Xen. Mem. II, 7, 6). О торговле одеждой в Северном Причерноморье упомянул Страбон (XI, 2, 3). По всей Элладе славилась милетские шерстяные ткани, пряжа и пурпурные плащи¹⁰. Вероятно, и Ольвия получала их из своей метрополии, а местные мастерицы, развивая навыки, перенесенные с бывшей родины, могли изготавливать красивую одежду.

Куски древнегреческих тканей, сохранивших цвет и рисунок, найдены в погребениях Афин, Боспора, Сирии и Египта¹¹. Великолепный образец шерстяной ткани от парадной одежды IV в. сохранился в женском погребении из Павловского кургана на Боспоре. На фиолетовом фоне желтыми, зелеными и черными нитями вышиты скачущие на конях амазонки, край ткани обрамлен растительным узором из больших пальметок, цветов и плодов, соединенных вьющимися побегами лозы. Одежда из вышитых тканей вошла в моду с конца V в., и названная ткань — единственный образец, происходящий из раскопок в Северном Причерноморье¹². Другие уцелевшие боспорские ткани классического и эллинистического периодов не относятся к одежде.

При раскопках ольвийского некрополя иногда встречаются кусочки тканей от одежд, потерявшие цвет и рисунок; золотые нити, вплетавшиеся в материю, россыпи бисера бронзовых и золотых бляшек у рук и ног погребенных показывают, как расшивали парадную одежду¹³.

Украшение греческой одежды нашивными бляшками известно с архаического периода. В ольвийских погребениях VI в. встречаются привозные золотые круглые и треугольные бляшки с геометрическим орнамен-

⁷ Richter G. Silk in Greece // AJA. 1929. T. 33. P. 27-33.

⁸ Герцигер Д. С. Античные ткани из собрания Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 87.

⁹ Bieber M. Entwicklungsgeschichte des Griechischen Tracht von der vorgriechischen Zeit bis zur Römischen Keizerzeit. Berlin, 1934. S. 60.

¹⁰ Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 29.

¹¹ Gilbert E., Astrom P. The Thread of Ariadne. Göteborg, 1970. P. 15.

¹² Герцигер Д. С. Указ. соч. С. 81.

¹³ Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии // ИАК № 8. С. 90; Козуб Ю. И. Некрополь Ольвп. Київ, 1974. С. 156; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 103.

том и со свернувшейся в клубок пантерой¹⁴. Местное производство бляшек для украшения одежды началось в IV в. Сохранились штампы для круглых бляшек с головой Медузы и Деметры в рельефном ободке и литейные формы для бляшек в виде колесиков с четырьмя или восемью спицами диаметром около 2 см.¹⁵

Античную одежду, состоявшую просто из одного большого куска ткани или из двух сшитых кусков необходимо было скалывать, застегивать или завязывать на плечах и удерживать поясом. Последний ольвиополиты не только завязывали, но и застегивали прямоугольными и круглыми металлическими пряжками с язычком¹⁶. На плечах хитоны либо застегивались большой пуговицей, брошью, булавкой или фибулой (см. полуфигуру Кору-Персефоны на рис. 64)¹⁷, либо куски ткани скрепляли на плечах и предплечьях швом или несколькими мелкими пуговицами, продетыми в накидные петли, их число доходило до восьми¹⁸. Из напуска ткани создавался рукав почти до локтя (см. стелу ситонов, рис. 24). В ольвийских погребениях попадаются костяные, бронзовые и золотые пуговицы. Как правило, они круглые, гладкие, неорнаментированные, но в эллинистический период иногда украшены полудрагоценными камушками¹⁹.

Таким образом, в отличие от современной одежды шитье у греков играло минимальную роль. Красота одеяния в значительной мере определялась умением изящно расположить складки и закрепить их поясом и застежками так, чтобы они держались и не теряли формы при движении.

Мраморная стела ситонов, единственный сохранившийся памятник с портретным изображением пяти ольвийских граждан: Феокла, Деметрия, Афиней, Навтима и Афинодора. Как гласит надпись, они составляли коллегию, в обязанности которой входил контроль за торговлей хлебом²⁰. Стела выполнена в эллинистический период, когда в Греции широко распространился жанр портретной скульптуры. Она свидетельствует, что в этом направлении работали и ольвийские мастера, пытавшиеся передать не только индивидуальные черты лица, но и различную одежду изображенных лиц.

Все пять ситонов одеты в длинные плащи — гиматии. Они по-разному драпированы, но длина у всех одинаковая: плащ закрывает ноги до ступней, причем нога, у которой свисает край плаща, открыта несколько боль-

ше, чем другая. Такой же длины гиматий представлен на фрагменте ольвийской надгробной стелы III в. Тлесикла и Кониска и найденном близ Ольвии рельефе того же времени со сценой жертвоприношения²¹. Мода в древности менялась медленно, и длина гиматия осталась неизменной до римского периода, как видно по ольвийскому надгробному рельефу I в. н. э.²² (рис. 65). По некоторым высказываниям древнегреческих авторов можно заключить, что плащ именно такой длины считался приличным для гражданина, начиная с V в. Плутарх (Alc. 16, 1) описывает, как осмеивали Алквиада за то, что его плащ волочился по полу, напоминая женскую одежду. За это же Демосфен порицал своего противника Эсхина (XIX, 314). Слишком короткий плащ афиняне считали приметой деревенского человека (Aristot. Ath. Pol. 28, 3; Theophr. Char. IV, 3). Наверное, не все ольвиополиты носили гиматии одинаковой длины, но на парадных изображениях, которыми являются посвященные и надгробные стелы, длина гиматиев соблюдена по требованиям общепризнанной греческой нормы.

В классический период плащ в парадной одежде полностью окутывал левую, согнутую в локте, руку, оставляя свободной правую. Так, например, изображен гиматий на найденной в Ольвии привозной мужской статуе второй четверти IV в.²³ Лишь в IV в. из этого правила стали делать исключения. Эсхин (I, 26) писал, что он первый публично выступил перед народом, держа левую руку не под плащом. Однако ревнители строгих правил, каким был его современник Фокион, не позволяли себе в городе «выпроставать руки из-под плаща» (Plut. Phoc. 4, 2).

В Северном Причерноморье мода носить гиматий, оставляя свободной обе руки, не вытеснила предыдущую не только в эллинистический, но и в римский период, о чем свидетельствуют многочисленные изображения на херсонесских и боспорских надгробных стелах. Из ольвийских укажем стелу I в. н. э., где представлен мужчина в гиматии, плотно укутывающем правую, согнутую в локте и прижатую к груди руку²⁴.

В эллинистический период официальный костюм ольвиополитов допускал два вида ношения гиматиев, что видно на изображении ситонов. Трое из них в плащах, драпированных по классическому образцу: гиматий закрывает все туловище и оставляет свободной лишь одну руку, а у двоих накинута так, что свободны обе руки.

Стела ситонов показывает, что в Ольвии, как и в других городах Греции, гиматий носили поверх хитона, а также на голом теле. О последнем свидетельствует также изображение мужчины на стеле со сценой жерт-

¹⁴ Скуднива В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 72, 107.

¹⁵ Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. Т. 7. Київ, 1958. С. 40-60.

¹⁶ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ИАК № 8. 1903. С. 73, 84, 93, Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 90.

¹⁷ Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 91; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 103.

¹⁸ Ederkin K. Buttons and Their Use on Greek Garmens // Journal of the Archaeological Institute of America. 1928. Т. 32. P. 338.

¹⁹ Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии // ИАК № 8. 1903. С. 85, 86, 90, 93; ИАК № 13. 1906. С. 121-122.

²⁰ НО № 72. Табл. 37.

²¹ НО № 99. Табл. 48; Русяева А. С. Земледельческие культы догетского времени. Киев, 1979. С. 43. Рис. 23.

²² Штительман Ф. М. Античне мистецтво. Київ, 1977. № 145.

²³ Waldhauer O. Die antike Skulpturen der Ermitage. Berlin-Leipzig, 1928. S. 49. № 34.

²⁴ Штительман Ф. М. Указ. соч. № 145.

вопринятия. О цветах гиматиев у мужчин в Ольвии ничего не известно. Богатые ольвиополиты имели, наверное, пурпурные гиматии, поскольку их метрополия славилась их изготовлением.

Мужской хитон хорошо виден у среднего ситона. Хитон с небольшим треугольным вырезом на шее имеет рукава, закрывающие половину предплечья. Судя по складкам на рукавах и груди, хитон чем-то скреплен на плечах, но по изображению не видно, зашит ли он на плечах или застегнут фибулой, булавкой или пуговицами. Мужчины, одетые только в короткие хитоны, представлены на двух местных расписных вазах III в. На одной из них нарисован Гермес в подпоясанном на талии хитоне розоватого цвета (рис. 66), на другой — одетый в хитон, сражающийся воин со щитом²⁵.

В теплую пору, во время путешествий, на войне и на охоте, греки надевали только хитон, а в холодную погоду на него набрасывали длинный или короткий плащ, не достигавший колен. Подобно гиматию, короткий плащ можно было надеть не только поверх хитона, но и на голое тело. Прекрасное изображение такого плаща сохранилось на фрагменте привозного мраморного фриза IV в., украшавшего какой-то из ольвийских храмов. В торжественном шествии богов один из них одет в короткий плащ, накинутый через левую руку на голое тело²⁶. По-видимому, в короткий плащ, скрепленный на левом плече, одет Харон на упомянутой выше плох сохранившейся росписи ольвийской эллинистической вазы с Гермесом, сопровождающим умершую девочку к переправе через Лету.

Во время работы греки надевали разновидность хитона — эксомиду, скрепленную на левом плече и оставлявшую свободной всю правую половину туловища; в такой эксомиде изображен человек, готовящийся принести в жертву барана на алтаре, возле которого стоят ситоны.

Легкая эксомида не подходила ольвиополитам в холодное время года, более суровое и длинное, чем в Греции. Представление о повседневной одежде жителей Ольвии можно составить по местной терракоте эллинистического периода²⁷. Ольвийский мастер представил человека с густой шапкой волос и грубым бородатым лицом; одетый в длинные штаны и рубашку, доходящую до половины бедра, он ведет огромного быка. В рубашке надо усматривать модификацию хитона, а штаны — часть одежды, заимствованной ольвиополитами у соседних варварских племен, чье одеяние больше греческого соответствовало местному климату.

В отличие от мужской женская одежда всегда была длинной, полностью закрывающей ноги. Лишь у сидящей женщины виднелись носки ее

обуви, как, например, у богини на стеле ситонов, на привозных и местных терракотах Кибелы на троне. Короткий хитон изображался лишь на Артемиде-охотнице и на амазонках; ольвиополиты были знакомы с такими изображениями, о чем свидетельствует находки мраморной статуи Артемиды и расписных ваз со сценами амазономахии²⁸. В реальной жизни короткие хитоны носили танцовщицы, но нам ничего не известно о них в Ольвии. Возможно, изредка встречающиеся браслеты у ног в женских погребениях²⁹ косвенно свидетельствуют о более коротком женском одеянии, чем то, которое мы видим на всех изображениях.

На памятниках искусства из Ольвии женщины одеты либо только в хитон, либо в хитон с накиннутым длинным гиматием или коротким покрывалом. Хитоны почти всегда подвязывались под грудью и ниспадали прямыми складками до пола. Это видно на местных терракотовых статуэтках стоящих женщин, терракотовой форме с изображением Артемиды, полуфигуре Кору-Персефоны, фрагменту привозной мраморной статуи III в.³⁰ В редких случаях на хитонах отсутствует пояс, например, на раннеэллинистической терракоте Афродиты с яблоком³¹ или на служанке на упомянутой уже вазе с Гермесом и Хароном. Иногда поверх длинного хитона надевали другой, более короткий, до начала бедра. В такой хитон одета женщина, стоящая за креслом, на надгробном аттическом рельефе из ольвийского некрополя³². Хитоны чаще всего изображались с треугольным вырезом на груди; на плечах они скреплялись большими пуговицами или брошами. Лучше всего это видно на ольвийских терракотах с изображением Кору-Персефоны и Кибелы. Наряду с выкроенным, треугольный вырез создавался также свободной драпировкой и напуском складок верхней части ткани хитона. Этот фасон встречается и на привозных, и на местных изображениях, например, у богини на стеле ситонов. Верхняя часть хитона могла располагаться не только треугольником, но и ровной или слегка изогнутой линией³³.

Хитоны с узкими длинными, доходящими до кистей рукавами изображались гораздо реже, чем безрукавные. Одна местная терракота представляет женщину в высоко подпоясанном хитоне с длинными рукавами; на ее руке, немного ниже локтя, надет витой несомкнутый браслет³⁴. Значит, женщина изображена в парадном костюме, и поэтому можно заключить, что хитоны с длинными рукавами, наряду с безрукавными, в Ольвии носили как нарядную одежду.

²⁸ Штительман Ф. М. Указ. соч. № 52, 63, 64.

²⁹ Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии в 1902-1903 гг. // ИАК. 1906. № 13. С. 149.

³⁰ Там же. С. 178; Леви Е. И. Указ. соч. С. 42, № 31; С. 53, № 44; Русяева А. С. Земледельческие культы... С. 19. Рис. 5.

³¹ Леви Е. И. Указ. соч. С. 45, № 32.

³² Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 21.

³³ Леви Е. И. Указ. соч. С. 43, № 11, 14.

³⁴ Там же. С. 45, № 3.

²⁵ Зайцева К. И. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 98-100.

²⁶ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 284. Табл. 91, № 5.

²⁷ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI-I вв. до н. э.). Киев, 1982. С. 127. Рис. 49.

Поверх хитонов женщины, как и мужчины, надевали плащи разной длины. Иногда они укутывали все тело до самых ног, но чаще всего плащ спускался ниже колен, не достигая земли на разную высоту³⁵. Кроме длинных плащей носили покрывала, оканчивавшиеся у бедра³⁶. Женские плащи драпировались теми же двумя основными способами, что и мужские, т. е. либо полностью укутывали все тело, закрывая руки, либо охватывали одно плечо и закрывали полностью тело лишь ниже талии. Отличие от мужского гиматия состояло в более разнообразном расположении складок плаща, в возможности варьировать его длину, а также, по-видимому, в качестве ткани.

Остатки краски на терракотовых статуэтках дают некоторое представление о цвете женской одежды. Излюбленными сочетаниями были голубой и розовый цвета или их более яркие варианты: красный и синий. При голубом хитоне одевали розовый или красный гиматий, или наоборот (рис. 64). На полуфигуре Кору-Персефоны хитон был окрашен в голубой цвет, на одной статуэтке Кибелы — в красный, на другой терракоте Кибелы и на фигуре стоящей женщины — в розовый, плащ Деметры — в синий³⁷. Иногда красный и голубой цвета сочетались в одном виде одежды. Гиматий Афродиты на терракоте местного производства расписан красными и голубыми полосами³⁸. Сочетание названных цветов на одежде характерно не только для ольвийских терракот, но и для подобных изделий из других греческих полисов.

Этими цветами, конечно, не исчерпывалась раскраска женской одежды. Одевание Кибелы на одной из ольвийских терракот расписано желтыми, сиреневыми, черными и красными полосами с треугольными окончаниями внизу³⁹. Темно-серые с фиолетовым оттенком хитоны служанки и девочки на расписной ольвийской вазе украшены широкой продольной коричневой полосой⁴⁰. Часто иным цветом выделялись края одежды. Так, на терракоте Кибелы гиматий окаймлен черным и красным цветом, голубая и пурпурная кайма изображены на женском гиматий на эллинистической терракоте местной работы⁴¹.

В Ольвии найден серебряный медальон с изображением Афродиты и эротов⁴². Подобные медальоны неоднократно встречались в женских эл-

³⁵ Там же. С. 47, № 53, 54; С. 48, № 56, 57.

³⁶ Там же. С. 53, № 47.

³⁷ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 43, № 14; С. 44, № 18; с. 48, № 56; *Русяева А. С.* Указ. соч. С. 56, 62.

³⁸ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 45, № 30.

³⁹ *Русяева А. С.* Античные терракоты... С. 84.

⁴⁰ *Зайцева К. И.* Указ. соч. С. 99.

⁴¹ *Русяева А. С.* Античные терракоты... С. 87.

⁴² *Орешников А. В.* Несколько замечаний о древностях, найденных в Парутине в 1891 г. // Древности. Труды имп. Археологического общества. М., 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 2.

линистических погребениях Херсонеса и Боспора, а также в Греции⁴³. Эти медальоны скрепляли перекрестие лент-перевязей на хитоне в центре груди. Ленты продевали через трубочки, припаянные к оборотной стороне медальонов. Такая перевязь с медальоном изображена на упомянутой выше эллинистической статуе Артемиды из Ольвии. Медальон из ольвийского погребения свидетельствует об определенном способе драпировки хитона, который был в моде во многих греческих полисах, в том числе и в Северном Причерноморье.

Детская одежда в античности по фасонам не отличалась от взрослой. Маленькие девочки и мальчики носили короткие хитоны (рис. 65), а подросшую девочку одевали в длинный хитон. С раннего возраста детей приучали также носить плащ. Все это хорошо видно на изображениях детей, найденных в Ольвии⁴⁴.

О головных уборах и обуви ольвиополитов известно немного. Вероятно, как и в Элладе, мужчины ходили в городе с непокрытой головой, а шляпы надевали во время путешествий и работ на открытом воздухе, главным образом в сельской местности⁴⁵. Шляпы, изготовленные из войлока, бывали широкополыми, называемыми петасами, или в виде колпака. Гермес в петасе изображен на ольвийских монетах середины II в.⁴⁶

Оба вида головных уборов нарисованы на ольвийской расписной вазе, где Гермес представлен в петасе, а Харон в колпаке. Дети носили маленькие плоские шапочки, изображения которых встречаются на терракотовых детских головках, найденных в Ольвии⁴⁷. Можно предположить, что в сильные холода ольвиополиты надевали теплые скифские шапки, закрывавшие уши и шею.

Женщины закрывали головы гораздо чаще, чем мужчины. Обычно верхней частью плаща или покрывала. Это можно видеть на стеле ситонов, на женской фигуре рельефа со сценой жертвоприношения, на ряде терракот⁴⁸. В редких случаях плащ плотно укутывал всю голову и шею, чаще он свободно накинут, не закрывая шею и хитон. На многих греческих терракотах эллинистического времени женщины изображаются в плоских шляпках с острым выступом посередине⁴⁹, но в Ольвии таких изображений не обнаружено, и поэтому не известно, проникала ли сюда эта мода.

⁴³ ОАК за 1876. С. 150; ОАК за 1896. С. 179; *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 68; *Amandry P.* Collection of Helene Statathos. Strassburg, 1953. P. 99.

⁴⁴ *Леву Е. И.* Указ. соч. С. 41, № 28; с. 55, № 59; *Вошнина А. И.* Статуэтка девочки из Ольвии // СА. 1958. № 28. С. 144. Рис. 1.

⁴⁵ *Bieber M.* Op. cit. S. 24.

⁴⁶ *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. № 320, 323.

⁴⁷ *Русяева А. С.* Античные терракоты... С. 130.

⁴⁸ *Леву Е. И.* Указ. соч. Табл. 23, № 1, 2, 6; Табл. 33.

⁴⁹ *Bieber M.* Op. cit. S. 24.

От обуви ольвиополитов не сохранилось никаких материальных остатков, а изображения дают очень скудную информацию о ней. Лучше всего высокие, видимо, мягкие, доходящие до колена сапоги можно различить на фигуре Гермеса с ольвийской расписной вазы. Суровые зимы Северного Причерноморья заставили греков перенять у местного населения обувь, подходившую для этого климата. Ее изображения встречаются на боспорской скульптуре и в живописи⁵⁰. Скифскую обувь (скифики) носили не только в колониях, но и в самой Греции, о чем упоминается в фрагментах сочинения Алкея (fr. 103) и Лисия (fr. 605). Судя по тому, что Алкей говорит о завязывании скификов, вероятно, имеются в виду невысокие мягкие сапожки, которые перевязывались по щиколотке. В таких сапожках мы видим скифов на греческих золотых и серебряных изделиях V-IV вв.⁵¹ (рис. 67).

В теплое время года все греки носили сандалии. Они состояли из деревянной или кожаной подошвы, которую привязывали к ступне лентами или ремнями. В Ольвии найден сероглиняный фигурный сосуд II в. в виде ступни и сандалии с пропущенными между пальцами ремешками⁵². Сохранилась боспорская сандалия III в., склеенная из нескольких слоев кожи темного цвета и украшенная золотым орнаментом⁵³. На ольвийских терракотах обувь изображалась редко и очень обобщенно: из-под длинного хитона выступают лишь тупые носки обуви, формы которой определить невозможно.

В целом, надо сказать, что греки, особенно мужчины, много ходили босиком. Это отразилось в том, что на большинстве скульптур и росписей ваз обувь на ногах отсутствует. В доме вообще не было принято носить обувь. Платон (Sympr. 231 b) описывает, как при входе в дом слуги снимали с гостя обувь и омывали ноги водой.

Среди населения ольвийского полиса какую-то часть составляли представители местных племен. Поэтому в массе ольвийских жителей встречались люди, одетые в варварскую одежду. Поэтому целесообразно несколько слов сказать и о ней. Эта одежда прекрасно изображена на произведениях греческих торевтов IV в., изготовлявших сосуды и украшения для продажи скифам. Особенно детально их костюм можно рассмотреть на Чертомлыцкой вазе (рис. 67), сосудах из Куль-Обы, Воронежского кургана и Гаймановой могилы⁵⁴. Скифы носили на голове заостренную сверху шапку-башлык, закрывавшую уши и затылок. Верхнюю одежду составляли кафтан и шаровары. Кафтан стягивался поясом и имел косо срезанный открытый ворот. Штаны были либо кожаные, плотно облегавшие ноги,

либо более широкие, шерстяные, типа шаровар (рис. 67, 68). На ногах — мягкие кожаные полусапожки. Женская одежда скифянок известна хуже. Ее основу составляло свободное длинное платье, собранное у ворота и перетянутое в талии поясом. Поверх него надевали одеяние, похожее на длинный узкий халат с узкими длинными рукавами⁵⁵.

Костюм ольвиополитов почти всегда дополнялся украшениями. Многие из них хорошо сохранились, поэтому эта часть убора известна ученым наиболее детально. Одни украшения носили как мужчины, так и женщины, другие — исключительно женщины, причем начинали их носить с детских лет. В число первых входили венки, ленты и повязки, а также кольца и перстни; в число вторых — серьги, бусы, браслеты.

Наряду с декоративной функцией первая категория украшений играла также утилитарную роль. Повязки и ленты удерживали волосы мужчин во время работы и гимнастических упражнений, а женщины часто делали прически, закручивая волосы за ленту на затылке или вокруг головы. Перстни с вырезанными на них изображениями служили печатями, игравшими в античности роль замков и удостоверений.

Античные ювелиры создали множество типов украшений. Серьги, кольца и ожерелья из драгоценных металлов в эпоху архаики и классики были монохромными. Золотые и серебряные перстни украшали гравированными изображениями, серьги и браслеты — зернью и филигранью из тех же металлов, оживляя их вставками из голубой эмали. Изредка в ожерелья включали полудрагоценные камни-бусины из сердолика, горного хрусталя и янтаря.

В IV в. цветные камни и стекла впервые заиграли в перстнях и кольцах, а в следующем столетии они появились в серьгах и браслетах, их количество значительно увеличилось в ожерельях. Это произошло под влиянием восточного искусства. Ведь греческий мир тогда обогатился новыми полиэтническими государствами, такими, как царство Птолемея в Египте, Селевкидов — в Малой Азии, Атталидов — в Пергаме.

Ольвиополиты носили все виды греческих украшений, которые мы опишем, исходя из взгляда на человека сверху вниз: сначала украшения волос, затем ушей, шеи и рук.

Ленты и повязки использовали в мужском и женском головном уборе. Их изготовляли из ткани и кожи, которые редко сохраняются в земле. Поэтому наши знания о них основываются на литературных описаниях, изображениях на предметах искусства, а иногда на остатках металлических бляшек и пластинок, украшавших повязки.

На вазах, расписанных ольвийскими мастерами, часто встречаются узкие ленты, завязанные бантами с длинными концами⁵⁶. Хорошее пред-

⁵⁰ Цветаева Г. А. Одежда и украшения // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 236.

⁵¹ Соколов Г. И. Указ. соч. № 25, 30, 34, 51-60, 64.

⁵² ИАК № 8. 1903. Рис. 47.

⁵³ ОАК за 1878/79. С. 192.

⁵⁴ Соколов Г. И. Указ. соч. № 30-34, 50-54.

⁵⁵ Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Одежда, украшения, предметы быта // Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, 1986. С. 151-152.

⁵⁶ Зайцева К. И. Указ. соч. С. 102, 105.

ставление о повязках дает роспись ольвийской ойнохои конца IV в. На ее тулове нарисована широкая красная повязка с закругленными краями, к которым прикреплены шнуры, завязанные бантом. Таким образом, становится ясно, как повязка укреплялась на голове. На красном фоне повязки выделяется узор из пальметт и побегов растений; они исполнены белой и голубой красками, по-видимому передающими шитье серебряными нитями⁵⁷.

В архаический период женщины прикрепляли к головным уборам височные бляшки, висевшие на тонких лентах. В Ольвии найдено четыре пары таких золотых украшений в виде кружков диаметром 4,5-5 см с изображением многолепесткового цветка. У одних бляшек на краях имеются небольшие отверстия для продевания ленты, у других для этой цели служили петельки, припаянные к краю шитка⁵⁸ (рис. 69).

На дорогие повязки пришивали или приклеивали разнообразные золотые бляшки. Например, на ольвийской повязке IV в. их было двадцать пять. На восьми вытеснена голова Медузы, на десяти — профиль женской головки с накиннутым покрывалом, а на остальных — пальметки⁵⁹.

По вазовой живописи и скульптуре известно, что ремесленники, врачи, атлеты повязывали голову тонкими матерчатыми и кожаными лентами, чтобы во время их занятий волосы не падали на лоб. Нарядные повязки украшали мужчин на дружеских застольях, пирах, во время праздничных шествий и танцев. Например, Платон в «Пире» (212, 213) описал, как к участником симпозиона присоединился Алкивиад, пришедший с другого пира. Обращаясь к друзьям, он сказал: «Я пришел, и на голове у меня ленты, но я их снимаю и украшаю ими голову самого, так сказать, мудрого и красивого». После этого Алкивиад повязал лентами сначала голову трагического поэта Агафона, затем философа Сократа.

Женские ленты и повязки часто служили не только украшением, но вместе со шпильками помогали сооружать прически из длинных волос. Костяные и бронзовые шпильки иногда встречаются при раскопках Ольвии. С одной стороны они оканчивались острием, с другой — шариком. На одной ольвийской костяной шпильке этот шарик оформлен в виде сосновой шишки⁶⁰.

Мода повязывать голову лентами существовала у греков очень долго, начиная с архаического периода. В одном из стихотворений Сафо так говорит об этом:

Мать моя говорила мне:

⁵⁷ Блатвський В. Д. Поліхромна ойнохоа з Ольвії // Археологія 1947 № 1. С. 158.

⁵⁸ Скржинская М. В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 176

⁵⁹ Козуб Ю. І. Указ. соч. С. 155.

⁶⁰ Там же. С. 138. № 43; Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. С. 192.

*«Помню, в юные годы мои
Ленту ярко-пунцовую
Самым лучшим убором считали все,
Если волосы черные».*

Перевод В. В. Вересаева

Стихи Сафо как бы иллюстрируются терракотой Коры-Персефоны: темные волосы богини украшены голубой диадемой и красной лентой, завязанной впереди бантом.

Среди находок из ольвийского некрополя имеются две продолговатые тонкие золотые пластинки с тисненым орнаментом (рис. 70); их, вероятно, наклеивали на кожаную или матерчатую ленту, концы которой завязывались на затылке⁶¹. Такие повязки с накладными металлическими пластинками в современной научной литературе получили название диадем, хотя в античности это слово относилось преимущественно к убору персидских, македонских и египетских правителей.

Сходные с ольвийскими диадемы носили в разных частях греческой ойкумены⁶², в том числе и в Крыму⁶³. Они имеют форму удлинённых пластинок с расширением посередине, иногда в форме треугольного выступа с закругленным верхом. Обычно пластинки заполнены тисненым орнаментом, но встречаются и гладкие. Длина их колеблется от 14 до 30 см. На диадемах изображали либо богов и мифических персонажей, например, Диониса и Ариадну, Пана, играющего на свирели, Эрота, либо растительные орнаменты. Ольвийские диадемы представляют оба варианта: на одной вытиснены сфинксы в профиль, на другой — в центре пальметка и отходящие от нее в стороны побеги вьюнка⁶⁴.

Среди ученых бытует мнение, что подобные диадемы изготавливались специально для погребального убора, поскольку их находят исключительно в могилах, и эти тщательно выполненные изделия слишком тонки и хрупки для повседневного употребления⁶⁵. Но подобные доказательства представляются неубедительными. В слоях городищ крайне редко попадают любые украшения из драгоценных металлов, поэтому не удиви-

⁶¹ Мирощина Т. В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. 1983. № 174. С. 12.

⁶² Marshall F. H. Catalogue of the Jewellery Greek, Roman and Etruscan, in the Department of Antiquities British Museum. London, 1911. P. 52, 54, 172; Ridder A. Catalogue Sommaire des bijoux antiques. Paris, 1924. P. 10; Davidson P., Oliver A. Ancient Greek and Roman Jewellery in Brooklyn Museum. Brooklyn, 1984. P. 26; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz am Rhein, 1985. S. 195.

⁶³ Pollak L. Klassische antike Goldschmearbeiten im Besitze Sr. Excellenz A. I. von Nelidov. Leipzig, 1903. № 12, 15-19.

⁶⁴ Близкую аналогию этой диадеме представляет диадема из частной коллекции в Люцерне. Она также украшена тисненым орнаментом из пальметт и бутонов лотоса. См.: Hoffmann H., Davidson P. Op. cit. P. 67. № 7.

⁶⁵ Hoffmann H., Davidson P. Op. cit. P. 67; Deppert-Lippitz B. Op. cit. S. 195.

тельно, что диадемы найдены только в некрополях. Тщательная выделка отличала большинство изделий из драгоценных металлов, а тонкость и хрупкость пластинок объясняются тем, что они крепились на какую-то основу, которая истлела в земле, оставив нам лишь металлическую деталь украшения. Не случайно большинство диадем, в том числе и ольвийские, не имеют ни дырочек, ни крючков для лент или шнурков, которыми диадемы завязывались на затылке. Такие дырочки или крючки находились на утраченной основе диадемы.

Мода на подобные диадемы существовала недолго, с середины IV до начала III в. Они входили в праздничный убор женщин, главным образом в ионийской части Эллады⁶⁶ и оттуда привозились в Северное Причерноморье. Наличие диадем в погребениях — одно из свидетельств об обычае хоронить человека в праздничном наряде⁶⁷.

Итак, на основании косвенных свидетельств можно заключить, что жители Ольвии украшали голову лентами и повязками во время всевозможных праздников и симпозионов. Узкие ленты стягивали волосы, когда люди работали или занимались спортом. Наряду с этим красивая повязка могла служить наградой на спортивных состязаниях. Во второй половине V в. Поликет и Фидий изваяли идеальных юношей-атлетов, надевающих повязки победителей⁶⁸. Возможно, и на состязаниях, устраивавшихся Ольвийским полисом в честь Ахилла на Тендровской косе, парадная повязка была одним из традиционных видов награды.

О венках в Ольвии известно по надписям и остаткам их в погребениях. Награждение за заслуги перед государством золотым венком практиковалось в большинстве греческих полисов. Об этом упоминается в нескольких ольвийских декретах⁶⁹. На одном из них, относящемся к III в., венки даже изображены, правда, очень схематично⁷⁰.

Венки из живых цветов греки плели с древнейших времен. Гомер в «Илиаде» (XVIII, 597) изобразил сцену сельского праздника, на котором девушки танцуют в венках из цветов. Венки из цветов и душистых трав постоянно упоминаются в стихах Сафо. Искусственные венки появились в Греции в V в.⁷¹ Золотые венки надевали во время праздничных шествий, ими венчали победителей на всевозможных состязаниях и награждали от имени государства выдающихся людей, их приносили в дар божествам. С IV в. в драгоценных венках стали хоронить умерших, и благодаря этому в античных некрополях сохранилось немало замечательных венков. Самый эффектный из них, найденный в Южной Италии, изготовлен греческим мастером в конце IV в. Он украшен фигурками Ники, Эротов и крыла-

тых женщин, находящихся среди ветвей и цветов с голубыми эмалевыми сердцевинками⁷².

В ольвийском некрополе венки встречаются, начиная с эллинистического периода. Сделанные из драгоценных металлов, бронзы и дерева, они, как правило, имитируют определенные растения. Например, в одном ольвийском погребении находился венок из листьев сельдерея, использовавшегося в культе мертвых⁷³. Стекланные зеленые и белые ягоды, иногда глиняные и позолоченные, изображали плоды лавра и оливы. В ольвийской коллекции почти нет полностью золотых венков, как, например, в погребениях Боспора⁷⁴. Обычно обруч изготовлялся из бронзы или дерева, и к нему прикреплялись тончайшие золотые или бронзовые позолоченные листики⁷⁵. Венки, сделанные специально для погребальных церемоний, отличались хрупкостью и отсутствием листьев на затылочной части; золотые листики столь тонки, что их невозможно было носить сколько-нибудь продолжительное время. Это изделие рассчитано на максимум зрительного эффекта при минимуме затрат драгоценного металла.

Греки чаще всего носили венки из живых цветов, больше всего любили розы (Anacr. 83; Theocr. VII, 54), а также фиалки, левкой, лилии, гиацинты. Их сочетали с пахучими травами, укропом, петрушкой, шафраном (Saph. fr. 18). Цветы в венке могли переплетаться с листьями деревьев и кустарников. Например, Алкивиад приходил на пиры в венке из фиалок и плюща (Plat. Symp. 212). В венке ценился не только его внешний вид, но и аромат.

Наряду с цветочными греки надевали венки из листьев и ветвей мирта, лавра, оливы, плюща, винограда и дуба. Их характерные листья хорошо определяются на различных изображениях. В античной литературе упоминаются и другие употреблявшиеся с этой целью растения, например, сосна и белый тополь (Dem. XVIII, 250; Theocr. II, 122).

По разным поводам венки сплетали из определенных полевых и садовых цветов, ветвей и листьев, символика которых зачастую сейчас непонятна. Обычай надевать венки распространялся в самые разные области жизни, как общественной, так и частной. Особые венки носили некоторые должностные лица, например, архонты в Афинах (Aeschyn. I. 19). В Милете существовала магистратура стефановоров (венценосцев) и, вероятно, по образцу метрополии некоторые должностные лица в Ольвии носи-

⁷² Depert-Lippitz B. Op. cit. S. 196-197, 208-209.

⁷³ Орешников А. В. Несколько замечаний о древностях, найденных в с. Парутине в 1891 г. // Древности. Труды Имп. Московского Археологического общества. М., 1894. Т. 15. Вып. 2. С. 8.

⁷⁴ ОАК за 1875 г. С. 16-26; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб., 1995. № 105, 113, 115.

⁷⁵ Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии // ИАК № 8, 1903. С. 60, 76; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 182, 187, 205, 209. Великолепные золотые венки прекрасной сохранности найдены на Боспоре (ОАК за 1875. С. 16-26; Уильямс Д., Огден Д. Указ. соч. № 105, 113, 115).

⁶⁶ Davidson R., Oliver A. Op. cit. P. 26.

⁶⁷ Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 20.

⁶⁸ Bunne B. P. Искусство древней Греции. М., 1972. С. 184, 194

⁶⁹ IPE I № 34, 38, 39, 40, 42; HO № 28.

⁷⁰ HO № 28.

⁷¹ Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 121.

ли венки. Их также надевали судьи и ораторы в народном собрании, ими увенчивали победителей на спортивных и поэтических празднествах. С венками справляли семейные и общественные праздники. Венки приносили в дар богам, они могли быть и скромными, сплетенными самим поклонником бога, и дорогими из золота и серебра. В трагедии Еврипида «Ипполит» (ст. 73) герой приносит Артемиде венок из полевых цветов. А из сохранившихся списков приношений в сокровищницу Парфенона в V-IV вв. известно, что там хранились венки из драгоценных металлов⁷⁶.

Итак, в том или ином качестве каждый грек и гречанка носили венки. Спрос на них был столь велик, что в больших городах некоторые женщины зарабатывали себе на жизнь изготовлением и продажей венков. Об этом определенно говорит Аристофан в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий»; он же упоминает на рынке специальные «миртовые» ряды, где продавались венки и цветы.

Аналогии с другими греческими полисами в погребальном обряде, а также в поводах и обстановке награждения венками позволяют с уверенностью утверждать, что ольвиополиты надевали венки и в прочих случаях, когда это было принято в Греции. Однако набор растений для венков из-за более сурового климата был здесь несколько иным. Ольвиополиты не могли использовать столь излюбленные греками растения, как лавр и мирт. Из записи Феофраста (Hist. plant. IV, 53) известно, что грекам очень не хватало их в Северном Причерноморье, а попытки акклиматизировать эти растения закончились неудачей. Все же большинство других любимых цветов и кустарников природа Нижнего Побужья давала возможность выращивать.

Серьги у эллинов были широко распространенными женскими украшениями, а в архаический период их иногда надевали и мужчины, вероятно, только в одно ухо. Например, в могиле борисфенита, наряду с колчаном и стрелами, лежала одна золотая серьга в виде шарика, прикрепленного к петельке, а в мужском погребении из Нимфея находилась золотая спиралевидная подвеска — один из наиболее древних видов греческих серег⁷⁷. Их сгибали из толстой золотой, серебряной и бронзовой проволоки в виде буквы W с высоко поднятой средней частью. К ней прикреплялась розетка, закрывавшая тонкий крючок, продевавшийся в ухо⁷⁸.

В первые десятилетия жизни в Нижнем Побужье некоторые ольвийские женщины носили золотые спиралевидные подвески с шариками зерни или головками змей на концах⁷⁹ (рис. 71). Те или иные серьги имелись

почти у каждой жительницы Ольвии. Большинство довольствовалось скромными изделиями из бронзы, однако хорошо отполированные, они блестели столь же ярко, как серьги и браслеты из золота, серебра и Электра. В конце VI в. на дорогих украшениях появились вставки из голубой эмали, иные цвета эмали сумели изготовить лишь в III в.

Простейшей формой серег были колечки из бронзовой, серебряной и золотой проволоки; их носили в Ольвии на протяжении всего догетского периода. Первоначально все серьги привозились из Эллады, но затем ольвиополиты наладили собственное производство некоторых видов серег и других украшений, о чем свидетельствуют находки литейных форм⁸⁰.

Мы рассмотрим лучшие образцы серег из золота и серебра, потому что они лучше сохраняются, чем изделия из прочих металлов; кроме того, более дешевые серьги повторяли в упрощенном виде формы дорогих.

В VI-V вв. многие гречанки носили серьги-калачики, получившие в отечественной литературе такое название из-за сходства с формой русского калача, а в зарубежных изданиях их именуют серьгами в форме ладьи или выпуклого полумесяца. Такие серьги продевали в ухо по одной или нанизывали несколько штук на кольцо. В ольвийских погребениях VI — начала V вв. встречается по 6 золотых или серебряных небольших гладких калачиков (рис. 71), а также одиночные, более крупные калачики, украшенные зернью или филигранью⁸¹ (рис. 72). К архаическому периоду относятся редчайшие золотые серьги с фигурками птичек⁸², припаянных к калачикам и нанизанных по три на кольцо каждой серьги⁸² (рис. 73).

В богатых ольвийских семьях особым успехом во второй половине VI в. пользовались крупные золотые серьги-наушницы с рельефными головками львов в центре круглого щитка. Изготовленные ионийскими мастерами, эти серьги известны сейчас только в коллекции ольвийских украшений (рис. 74). В некрополе Ольвии их найдено пять пар, и одна пара — в погребении у села Емчиха Киевской области, куда серьги попали в результате торгового обмена ольвиополитов с местными племенами.

Эти серьги называются наушницами потому, что они зацеплялись за ушную раковину изогнутым по ее форме стержнем. Круглый щиток серьги закрывал нижнюю часть уха, а над верхней его частью выступал конец стержня, оканчивающийся головкой барана, чешуйчатой шишкой или просто шариком. Эти серьги, несколько различающиеся в деталях и мастерстве исполнения, представляют редкие высокохудожественные произведения греческих ювелиров архаического времени. Они демонстрируют прекрасное владение искусством филигрании, зерни, чеканки и тиснения. Головки львов выполнены в технике чеканки и тиснения, тонкая

⁷⁶ Michel C. Recueil d'inscriptions grecques. Paris, 1900. P. 644.

⁷⁷ Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // МИА. 1950. № 50. С. 235. Рис. 14; Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 74.

⁷⁸ Higgins R. A. Op. cit. P. 50.

⁷⁹ Скржинская М. В. Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 116.

⁸⁰ Фурманська А. І. Ливарні форми з розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. Т. 7. С. 40-60; Лейнунська Н. О. Ливарні форми з Ольвії // Археологія. 1984. № 45. С. 68-75.

⁸¹ Скржинская М. В. Указ. соч. С. 113-116.

⁸² Там же. С. 116.

филигранная плетенка окружает шитки серег, украшенных пирамидками зерни из мельчайших аккуратно напаянных шариков.

Обладательницы серег видели в них не просто украшения, но также апотропей, отвращавший от владельца зло или несчастье. Ведь именно такое значение придавалось в древности изображению рычащего льва с оскаленными зубами и высунутым языком; своим грозным видом он охранял хозяйку от разных напастей. Вероятно, какое-то апотропеическое значение имели также изображения на завершении дужек серьги⁸³.

В V в. постепенно выходит из моды калачики и спиралевидные подвески, а украшение серег головками львов перемещается из центра диска на окончание кольцевидной дужки. В III в. на серьгах наряду с львиными головками появляются головки других животных, а иногда и людей⁸⁴.

Такие золотые серьги с головками львов и газелей покупали состоятельные ольвиополиты, а для широкого употребления местные ювелиры по этим образцам изготавливали подобные серьги из недорогих металлов. От них сохранились лишь литейные формы⁸⁵.

Другим местным видом серег в эллинистический период стали ушные украшения с подвесками. Правда, подвески к серьгам использовались и раньше, но в III—I вв. их стало гораздо больше и по количеству и по разнообразию форм, среди которых впервые появились человеческие фигурки⁸⁶. В Ольвии найдены серьги с подвесками в виде сидящего мальчика, головки негра и летящего эрота⁸⁷. Отметим также золотую серьгу с алмандином и подвеской в виде палицы Геракла, на которой схематически обозначены сучки⁸⁸. Это редкий для Ольвии пример украшения серег драгоценными камнями.

Литейные формы для серег с подвесками показывают, что их производство хорошо освоили местные ювелиры. Они изготавливали подвески в виде птичек и маленьких сосудиков. Особенно стоит выделить три литейные формы с подвесками, на которых изображен пятиколонный храм. Подобные серьги не известны больше нигде в Северном Причерноморье. Ольвийские мастера копировали более искусное ювелирное изделие, составные части которого выполнялись по отдельности, а не отливались в одной форме⁸⁹.

⁸³ *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 25-26; *Скржинская М. В.* Указ. соч. С. 117-118.

⁸⁴ *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. London, 1961. P. 162-163; *Deppert-Lippitz V.* Op. cit. S. 223-225.

⁸⁵ *Лейнунская Н. А.* Указ. соч. С. 69; *Hoffmann H., Davidson R.* Op. cit. P. 142.

⁸⁶ *Higgins R. A.* Op. cit. p. 120.

⁸⁷ ОАК за 1897. С. 79. Рис. 190; ОАК за 1903. С. 151. Рис. 300; *Парович-Пешукан М.* Указ. соч. С. 178. № 100.

⁸⁸ *Парович-Пешукан М.* Указ. соч. С. 101; ср. сходные серьги, найденные на Боспоре (ДБК. Табл. VII, № 23).

⁸⁹ *Лейнунская И. О.* Указ. соч. С. 69.

Многочисленные находки серег все же не отражают всего разнообразия этих украшений в Ольвии. Об этом можно судить по схематическим изображениям ушных украшений на местных терракотах. Таковы, например, крупные круглые серьги на жанровых статуэтках III в.⁹⁰ или серьги с круглым диском и каплеобразными подвесками на терракоте Кору-Персефоны (рис. 64).

Ожерелья из бус, подвесок и пронизей были наиболее распространенным женским украшением. По разнообразию форм и материалов они превосходят все прочие украшения. Только в архаический период в Ольвии выделяется 55 их основных типов, в то время, как серег — только 13⁹¹.

На протяжении всего догетского периода ольвийские женщины носили преимущественно стеклянные бусы всевозможных форм и расцветок. Их местное производство появилось уже в VI в.⁹², но оно не вытеснило и привозные стеклянные бусы.

Греческие бусы делали из прозрачного и непрозрачного стекла разных цветов и из стеклянной пасты и так называемого египетского фаянса. Последние часто украшены орнаментом в виде глазков из разноцветных кружков. Первоначально их сложное изготовление было дорогим, и в ожерелье включали по одной или несколько глазчатых бусин, а в эллинистический период после упрощения техники производства такие бусы смогли приобретать многие гречанки и составлять из них целые ожерелья⁹³.

Металлические бусы, бронзовые, серебряные, золотые, изредка оловянные, по числу находок значительно уступают стеклянным. Лишь немногие ольвийские женщины носили бусы из полудрагоценных привозных камней — горного хрусталя, сердолика, агата, яшмы, халцедона, граната, а также из янтаря, гагата и кости.

В античности драгоценным и полудрагоценным камням приписывали разнообразные магические и целительные свойства, например, считалось, что аметист предохраняет от опьянения (АР IX, 768). Вероятно, стеклянные бусы, имитировавшие цвет того или иного камня, наделялись сходными свойствами.

Подвески и пронизи для ожерелий изготавливались в основном из стекла и металлов. В них наиболее ярко отражается не только декоративное назначение ожерелья, но и его роль магического амулета от дурного глаза, болезней и других напастей. В ольвийские ожерелья включались пронизи с рельефным изображением лежащих львов и жуков-скарабеев, а также подвески в виде голов разных животных, зуба, ноги, амфорки, конуса, лунницы и др. Некоторые из них представляют выдающиеся про-

⁹⁰ *Леви Е. И.* Ольвийские терракоты... С. 46, 47.

⁹¹ *Скржинская М. В.* Указ. соч. С. 113, 120.

⁹² *Островерхое А. С.* Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье // СА. 1981. № 4. С. 214-228.

⁹³ *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г-12. 1982. С. 47.

изведения ювелирного искусства. Например, золотые подвески в форме головы льва, быка (рис. 75) и барана, исполненные ионийскими мастерами в VI в. 94, голова богини Геры в диадеме с филигранным узором, расцветенным синей эмалью, — работа афинского мастера IV в. 95, и подвеска-бабочка из золота, полудрагоценных камней и цветных эмалей, вероятно, из восточно-греческой ювелирной мастерской конца III в. 96 (рис. 78). Подвеска с изображением Геры, вероятно, скопирована с головы статуи этой богини, исполненной Поликлетом 97. Статую описал Павсаний (I, 17, 4) среди сокровищ храма Геры в Аргосе.

В отличие от современных, древние ожерелья часто охватывали не всю шею; зачастую они состояли из одной или нескольких бусин и подвесок, нанизанных на нитку или проволоку. Раскопки Ольвии предоставили много образцов различных ожерелий и показали, что их могли носить одновременно по два или три. У одних женщин все шейное украшение состояло из единственной лиловой или янтарной бусины или подвески из египетского фаянса в виде шишки, у других скромное ожерелье включало несколько одинаковых либо разноцветных бусин. Например, две бесцветные стеклянные, две желтые с красно-желтыми глазками из египетского фаянса и две костяные. Отдельные бусины из янтаря и горного хрусталя украшали середину ожерелий из нескольких стеклянных и пастовых бус. Были также ожерелья из многочисленных бус, например, в одно входили 122 бисерных бусины белого, красного и бирюзового цвета, 8 округлых и 9 веретенообразных бирюзовых бусин из египетского фаянса.

Наиболее ценные бусины (не всегда по материалу, но и по своему магическому назначению) иногда оплетались золотой проволокой и таким образом выделялись в ожерелье. Таковы две глазчатые бусины в золотой оправе из ольвийского погребения начала V в. Считалось, что подобные бусины предохраняют от дурного глаза. Роль амулетов от дурного глаза, болезней и прочих напастей играли главным образом подвески всевозможных форм, например, в виде амфорок, изготовленных из бронзы, золота и кости. Сходную функцию имели костяные амулеты в форме ноги и зуба. Подвеска-зуб находилась в ожерелье из четырех глазчатых и трех бронзовых бусин. Подвеска в виде ноги обнаружена в погребении, необычно насыщенном амулетами: там были и глазчатые бусины и подвески в виде головы барана из египетского фаянса, двух каменных усеченных

⁹⁴ Скржинская М. В. Указ. соч. С. 122.

⁹⁵ ОАК 1912. С. 33; Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 89.

⁹⁶ Скржинская М. В. Из истории античных ювелирных украшений // СА. 1994. № 1. С. 22.

⁹⁷ Эта гипотеза высказана в статье: Русяева М. В. Золоті прикраси у вигляді голови Гери // Археологія. 1994. № 1. С. 104-109. Здесь рассмотрены подвески, найденные в Ольвии, на Боспоре и в скифских курганах. К сожалению, из двух хранящихся в Эрмитаже ольвийских подвесок автором статьи привлечена только одна, причем худшего качества.

пирамид и костяной амфорки, а также пять пронизей, изображающих жуков-скарабеев и одна — в форме лежащего льва 98.

Во второй половине VI в. греческие ожерелья превратились из простого собрания разных бус, подвесок и пронизей в цельное художественное произведение с ритмическим чередованием отдельных составных элементов. Архаические ожерелья из Ольвии отражают переломный период в формировании шейных украшений. Наряду с ожерельями, включающими разнообразные подвески-амулеты, здесь появляются законченные художественные произведения прикладного искусства.

Пример первого вида представляет золотое ожерелье из 75 мелких бусинок, 6 дольчатых более крупных бус и 8 пронизей в виде амфорок. Кроме того, ожерелье снабжено пятью подвесками: две головки львов, одна головка барана и две усеченные пирамидки, украшенные филигранью и зернью 99 (рис. 72). В этом редчайшем ожерелье середины VI в. функция амулетов превалирует над декоративным назначением украшения.

Иногда ожерелья такого рода носили еще и в классический период. В Ольвии найдено ожерелье IV в., состоявшее из 91 стеклянной бусины и 6 костяных амулетов в виде двустороннего гребешка, раковинки, астрагала, сжатой в кулак руки, цикады и неясного предмета 100.

Примеры второго вида можно иллюстрировать тремя ожерельями второй половины VI в.: в одном поочередно нанизаны крупные темные сердцевидные и мелкие золотые бусы, в другом золотые дольчатые бусы переплетаются с розетками, в третьем черные лигнитовые пронизи обрамляют золотые пронизи той же ромбической формы 101 (рис. 76). Последнее украшение, обычно называемое ожерельем, вероятно, прикреплялось на груди к вороту одежды, так же, как и другое золотое изделие VI в., купленное в Ольвии из хищнических раскопок (рис. 77) 102. Это замечательное украшение состоит из одиннадцати звеньев с каплевидными подвесками. На квадратных звеньях изображены розетки, на более узких — сидящие сфинксы, а на обрамляющих треугольных — пальметки. Орнаментация выполнена ювелиром с помощью тиснения, филиграни и зерни.

Среди лучших образцов ольвийских ожерелий более позднего времени назовем два золотых изделия IV в. из крупных бусин; в центре одного находилась подвеска, изображающая голову богини Геры, а в другом — серебряная позолоченная лунница 103.

Особо следует остановиться на драгоценных ожерельях с подвесками-бабочками, которые носили женщины из состоятельных ольвийских

⁹⁸ Скржинская М. В. Греческие серьги и ожерелья... С. 122.

⁹⁹ Фармаковский Б. В. Раскопки Ольвии // ОАК за 1903 г. С. 149. Рис. 287.

¹⁰⁰ Леви Е. И. Ольвийская агора // МИА № 50. 1956. С. 75. Рис. 40.

¹⁰¹ Скржинская М. В. Греческие серьги и ожерелья... С. 123-124.

¹⁰² ОАК за 1903. С. 149-150; См. о подобных пекторальных украшениях архаического периода: Higgins R. A. Op. cit. P. 111.

¹⁰³ ОАК за 1912. С. 33; Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 156.

семей во II—I вв. Слово бабочка (ψυχή) по-гречески звучит одинаково со словом, имеющим значение душа, дух, жизнь; вероятно, и смысл украшения связан с этим созвучием.

Этот вид ожерелий в истории античных украшений выделяется в особый тип. Всего сохранилось девять таких ожерелий, и три из них найдены в Ольвии¹⁰⁴. На старшем, датируемом концом III в., голова бабочки сделана из граната в форме сердца, туловище состоит из овального граната и удлинённого сардоникса коричневого цвета с белыми полосами, крылья окаймлены золотой проволокой и разделены внутри на секции, заполненные голубой, белой и красной эмалью. Подвеска-бабочка прикреплена к четырехрядной золотой цепочке (рис. 78). На втором ожерелье стилизованная бабочка из четырех гранатов, оправленных в золото, подвешена к золотому ожерелью, украшенному большим овальным халцедоном и двумя изумрудами (рис. 79).

Третье, наиболее роскошное, ольвийское ожерелье изготовлено из золота, драгоценных, полудрагоценных камней и стекол. Его средняя часть состоит из пяти синих и лиловых стекол в золотых оправках, украшенных сканью, золотыми розетками и мелкими цветными стеклышками. К центральному овальному медальону прикреплена бабочка, на крыльях у нее по три синих и зеленых стеклышка, а головка — из изумруда; к двум боковым квадратным медальонам прикреплены подвески из круглых изумрудов и каплевидных розовых стекол, оправленных в золото. Все три подвески соединены цепочками. Центральную часть ожерелья удерживают золотые головки рысей, насаженные на каплевидные бусины из горного хрусталя. К ним прикреплены золотые плетеные цепочки с петлями на концах; в них продевалась ленточка, с помощью которой завязывалось ожерелье. Оно — самое длинное (39,6 см) в ряду подобных украшений. Это сложное украшение первой половины II в. представляет собой образец исканий ювелира, сочетавшего приемы торевтики, характерные для раннего эллинизма (зернь, розетки) с новым полихромным стилем, включившим в золотые изделия цветные камни и стекла.

В том же полихромном стиле исполнена пара крупных золотых браслетов последней четверти II в. Эти самые нарядные среди найденных в Ольвии браслетов состоят из трех соединенных шарнирами пластин; в середине центральной помещен большой овальный гранат. Все пластины украшены орнаментом из зерни, вставками из красной, синей и голубой эмали, гранатами, аметистами, изумрудами, хрисопрасами и мелким жемчугом¹⁰⁵.

Гречанки носили браслеты по одному или по несколько на запястьях, а также на предплечье, и иногда на ногах. Именно на этих местах их находят в ольвийских погребениях. Наиболее распространенными в Ольвии

были браслеты, согнутые из толстой бронзовой или железной проволоки или отлитые из тех же металлов. Их изготовляли местные мастера, привозили же главным образом дорогие изделия, которых сохранилось немного. Кроме описанных выше браслетов назовем еще один серебряный, состоящий из цепочки, застегивавшейся на крючок; к цепочке подвешена фигурка присевшего на корточки козлоногого сатира, играющего на сиринге — многорядной свирели. Сатир изображен в реалистической традиции эллинистического искусства¹⁰⁶ (рис. 45).

В Ольвии, как и в других греческих городах, мужчины и женщины украшали руки кольцами и перстнями, либо одним, а нередко и несколькими. В VI в. на руке усопшего обнаружено золотое и серебряное кольца, а в погребении V в. — два серебряных перстня¹⁰⁷. В эллинистический период часто носили по три, иногда даже по пять колец¹⁰⁸. Жители Ольвии надевали кольца на все пальцы, кроме большого, чаще всего на левую руку, реже на правую.

Одни кольца играли чисто декоративную роль, другие имели утилитарное назначение, при котором не утрачивалась и декоративная функция украшения. К последним относятся перстни с резными камнями, называемыми инталиями, или с металлическими щитками, имеющими гравированное изображение. Оттиск такого перстня служил печатью владельца. В своем доме хозяева запечатывали перстнем сундуки, кладовые, сосуды с вином и разным продовольствием, двери комнат, куда не хотели допустить кого-либо без своего разрешения. Иногда печать владельца встречается на сосудах, стригилях, грузилах¹⁰⁹. Оттиск печати служил удостоверением при передаче писем и товаров, поэтому рисунки на печатях были самые разнообразные, не повторявшие в точности друг друга. Это предусматривалось еще в законах Солона, которые запрещали дважды гравировать одно и то же изображение (Plut. Sol. 57).

Металлические перстни с гравированными изображениями появились в Греции с рубежа VII—VI вв., а перстни с резными камнями в IV в.¹¹⁰ Раньше резные камни не вставляли в кольца, а прикрепляли к металлической вращающейся дужке, за которую подвешивали к поясу.

Ольвиополиты по традиции своей метрополии с самого начала жизни в Нижнем Побужье носили металлические перстни с гравированными изображениями. Хорошо сохранились три таких перстня архаического периода, изготовленные в ионийских мастерских. На одном, электровом, выгравирована Даная, протягивающая руки к Зевсу, явившемуся к ней в виде золотого дождя¹¹¹, на двух других, серебряных, — львы. В углы

¹⁰⁶ Alexander Ch. Jewellery. The Art of the Goldsmith in Classical Times. New-York, 1928. P. 39. Tab. 84.

¹⁰⁷ Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 157, 159.

¹⁰⁸ Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 159, 163, 175, 184.

¹⁰⁹ Максимова М. И. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1937. № 1. С. 251.

¹¹⁰ Higgins R. A. Op. cit. P. 119.

¹¹¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 36-37.

¹⁰⁴ Скржинская М. В. Из истории... С. 18.

¹⁰⁵ Deppert-Lipiz B. Op. cit. S. 292. Abb. 294. Reeder E. Hellenistic Art in the Walters Art Gallery. Baltimore, 1988. P. 231-23.

ромбовидного щитка перстня с изображением льва, готовящегося к прыжку, вбито по маленькому гвоздику из электра. Они, по верованиям греков, предотвращали несчастья, а фигура льва также имела магическое значение, охраняющее владельца перстня ¹¹².

Мода на подобные перстни не проходила в Ольвии и в последующие века, поэтому их постоянно привозили на продажу из Эллады. По большей части, они были бронзовыми, а по типу — аналогичными изделиям из драгоценных металлов. На них изображались звери, птицы, мифологические персонажи, например, Омфала и Гермес с лирой ¹¹³. Особо следует выделить бронзовый перстень с железным вставным щитком, на котором вырезан профиль царицы Арсиной, жены Птолемея Филадельфа, правившего в Египте с 282 по 246 г. После смерти Арсиною обожествили и поклонялись ей как покровительнице мореплавания. Перстни с профилем Арсиной найдены также в Горгиппии и в Херсонесе. Вероятно, их носили купцы из Северного Причерноморья, которые торговали с Египтом ¹¹⁴.

Резные инталии на камнях имели очень немногие состоятельные ольвиополиты. В качестве примера такого украшения назовем золотое кольцо с альмандином; на нем вырезаны атрибуты Деметры — колосья, мак и снопы ¹¹⁵.

Упомянутые перстни не принадлежат к выдающимся произведениям античной глиптики. Однако существуют косвенные свидетельства того, что некоторые ольвиополиты обладали печатями, исполненными первоклассными мастерами. На ткацкой подвеске местной работы сохранился оттиск ионийской печати V-IV вв. На ней было вырезано изображение сидящего перса, которое может выдержать сравнение с лучшими образцами печатей своего времени ¹¹⁶. Этот оттиск сделан до обжига подвески. Хозяин заказал в ольвийской керамической мастерской набор подвесок для изготовления тканей в своем доме. Таким образом стало известно, что ольвиополиты использовали печати в качестве знака, удостоверявшего принадлежность вещи определенному лицу.

Многие ольвийские перстни имеют неорнаментированный щиток, они сделаны из бронзы и железа ¹¹⁷, реже из золота и серебра ¹¹⁸. Находка ли-

¹¹² *Максимова М. И.* Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 438-439.

¹¹³ ОАК за 1896 г. С. 139. Рис. 488; ИАК № 13. 1906. С. 156. Рис. 106; *Неверов О. Я.* Указ. соч. С. 21.

¹¹⁴ *Неверов О. Я.* Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 109-110, 114.

¹¹⁵ ИАК № 8. 1903. С. 64. Рис. 68.

¹¹⁶ *Максимова М. И.* Глиняная ткацкая подвеска с оттиском печати // МИА. № 50. 1956. С. 190.

¹¹⁷ *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 157, 162, 166; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 163, 175, 195.

¹¹⁸ *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 153, 157, 159; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 159, 170.

тейной формы для такого перстня свидетельствует об их производстве в Ольвии. Значительно реже встречаются перстни с камнями и стеклами, имитирующими драгоценные камни ¹¹⁹.

Среди ольвийских декоративных перстней по качеству исполнения выделяются два. Один из них — редчайшее изделие из кости местного мастера, работавшего в первой половине III в. Он украсил кольцо рельефным профилем женщины ¹²⁰. Другой — привозной золотой перстень II в. с рельефным изображением головы Афины ¹²¹.

Начиная с архаического периода, распространенным видом украшений пальцев были гладкие кольца из бронзы, железа, серебра и золота. Среди них встречаются массивные, но чаще тонкие, литые или сделанные из проволоки. В сечении они круглые, овальные и полукруглые с плоской стороной, обращенной к пальцу ¹²². Не все подобные кольца замкнуты, у некоторых, как и у браслетов, концы находили один на другой, поэтому кольцо легко подгонялось к пальцу. В эллинистический период в Греции вошли в моду спиралевидные кольца и браслеты, концы которых нередко имели вид головы и хвоста змеи. Такие кольца в III в. появились и в Ольвии ¹²³.

В целом среди сохранившихся ольвийских украшений имеется немного выдающихся образцов античного ювелирного искусства. Некоторые из них составляют гордость крупных собраний древнегреческого прикладного искусства. Например, архаические золотые серьги со львами в Эрмитаже или эллинистические полихромные ожерелья с бабочками и браслеты в галерее Вальтера в Балтиморе (США) ¹²⁴.

Итак, все изображения и находки свидетельствуют о том, что население Ольвии носило греческий костюм и украшения. Для одежды местные мастера ткали шерстяные материи, выделывали кожи, валяли войлок для шляп, шили кожаную обувь, отливали из бронзы и изготавливали из стекла массовые украшения. Наряду с этим состоятельные жители Ольвии одевались в привозные хитоны и плащи, а также носили украшения, созданные мастерами из разных греческих городов.

Сохранившиеся письменные и вещественные источники отражают лишь определенные стороны жизни. Значительная часть привлеченных к нашему рассказу произведений искусства изображали богов, внешний вид которых мыслился греками как идеальный человеческий облик. Поэтому знакомство с этими произведениями дает представление о том, ка-

¹¹⁹ *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 163; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 102, 175.

¹²⁰ *Максимова М. И.* Фрагмент костяного перстня из Ольвии // СА. 1958. № 28. С. 248-255.

¹²¹ *Штительман Ф. М.* Медальон с изображением Афины из Ольвии // СА. 1965. № 4. С. 224.

¹²² ИАК № 8. 1903. С. 60; *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 86, 159; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 103, 184; *Скржинская М. В.* Украшения... С. 181.

¹²³ *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 167.

¹²⁴ *Reeder E.* Op. cit. P. 231-232; 236-238.

кой в глазах ольвиополитов была образцовая одежда. Она не отличалась от общегреческой моды своей эпохи. Это ясно не только при сравнении местных и привозных изображений, но также и по материальным остаткам ольвийской парадной одежды. Наглядный пример — находка эллинистического медальона, скреплявшего перевязь на груди женского хитона, и изображение подобного медальона на привозной статуе Артемиды и терракотах Афродиты.

Одежда на фигурах реальных людей также носит парадный характер. В красиво задрапированном большом гиматии мужчины и женщины почти ничего не могли делать руками и должны были держаться так, чтобы драпировка не теряла формы. Поэтому гиматий не надевали во время работы. Характер ольвийских изображений позволяет определить, в каких случаях использовался парадный костюм. В гиматиях появлялись магистраты при исполнении служебных обязанностей (стела ситонов), в парадную одежду облачались во время отправления торжественных религиозных церемоний (стела со сценами жертвоприношения). По аналогии с другими греческими городами добавим, что в красиво задрапированном гиматии граждане посещали агору и театр, ораторы выступали перед народом. Судя по изображениям, в Ольвии, как и повсюду в Элладе, граждане учились красиво носить плащ. Недаром Платон в диалоге «Теэт» (175 е) отметил, что свободный человек знает, как подобает перебросить плащ через плечо.

На надгробных рельефах и статуях греки желали видеть идеализированный образ умершего также в парадном одеянии, поэтому набор украшений в погребениях соответствует парадному костюму. Немногочисленные терракотовые статуэтки женщин, которые изображали не богинь, а реальных людей, также представляют нарядно одетых гречанок.

Парадная одежда была показателем принадлежности человека к эллинской общности. В то же время, у греков, в отличие от римлян, не было установленного различия в одежде различных социальных слоев общества¹²⁵. В период эллинизма эллином считался не только грек по национальности, но и всякий свободный человек, хорошо говоривший по-гречески и усвоивший греческую культуру¹²⁶. Для граждан греческих городов Северного Причерноморья, находившихся в окружении местных племен, одежда стала одним из важнейших зримых символов принадлежности к эллинскому миру. Этим объясняется, почему в официальной праздничной обстановке ольвиополиты носили исключительно греческую одежду.

Вероятно, дома и во время работы в холодное время года греки с раннего периода использовали частично костюм местных племен, которые выработали одежду, более приспособленную к условиям Северного Причерноморья. Это было так же закономерно, как строительство утеплен-

ных подземных помещений в домах, которые в целом сооружались в Ольвии по греческим нормам. Такое отношение к рабочей одежде не противоречило и обычаям метрополии. Ведь в Греции одежда бедных ремесленников не отличалась от той, в которую одевали рабов, выходцев из разных стран, поэтому ежедневную одежду не считали обязательной для определенного народа или социального положения¹²⁷. Наше предположение подтверждается ольвийской терракотой сельского жителя с быком. На ней единственный раз удается рассмотреть одежду крестьянина, облаченного в куртку и брюки. На боспорских изображениях элементы местной одежды можно проследить на большом количестве образцов, причем они касаются главным образом мужской одежды. На стеле III в. из Керчи мужчина одет в заправленные в сапоги брюки, а под плащом у него не хитон, а куртка¹²⁸. Как и ольвийская терракота, эта стела — очень редкий пример изображения деталей местной одежды на памятниках эллинистического периода.

Только в первые века нашей эры ольвиополиты стали широко носить костюм местных племен, и его изображение появилось на надгробных ольвийских рельефах¹²⁹. Там наряду с традиционными фигурами в греческих хитонах и гиматиях присутствуют всадники в шароварах и коротких плащах. По свидетельству Диона Хрисостома (XXXVI, 7), эта одежда была черного цвета. В течение же всей описываемой в нашей книге догетской истории Ольвии парадная одежда ее граждан ассоциировалась исключительно с традиционным греческим костюмом, и мода на его ношение, крой, расцветку и украшения определялась принятыми в Элладе нормами.



¹²⁷ Доватур А. И. Рабство в Аттике VI-V вв. до н. э. Л., 1980. С. 100-101; Bieber M. Character und Unterschiede der Griechischen und Römischen Kleidung // AA. 1973. Heft 3. 1974. S. 437.

¹²⁸ Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С. 310. Рис. 22.

¹²⁹ См., например, стелы II в. с изображениями Радампсона и Стратона (IPE I² № 203; Одесский археологический музей. Киев, 1983. № 99).

¹²⁵ Geddes A. G. Op. cit. P. 326.

¹²⁶ Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1963. С. 411.



14. ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА И КОСМЕТИКА

Относительно повседневной заботы жителей Ольвии о чистоте и красоте своего тела и волос нам известно по сравнительно немногочисленным материальным остаткам предметов туалета; однако археологические находки не в состоянии отразить истинного соотношения этих предметов в обиходе. Например, сохранились считанные экземпляры ольвийских гребней, и большинство из них относится к римскому времени, при том, что каждая семья располагала по меньшей мере одним гребнем. Ведь мужчины носили довольно длинные волосы и бороды, а женщины делали прически из длинных волос; коротко стриглись только рабыни.

В течение всего античного периода форма гребней менялась мало, перемены касались в основном орнаментации. Существовало два вида гребней: односторонние и двусторонние; у последних зубья одной стороны были чаще, чем другой.

Греки пользовались в основном деревянными гребнями, а они, как и любые деревянные изделия, редко сохраняются продолжительное время. Первоначально подобные гребни в Ольвии были сплошь привозными. Их изготовляли особые мастера, умевшие просушить и выдержать определенным образом нужную породу дерева, преимущественно самшита, не растущего в Северном Причерноморье. Ведь при выделке гребня дерево не должно коробиться и давать трещины. Наряду с деревянными греки достаточно часто употребляли костяные гребни, дорогие из слоновой и рыбьей кости, а также из панциря черепахи, а рядовые из костей домашних и диких животных. Ольвиополиты расчесывали волосы костяными гребнями, начиная с архаического периода, о чем свидетельствуют фрагмент гребня из оленьей кости из раскопок Ольвии и гребень с круглой спинкой и большинством сохранившихся зубьев, обнаруженный на Березани¹. Обломки костяных гребней попадают также в более поздних погребениях².

¹ Капошина С. И. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. 1950. № 34. С. 49, прим. 24; Скржинская М. В. Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 182. Рис. 55.

² ИАК № 8. 1903. С. 67. Рис. 73; Парович-Лешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 105.

В античной литературе упоминаются золотые и серебряные гребни. Великолепный образец золотого гребня, изготовленного греческим мастером в конце V в., найден в скифском царском кургане Солоха на левом берегу Днепра³ (рис. 80). Украшенный сценой сражения скифов, гребень был, наверное, заказан для царя через посредство Ольвии, где скифы обычно приобретали предметы греческого импорта.

Свою прическу и вообще внешний вид греки оценивали, глядя в зеркало, которое, наряду с гребнем, было одним из необходимейших предметов туалета. На памятниках античного искусства с зеркалом обычно изображались женщины, и при раскопках зеркала находят главным образом в женских погребениях. Но, несомненно, и мужчины, особенно молодые щеголи, смотрелись в зеркала. Именно так, как нам представляется, можно истолковать сцену на туалетном сосуде алабастре первой половины V в., найденном при раскопках Пантикапея⁴. На одной стороне нарисована рабыня с короткими волосами, держащая зеркало в вытянутой руке; на другой — молодой человек в гиматии опирается на посох. Вероятно, служанка помогла своему господину красиво задрапировать плащ и теперь держит перед ним зеркало, чтобы он посмотрел перед выходом на улицу, все ли ему нравится. Эта сцена внутренне связана и с назначением алабастра, в котором хранилось масло, игравшее большую роль в туалете греков.

Греки смотрелись преимущественно в ручные зеркала с круглым бронзовым полированным диском, диаметр которого колебался от 10 до 20 см, а длина зеркала вместе с ручкой — от 20 до 35 см. В них хорошо отражалась погрудная часть человека, и можно было рассмотреть любую деталь туалета. Именно такие зеркала найдены при раскопках Ольвии. Гораздо реже использовались зеркала, стоявшие на подставках; два зеркала с подставками в виде женских фигур обнаружены в скифских курганах недалеко от Ольвии⁵. Поэтому надо думать, что они встречались в обиходе ольвиополитов, а названные экземпляры попали от них к скифам путем торгового обмена.

Диски всех греческих зеркал VI—I вв. были бронзовыми, а стеклянные появились лишь в римский период. Бронзовые зеркала изготовляли из особого сплава меди и олова, в котором олово занимало большее место, чем в других изделиях. Зеркальная бронза имела более светлый цвет и лучше полировалась.

³ Манцевич А. П. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. 1950. № 13. С. 226-232.

⁴ Горбунова К. С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1979. С. 44. Рис. 11.

⁵ Жебелев С. А., Мальмберг В. К. Три архаические бронзы из Херсонской губернии // МАР. 1907. № 32. С. 18, 32. Все типы греческих зеркал, техника их изготовления и декор рассмотрены в книге: Oberländer P. Griechische Handspiegel. Hamburg, 1967.

В Ольвии, как и в других греческих городах, чаще встречаются литые зеркала, реже — кованные. Полированная зеркальная поверхность покрывала обычно одну сторону диска и лишь изредка — обе. Она легко подвергалась повреждениям, поэтому зеркала держали в футлярах из дерева, кожи или соломки, а также в матерчатых мешочках⁶. Остатки деревянного футляра хорошо сохранились при зеркале рубежа V-IV вв., найденном в некрополе Ольвии⁷. С той же целью защиты от повреждений зеркальной поверхности в конце V в. стали изготавливать зеркала с металлическими крышками. Их образцы из Ольвии относятся к эллинистическому времени. Крышка одного зеркала не имеет декора⁸, а другое зеркало заключено в футляр с погрудным изображением Деметры в обрамлении колосьев и маков⁹ (рис. 81). К сожалению, зеркальная полировка в первоначальном виде не сохранилась ни на одном античном зеркале, поэтому в них сейчас нельзя увидеть отражения.

В Ольвии найдено немало зеркал. От некоторых остались лишь диски, а деревянные или костяные ручки полностью истлели, лишь стержни на краю диска указывают на то, что на них насаживались такие ручки. Зеркала же с металлическими ручками часто сохраняются полностью, и на них можно увидеть всевозможные орнаменты (рис. 82), изображения растений, зверей, богов и даже целые сцены из мифов. Ручки зеркал нередко отламывались от диска, но поскольку зеркало было достаточно дорогим, его не выбрасывали, а чинили. Следы починок хорошо видны на нескольких ольвийских экземплярах¹⁰.

Одно из самых изящных зеркал сделано в Аргосе в конце VI в. Оно обрамлено по краю диска тонко выгравированным узором плетенки, а по краю ручки — жемчужником. Ствол ручки украшен рельефным цветком лотоса, а окончание — медальоном с маской Медузы Горгоны (рис. 83). На ручке другого также аргосского зеркала изображена Афродита с поднятыми вверх руками, она как бы поддерживает диск, а у ног богини находится сфинкс. Третье зеркало имело ручку с накладным рельефом работы коринфского мастера, который представил воина, нападающего на сидящего в кресле мужчину. Это сцена убийства Эгисфа его пасынком Орестом, либо момент кончины Приама от руки Неоптолема¹¹.

Зеркала стали одним из ходовых предметов обмена со скифами, и уже в архаический период греческие колонисты в Нижнем Побужье наладили их производство. Наряду с традиционными греческими формами здесь появился особый тип зеркал, отвечающий вкусам местного населения и

⁶ Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. № 17. С. 113.

⁷ Козуб Ю. И. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 83.

⁸ Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 170.

⁹ ИАК № 13. 1908. С. 126.

¹⁰ Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 112.

¹¹ Там же. С. 113-114.

завоевавший признание самих ольвиополитов¹². Эти зеркала были гораздо массивнее прочих, совершенно иначе украшены, и в них применялся оригинальный, больше нигде не встречающийся способ крепления ручки. На неполированной стороне диск имел вертикальный бортик, отсутствующий у других греческих зеркал, а сама ручка заканчивалась литой фигуркой пантеры или бараньей головкой, исполненной в так называемом зверином стиле (рис. 84). Иногда фигурку животного, чаще всего оленя, помещали также между диском и ручкой (рис. 85). Некоторые зеркала можно было повесить за отверстие между ногами фигурки пантеры. Ведь для подвески на греческих зеркалах, в том числе и ольвийских, встречаются круглые отверстия на конце ручки. Поэтому можно заключить, что ольвиополиты вешали зеркала на стенах комнат, так же, как это изображено на многих аттических вазах.

В повседневный туалет греков входило умывание и умашение тела растительным маслом, часто ароматизированным запахом розы, мирта и других душистых растений. Для умывания эллины использовали широкие плоскодонные чаши-лутерии. Это крупные толстостенные сосуды, в основном керамические, реже металлические и каменные. Некоторые снабжены носиком для слива воды и боковыми ручками.

Сначала в Ольвию привозили лутерии из Коринфа и Малой Азии. Нередко их борта украшены архитектурными орнаментами из ов, жемчужника, плетенки и др. В эллинистический период лутерии предпочитали окаймлять растительными орнаментами. Тогда же появились лутерии местного производства из красной глины, не отличающиеся по форме от привозных. Мраморные лутерии найдены Ольвии в небольшом количестве. Их лучшие образцы имеют изящные рельефы в виде листьев плюща и других растений¹³.

Лутерии употребляли для ежедневного мытья рук и лица, а также использовали в банях. Для удобства их устанавливали на высокие подставки, среди них есть каменные в виде небольшой колонны, часто украшенной канелюрами.

Греки не знали мыла, и поэтому, умастив кожу маслом и посыпав специальным песком, счищали грязь с тела специальными металлическими или роговыми скребками-стригилями, а затем мылись водой и снова умащались благовонным маслом. Античные авторы причисляли стригили к предметам ежедневного обихода (Aristoph. Ran. 207; Plut. Mor. II, 59; 461 e). Их изготавливали из бронзы, железа и кости, а особенно дорогие экземпляры украшали золотом и давали в качестве призов на спортивных состязаниях (Хен. Anab. I, 2), потому что стригиль входил и в число необходимых принадлежностей атлета.

Наличие стригилей в повседневной жизни ольвиополитов подтверждается их находками во все периоды существования города, начиная с

¹² Там же. С. 121-122.

¹³ Лейпунська Н. О. Лутерії Ольвії // Археологія. 1980. № 33. С. 32-46.

архаического¹⁴. Рабочая часть у одних сильно загнута, у других почти прямая; к ней прикреплялись ручки, либо металлические в виде петли, либо деревянные. У одного ольвийского стригиля конец рабочей части явно предназначен для насаживания на деревянную ручку¹⁵.

В туалете древних греков с глубокой древности большую роль играло натирание растительным, главным образом оливковым маслом. Гомер в «Илиаде» (X, 577) описывает, как Одиссей с Диомедом после трудов купаются в море, затем натираются маслом и приступают к трапезе. Занятия атлетическими упражнениями, необходимые для каждого молодого гражданина, всегда сопровождалась натиранием маслом. Это упоминается в одной ольвийской надписи, о которой говорилось выше, в разделе «Гимнасий».

Для хранения всевозможных масел существовали различные виды сосудов: алабастры, арибаллы, лекифы, амфориски, аски. Их не только держали дома, но и носили с собой. Например, отправляясь на палестру или в гимнасий, эллин к руке подвешивал на шнурке сосуд для масла¹⁶.

При всем разнообразии внешнего вида подобных сосудов их общей чертой является наличие узкого горлышка и венчика с широко отогнутыми краями. Сквозь узкое горлышко масло лилось тонкой струйкой или каплями, которые растирали по телу венчиком сосуда, так что он служил не только вместилищем, но и приспособлением для растирания масла.

Аск — один из древнейших видов сосудов. Как показывает его название (ασκός — бурдюк, мех для переноски жидкостей), первоначально аски изготавливали из кожи. Керамические аски архаического периода доставляли из Ионии и с о. Самоса (рис. 86). В середине асков часто находится круглое отверстие, поэтому сосуд имеет кольцеобразную форму. Узкое горлышко с раструбом располагается на краю сосуда, от него к другому краю перекинута ручка. Форма аска лучше, чем у иных сосудов, способствовала тому, чтобы из него выливалось чистое масло, а осадок оставался на дне.

Выдающимся произведением античного искусства является самосский аск, найденный при хищнических раскопках Ольвии¹⁷. Сосуд имеет вместилище в форме миндальной косточки. На выпуклой поверхности тулова нарисованы двое танцующих бородатых мужчин и кубки для питья вина. Изящно расписан другой самосский аск с изображением осьминога¹⁸.

Арибаллы, флаконы шаровидной формы, доставляли в Ольвию в VI в. главным образом из Коринфа. Чаще всего они украшены растительным

орнаментом, исполнены в милетском стиле для завоевания рынка сбыта в милетских колониях на Понте¹⁹.

В набор ольвийских туалетных сосудов VI в. входили керамические и фаянсовые арибаллы — маленькие флаконы с круглым туловом. Некоторые фаянсовые арибаллы, изготовленные в Навкратисе, имели фигурную форму, например, тулово в виде ежа, над которым возвышается человеческая голова, составляющая горло сосуда²⁰ (рис. 87).

Судя по изображениям на вазах и по находкам в погребениях, арибаллы использовали главным образом мужчины, а женщины употребляли для хранения масел алабастры²¹. Они отличаются сильно вытянутым туловом, имеют выпуклое дно и узкую шейку с широким венчиком (рис. 87, 88). Название сосуда происходит от алебастра, белого мягкого камня, из которого первоначально изготавливали эти сосуды в Египте, а затем и в Греции. Несколько таких алабастров найдено в Ольвии. Сюда также привозили керамические алабастры, сначала из Коринфа, а в V в. из Аттики. Особо дорогие, из финикийского стекла, доставляли с Ближнего Востока. Сохранилось немало обломков и три целых алабастра последней трети VI в. У двух по всей поверхности из непрозрачного стекла идут лилово-красные зигзагообразные пояса. Третий алабастр из темно-синего стекла орнаментирован светло-голубыми нитями, переходящими в полосы²². Сходными узорами украшали маленькие амфориски и флаконы из финикийского стекла.

Лекифы, небольшие кувшинчики с ручками (рис. 89, 90), употреблялись не только как туалетные сосуды, их ставили на стол, чтобы поливать маслом пищу, из них совершали возлияния при жертвоприношениях, а специально расписанные лекифы использовали только для погребального ритуала. В архаический период особенно много лекифов привозили сначала из Ионии, а затем из Аттики²³. Уже в VI в. из серой глины стали производить и местные лекифы, повторявшие формы ионийских²⁴.

В V в. арибаллы постепенно выходили из моды, а к эллинистическому периоду исчезли лекифы. Их место заняли всевозможные флаконы. Наряду с привозными, у ольвиополитов с конца V в. появились сероглиняные и красноглиняные флаконы местного производства²⁵.

О применении косметики в Ольвии свидетельствуют остатки румян и белил, а также ложечки и палочки, которыми их наносили, и сосуды, где хранили косметику и парфюмерию. Кусочки румян и белил находят в жен-

¹⁴ ИАК № 13. 1908. С. 156; *Рубан В. В.* Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино I // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982. С. 57; *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 86; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 117.

¹⁵ *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 86.

¹⁶ *Richter G, Milne M.* Schapes and Names of Athenian Vases. New-York, 1935. P. 16.

¹⁷ *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953. С. 259; *Штімельман Ф. М.* Античне мистецтво. Київ, 1977. № 14, 15.

¹⁸ *Фармаковский Б. В.* Архаический период на юге России // МАР. 1914. № 34. Табл. 3.

¹⁹ *Малеев И. П.* Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии // ИАК. № 54. 1914. С. 83-98.

²⁰ *Фармаковский Б. В.* Указ. соч. С. 18. Табл. 8.

²¹ *Richter C, Milne M.* Op. cit. P. 16-17.

²² ОАК за 1909-1910. С. 94. Рис. 122, 123; *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 124, 126.

²³ *Скуднова В. М.* Чернофігурні лекифи з архаїчного некрополя Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. Т. 7. С. 113-130.

²⁴ *Скуднова В. М.* Архаический некрополь... С. 213.

²⁵ *Козуб Ю. И.* Указ. соч. С. 81; *Парович-Пешикан М.* Указ. соч. С. 108-111.

ских погребениях, они чаще всего лежат в раковинах, иногда в пиксидах, небольших круглых коробочках со съёмной крышкой²⁶.

Пиксиды, как говорит само их название (от греческого πύξις — самшит), изготовляли главным образом из дерева, а оно, как правило, полностью истлевает в земле. Редкие остатки показывают, что пиксиды вырезали не только из самшита, но и из ясеня, боярышника и других пород деревьев²⁷. Наряду с деревом материалом для пиксид служили керамика и кость, реже — металл, мрамор, алебастр. Сохранившиеся ольвийские пиксиды изготовлены из керамики и кости, например, коринфская пиксида IV в., украшенная меандром (рис. 91), чернолаковая IV в. с изображением канфара на крышке, костяная эллинистического времени с рельефным геометрическим орнаментом²⁸.

Румяна и белила разминали и наносили на лицо специальными туалетными ложечками и деревянными палочками. Среди ольвийских находок есть туалетные круглые плоские ложечки с длинными и тонкими стерженьками-ручками, которые сделаны из бронзы и кости²⁹.

Следы раскраски на терракотах ольвийского производства позволяют представить, как выглядел макияж жительниц Ольвии: выбеленное лицо с поджумранными щеками, черные тонкие и длинные дугообразные брови, почти сходящиеся у переносицы, и такие же черные длинные ресницы. Все это особенно хорошо можно рассмотреть на одной из лучших ольвийских терракот Кору-Персефоны. Местный мастер вложил в изображение лица, украшений и одежды богини представление об образце красоты молодой женщины того времени.

Археологические находки косметических средств и раскраска лиц на терракотах местного производства показывают, что ольвийские женщины следовали моде, распространенной в других греческих городах. Они наносили на лицо белую, красную и черную краску. В состав белил, которыми покрывали кожу лица, входили белый свинец и уксус; красную краску для губ и щек делали из водорослей, корней растений, минералов (сернистого мышьяка, сурика и охры), а также использовали сок шелковицы. Черной краской из сурьмы и сажи подкрашивали брови и ресницы³⁰.

Археологи находят только минеральные краски, а об остальных известно из описаний античных авторов. Сажа и сок шелковицы были доступны любой женщине в Ольвии, другие же краски, особенно привозные и

²⁶ Скуднова В. М. Архаический некрополь... С. 36; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 170, 186, 187, 208.

²⁷ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 200.

²⁸ Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 77. Рис. 33; Парович-Пешикан М. Указ. соч. С. 69; Петерс Б. Г. Указ. соч. С. 69; Скуднова В. М. Архаический некрополь... С. 53.

²⁹ Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. С. 187-201. Табл. 43.

³⁰ Grillet V. Les femmes et les fards dans l'antiquité Grecque. Lyon, 1975. P. 161-178.

специально приготовленные, продавались по разным, в том числе и очень дорогим, ценам³¹.

Парадный туалет греков дополнялся умашением благовонными маслами и мазями с запахом розы, мирта, шафрана и др. Особенно любили мази и духи, пахнувшие миром, которыми умасили волосы мужчины и женщины. Платон в «Государстве» (398 а) пишет, что искусного поэта увенчивают шерстяной повязкой и умащают ему голову миром. Из «Всадников» Аристофана (ст. 1375) и речи Демосфена (XXXIV, 9, 18) известно, что в Афинах то место, где продавали парфюмерию, называлось *μειράχα*, а лавки парфюмеров — *μυροπωλία*, то есть, это были производные от слова «миро».

Благовония зачастую изготовляли очень концентрированными и помещали в небольшие подвески в форме амфорок. В Ольвии найдена крошечная амфоровидная золотая подвеска высотой около одного сантиметра³². В ней хранилось драгоценное благовоние, а через дырочки в горлышке и пробочке продевалась надежно скреплявшая их нить; на ней сосудик висел на шее (рис. 92).

Гречанки держали украшения и всевозможные предметы туалета в деревянных шкатулках и керамических леканах, круглых сосудах с крышкой и двумя горизонтальными ручками. В VI в. жители Ольвии пользовались ионийскими леканами, украшенными красными полосами, и аттическими с изображением сирен и пантер, а в V—IV вв. самыми распространенными стали чернолаковые аттические леканы³³. В IV в. афинские вазописцы расписывали крышки лекан фигурами женщин, которые наряжаются, надевают украшения и прихорашиваются перед зеркалом. Хороший образец такой леканы найден в Ольвии³⁴. Иногда сюда привозили также леканы из алебастра, изготовленные в V—IV вв. в Египте; у одной подобной леканы в качестве подставки вырезаны фигурки сфинксов³⁵.

В эллинистический период леканы вышли из употребления; их полностью вытеснили деревянные шкатулки и ларцы. Их часто рисовали на аттических вазах, а во время раскопок находят лишь костяные накладки, украшавшие стенки и крышки всевозможных ящичков, в которых хранились украшения и предметы туалета.

Туалетные сосуды, шкатулки и косметику дарили женщинам по разным поводам и обязательно на свадьбу. Сцена подношения подарков невесте изображена на двух великолепно расписанных вазах, найденных в Пантикапее³⁶. Новобрачной преподносят леканы, разнообразные шкатулки, арибаллы, вышитые повязки и ткани.

³¹ Ibidem. P. 82.

³² ОАК за 1913-1915. С. 40. Рис. 53, 54.

³³ Козуб Ю. И. Указ. соч. С. 76; Скржинская М. В. Украшения... С. 183.

³⁴ ОАК за 1906. С. 48. Рис. 56.

³⁵ Одесский археологический музей. Киев, 1983. С. 171. № 73.

³⁶ ДБК. Табл. 52; Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915. С. 19-24, 140; Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975. № 66.



15. ЕДА И ПОСУДА

Ольвийское государство, как и другие греческие полисы, состояло из города и его сельскохозяйственной округи. При образовании колонии все получали земельный надел, и в дальнейшем большинство граждан имело землю, на которой возделывали сельскохозяйственные культуры, разводили скот и домашнюю птицу. Поэтому значительную часть своей пищи ольвиополиты получали с собственных земель, где не только выращивали, но и хранили урожай, например, зерно в специально устроенных зерновых ямах. Благополучие многих семей зависело от умения запастись и сохранить летние и осенние заготовки.

В городских домах ольвиополиты помещали свои запасы по большей части в керамическую тару — амфоры и пифосы¹ (рис. 102). В архаическое время объем пифосов достигал 70—80 литров, а позже эти огромные глиняные бочки высотой до полутора метров иногда вмещали около 1000 литров. Но тогда они служили не для домашних, а для торговых целей. Амфоры объемом 10-30 литров и высотой от 50 см до 1 м находились в каждом доме (рис. 93, 94). Недаром их обломки в Ольвии составляют более 80% керамических находок. Форма амфор, имеющих заостряющееся дно, рассчитана на удобство складывания их при перевозках, а во дворах и хозяйственных помещениях пифосы и амфоры закапывали в землю; в таком положении их неоднократно находили в Ольвии. В этих сосудах греки хранили вино и масло, зерно и соленую рыбу. Наряду с керамической тарой эллины использовали в своем хозяйстве деревянные лари и бочки, а также кожаные бурдюки, о чем известно главным образом по изображениям на предметах искусства и описаниям античных авторов.

К первоочередным запасам греки относили зерно для хлеба и каш, рыбу и сыр, затем оливковое масло, мед и вино и, наконец, овощи и фрукты².

Предварительно просушив зерно в специальных печах, ольвиополиты закладывали его на длительное хранение в грушевидные ямы с обожжен-

¹ Подробно о местных и привозных амфорах и пифосах см. в книге: *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981.

² *Glover T. R.* The Challenge of the Greek and Other Essays. New-York, 1942. P. 92.

ными стенками. Такие ямы часто находят на хоре Ольвии³. Палеоботаническими исследованиями установлено, что ольвиополиты выращивали на своих землях несколько сортов пшеницы, ячменя и проса, а также горох и чечевицу⁴. О других культурах можно говорить более или менее уверенно на основании аналогий. Вероятно, здесь возделывали и традиционные для греков бобы и гречиху, известные по находкам в Херсонесе и на Боспоре⁵, а также лук и чеснок. Косвенно о двух последних свидетельствует упоминание Геродота (IV, 17) о том, что их разводят в землях алазонов и каллипидов, граничивших с Ольвийским государством. Наверное, ольвиополиты сажали также широко распространенные в метрополии свеклу, репу, капусту, спаржу и сельдерей. Климат Северного Причерноморья вполне подходил для этих культур, как и для бахчевых растений — огурцов, арбузов и дынь. Их косточки встречаются в античных слоях Херсонеса⁶, а реалистическое изображение дыни сохранилось на вазе III в., расписанной ольвийским художником⁷.

Греки издавна занимались садоводством, которое развивалось и в колониях. Один из боспорских городов даже имел наименование Сады (Кепы). О садоводстве в Северном Причерноморье писал Феофраст (Hist. Plant. IV, 5, 3); он отметил хорошие сорта боспорских яблок и груш и достижение боспорян в акклиматизации гранатов и смоквы. К этому перечню фруктов надо добавить алычу, косточки которой найдены в Мирмекии и Тиритаке⁸. В Ольвии по климатическим условиям вряд ли могли выращивать гранаты и смоквы, но яблоки, груши и сливы ольвиополиты получали из собственных садов, как и современное население Нижнего Побужья. В пользу этого свидетельствуют находки на хоре Ольвии коры груш и многочисленные специально подготовленные ямы для плодовых деревьев⁹. Выращенные фрукты и овощи закладывали свежими в погреба или сушили.

Во всех государствах Эллады культивировали виноград для еды и для изготовления вина. Однако в Ольвии теплолюбивые средиземноморские сорта приживались с большим трудом, чем в других северопричерномор-

³ *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 72.

⁴ Там же. С. 71; *Пашкевич Г. А.* Растительные остатки из памятников Ольвийской хоры // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов. Парутино, 1985. С. 65.

⁵ *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья, М., 1986. С. 155.

⁶ *Стрелецкий С. Ф.* Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Симферополь, 1961. С. 86.

⁷ *Зайцева К. И.* Расписная курильница-урна из Ольвии // СА. 1970. № 3. С. 109. Рис. 1.

⁸ *Флексбергер К.* Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю // КСИИМК. 1940. № 8. С. 118.

⁹ *Крыжицкий С. Д.* и др. Указ. соч. С. 73-74, 137.

ских колониях, таких, как Херсонес и Боспор с их более теплым климатом. Древнейшее свидетельство о винограде на хоре Ольвии относится к эллинистическому периоду: его косточки обнаружены на поселении Закисова балка. Сначала ольвиополитам удавалось выращивать небольшое количество виноградных лоз на специально защищенных участках, а в первые века нашей эры виноград настолько хорошо акклиматизировался, что из него стали изготавливать большие партии вина, о чем свидетельствуют остатки виноделен¹⁰. Сообщение Диона Христора (XXXVI, 25) о товарах, ввозившихся в Ольвию, и находки импортной керамической тары показывают, что местное вино никогда полностью не вытесняло привозного.

Наряду с собственными фруктами, ольвиополиты, вероятно, получали из других городов любимые всеми греками изюм и инжир, каштаны, грецкие и миндальные орехи и, а также в небольших количествах дорогие сорта свежих средиземноморских яблок, груш и других фруктов. Ведь в античности их умели хранить долгое время и доставляли к столу богатых людей из разных частей греческой ойкумены¹².

Земли Ольвийского полиса располагались по берегам Гипаниса, богатого рыбой; множество рыбы водилось в устье Борисфена, сливавшегося с Гипанисом несколько ниже Ольвии. Геродот специально описал в своей «Истории» (IV, 53) добываемых в Борисфене осетровых рыб, удивительных для обитателей Средиземноморья своей величиной и вкусом. Частые находки рыболовных снастей, а также большое количество рыбных костей, чешуи, ракушек устриц и мидий показывают, что ольвиополиты ловили много рыбы и моллюсков¹³. Видовой состав промысловых рыб состоял из пяти семейств: осетровые (белуга, стерлядь, осетр, севрюга), щука, карповые (плотва, лещ, вырезуб, чехонь, сазан), сом и окуневые (судак, окунь). При подсчете костных остатков установлено, что жители Ольвии ели больше всего сомов, судаков и осетров. Кости мелких рыб плохо сохраняются, поэтому доля потребления этих рыб (например, чехони) была, наверное, более значительной, чем можно определить по археологическим находкам¹⁴.

Размеры рыб в древности отличались от современных. Например, плотва, сазан и щука были крупнее. Сравнительно небольшой размер древних осетров объясняется тем, что в новое время в Днепре водился

¹⁰ Там же. С. 74; *Кривина В. В., Кудренко А. И.* Винодельни первых веков нашей эры в Ольвии // *Античная культура в первые века нашей эры.* Киев, 1986. С. 52-64.

¹¹ В одной из пантикапейских гробниц были положены лакомства: каштаны, лесные и миндальные орехи, арбузы и дыни: ОАК за 1882 г. С. XI.

¹² *Glover T. R.* Op. cit. P. 100, 139.

¹³ *Бібікова В. І.* Фауна Ольвії та її периферії за матеріалами розкопок 1935-1948 рр. // АП УРСР. 1958. Т. 7. С. 153.

¹⁴ *Житнева Л. Д.* Промысловые рыбы древней Ольвии // *Зоологический журнал.* 1967. Т. 46. Вып. 1. С. 90-102.

проходной осетр, а в античности в Гипанисе, Борисфене и других реках Северного Причерноморья обитал жилой осетр, который отличался от первого более медленным темпом роста и меньшими размерами¹⁵.

Живая рыба в Ольвии имела круглый год, но больше всего — в весенне-осенний период. В зависимости от времени года ели различные сорта рыбы. Например, летом — сома, а судака — в конце весны-начале лета¹⁶. Как и теперь, мелкую рыбу было несложно поймать на удочку, добыча же крупной рыбы, в первую очередь, осетровых, требовала специальных снастей и осуществлялась профессиональными рыбаками. Из остатков рыболовных снастей в Ольвии часто находят металлические крючки и керамические грузила, которые привязывали к сетям¹⁷.

Рыбу заготавливали в соленом, копченом, сушеном и вяленом виде. Ее солили в амфорах и пифосах, на дне которых иногда сохраняются остатки чешуи, коптили в особых ямах и печах, открытых на ольвийской хоре¹⁸.

Находки костей домашних и диких животных и птиц позволяют заключить, что жители Ольвии употребляли в пищу разнообразные сорта мяса и яйца. Они готовили мясные блюда из говядины, баранины, козлятины, свинины, мяса оленя, зайца, кабана, сайги, косули, кулана, лося, зубра, тура, кур, домашних и диких гусей, уток, перепелов и куропаток. Чаще всего ели мясо домашнего крупного и мелкого рогатого скота, гораздо реже свинину и домашних птиц и совсем мало дичи¹⁹.

По аналогии с пищей других греков и находками в Ольвии множества костей коров, овец и коз, можно заключить, что ольвиополиты пили молоко и делали из него разные сыры. Известно, что эллины предпочитали пить козье молоко, а сыр по преимуществу готовили из овечьего. Греческие писатели подробно описали приготовление гиппаки, особого сыра из козьего молока (Her. IV, 2; Ps. Hipp. De aere. 18; Aristoph. fr. 198; Theopomp. Hist. 48; Theophr. Hist. plant. IX, 13, 2). Сведения об этом были получены от северопричерноморских греков. Зная о постоянных контактах ольвиополитов со скифами и располагая сведениями о достаточно большом количестве конских костей в слоях Ольвии и ее хоры, можно допустить, что ольвиополиты научились у своих соседей изготавливать этот очень питательный продукт.

¹⁵ *Житнева Л. Д.* Промысловые рыбы древней Ольвии // *Зоологический журнал.* 1967. Т. 46. Вып. 1. С. 99.

¹⁶ *Цепкин Е. А.* Новые материалы по истории рыбного промысла в Танаисе // *КСИА.* 1970. № 124. С. 117.

¹⁷ *Крыжицкий С. Д.* и др. Указ. соч. С. 138.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Бібікова В. І.* Указ. соч. С. 154-155; *Топачевський В. О.* Фауна Ольвії // *Збірник праць Зоологічного музею.* Київ, 1956. № 27. С. 71-78; *Войтвенський М. А.* Орнітофауна Ольвії // *АП УРСР.* 1958. Т. 7. С. 156-158; *Журавльов О. П.* Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані // *Археологія.* 1983. № 42. С. 80-85.

Греки и римляне употребляли в пищу исключительно растительное масло, а коровье использовалось только в медицинских целях. Масло выжимали из плодов оливкового дерева. В Северном Причерноморье климат для культурных оливок оказался слишком суров, и масло приходилось ввозить из Эллады. Среди местных растений для получения масла подходила конопля. Производство конопляного масла в греческих полисах Северного Причерноморья можно предположить лишь теоретически: трудно думать, что импортное масло покупали беднейшие слои населения. Кроме пищи, масло использовалось в светильниках для освещения жилища, поэтому потребность в нем была очень велика.

Соль у греков играла роль приправы к еде, а также была надежным средством для консервирования главным образом рыбы. Ольвиополиты добывали ее в неограниченном количестве недалеко от своего города в устье Борисфена, где, по словам Геродота (IV, 58), «сами собой отлагаются огромные запасы соли». Она шла на местные нужды и вывозилась к скифам и грекам других понтийских полисов (Dio Chrys. XXXVI, 3). Наряду с солью, в качестве приправы к пище греки употребляли виноградный уксус и всевозможные душистые растения, особенно тмин и шалфей (Aristoph. Thesm. 4486). Вероятно, уксус, пряные сушеные травы и семена в Ольвию частично привозили, частично производили на месте.

Мед, единственный в античности сладкий продукт, получали от пчел, специально разводимых в ульях, и от диких; последних много водилось в окрестностях Ольвии. Со слов фракийцев Геродот (V, 10) писал об обилии пчел в странах за Истром, а Павсаний (I, 32, 1) сообщил, что в землях соседей Ольвии алазонов находятся самые лучшие луга для пчел. Греки ели на десерт мед в сотах (Xenophon. fr. 1) и добавляли его во всевозможные печения.

Ежедневная еда эллинов была по преимуществу вегетарианской, ее основу составляли хлеб и каши. Недаром греки делили пищу на две категории: *σίτος* — изделия из муки и *οἶνον* — то, что с ними ели. Весьма трудоемкое приготовление хлеба и каши входило в домашние обязанности женщин. Они выполняли вручную все процессы переработки зерна в муку и крупу. Хотя первые общественные пекарни появились в Афинах в V в., они никогда не удовлетворяли полностью потребностей населения. Домашнее изготовление муки стало экономически невыгодным лишь после широкого распространения водяных и ветряных мельниц²⁰. Древнейшее упоминание о водяной мельнице относится к I в. до нашей эры (Strab. XII, 556), а ветряная мельница появилась лишь в средневековье.

Остатки пекарен в Ольвии относятся к первым векам нашей эры. Может быть, муку для них мололи на больших роторных мельницах, вращавшихся силой животных. Такие мельницы известны в античном мире с рубежа V-IV вв., но в Ольвии они не обнаружены. Многочисленные наход-

²⁰ Moritz L. A. Grain-mills and Flour in Classical Antiquity. Oxford, 1958. P. 35; Sparkes B. A. The Greek Kitchen // JHS. 1962. № 82. P. 121-137.

ки каменных ступок, зернотерок и примитивных мельниц указывают на домашнее производство муки и круп в семьях ольвиополитов (рис. 53).

Зерна пшеницы и ячменя перед помолом обмолачивали пестами в ступе. Судя по изображениям, этим занимались одновременно две женщины; они стояли перед высокой ступой друг против друга и попеременно ударили длинными пестами²¹. Узкие высокие ступы и песты были главным образом деревянными, поскольку из дерева легче всего вырезать сосуд, не трескающийся при ударах песта; реже ступы изготовляли из камня, но именно они сохраняются в земле и обнаруживаются при раскопках, в том числе и в Ольвии²². Кроме зерен, в таких ступах толкли горох, бобы, сушеную рыбу. Эту тяжелую работу, так же, как и размалывание зерна, обычно поручали рабыням, о чем неоднократно упоминается в античной литературе. Например, царица Поликсена в трагедии Еврипида «Гекуба» (ст. 361) предвидит, что после падения Трои ее продадут в рабство и ей придется молоть зерно. В стихах, вложенных в уста Поликсены, отразились не только обычаи отдаленной эпохи Троянской войны, но и практика времени поэта.

Зерна, очищенные от шелухи в ступе, размалывали, стоя на коленях, с помощью ручной мельницы. Она состояла из двух прямоугольных каменной абразивной вулканической породы, один лежал на земле, а другим растирали зерно. Мука выходила грубой, поэтому для получения более высоких сортов ее пропускали через мельницу два-три раза. Кроме того, муку неоднократно просеивали через сита разной частоты, отделяя высевки и отруби. Из хороших сортов зерна получалась очень тонкая белая мука, но отходы составляли до 75% от веса зерна. Эта очень дорогая мука использовалась для выпечки кондитерских изделий, изысканных сортов хлеба и пирогов. Повседневная еда готовилась из муки грубых сортов, которая, как показали современные исследования, более питательна и содержит очень важную для человека группу витаминов B²³.

Тесто для хлеба и пирогов месили и формировали на круглом или овальном лотке или столике. Хлеб из дрожжевого и бездрожжевого теста пекли в небольших керамических переносных духовках, топившихся древесным углем. Летом духовку ставили во внутреннем дворике, зимой в доме, чтобы она обогревала комнату.

На хлеб и пироги шла главным образом пшеничная, реже ячменная мука. Ячменный хлеб уже в VI в. считался хлебом для рабов (Athen. VII, 34 b). Такой хлеб гораздо хуже пшеничного, потому что ячмень можно обмолотить только после нагревания, которое нарушает клейковинное содержание зерна и делает его непригодным для дрожжевого хлеба²⁴. Поэтому из ячменя больше всего готовили особую кашу, называемую *μάζα*. Она составляла основную пищу бедняков в Средиземноморье и, вероят-

²¹ Moritz L. A. Op. cit. P. 27.

²² Крыжицкый С. Д. и др. Указ. соч. С. 137.

²³ Moritz L. A. Op. cit. P. 155.

²⁴ Ibidem. P. 21.

но, также в колониях Северного Причерноморья. Ее варили на воде или молоке, добавляя масло, а иногда вино.

Для варки пищи использовали керамические кастрюли с крышками, а для жарения — сковороды; те и другие постоянно попадают при раскопках Ольвии (рис. 95.3). Готовили в основном на жаровнях (рис. 96), реже на стационарных печах и очагах. Ольвийские жаровни разных видов всегда отличаются небольшими размерами. Например, бочковидная, очевидно, привезенная из Аттики, жаровня высотой 50 см и диаметром 30 см или местная лепная жаровня длиной 60 см, шириной 45 см и высотой 25 см²⁵.

Кухонная посуда изготовлялась из грубой глины и имела толстые дно и стенки. Они обычно покрыты черным слоем копоти, так как готовили на открытом огне. Сковороды с плоским дном ставили на под печи или на очаг с пережженными углями. Кастрюли, имевшие, как правило, круглое дно, подвешивались на столбиках над очагом, либо устанавливались на треножниках или специальных жаровнях. Горловина кастрюль имела закраину для плотного прилегания крышки; по бокам выступали небольшие ручки, керамические или деревянные, последние вставлялись в особые отверстия. В стенки кастрюль нередко вделана небольшая трубка для выхода пара во время варки. Формы кастрюль, как и прочей кухонной посуды, мало менялись на протяжении целых столетий; местные отличаются от привозных лишь составом глины²⁶. В отличие от шероховатой поверхности кастрюль наружные стенки кухонных горшков и мисок нередко полированы, а венчики украшены орнаментом, вероятно, потому, что их использовали не только на кухне, но и для подачи на стол во время ежедневной еды.

Стол у греков сервировался в основном керамической посудой, изготовленной на гончарном круге, а в богатых домах также бронзовой, серебряной и даже позолоченной. В Ольвии найдены фрагменты крупных бронзовых сосудов, несколько бронзовых киафов (черпаков) и ситечек для процеживания вина²⁷ (рис. 97). Среди немногих ольвийских серебряных кубков и чаш отметим два хорошо сохранившихся канфара II в., украшенных гирляндами виноградных листьев²⁸. Малое количество подобных на-

²⁵ Козуб Ю. И. Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. № 29. С. 14-15; Русаева А. С., Сазонова Н. Г. Керамічний комплекс архаїчного часу з Ольвії // Археологія. 1986. № 55. С. 61.

²⁶ Лейпунская Н. А. Кухонная керамика; Марченко К. К. Лепная керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 79-82, 104-115.

²⁷ Билимович З. А. Этруссские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 33; Скржинская М. В. Металлическая посуда // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. С. 116-117.

²⁸ Штерн Э. Р. Могильная находка в Ольвии в 1891 г. // ЗООИД. 1907. Т. 27. С. 91-92. Вместе с двумя канфарами в этой богатой могиле находилось также серебряное сито для процеживания вина. Маленькая серебряная чаша упоминается в Отчете Б. В. Фармаковского о раскопках в Ольвии (ОАК за 1912 г. С. 34).

ходок объясняется не только их небольшим числом в парадном сервизе ольвиополитов, но и тем, что вышедшие из употребления металлические изделия отдавали в переплавку, а керамические выбрасывали. Поэтому керамическая посуда хорошо сохранилась до наших дней, правда, обычно в обломках, но, зная формы греческих сосудов, нетрудно восстановить их первоначальный вид.

К особенностям сервиза греков Северного Причерноморья следует отнести достаточно широкое использование лепной посуды. В ее орнаментации присутствуют мотивы, типичные для изделий местных племен²⁹. В набор ежедневной столовой посуды ольвиополитов входили лепные миски, кувшины и кубки, но их количество значительно уступало кружальной (т. е. изготовленной на гончарном круге) керамике. Наряду с привозной кружальной посудой уже в архаическое время появилась местная, сделанная по образцам из метрополии³⁰. Простые столовые сосуды имели различные оттенки красного и серого цвета. В ежедневном обиходе больше всего употреблялись всевозможные миски, реже — плоские тарелки и блюда, а питье наливали в разнообразные кувшины. Кувшин для вина (ойнохоя) имел горло трехлепестковой формы (рис. 95).

В первые десятилетия жизни греков в Нижнем Побужье чаще всего пользовались столовой посудой, украшенной полосами красного лака. Ее привозили из Ионии и, возможно, колонисты стали частично сами производить подобные сосуды³¹. Со второй половины VI в. массовую ионийскую керамику начала вытеснять аттическая, а в V-IV вв. она заполнила весь импортный рынок ольвийской столовой посуды.

Во время праздничного застолья полагалось три перемены блюд; сначала хлеб, сыр, овощные, мясные или рыбные кушанья, затем десерт и, наконец, вино. Соответственно менялась и сервировка стола. Первые и вторые блюда ели из мисок и тарелок, соль, приправы и соусы ставили в специальных маленьких сосудиках; хлеб, свежие и сушеные овощи и фрукты клали прямо на стол.

Для рыбных кушаний существовали специальные блюда с углублением посередине. Его наполняли соусом, приготовленным дома или купленным на рынке. Наиболее распространенными были два соуса: дешевый 'άλιψι и более дорогой ύρός. Первый состоял из внутренностей, крови и жабр тунцов, а второй делали из жирного мяса таких рыб, как скумбрия и султанка, и добавляли в него праную ароматическую соль. Гастрономы в Греции особенно ценили соусы из рыб, пойманных в Понте Евксинском³².

²⁹ Марченко К. К. Указ. соч. С. 115-116.

³⁰ Крапивина В. В. Указ. соч. С. 71.

³¹ Корпусова В. Н. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987. С. 43.

³² Семенов-Зусер С. А. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947. С. 26-27.

Сосуды разнообразных форм предназначались для вина; в одних (обычно амфорах) его хранили и перевозили, в других смешивали с водой, из третьих пили. В VI-V вв. вино в Ольвию привозили с островов Хиос, Самос, Фасос и Лесбос, затем с Родоса, из Гераклеи, Херсонеса и Синопы. Амфоры каждого центра имели свою особую форму (рис. 98) и часто клеймо на ручке (рис. 99, 100), поэтому, когда вносили нераспечатанную амфору, хозяин мог продемонстрировать гостям, каким вином он будет их угощать.

Из амфор вино доставали черпаками — киафами (рис. 101), а так как в античности вино имело сильный осадок, его процеживали через металлическое (рис. 97), реже керамическое сито. Керамические киафы имели высокую петлеобразную ручку, а металлические — длинную и тонкую, с крючком на конце. В ольвийских находках VI-V вв. он часто имеет форму головы лебедя или утки. За этот крючок металлические киафы подвешивали к горлу амфоры. В таком положении они обнаружены в некоторых ольвийских погребениях³³.

Во время ежедневной трапезы вино разбавляли водой в кувшинах, а для гостей вино из амфоры переливали в большой открытый сосуд (кратер, реже динос или стамнос) и добавляли к нему в определенной пропорции воду из кувшинов или специальных сосудов для воды — гидрий. Если вино хотели пить охлажденным, то в кратер ставили психтер — сосуд, заполненный льдом, снегом или холодной ключевой водой. Разведенное вино переливали в ойнохои, пелики, ольпы или в небольшие амфоры, а затем разливали гостям в кубки, имевшие обычно две ручки и невысокую ножку. Их различные виды назывались киликами, канфарами и скифосами. Реже пили из ритонов, роговых, металлических или керамических. Форма последних имитировала рог; его конец часто оформлялся в виде головы животного. Все названные виды сосудов для вина имеются в коллекции ольвийских археологических находок (рис. 102).

В богатых домах во время застолья смешиванием и разливом вина занимался специальный виночерпий, его функции обычно выполнял мальчик или юноша. Это отразилось в греческих мифах о прекрасном юноше Ганимеди, которого Зевс похитил с земли и поставил виночерпием на пирах олимпийских богов. Присутствие виночерпия во время пиров в Ольвии подтверждается изображением мальчика-виночерпия, стоящего около кратера на стеле ситонов. Здесь же мы видим ритон в руке пирующего бога (рис. 24).

Древнейшая парадная посуда ольвиополитов расписана в так называемом ориентализирующем стиле: по фону кремового цвета разжиженной коричневой глиной, иногда с добавлением белой и пурпурной красок. Ее привозили из городов Ионии, островной Греции, а также из Коринфа.

С середины VI в. Афины стали активно завоевывать рынок керамики во всей греческой ойкумене и в том числе в Северном Причерноморье.

Аттические мастера изменили цветовую гамму столовой керамики, делая ее либо полностью покрытой черным лаком (рис. 103), либо частично расписывая сосуд в своеобразном чернофигурном, а с конца VI в. — краснофигурном стиле. Ионийские и коринфские художники редко рисовали людей, предпочитая им растительные орнаменты и изображения животных. Аттические же вазописцы на первый план выдвинули композиции с участием богов и героев, они стали изображать также сцены из повседневной жизни. Археологические материалы свидетельствуют, что в V-IV вв. чернолаковая и расписная аттическая керамика имела в парадном сервизе почти каждой ольвийской семьи.

К концу IV в. снова резко изменилась мода украшения столовой керамики, и это также хорошо видно по ольвийским находкам. Исчезли сложные фигурные композиции, изменилась техника росписи: по темному, обычно коричневому фону глазури наносился орнамент разжиженной желтой глиной и белой краской. В III в. такие росписи выполняли мастера в разных концах греческой ойкумены, и их произведения появляются в сервизе ольвиополитов. Модными становятся керамические так называемые мегарские чашки с рельефами, изображающими различные орнаменты (рис. 104), а иногда жанровые сцены. Украшения этих сосудов повторяют рельефы на дорожной металлической посуде.

На многих вазах по светлому фону наносились росписи красной или коричневой красками. В такой технике в III-II вв. работали и ольвийские художники. В сервизе ольвиополитов появились тогда местные кувшины, амфоры, ойнохои с гирляндами листьев, геометрическими орнаментами и лентами³⁴. Таким образом, парадный сервиз в ольвийских семьях сначала состоял из привозных сосудов, а затем стал пополняться изделиями местных мастеров. Они же, начиная с V в., в значительной мере завоевали рынок кухонной и повседневной посуды.

Повседневная еда греков была умеренной, простой и главным образом вегетарианской³⁵. Эллинисты врачи и философы издавна считали умеренность в пище залогом здоровья (Plat. Resp. 408 b; Hippocr. Regimen. III, 68), поэтому люди, даже не стесненные в средствах, ограничивались небольшим количеством еды. Недаром, на взгляд персов, греки прекращали есть, оставаясь голодными (Her. I, 133). Это правило имело, конечно, и исключения; гурманы и даже знаменитые обжоры описаны в античной литературе (Ael. Var. hist. I, 27; Athen. VIII).

Греки ели два или три раза в день, утром, днем и вечером, или только утром и вечером, причем основная еда приходилась на вечер³⁶. Утром насыщались хлебом, размоченным в вине, либо кашей из ячменя, главной пищей бедняков. Второй завтрак в полдень также состоял из какого-ни-

³⁴ *Зайцева К. И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 101-106.

³⁵ *Forbes R. J.* Studies in Ancient Technology. Leiden, 1955. Т. 3. P. 97.

³⁶ *Випничук Л.* Люди, нравы, обычаи древней Греции и Рима. М., 1988. С. 252.

³³ *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V-IV ст. до н. э. Київ, 1974. С. 151; *Скржинская М. В.* Указ. соч. С. 117.

будь одного блюда. Часто граждане, занимаясь в городе всякого рода общественными и частными делами, закусывали прямо на агоре, где покупали всевозможные выпечные изделия, сыр, овощи и фрукты.

Основную пищу принимали вечером, во время, когда вся семья собиралась вместе после трудового дня. Тогда ели горячие и холодные блюда: любимый простым народом гороховый или чечевичный суп с клецками, всевозможные кровяные колбасы с добавлением крупы, сала и чеснока, вареную и жареную рыбу, овощи с различными соусами. Мясо, и особенно дичь, подавали, как правило, лишь за праздничным столом. Для укрепления здоровья готовили своеобразное блюдо кикеон, составленное из смеси вина, меда, ячменной крупы и тертого сыра (Ном. Од. X, 235, 16; Plat. Resp. 408 b; Aristoph. Pax 712; Theophr. Char. 4, 1). Все блюда ели с хлебом разных сортов. Бездрожжевые сорта имели форму продолговатых лепешек, а дрожжевые напоминали современный круглый хлеб.

Пища бедняков была скудной и сплошь вегетарианской. Недаром Плиний (NH XIX, 52) назвал огород «рынком бедняка». Дешевый хлеб из ячменной или пшеничной муки грубого помола был, как говорилось выше, наиболее сытным и питательным, но, конечно, не самым вкусным. Грустная картина жизни впроголодь отразилась в эпиграмме эллинистического поэта Леонида Тарентского (AP VI, 392; VII, 736):

*Прочь из лачуги моей убегайте, подпольные мыши!
Вас не прокормит пустой ларь Леонида. Старик
Рад, коли есть только соль у него да два хлебца ячменных, —
Этим довольными быть нас приучали отцы.*

Перевод Л. Блуменау

Кроме воды, греки пили вино и молоко, обычно козье. Вина различали по цвету, крепости, сладости и легкости, в зависимости от чего оценивалось их влияние на здоровье человека (Hippocr. Regimen. II, 52) и определялось, как следует разбавлять водой. В некоторые вина греки добавляли смолу, морскую воду, мед и пряности. Любили пить молодое вино, но особенно ценилось старое.

Греки справляли много разных домашних празднеств, сопровождавшихся приемом ритуальной еды и угощением гостей праздничным обедом. Во время религиозных церемоний клали на жертвенник печения, фрукты и овощи, совершали возлияния вином, молоком, медом. Божеству посвящали определенные части животных, чаще всего внутренности, которые сжигали на жертвеннике, но значительная часть туши оставалась жертвователям, и они ели ее, как бы разделяя трапезу с богом. Поэтому на праздничном столе после жертвоприношений появлялись блюда из мяса мелкого домашнего скота, реже — крупного. Два ольвийских рельефа со сценами жертвоприношения изображают жертвенных животных: барана и кабана.

Кулинарное искусство греков в эпоху эллинизма стало весьма изощренным. О всевозможных замысловатых блюдах вскользь упоминают многие древние авторы, из сочинений которых мы узнаем, что существовали

целые кулинарные энциклопедии, нередко написанные в стихах для лучшего запоминания. Сохранились лишь два произведения с подробными рецептами многих блюд и перечислением разнообразных сортов хлеба, пирогов, пирожных, овощей, фруктов и т. п. Хотя оба труда — «Словарь» Поллукса и «Пирующие софисты» Афиная — написаны в римское время, в них немало ссылок на источники классического и эллинистического периодов.

Насколько сложно готовили праздничные блюда, можно представить на примере такого рецепта, записанного Поллуксом: «Смешай молоко с топленым салом и крупой, добавь свежего сыра, яичных желтков и мозгов, заверни рыбу в душистый лист фигового дерева и вари в бульоне из кур или молодого козленка, затем вынь, сними лист и положи готовое кушанье в сосуд с кипящим медом». Это блюдо было широко известно с V в.; о нем говорит повар в фрагменте утраченной комедии Сотада, и сходный рецепт упомянут в сохранившихся к «Птицам» Аристофана. В Ольвии имелись все перечисленные продукты, за исключением листа фигового дерева, который можно легко заменить иным душистым растением.

Вероятно, богатые ольвиополиты устраивали пиры с изысканными блюдами, которые готовили специально нанятые повара. Ведь в античной литературе описывается, как на агоре нанимается повар для приготовления праздничного обеда. Его нетрудно представить в роскошных ольвийских андронах с мозаичными полами, описанных в главе «Жилые дома».

Несмотря на то, что Ольвию окружали плодородные земли, в городе случались кризисы с продовольствием. Их вызывали засухи, набеги варваров и другие причины. О жестоком голоде в городе говорится в декрете Протогена. Для борьбы с голодом в греческих полисах государство закупало хлеб и перепродавало его населению по твердым и умеренным ценам. Это называлось ситонией. В голодный год Протоген одолжил на нее деньги и продал хлеб на льготных условиях. Организация ситонии возлагалась на магистратов, ведавших городским продовольствием. В исключительно трудные годы избиралась коллегия ситонов. Такое случилось в Ольвии в III в., когда ольвиополиты создали постоянную коллегия из пяти ситонов. После успешного выполнения своих обязанностей ситоны посвятили мраморный рельеф Герою Внемлющему, на котором поместили собственное изображение рядом с Героем и его супругой (рис. 24).

В экстраординарных случаях греки организовывали ситометрию — бесплатную раздачу хлебных рационов. В Ольвии, как свидетельствует декрет в честь Антестерия, их получали лишь неимущие граждане. По аналогии с другими греческими полисами, можно думать, что в Ольвии деньги на ситометрию собирали из добровольных пожертвований состоятельных граждан и выделяли из государственной казны, когда она не была пуста³⁷.

³⁷ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. М., 1989. С. 204-206.

В заключение выделим некоторые особенности пищи ольвиополитов. Вероятно, они ели больше пшеничного хлеба, чем в Элладе, где пшеница росла гораздо хуже в сравнении с Северным Причерноморьем. Поэтому лучший хлеб оказался шире доступен небогатым гражданам, которые в Греции потребляли больше ячменного хлеба и каш. Ольвиополиты пили меньше вина, чем в метрополии, потому что оно было привозным вплоть до первых веков нашей эры. По той же причине более ограниченно, в сравнении с Элладой, в Ольвии употребляли оливковое масло.

Рыбный стол ольвиополитов был очень разнообразен. Здесь реже, чем в приморских городах, ели моллюсков, но всевозможная рыба в изобилии поступала в пищу самых широких слоев населения. Сорта рыбы были иными, чем в метрополии, ибо в Средиземноморье добывали преимущественно морскую рыбу, а в Нижнем Побужье — речную. Морская же также отличалась из-за разницы фауны Черного и Средиземного морей. Рыбная пища ольвиополитов имела свои особенности и по сравнению с другими греческими полисами Северного Причерноморья. На восточном побережье Крыма ловили главным образом сельдь, хамсу и султанку, на западном — кефаль, морского карася и камбалу. В Ольвии же первые места занимали сом, судак и осетр, которые у жителей Боспора также играли заметную, но не основную роль³⁸.

Мясная и молочная пища ольвиополитов, по-видимому, мало отличалась от того, что ели в Греции, во всяком случае, виды мясо-молочного скота были идентичными. Набор овощей и фруктов в Нижнем Побужье уступал метрополии в разнообразии из-за климатических условий.

В общем ольвиополиты имели в достатке почти все привычные грекам продукты питания, а посуда, в которой их готовили и ели, за исключением лепной, была такой же, как и у прочих эллинов.



³⁸ *Лебедев В. Д., Лавин Ю. Е.* К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // МИА. № 33. 1954. С. 213.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сведения, добытые многолетним трудом археологов и историков, мы рассмотрели в комплексе как источник о повседневной жизни Ольвии. Благодаря этому впервые удалось написать законченные очерки об ольвийском суде, о воспитании и образовании детей, об обязанностях, работе и досуге мужчин и женщин, об их внешнем виде, одежде, украшениях, косметике, пище, о роли музыки в жизни ольвиополитов. В главах же, темы которых подробно разработаны в научной литературе, не только обобщены накопленные знания, но сделаны попытки по-новому истолковать существующие источники. Например, из широко известных ольвийских декретов Каноба и Протогена извлечены сведения об ольвийских трапезитах; объяснено, что камень, на котором ольвийский закон обязывал производить обмен денег, был пробирным, а не представлял собой какую-то трибуну, как считалось прежде. До сих пор ученые упоминали о двух ольвийских рынках: на агоре и рыбном у реки, не замечая редчайшее эпиграфическое свидетельство о действе — рынке оптовых товаров.

Древняя, средневековая и до недавнего времени даже новейшая художественная и научная литература ничтожно мало описывала повседневную жизнь людей. Однако теперь ученые уверены, что без учета ее, казалось, мелочей нельзя полностью понять и описать историю того или иного народа¹.

В этой книге рассказано о буднях и праздниках небольшого провинциального древнегреческого города. Его история раскрывается в основном путем исследования археологических находок, то есть тех вещей, которые сопутствовали повседневной жизни. Они позволяют воссоздать быт, обычаи и нравы населения Ольвии, как будто полностью исчезнувшей много столетий назад. Но археологические памятники наглядно доказывают, что вещи имеют память; это как бы записки, не всегда внятные, переданные нам из прошлого, и язык их не менее выразителен, чем письменный.

Для того, чтобы ольвийские находки заговорили, понадобилось сопоставлять их со всем, что известно вообще об античной истории, культуре,

¹ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С.13.

литературе и искусстве. Тогда небольшой бронзовый кружок со стержнем поведаёт об ольвийском судопроизводстве, фрагменты архитектурных деталей и остатки фундаментов позволят воссоздать жилые дома, храмы и общественные здания, мраморная капитель предстанет частью высокого памятника, увенчанного треножником, а груда черепков сложится в столовый сервиз, и т. п.

В Ольвии, как и во всяком греческом полисе, население разделялось на граждан, неполноправных свободных людей и рабов. И хотя первые составляли меньшую часть горожан, именно об их жизни нам известно более всего. О них повествуют почти все письменные и эпиграфические памятники. Мужчины-граждане определяли важнейшие вопросы политики и экономики, они решали, какие храмы и общественные сооружения следует построить в городе, каких мастеров пригласить для осуществления этих планов, с какими городами и племенами вступать в политические и экономические взаимосвязи. В повседневной жизни они определяли стиль поведения, моду на одежду, убранство дома и др.

Ольвия была их единственным родным городом. Здесь они ощущали себя хозяевами собственной жизни, потому что только на родине жизнь и свободу эллина защищали наследственные права гражданства и законы, здесь жили родственники и друзья, здесь гражданин мог стать деятельным членом своего государства. Грек чувствовал и понимал, что вне своего полиса трудно жить, там можно лишь бывать. Ведь на чужбине он оказывался второсортным членом общества, лишенным большинства прав и привилегий, предоставляемых гражданам полиса. Поэтому изгнание эллина из его города становилось тяжелейшим наказанием.

Мечтой метеков, вынужденных поселиться в чужом городе, было стать полноправными гражданами. Иногда это удавалось: они получали гражданство за особые заслуги перед полисом или в чрезвычайных обстоятельствах, когда государству требовалось увеличить число граждан, как это случилось в Ольвии во время осады Зопириона. В своей повседневной жизни метеки ориентировались на быт и обычаи граждан. Состоятельный метек учил сыновей в школе, ел, одевался и обставлял свое жилище не хуже гражданина такого же достатка.

Повседневная жизнь рабов не оставила в археологических находках каких-либо особых примет. Разнородные по этническому составу, они в силу своего сугубо зависимого положения не могли создавать какой-то особой культуры, а само их существование в Ольвии засвидетельствовано считанными упоминаниями письменных и эпиграфических источников.

В состав населения Ольвии, наряду с эллинами, входили выходцы из местных племен. Судя по именам, некоторые, особенно в римское время, вливались в гражданскую общину, усваивая греческий язык и бытовую культуру ольвиополитов. В коллекции ольвийских находок лишь эпизодически встречаются предметы, не характерные для эллинов. Поэтому в Ольвии нельзя выделить быт какой-либо иной этнической группы, кроме греков. В связи с этим стоит вспомнить слова из «Панегирика» Исократы

(гл. 50): «Эллинами скорее называли тех, кто причастен к греческой образованности, нежели тех, кто общего с ними происхождения».

Ольвиополиты были открыты для общения и с греками, и с местными племенами, но в культурном и бытовом плане ориентировались исключительно на своих соплеменников. Ольвия обладала всеми необходимыми для греческого города признаками. В ее центре располагалась агора, окруженная общественными зданиями, и два теменоса с храмами и алтарями, где почитали греческих богов. Ольвиополиты построили такие типично эллинские сооружения, как театр, гимнасий и стоя. Наличие всего этого указывает на традиционный эллинский образ жизни: граждане встречаются на агоре, беседуют в стое, заседают в суде, тренируются в гимнасии, устраивают праздники и жертвоприношения у храмов, собираются в театре на драматические представления, состязания хоров и концерты музыкантов.

Если обратиться к рассмотрению домашней утвари, одежды и предметов туалета, то они также свидетельствуют о господстве греческого быта: жизнь семьи сосредоточена во внутреннем дворике, куда выходят двери жилых и хозяйственных помещений, жители пользуются разнообразной привозной эллинской посудой и керамической тарой, а местная кухонная и столовая посуда имеет традиционные греческие формы. К местным особенностям следует отнести наличие лепной посуды, которая отличает от метрополии не только Ольвию, но и другие города Северного Причерноморья. Возможно, несложное производство этих грубых сосудов ольвиополиты заимствовали у местных племен, однако процент их невелик по сравнению с традиционной греческой кружалой керамикой.

Каждый греческий город имел свое особое лицо и свои бытовые особенности. Наряду с лепной посудой в повседневной жизни Ольвии наблюдаются и другие, не характерные для метрополии черты. Они связаны прежде всего с более суровым, чем в Средиземноморье, климатом. В Ольвии строились дома с жилыми подвалами, а в ежедневный костюм включались элементы одежды местных племен — куртки и шаровары, однако летний и особенно парадный костюм оставался типично греческим. Кухня ольвиополитов также несколько отличалась от средиземноморской; они ели преимущественно речную, а не морскую рыбу и, вероятно, готовили не только традиционный греческий сыр из овечьего молока, но и скифскую гиппаку из кобыльего молока.

Наверное, для обозначения каких-то сугубо местных предметов, понятий и явлений ольвиополиты заимствовали в свой язык некоторые варварские слова и выражения. Сейчас об этом нам говорят лишь упомянутое выше проникновение в Ольвию ираноязычных имен и некоторые топонимы и этнонимы в окрестностях Ольвийского государства (реки Аксиак, Гипанис, Борисфен, племена алазонов, георгов и др.)². Но гораз-

² *Скржинская М. В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 97, 166.

до сильнее на язык ольвиополитов влияли приезжавшие из метрополии эллины. Например, в V—IV вв. в ионийский язык ольвиополитов проникают элементы аттического диалекта из-за постоянной связи с Афинами³. Все же на слух прекрасного оратора Диона Хрисостома ольвийский говор отличался от хорошего греческого языка. Правда, это было уже в период упадка Ольвии в I в. н. э. Судя же по текстам ольвийских декретов догетского периода, в Ольвии всегда находились образованные люди, умевшие составлять документы на правильном греческом языке. Когда перед народом оглашали почетные постановления, законы и другие документы, они звучали не хуже, чем в других греческих полисах.

Итак, перед нами прошли картины жизни города на краю греческой ойкумены. Мы увидели, как выглядела Ольвия, защищенная от врагов стенами и башнями и открывавшая свои ворота и порт для друзей и купцов из любой части ойкумены. Мы прошли по почти стертым временем улицам, агоре и теменосам, заглянули в гимнасий и дикастерий, представили внешний облик жителей, их жилища и домашнюю утварь, рассказали, как проходил день мужчины, женщины, ребенка, каковы были их семейные и общественные обязанности, работа и досуг.

Подобно всякому предмету и явлению, увиденному издалека, эти картины оказались достаточно обобщенными. Многие их детали навсегда утеряны, но что-то со временем удастся дополнить или исправить благодаря дальнейшим исследованиям на городище Ольвии, а также в результате более глубокого и оригинального осмысления уже имеющихся письменных, эпиграфических и материальных памятников.



³ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 130.



ПРИЛОЖЕНИЕ

Переводы ольвийских надписей

В Приложение включены десять надписей, наиболее часто упоминающихся в этой книге. По большей части они, как и прочие ольвийские надписи, сохранились не полностью, чем объясняются лакуны в их переводах. Надписи № 1, 2, 5-10 найдены в Ольвии. Надпись № 3 обнаружена на малоазийском побережье у храма Зевса Урия близ пролива у входа в Черное море. Надпись № 4 найдена в Милете. Копии обеих надписей несомненно были выставлены также в Ольвии.

Надписи приведены в хронологическом порядке и даны в переводах В. В. Латышева (№ 3, 9, 10), С. А. Жебелева (№ 4), Е. И. Леви (№ 1, 2), А. А. Белецкого (№ 8) и Ю. Г. Виноградова (№ 5, 6, 7). Датировка надписей указана по книге Ю. Г. Виноградова «Политическая история Ольвийского полиса». М., 1989.

1. Проксения афинянам. Первая половина IV в. НО № 5

В добрый час! Ольвиополиты дали Ксантиппу, сыну Аристофонта, эрхийцу Филополиду, сыну Филополида, дейрадиоту — афинянам, им самим и потомкам их проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввезли или не вывезли они сами, или (их) дети, или братья, у которых (отцовское) имущество общее, или слуги, и (дали) право входа (в гавань) и выхода (из гавани) и в мирное, и в военное время, без конфискации и без заключения договора.

2. Проксения гераклеотам. Вторая половина IV в. НО № 6

В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Феофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право граждан-

ства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и (дали право) входа (в гавань) и выхода (из гавани) и в военное, и в мирное время, без конфискации и без заключения договора.

3. Декрет о деньгах. 340–330 гг. IPE I² № 24

Ввезать в Борисфен дозволено всякому желающему на следующих условиях. Совет и народ постановили по предложению Каноба Фрасидомантова:

Разрешается ввоз и вывоз всякого чеканного золота и серебра; всякий желающий продать или купить чеканное золото или серебро должен продавать и покупать на камне в эkkлесиастерии;

кто же продаст или купит в другом месте, подвергнется конфискации: продавец — продаваемого серебра, а покупатель — цены, за которую купил;

продавать же и покупать все на городские деньги, на медь и серебро ольвийское;

кто же продаст или купит на другие деньги, будет лишен: продавец — того, что продаст, а покупатель — цены, за которую купил;

взыскивать будут с нарушавших в чем-либо это постановление те, которые возьмут на откуп штрафы с нарушителей закона, преследуя их судебным порядком;

золото продавать и покупать по 10,5 статеров за статер кизикский, не дешевле и не дороже, а всякое другое чеканное золото и серебро покупать и продавать по взаимному соглашению;

пошлины никакой не взыскивать ни за чеканное золото, ни за чеканное серебро ни с продавца, ни с покупателя.

4. Декрет об исполитии Милета и Ольвии 330—320 гг.

syll. -3. № 286

Ниже следуют отеческие установления для ольвиополитов и для милетян. Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы как ольвиополит на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же самые святилища, на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Милетяне пользуются ателиями на тех же основаниях, как они пользовались и ранее. Если милетянин желает отправлять (в Ольвии) государственные должности, ему надлежит обратиться в совет; когда он будет зарегистрирован, он может отправлять эти должности и (тогда) должен, наряду с прочими (ольвийскими) гражданами, платить подати и пр. Он имеет право на проедрию, принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни на тех же основаниях, как он делает это в Милете. Если у милетянина будет тяжба в Оль-

вии, он должен иметь доступ к суду, и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами.

Все милетяне должны пользоваться ателиями, за исключением тех, которые имеют право гражданства в другом городе, участвуют в его правительстве и в его судебных установлениях. Точно так же и ольвиополиты должны в Милете пользоваться ателиями, и вообще они имеют в Милете таким же образом те права, какие милетяне имеют в городе Ольвии.

5. Декрет в честь Каллиника. 325–320 гг. IPE I² № 25+31

(Совет и народ постановили, архонты и) коллегия Семи предложили: поскольку Каллиник, сын Евксена, будучи мужем прекрасным и добрым, (постоянно) творит народу наилучшее... городу при раздаче работ (?)... и его доходы (увеличил)... (когда же опасность!?) явилась (виновницей) того, что ввергла народ (в раздор [?], он, не убоясь никакого) препятствия, (не ставя превыше всего) личные симпатии и спешно предпринимая (усилия привести) к согласию (стороны, учинившие тяжбы) в городе, внес предложение об отмене долгов, и народ наградил его за свое (спасение [или: умиротворение]) денежной суммой и статуей и не только отменил налоговое обложение, (коим) причинялся ущерб (всем), но и уменьшил чеканку медной монеты согласно расчету. (Дабы и) другие ревностнее советовали и творили (наилучшее), зная, что каждый получит от народа почести и награду, достойную их благодеяний, да постановит народ: восхвалить Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяние для народа, и пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре.

Народ посвятил Зевсу Спасителю.

6. Декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония.

Вторая половина III в. НО № 28, 29, 123

Совет и народ постановил, синедры внесли предложение. Поскольку Аполлоний, сын Эвфрона, херсонесит, оказал городу многие и великие благодеяния, за что народ, воздавая благодарность, наградил его статуей и (величайшими) почестями, сыновья же его — Аполлодор, Аполлоний и Эвфрон, воспринявшие (отцовские) наклонности, постоянно выказывают всяческую благосклонность ко всему полезному (для народа) и из одолженных (городом) 3000 золотых, которые их отец ссудил (на... лет) и назначил порядок выплаты, они (наросшие проценты) городу погасили, а (выплату) оставшихся денег отсрочили и ввиду всеобщего упадка определили (беспроцентное) погашение (первоначального капитала?). Да постановит (Совет и народ: восхвалить) сыновей Аполлония и увенчать (их зо-

лотым венцом), об увенчании возвестить (через глашатая Совета?) в народном собрании и провозгласить (на Дионисии?) в театре. С тем, чтобы возвратить (им одолженные деньги), пусть они получают в виде залога (все общественное имущество города [?], как) мы и постановили при жизни (их отца)... были сданы в аренду [или: на откуп] вместе с ... Чтобы и народ явно был (достойн благодетельствующим его) и было бы в целом сохранено (все оставшееся) из их доходов, вернуть (им это) установкой рядом со статуей Аполлония изображения и его сыновей. Дабы и (другие проявляли) более преданное рвение по отношению к городу, видя, (как народ) мужам добрым и щедрым к нему возвращает (достойными благодарностями), большими, нежели то добро, что он получил (от них), пригласить их на угощение к жрецу Аполлона, попечителями которого выбраны Агатин, сын Деимаха, Конон, сын такого-то, такой-то, сын такого-то; постановление же это написать (на каменной стеле) попечительством архонтов, а (стелу эту поставить) в святилище Аполлона рядом с изображением.

7. Декрет в честь Антестерия. Третья четверть III в. Виноградов Ю. Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984.

№ 1. С. 57

Совет и народ постановили 16-го числа, архонты предложили. Поскольку Антестерий, сын ... исполнив должность члена коллегии Семи, в своем управлении (будучи благосклонным) к народу и (всегда оказываясь) виновником (какого-либо блага), много полезных (деяний совершил) для города; во-первых, (будучи выбран?) устройте ситометрии, (он установил такой порядок, чтобы хлеб) распределялся на тех же основаниях, (что и прежде?), и одному из граждан, на которых распространяется право раздачи (?), выдавали хлебный паек в равной мере, что и (другому), в частном (и общественном порядке)... из собственных средств ... у реки, когда (должна была разразиться война?) и в сжатые сроки возникла (немалая) потребность в (военных силах) миксэлинов, (он дал деньги), на которые нам оказалось возможным (отправить дары?, как можно быстрее), некоторым (из их предводителей, кои, сражаясь как союзники) за (наше спасение? всё) сделали полезное (для народа); тяжело переживая, что алтари... (пришли в ветхость) из-за времени и многочисленных, обрушившихся сейчас) и бывших прежде военных опасностей,... на это он взыскал (с должников...); прибыв (в город?)..., поскольку с давних пор корабли (пришли в плачевное состояние) и о имевшихся прежде (возникла необходимость) позаботиться, (соорудив) военный корабль и (приведя в порядок суда), не бывшие на плаву, он по всем кораблям распределил (необходимые снасти); внося (прекрасное и) хорошее предложение ... народу, а престающих законы граждан..., ненавидя зло; (ибо) эти гражда-

не, поднимая волнения..., грабят священное имущество..., и свергнув в раздоры (город)..., не следуя (законам?)... изгнав их на долгие годы из (города?..., он) и это... (Итак, дабы и народ) укреплял свою власть сильнее, чем (прежде, и законы), заслужившие хорошую репутацию, (стали бы) более гражданскими (с тем, что бы) стяжали добрую славу должностные лица..., чтобы наказывать виновных (?), (постановил Совет) и народ: восхвалить (за это) Антестерия, исполнявшего должность члена коллегии Семи, (и увенчивать золотым) венком (каждый год), а об увенчании провозгласить (на Дионисии) в театре через (глашатая), постановление же это написать на (каменной) плите и поставить в здании коллегии Семи, а (деньги) выделили (Семь); посвятить один беломраморный рельеф вверху стелы(?), а другой — в святилище, произведенные же на него расходы занести на наш счет.

8. Стела ситонов. Третья четверть III в. НО № 72

Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасиадама, Деметрий, сын Фокрита, Афеней, сын Конона, Навтим, сын Героксена, при секретаре Афенодоре, (это) изображение Герою Внемлющему (посвятили).

9. Декрет в честь Протогена. Вторая половина III в. IPE I² № 32

Совет и народ постановили 20 числа, архонты и Семь предложили: так как Гиеросонт, отец Протогена, оказал городу многие и важные услуги и деньгами и деятельностью, то и Протоген, унаследовав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом. Прежде всего, когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он, по просьбе народа, дал 400 золотых. Когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец (т. е. Полихарм) хотел уже нести к мастеру, (Протоген) сам (их) выкупил, уплатив эти 100 золотых. Когда архонты во главе с Демоконтом дешево купили вина на 300 золотых, но не могли уплатить эту сумму, он по просьбе народа дал эти 300 золотых. При жреце Гиеродоре, когда случился голод и хлеб продавался по 5 (медимнов за золотой), и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, он первый выступил и обещал 2000 медимнов по 10 (медимнов за золотой). И, между тем, как другие немедленно получили плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов. При том же жреце, когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (стеснен-

ным) обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых. Будучи избранным членом коллегии Девяти, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых вовремя были удовлетворены многие скиптроносцы. Немало даров было приготовлено для царя. Когда было отдано на откуп (снаряжение) посольство в резиденцию царя Сайтафарна по постановлению, по которому откупщики должны были получить от города 300 золотых, — а взял на откуп Конон, — но, вследствие того, что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, отказались (Конон и его товарищи) от откупа и вследствие этого было три переторжки и в третий раз откуп остался за Формионом, — то Протоген, увидев, что город подвергнется большим неприятностям, сам, явившись в собрание, дал эти 300 золотых. Когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по 1 и 2/3 медимна (за золотой), но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же (продаваться) медимн по 1 и 2/3 золотого, — и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба, а для этого (приглашал) зажиточных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1000 золотых, которые немедленно принес, и дал из того же числа 300 без процентов на год; и дав всю сумму золотом, получил медью из 400. (Он) первый обещал 2500 медимнов пшеницы, из которых 500 дал по 4 и 1/6 медимна (за золотой), а 2000 по 2 и 7/12 медимна (за золотой). Между тем, как другие, предложившие (хлеб) в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов. Вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба. Когда царь Сайтафарн прибыл на ту сторону (реки) за дарами и архонты, созвав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых. Когда же послы Протоген и Аристократ взяли эти деньги и явились к царю, но царь недовольный дарами, разгневался и выступил в поход, ... и архонтов недостойным образом, вследствие чего (?) народ, собравшись, пришел в ужас и послов к...

Еще же, когда самая большая часть города со стороны реки, именно вся гаванная часть и прилегающая к прежнему рыбному рынку, до того места, где герой Сосия, не была окружена стеной, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и савдараты ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город. Вместе с тем в стране случилось много и других бед: были подкуплены все рабское население и миксэллины, населяющие предгорье численностью не менее полутора тысяч, — они в минувшую войну были союзниками в городе; и выселились многие иностранцы и не малое количество граждан. Вследствие этого, собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних пор оберегаемое, подпало власти

врагов. Между тем, никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, (Протоген) обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них, хотя ему предстояло истратить не менее 1500 золотых и тотчас принеся в собрание 500 золотых в виде залога, (он) и отдал все работы на откуп через глашатая, и, вследствие того, что подрядчики сделали расчет на наличные деньги, (он) сберег для города немалую сумму. Еще же, когда многие подрядчики отказались от работ, Протоген сам произвел работы для города и не причинил никакого ущерба народу. Издержав на обе стены 1500 золотых и выдав большую часть (этой суммы) золотом, получил медью из 400. Он отстроил пришедшие в ветхость башни, две у больших ворот, (а также) и Категаторову, и придорожную, и Эпидавриеву; и также исправил житницу, и построил пилон у места выставки товаров. Еще же, когда город платил фрахты частным лицам, возившим камни, вследствие того, что казенные суда были испорчены и не имели ничего из оснастки, он предложил и их починить и, издержав на все это 200 золотых, немедленно сдал отчет, вследствие чего народ, и прежде часто награждавший его венками, увенчал и тогда за сдачу отчета. Еще же, когда оставалось не оконченным прясло, что у башни Посия по направлению к верхней части города, народ, пригласив его, попросил окончить и это, четвертое прясло. Протоген, не желая отказываться ни от каких услуг, взял на себя и эту постройку, на которую предложил 100 золотых. Приняв на себя общественное управление и должность казначая и распоряжаясь самыми важными городскими доходами, он никого из откупщиков податей не выгнал из имения, ни у кого не отчуждал ничего из имущества, но, снизойдя к их стесненному положению, одним простил долги, другим дал отсрочки на столько времени, сколько они желали, и не взыскал никаких процентов. Распоряжаясь большей частью общественных (сумм), он в течение трех лет непрерывно всем управлял честно и справедливо, сдавая отчеты в установленные сроки, а излишки доходов за время своего управления засчитывал себе в уплату (за долги?), — хотя в действительности этого не было, — и таким образом освободил город от долгов и очистил от процентов. Когда в городе все находилось в упадке вследствие войн и неурожаев и средства совершенно истощились, так что народ вследствие этого попросил его сделать месячные отсрочки, позаботиться о кредиторах и должниках, он первый, хотя долги ему и его отцу простирались до 6000 золотых, предложил народу располагать им, как ему угодно. Когда народ попросил его простить должникам их долги, он всем все простил. И, считая, что для него нет ничего дороже благосклонности к нему народа, ...

10. Декрет в честь Никерата. Первая половина II в. IPE I² № 34

... возвратился в отечество; ибо... Херсонес... когда увидел (Никерат) обуреваемый постоянными войнами город, разрешил распрю между ними

и умиротворил город, за что и был почтен от них постановкой статуи и посвящением бюста, во всем для отечества совершая полезнейшие деяния, а себе приобретая славу и честь. Отражая постоянно устремлявшихся в город врагов и в большинстве случаев спасая граждан, он обезопасил положение города, в каждом случае подавая разумные советы и еще лучше исполняя постановления. Наконец, когда граждане отправились в Гилею, он и в этом не преминул позаботиться об отечестве; ибо, полагая, что его присутствие будет более важной охраной для народа, без... и надлежащей свиты явившись туда, оберегал граждан; увидев же нашествие неприятелей, он отправил граждан в город, а сам остался, чтобы отразить их нападение, ибо считал необходимым наказать врагов и заботился как вообще о городе, так в частности... Поэтому враги, испугавшись его непобедимой доблести, не осмелились напасть явно, но устроили ночью засаду и вероломно убили его. Вследствие этого народ, узрев неожиданное несчастье в том, что город потерял доблестного гражданина, с трудом перенес свою печаль вследствие его доблести и с негодованием вследствие жестокости его смерти. Итак, да постановит Совет и народ, дабы он получил более выдающиеся со всеми другими почести, — чтобы тело его принесено было в город для надлежащего погребения, чтобы находящиеся в городе мастерские (или лавки) были закрыты, а граждане оделись в траур, и все в порядке следовали в погребальной процессии; чтобы он при выносе был увенчан от имени народа золотым венцом, а также чтобы ему была воздвигнута конная статуя на том месте, где захотят его родственники, и дана следующая надпись: «Народ (поставил) Никерата, сына Папиева, бывшего от предков благодетелем и оказавшего множество добра городу, за его доблесть и благодеяние к себе», чтобы он был увенчиваем и ежегодно в народном собрании, назначенном для выбора властей, и при ... состязании в конских ристаниях, установленном в честь Ахилла по предсказанию Пифии, при чем глашатай должен произносить провозглашение по формуле, заключающейся в надписи статуи; постановление это вырезать на белокаменной плите и поставить на том месте, где захотят родственники, для того, чтобы и остальные граждане были более ревностны в услугах отечеству, видя, что благодетели украшаются надлежащими почестями.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии.
КБН	— Корпус боспорских надписей.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НО	— Надписи Ольвии.
ОАК	— Отчеты Императорской Археологической комиссии.
РА	— Российская археология.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
АЖА	— American Journal of Archaeology.
ІРЕ	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
ЈHS	— Journal of Hellenic Studies.



ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
агон — см. состязание
агора — 12, 19, 22-25, 28, 30, 48, 56, 71, 78-79, 84, 91, 93-94, 97-98, 114-115, 155, 160, 200-201, 203, 205-206
агораном — 78-80, 105
актер — 57, 122, 156-157
алабастр — 183, 186-187
алтарь — 12, 21, 23-24, 50-52, 62, 118, 125, 205, 208, 210
альмандин — 172, 178
амазонка — 156, 161
аметист — 173, 176
амулет — 173-175
амфора — 34, 59, 79, 80, 89, 91, 131, 148-149, 189, 190, 193, 198-199
амфориск — 186-187
андрон — 35-36, 119, 201
апотропей — 172, 175
арбуз — 191
арибалл — 75, 186-187
арифметика — 146
архитектор — 14, 30, 112
архонт — 45-47, 57, 76, 86, 97-98, 105, 111, 169, 210-212
аск — 186
астрал — 116, 144, 175
астрономия — 151
атлет — 29, 60, 62, 73, 75, 152, 166, 185
аулос — 63, 67-69, 71-72, 122, 124, 152
- Б**
бабочка — 175-176, 179
баран — 116, 160, 174-175, 185, 193, 200
барбитон — 64-66, 72, 123-124
басня — 114
башня — 13, 18, 20-21, 30, 206, 213
бег — 60, 74, 76
белила — 187-188
белуга — 192
благовоение — 189
блюдо — 40, 54, 197
бляшка — 157-158, 165-166
бобы — 56, 191, 195
борьба — 60, 74, 76, 152
браслет — 69, 161, 165, 176-177, 179
бронза — 25-27, 40, 75, 79, 89, 109, 120, 136, 148, 165-179, 183, 196
букраний — 53, 55
бурдюк — 190
бусы — 108, 165, 173-176
бык — 52-53, 116, 143, 174, 181
- В**
венок — 51, 54, 57, 76, 79, 81, 120, 125, 141, 165, 168-170, 210, 211, 214
верблюды — 143-144
веретено — 108, 133-138
вино — 14, 40, 51-52, 58, 78-81, 87-88, 91, 116, 119-121, 123-125, 132, 149, 190-192, 196-200, 202, 211, 213
виноград — 169, 191-192
винодельня — 192
виночерпий — 119, 198
вода — 19, 33-34, 36, 52, 74, 80, 100, 119-120, 124-125, 142, 164, 185, 196, 198, 200
вольноотпущенник — 41, 100, 103-104, 114, 132
ворота — 20-21, 81, 151, 206, 213
воск — 26, 148
врач — 112-113, 166
всадник — 59, 143
- Г**
геометрия — 151
гептадейон — 19-20, 22, 131
гетера — 71, 78, 80, 122-123, 125, 127-128, 130
гидрия — 33-34, 89, 198
гиматий — 86, 142, 155-163, 180-181, 183
гимнасиарх — 29, 76, 153
гимнасий — 19, 22, 25, 27-28, 34, 48, 61, 72-77, 80, 107, 114-115, 146, 152-153, 186, 206
гинекей — 35, 72, 123, 127, 133, 144
гиппака — 193, 205
гирлянда — 53-54, 59, 79, 81, 131, 196, 199
гирия — 78-79
глашатай — 56-57, 62, 98, 113, 210-211, 213-114
голод — 45, 201, 211-212
голубь — 143
горный хрусталь — 165, 173-174, 176
горох — 191, 195, 200
гражданин — 13, 15-16, 24, 26, 28, 30, 41-42, 57, 165-180, 183, 191, 204, 208, 210-212, 214
гражданка — 126-127
гранат — 173, 176
граффито — 44-45, 53, 80, 88, 95, 100, 103, 120, 124, 127, 140, 145-146, 148, 150, 153
гребень — 108, 175, 182
гречиха — 191
грузило — 107, 133, 139-140, 177, 193
груша — 191, 192
гусь — 144, 193
гуттус — 142
- Д**
дверь — 31-33, 40, 107-108, ПО, 141
двор — 32-33, 35, 41, 93, 127, 133, 135, 190
дейгма — 20, 80-81, 91, 203
дерево — 25, 31-32, 35, 68, 106-107, 134-137, 148, 182, 184, 188, 195
деньги — см. монеты
диадема — 167-168
дикастерий — см. суд
диск — 60, 74-76
дом — 13, 16, 18, 20-21, 30-37, 41-42, 103, 106, 110-112, 118, 127, 129, 131, 133, 141, 144, 147, 190, 204-205
досуг — 77, 116-117, 125, 203, 206
дыня — 191
- Е**
еда — см. пища
- Ж**
жалоба — 95, 97, 101
жаровня — 32, 35, 79, 107, 133, 196
железо — 75, 108-109, 185
жена — 103-104, 127-131
жертвоприношения — 49-56, 62, 99, 118, 180, 187, 200, 208
жрец — 29, 45, 47, 55, 57, 105, 156
жрица — 53, 55, 127, 131
журавль — 144
- З**
закон — 83-84, 90, 95-101, 104, 129, 146, 177, 203, 206, 208
замок — 165
заяц — 115, 193
земледелец — 103-104, 111
земледелие — 106
землянка — 13, 31-32
зеркало — 40, 88, 109, 183-185
зерно — 31, 80, 190, 194-195
зернотерка — 107, 195
зернь — 165, 171-172, 175-176
золото — 40, 67, 81-83, 86, 88, 92, 120, 136, 152, 156-157, 208-213
- И**
игла — 108-109, 140
игра — 59-61, 76, 115-116, 121, 124, 144

игрушка — 142-143
 изгнание — 100, 204
 изумруд — 176
 истец — 48, 93-94, 96-99

К

кабан — 36, 115, 127, 150, 193, 200
 календарь — 43-45
 каменоломня — 106, 114
 каменотес — 107, 111
 каникулы — 148
 канфар — 51, 69, 105, 119, 188, 196, 198
 капуста — 141, 191
 кастрюля — 129, 196
 каша — 56, 194, 199, 202
 киаф — 120, 124, 196, 198
 килик — 45, 53-54, 68, 119-120, 124-125, 134, 150, 152, 198
 кимвалы — 70
 кирпич — 23, 31-33, 106-108
 кифара — 60, 64, 66, 71, 122-123
 кифарист — 57, 66
 клепсида — 47-48, 100
 ковер — 135, 140
 ковка — 109, 184
 кожа — 89, ПО, 135, 157, 164-165, 179, 181, 186
 коза — 52, ПО, 116, 135, 193
 козел — 53
 колесница — 59-60, 74-75, 134
 колесо — 108
 колодец — 33-34, 74, 107
 кольцо — 165, 177
 комната — 32-33, 35-37, 40-42, 69, 127, 135, 177, 179
 копье — 60, 74-76
 корабль — 20, 80, 82, 86-89, 106, 108, 111-112, 114-115, 144, 210
 корзина — 138, 152
 кормилица — 131, 141-142
 корова — 52, ПО, 193
 косметика — 188, 203
 кость — 38, 67-68, 75, 92, 108, 115-116, 134-138, 148, 165, 173-174, 182, 185, 188
 кратер — 53, 57, 66, 69, 119, 123, 125, 132, 198
 кресло — 37-39, 99, 161
 кроталы — 64, 70-71

крупа — 78, 107, 194-195, 200
 крыша — 32, 34
 ксилофон — 64, 70
 кувшин — 143, 197-199
 кудель — 138
 кузнец — 107, 109
 кукла — 143
 купец — 24, 83, 86-91, 104, 111, 114-115, 178, 206
 кура — 193, 201
 курильница — 52
 курос — 27

Л

лавка — 42, 78-81, 111, 115, 121, 214
 лев — 36, 143-144, 171-175, 178-179
 лекана — 189
 лекарство — 80, 113
 лекиф — 65-67, 123, 186-187
 лен — 40, 135, 140, 156
 лента — 66, ПО, 120, 131, 141, 163-168, 199
 лестница — 31, 33, 107, 133
 лира — 63-67, 72, 122-124, 152, 178
 литейная форма — 171-172, 179
 литье — 109, 184
 логограф — 99-100
 лодка — 80, 108, НО
 ложе — 32, 36-40, ПО, 118-119
 ложка — 119, 187-188
 лошадь — 53, 110, 115-116, 143
 лук (оружие) — 27, 60-61, 74-75, 82
 лук (растение) — 191
 лутерий — 37, 45, 89, 185

М

масло — 26, 31, 40, 66, 75, 78-80, 92, 115, 120, 125, 183, 185-187, 190, 194, 196, 202
 мастерская — 24, 109-110, 113-114, 133
 матрац — 32, 38, 40
 матрос — 106, 115
 мебель — 32, 37-39, 79, 92, 108
 мегарская чашка — 199
 мед — 52, 190, 194, 200-201
 медальон — 162-163, 180
 медведь — 143
 медь — 81-82, 108-109, 208, 212-213
 мельница — 194-195

меняла (см. также трапезит) — 85
 месяц — 43-47
 металл — 108-109
 метек — 13, 95, 97
 мидия — 113, 115, 147, 209
 миска — 196-197
 мозаика — 36, 110, 119
 молоко — 52, 142, 193, 196, 200
 мольбы — 46-47, 56, 118
 монета — 12-13, 16-17, 26, 50, 63-64, 67, 71, 78, 80-86
 мрамор — 25-27, 39, 74, 107, 185, 188, 210
 музыкант — 57, 60, 62, 65, 67-69, 78, 80
 музыкальные инструменты — 64-71, 132, 147, 152-153
 мука — 107, 133, 194-195
 мясо — 51, 78, 119, 147, 193, 200, 202
 мяч — 144, 153

Н

наволочка — 135, 140, 143
 наговор — 95-96
 налог — 83, 113
 нить — 137-139, 157, 166, 174, 189
 нож — 108

нумениасты — 56, 118

О

обезьяна — 143-144
 обувь — ПО, 119, 161, 164, 179
 овощи — 56, 190-191, 197, 199-202
 овца — 52, 110, 135, 193
 огурец — 191
 одежда — 18, 26, 89, НО, 119, 127, 133-135, 155-165, 179-181, 203-204
 одеяло — 135
 ожерелье — 83, 165, 173, 176
 ойнохоя — 71, 78-79, 143, 197-199
 окно — 32-33, 40
 окунь — 192
 олень — 89, 115, 142-143, 184, 193
 оное — 59, 134-135
 опекун — 126, 129
 оратор — 84, 96, 99-100, 114, 151, 156, 170, 180, 206
 орган — 64, 70

орех — 119, 192
 осетр — 192-193, 202
 ответчик — 48, 93, 96, 98-99
 откупщик — 84, 95, 114, 212
 охота — 115
 очаг — 13, 32, 35, 196

П

палестра — 23, 69, 72-73, 146-147, 152-153, 158, 186
 пантера — 36, ПО, 143, 185, 189
 папирус — 129, 145, 148, 152
 парфюмерия — 79-80, 113, 187, 189
 педагог — 63, 146-148, 152
 пекарня — 194
 пелика — 68-69, 198
 пение — 65-66, 68, 71, 121-122, 152
 пеплос — 134, 156
 перо — 148
 перстень — 165, 177-179
 петух — 52-53, 115-116, 143-144
 печать — 139-140, 165, 177-178
 печение — 194, 200
 печь — 31, 109, 133, 193, 196
 пиксида — 188
 пир — см. симпозион
 письмо — 96, 127, 129, 145, 148
 пифос — 35, 74, 190, 193
 пища — 32, 119, 127, 142, 144, 190-203
 плащ — 140, 143, 147-148, 155-163, 179-181, 183
 плектрон — 64-66, 123
 плотник — 107, 111
 повар — 78, 80, 113, 201
 повитуха — 131
 повязка — 40, 165-168, 189
 погремушка — 142-143
 подвал — 33, 35, 40, 42, 205
 подвеска — 108, 170, 172-175, 178, 189
 подушка — 38, 40, 118, 135, 143
 покрывало — 32, 40, 86, 135, 140, 162-163, 166
 пол — 31-32, 35-36, 65, ПО, 119, 125
 полотенце — 40
 полуземлянка — 13, 31
 порт — 81, 84, 87-88, 106, 114-115, 206
 портик — 22-23, 32

посол — 57, 61-62, 98, 212
 посуда — 14-15, 78-79, 86, 88, 92, 110-111, 133, 144, 196-199, 205
 потолок — 108
 пошлина — 113, 207-208
 поэт — 65-66, 77, 114, 122, 150
 пояс — 156, 158, 165
 пританей — 13
 проедрия — 57-58
 проксения — 90-97, 111, 207
 просо — 15, 191
 прыжки — 60, 74, 76
 прядение — 134-138, 145
 пряжа — 79, 81, 133, 137
 прялка — 135, 138
 пряслице — 133, 135-138, 146
 псефы — 94, 99-100, 102
 психтер — 120, 198
 птица — 144, 171-172, 178, 190, 193
 пуговица — 155, 158, 160-161
 пшеница — 15, 191, 195, 202

Р
 раб — 13, 15-16, 80, 89, 97-100, 103-104, ПО, 113-115, 129, 132, 147, 204
 рабыня — 127, 132-134, 141, 156, 182-183, 195
 ремесленник — 15, 42, 88, 106, 108-111, 166, 181
 репа — 191
 ритон — 39, 119, 198
 ритор — 77, 80, 100, 112, 114, 151, 154
 ростовщик — 54, 111
 румяна — 187-188
 рыба — 11, 35, 78, 80, 91, 108, 111, 119, 147, 190, 192-197, 200-202, 205
 рыбный соус — 197
 рыболовство — 15
 рынок — 16, 20-22, 78-81, 89-92, 157, ПО, 197, 203, 212

С
 садоводство — 191
 сандалии — 40, 147, 149, 152, 164
 сапоги — 164, 181
 свадьба — 53, 71, 118, 128, 189
 свекла — 191
 светильник — 31, 37, 41, 109, 194
 свидетель — 93, 96
 свинец — 27, 79, 108, 137, 139, 145, 148, 188
 свинья — 52-53, 143, 193
 свиток — 152
 севрюга — 192
 сельдерей — 169, 191
 сельское хозяйство — 13, 15, 17, 48, 91, 106, 114
 семья — 128-129, 131, 135, 141, 154, 199
 сердолик — 165, 173, 175
 серебро — 40, 82-83, 92, 120, 136, 165-179, 196, 208
 серьги — 165, 170-173
 симпосион — 52, 65-66, 72, 76, 80, 116-125, 166
 сиринга — 69-70, 177
 сито — 120, 124, 196, 198
 ситоны — 38-39, 105, 158-160, 180, 201, 121
 сказка — 144
 скамейка — 37-38
 скиф — 12-14, 16-17, 20, 87, 120-121, 164, 183-184, 193-194
 скифос — 44, 53, 55, 119, 124, 198
 скульптор — 26-27, 30
 слива — 191
 собака — 115, 143-144
 солонка — 54
 соль — 11, 88, 193-194, 197, 200
 сом — 192, 202
 состязание — 59-60, 62, 68, 73, 75-76, 95, 152, 185
 спаржа — 191
 статуя — 14, 18, 25-29, 51, 55, 60, 73, 76, 131, 134, 153-155, 174, 180, 209-210, 214
 статуэтка терракотовая — 24, 37, 40, 54, 63, ПО, 161-163, 180
 стекло — 32, 173, 176, 179, 187
 стела — 24-25, 52, 82, 107, 109, 119, 126, 150, 158-159, 210
 стена здания — 21, 31, 33, 37, 40-41, 69, 108, ПО
 стена оборонительная — 13, 17-18, 20-21, 25, 30, 81, 106, 151, 206
 стерлядь — 192
 стихи — 59, 65-66, 145, 150, 152-153, 201
 стиль — 148, 152
 стол — 37, 39-40, 99-100, ПО, 119, 197

столяр — 107, 111
 стоя — 22-23, 94, 115, 205
 стратег — 45, 57, 104
 стрела — 27, 60-61, 82, 108
 стригиль — 75, 109, 177, 185-186
 стул — 37-39, 65, 142-143, 147
 ступа — 107, 195
 суд — 22, 48, 58, 78, 84, 93-101, 105, 151, 205, 209-210
 судак — 192, 202
 судья — 29, 75, 85, 93-94, 96-99, 104-105, 148, 170
 сундук — 37-38, 177
 сфинкс — 167, 184, 189
 сыр — 119, 125, 141, 190, 193, 197, 200-201, 205

Т
 табличка — 148-149, 152
 табуретка — 37-38, 65, 67, 147
 танец — 49, 65, 68, 71, 121, 123, 152-153, 166
 танцовщица — 123, 125, 133, 156, 161
 тарелка — 40
 театр — 19-20, 29, 56-58, 61-62, 66-67, 69, 72, 156, 180, 205, 209-211
 телега — 106, 108, 144
 теменос — 12, 22-24, 28-30, 50, 52-55, 71, 204, 206
 тимпан — 64, 70-71, 123
 ткань — 40, 79, 127, 133, 135, 137, 139-140, 156, 161-162, 165, 178, 189
 ткацкий станок — 108, 134-135, 139-140
 ткачество — 72, 133, 145
 торговля — 13, 78-92, 111, 114
 торговый ряд — 21-22, 79
 трапезит — 85-87, 102, 111, 114, 203
 тренер — 75, 115, 147, 153
 треножник — 51-55, 196, 204
 тригон — 64, 67
 труба — 64, 70
 тяжба — 87, 95-96, 98-100, 121-122, 208-209

У
 уголь — 35, 79, 107, 195-196
 украшение — 79, 85, 88, 92, 109, 155, 165-179, 203
 уксус — 99, 188, 194
 улица — 20, 23, 30, 33, 56, 62, 71, 93, 98, 141, 156, 206
 устрица — 192
 утка — 193, 198
 учитель — 112, 147-149, 152

Ф
 феоры — 61
 фибула — 158, 160
 филигрань — 165, 171-172, 175
 флейтистка — 123, 133
 форбея — 69
 форминга — 66

Фрукты — 92, 119, 190-192, 197, 200-202

Х
 хитон — 140, 142-144, 155-163, 179-181
 хлеб — 15, 80, 105, 110, 125, 133, 147, 194-195, 197, 200-202, 210-212
 храм — 12, 16, 20-21, 23-25, 29, 50-51, 53-54, 56, 71, 106, ПО, 112, 141, 160, 172, 204-205
 храм Аполлона Врача — 24
 храм Аполлона Дельфиния — 23-24, 28-29, 50, 210
 храм Зевса — 28
 художник — 26, 110, 152, 155, 199

Ц
 цветы — 53-54, 79, 81, 120, 125, 157, 168-170
 циновка — 35
 цистерна — 34

Ч
 чеканка — 109, 171
 черепаха — 64, 143
 черепица — 14, 32, 35, 41, 108, ПО
 чернила — 148
 чеснок — 191, 200
 чехонь — 192
 чечевица — 56, 191, 200
 чтение — 145, 150, 153

Ш
 шаровары — 18, 164-165, 181, 205
 шелк — 157
 шерсть — 40-41, 133-135, 138, 140, 145, 155-156

шкатулка — 108, 189	эмаль — 165, 169, 171, 174, 176
шляпа — 163, 179	эпоним — 45-47
школа — 48, 59, 64, 144-150, 204	эхин — 99-100
шкура — 32, 35, 40, 53, ПО	
шпилька — 108, 166	Ю
штраф — 78, 83-84, 95, 101, 208	ювелир — 171-172, 175-176

Щ

щука — 192

Э

эkkлесиастерий — 19-20, 83-84, 208
эксомида — 156, 160

Я

яблоко — 161, 191-192
яйцо — 193
янтарь — 67, 165, 173-174
ячмень — 15, 191, 195, 199-200, 202

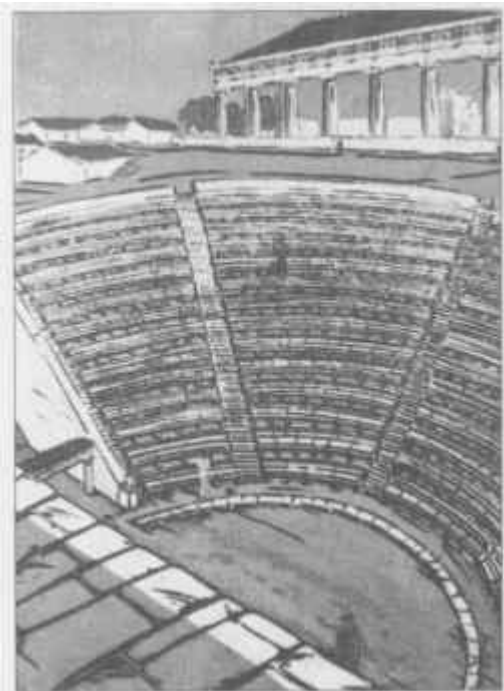
ИЛЛЮСТРАЦИИ



2. Раскопки Ольвии на участке Р-19 с видом на Днепро-Бугский лиман.



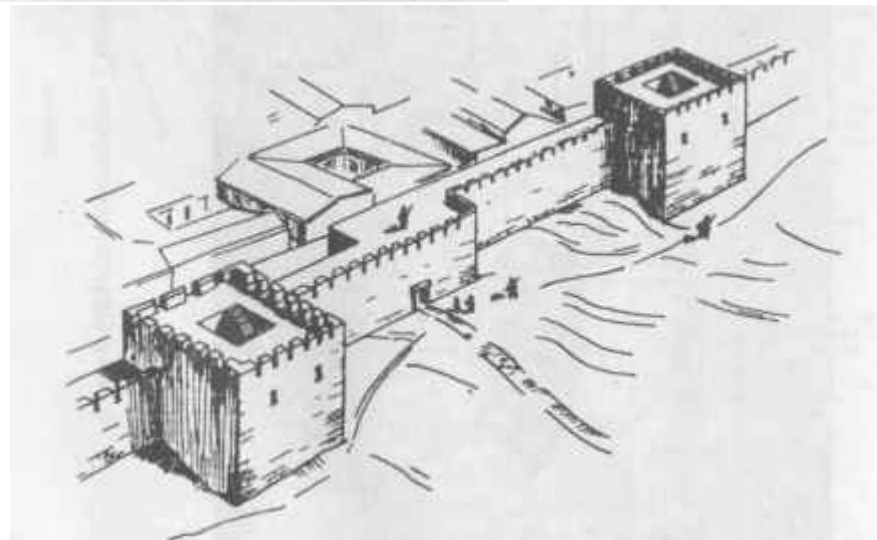
4. Изображение на монете с названием города Ольвия. IVB.



7. ТЕАТР. РЕКОНСТРУКЦИЯ
С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



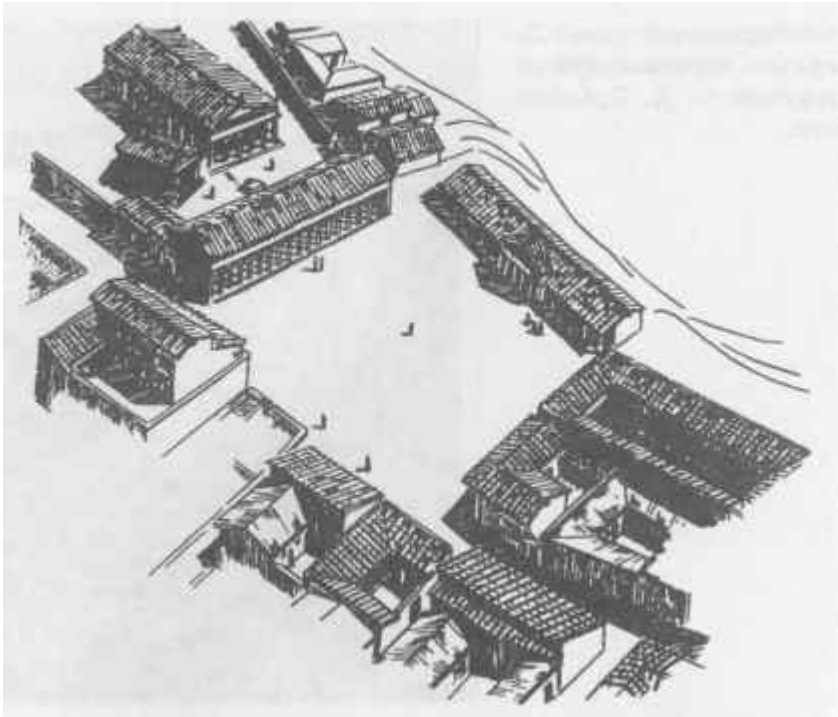
9. УЛИЦА, ВЕДУЩАЯ К СЕ-
ВЕРНЫМ ВОРОТАМ. РЕКОН-
СТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦ-
КОГО.



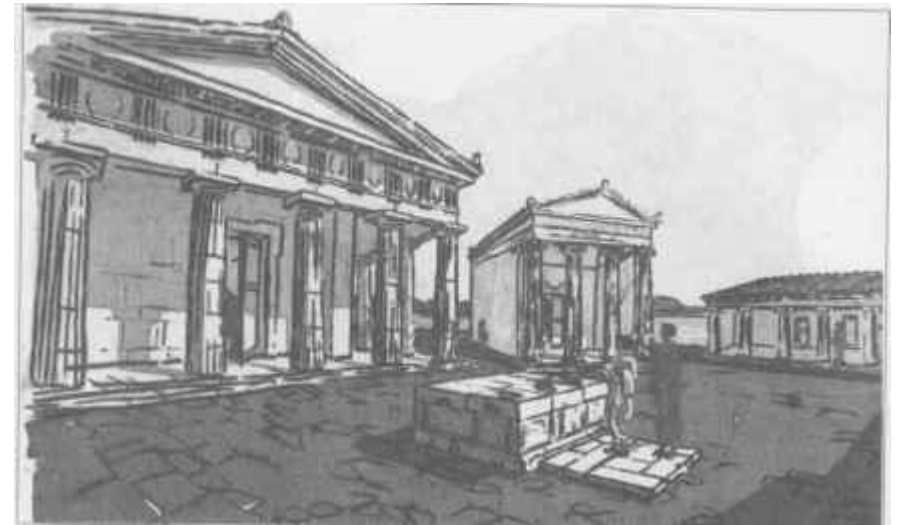
8. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СТЕНЫ И БАШНИ. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫ-
ЖИЦКОГО.



10. ГЛАВНАЯ УЛИЦА. СЛЕВА — ЗДАНИЕ СУДА, СПРАВА — ВХОД НА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕМЕНОС. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



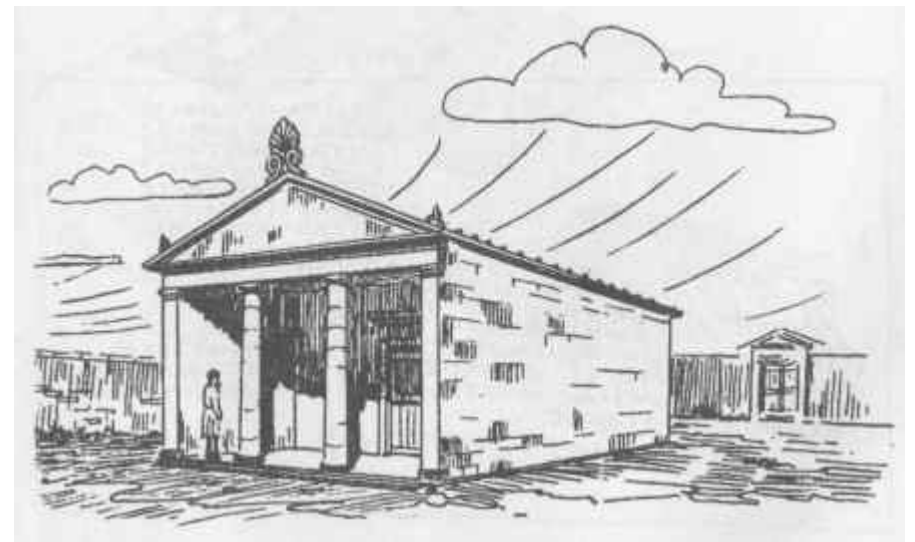
11. АГОРА И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕМЕНОС В III В. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



13. ХРАМ АПОЛЛОНА ДЕЛЬФИНИИ И ЗЕВСА НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЕМЕНОСЕ В III В. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



12. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕМЕНОС В V В. РЕКОНСТРУКЦИЯ А. Н. КАРАСЕВА.



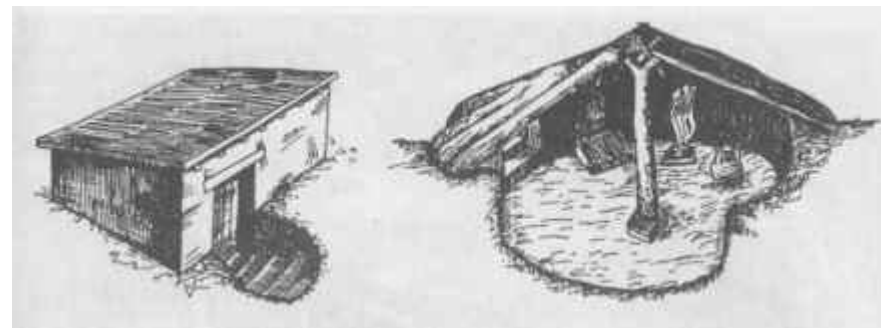
14. ХРАМ АПОЛЛОНА ВРАЧА НА ЗАПАДНОМ ТЕМЕНОСЕ В V В. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



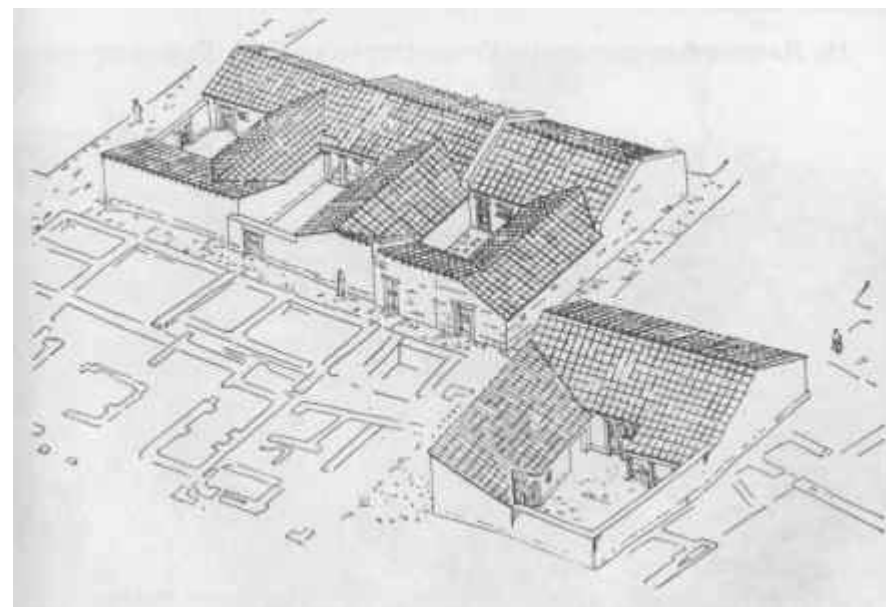
15. НАДПИСЬ С ПОСВЯЩЕНИЕМ АФРОДИТЕ III В. НО № 69.



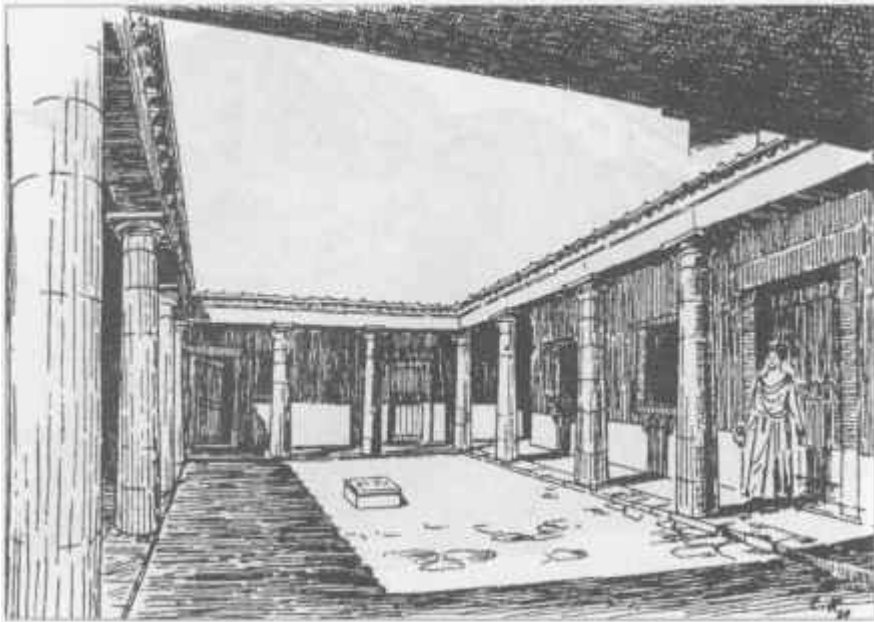
16. ПРОРИСОВКА Ю. Г. ВИНОГРАДОВА СОХРАНИВШИХСЯ ФРАГМЕНТОВ НАДПИСИ НА ПОСТАМЕНТЕ СТАТУИ КАЛЛИНИКА IV В. ПРЕ I². № 25. 31.



17. ЗЕМЛЯНКА И ПОЛУЗЕМЛЯНКА. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



18. ДОМА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ. РЕКОНСТРУКЦИЯ С. Д. КРЫЖИЦКОГО.



19. ДВОРИК БОГАТОГО ДОМА. РЕКОНСТРУКЦИЯ Д. С. КРЫЖИЦКОГО.



21. РАСКОПКИ ПОДВАЛЬНОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА.

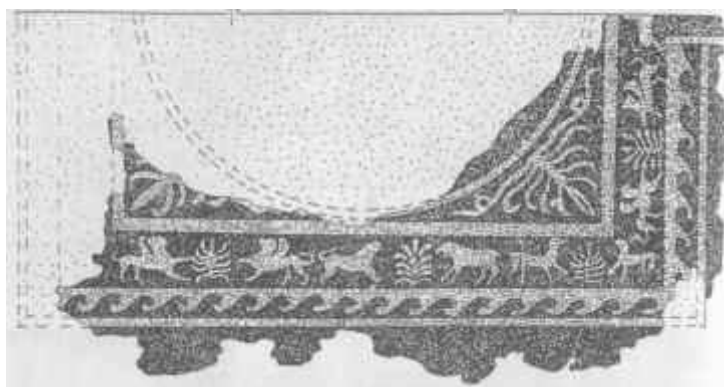


20. ПОДВАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ С ЦИСТЕРНОЙ ДЛЯ ВИНА В ДОМЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА.



22. ЛЕСТНИЦА В ПОДВАЛЬНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ.

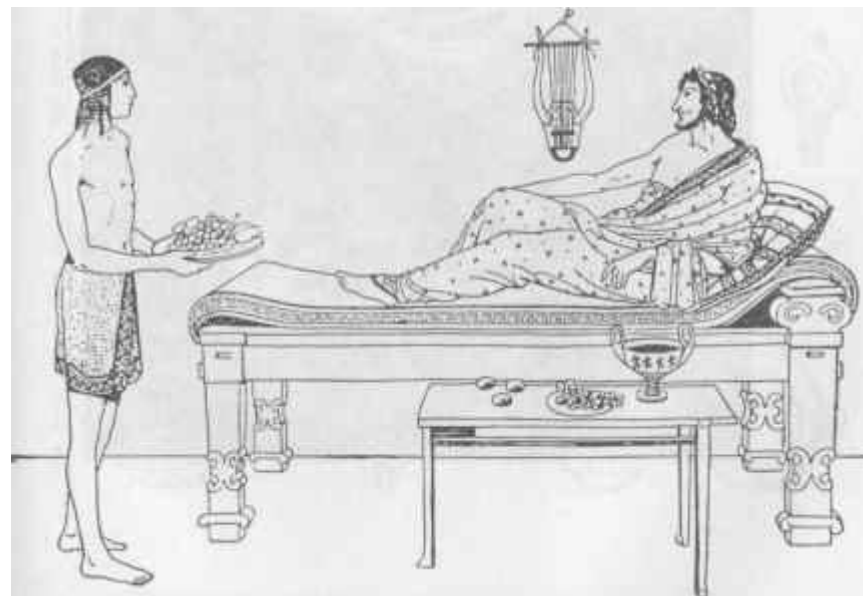
23. РИСУНКИ МОЗАИЧНЫХ ПОЛОВ АНДРОНОВ.



24. СТЕЛА СИТОНОВ. III В. НО № 72.



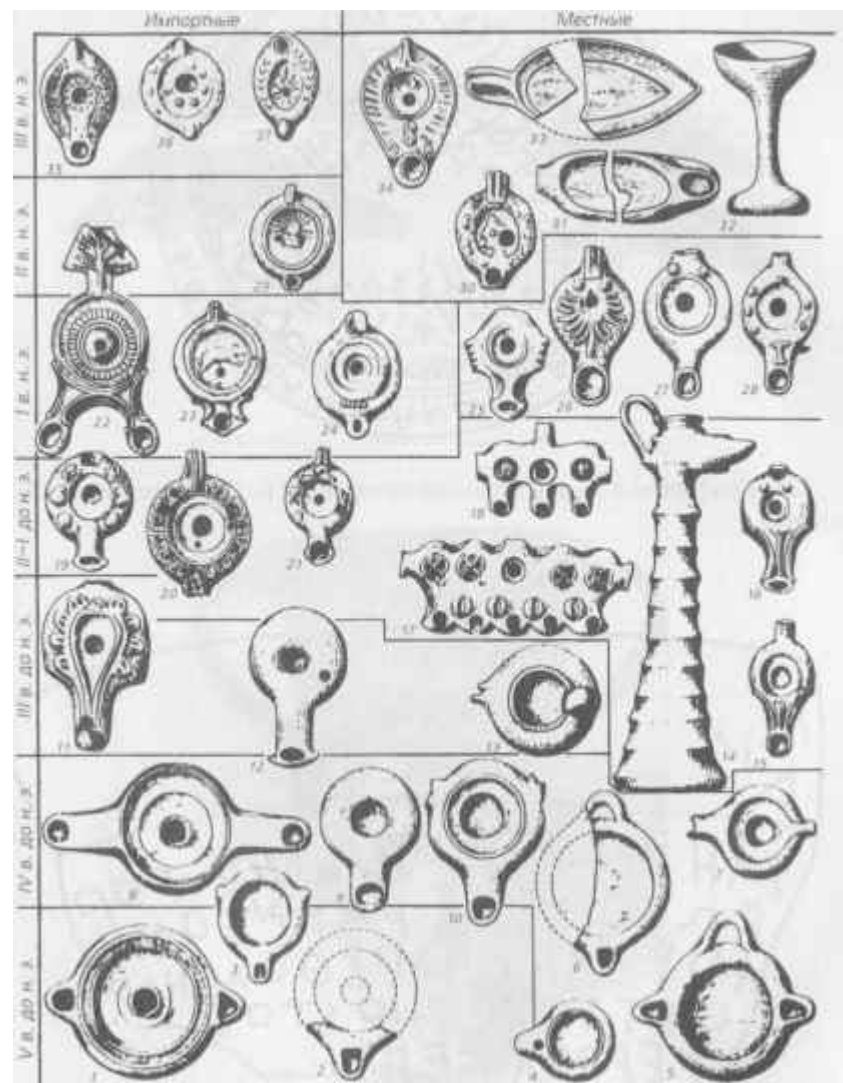
25. ГРЕЧАНКА, СИДЯЩАЯ НА СТУЛЕ. РИСУНОК ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА ВЭЭ.Х.



26. МУЖЧИНА НА ЛОЖЕ. РИСУНОК ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ НА ВАЗАХ.



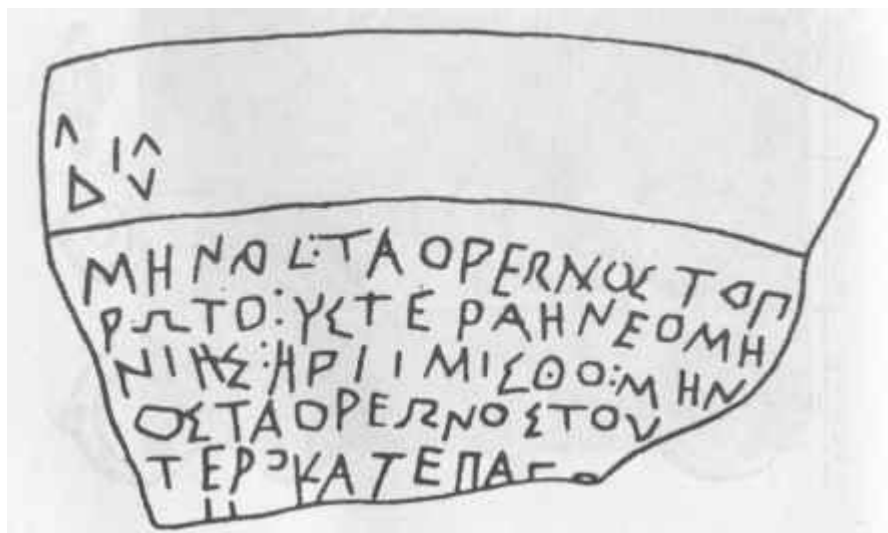
27. МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГИНИ КИБЕЛЫ. III В.



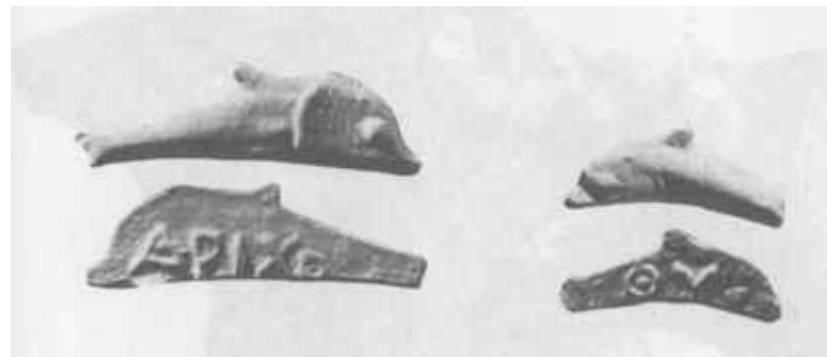
28. ТАБЛИЦА АНТИЧНЫХ СВЕТИЛЬНИКОВ. СОСТАВИТЕЛЬ Г. А. ЦВЕТАЕВА.



29. ГРАФФИТО С КАЛЕНДАРЕМ НА СКИФОСЕ V В. ПРОРИСОВКА А. С. РУСЯЕВОЙ.



30. ФРАГМЕНТ ПИСЬМА НА ОБЛОМКЕ ЛУТЕРИЯ IV В. С УПОМИНАНИЕМ МЕСЯЦА ТАВРЕОНА. ПРОРИСОВКА А. С. РУСЯЕВОЙ.



31. МОНЕТЫ-ДЕЛЬФИНЫ.



32. АТТИЧЕСКИЙ ФИГУРНЫЙ СОСУД-КАНФАР С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОЛОВЫ КОРЫ. НАЧАЛО V В.



33. ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ДИОНИСА. ФРАГМЕНТ АТТИЧЕСКОГО КРАСНО-ФИГУРНОГО КАНФАРА МАСТЕРОВ ЭПИКТЕТА И НИКОСФЕНА. КОНЕЦ VI в. НАЙДЕН НА О. ЛЕВКА.



35. ВОЗЛИЯНИЕ У АЛТАРЯ. РИСУНОК НА СТЕЛЕ С ДЕКРЕТОМ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ.



34. ГЛАВНЫЙ АЛТАРЬ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ ТЕМНОСЕ. IV в.



36. СВИНЦОВЫЕ БУКРАНИИ. IV—II вв.



37. ЧЕРНОЛАКОВЫЕ АТТИЧЕСКИЕ КИЛИКИ С ПОСВЯЩЕНИЯМИ ЗЕВСУ И АФИНЕ. КОНЕЦ VI В.



38. КЕРАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МАСКИ РАБА. IV В.



39. СОСТЯЗАНИЯ КОЛЕСНИЦ. ФРАГМЕНТ АТТИЧЕСКОГО ЧЕРНОФИГУРНОГО ОНОСА, НАЙДЕННОГО НА БЕРЕЗАНИ. КОНЕЦ VI В.



40. ИСПОЛНИТЕЛЬ СТИХОВ ПОД АККОМПАНИЕМЕНТ БАРБИТОНА. АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ ЛЕКИФ. ПЕРВАЯ ТРЕТЬ V В.



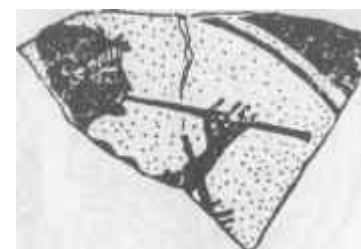
41. КИФАРИСТКИ. РИСУНОК ПО ИЗОБРАЖЕНИЮ НА КЛАЗОМЕНСКОМ КРАТЕРЕ, НАЙДЕННОМ НА БЕРЕЗАНИ. СЕРЕДИНА VI В.



43. АВЛЕТ-ПОБЕДИТЕЛЬ И НИКА. ФРАГМЕНТ АТТИЧЕСКОЙ КРАСНОФИГУРНОЙ ПЕЛИКИ. V В.



42. АПОЛЛОН, ИГРАЮЩИЙ НА КИФАРЕ, ДИОНИС, СИЛЕН И ГЕРМЕС. АТТИЧЕСКИЙ ЧЕРНОФИГУРНЫЙ ЛЕКИФ. ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ VI В.



44. АВЛЕТ. ФРАГМЕНТ АТТИЧЕСКОГО ЧЕРНОФИГУРНОГО КИЛИКА МАСТЕРА ЭПИКТЕТА. КОНЕЦ VI В.



45. ПАН, ИГРАЮЩИЙ НА СВИРЕЛИ. СЕРЕБРЯНЫЙ БРАС- ЛЕТ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕ- МЕНИ.



46. КСИЛОФОН И ТРИГОН. КУВШИН-ЛАГИНОС. III В.



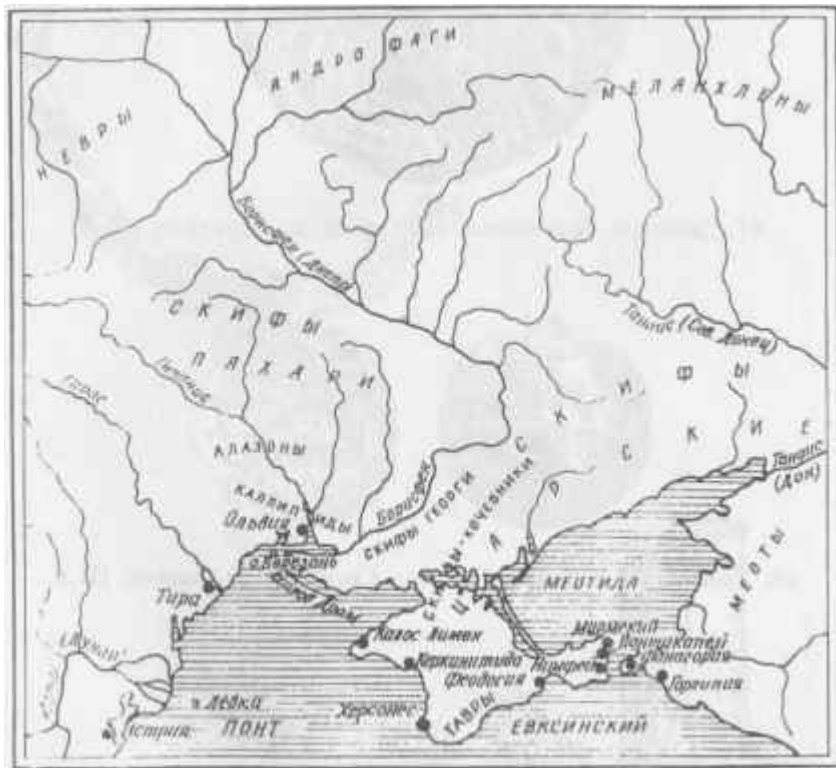
47. ДЕМЕТРА. ОЛЬВИЙСКИЙ МЕДНЫЙ АС. СЕРЕДИНА IV В.



48. ДЕМЕТРА И ЭМБЛЕМА ОЛЬВИИ. СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА. III В.



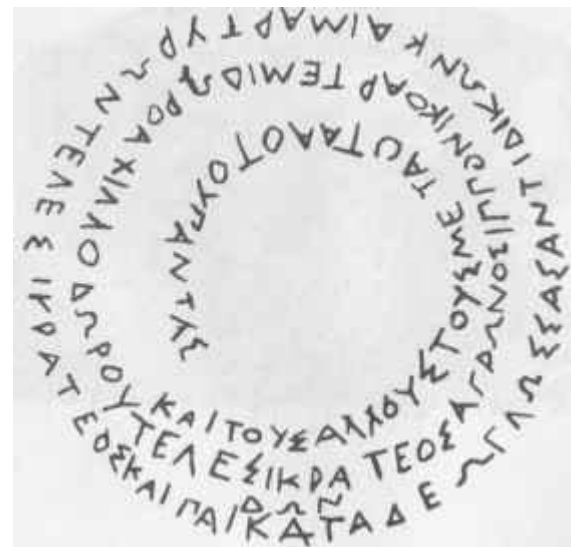
49. РЕЧНОЙ БОГ. МЕДНАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ МОНЕТА. III В.



50. КАРТА. ОЛЬВИЯ И ЕЕ СОСЕДИ В V-IV ВВ



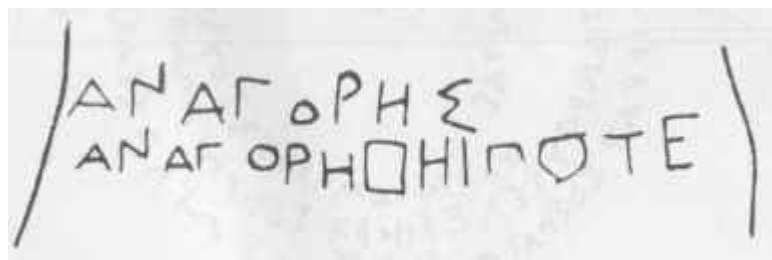
51. ОЛЬВИЙСКАЯ ПРОКСЕНИЯ АРИСТАНДРУ, СЫНУ МЕЛИССА ИЗ ГОРОДА ОРХОМЕНА В АРКАДИИ. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА IV В. НО № 44.



52. СУДЕБНЫЙ НАГОВОР. ГРАФФИТО НА ЧАШКЕ. IV В. ПРОРИСОВКА Э. ДИЛЯ.



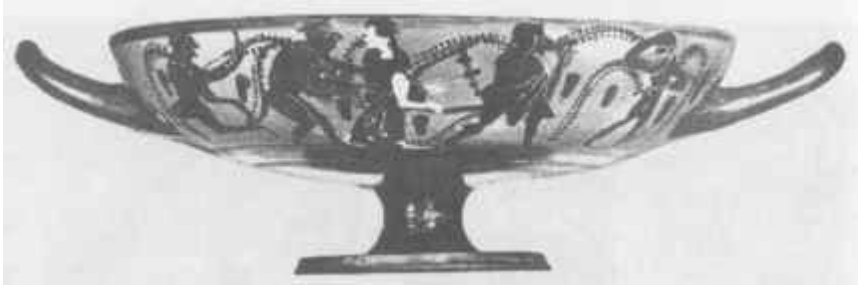
53. КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В ОЛЬВИЙСКОМ ЛАПИДАРИИ.



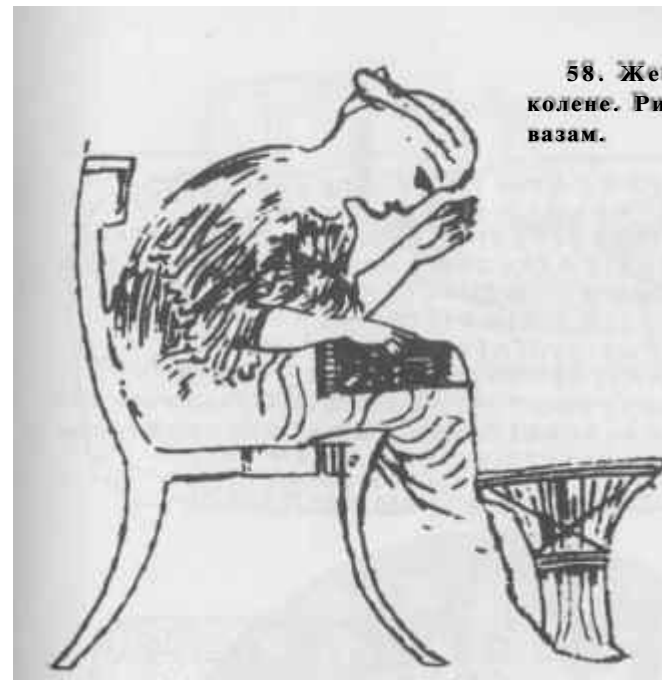
54. ГРАФФИТО С ИМЕНЕМ ГЕТЕРЫ АНАГОРЫ. V В.



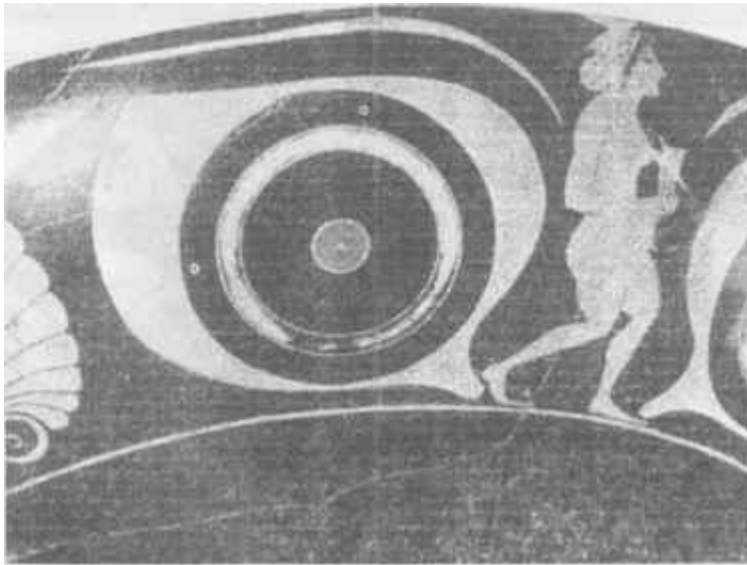
55. СИМПОСИОН. АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ КИЛИК МАСТЕРА БРИГОСА. ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ V В. НАЙДЕН В ИТАЛИИ.



56. Возвращение с симпозиона. Аттический чернофигурный килик. 490-480-е гг.



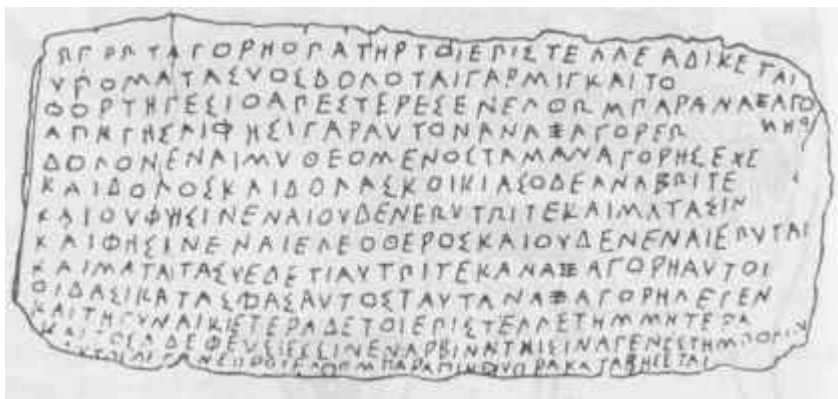
58. Женщина с оносом на колене. Рисунок по греческим вазам.



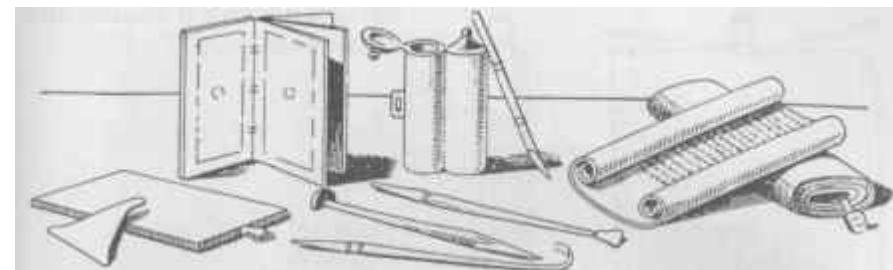
57. Гетера с кроталами. Фрагмент аттического краснофигурного килика мастера Олтоса. Конец VI в.



59. Женщины, изготовляющие пряжу и ткущие на станке. Аттический чернофигурный лекиф мастера Амасиса. Середина VI в. Найден в Италии.



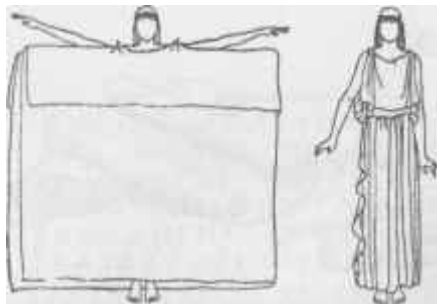
60. Ольвийские письма на свинцовых пластинках от Ахиллодора к сыну и к Анаксагору (VI в.) и от Артикона к своим родственникам (V в.).



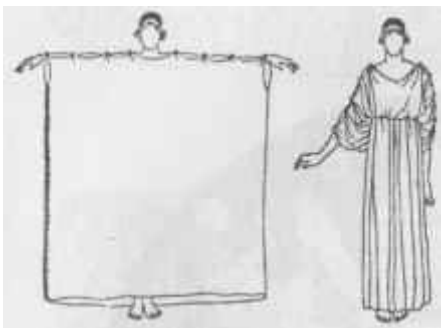
61. АТТИЧЕСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: ДОЩЕЧКИ, НАТЕРТЫЕ ВОСКОМ, СВИТОК ПАПИРУСА, СТИЛИ, СКРЕБОК ДЛЯ РАЗГЛАЖИВАНИЯ ВОСКА, ЧЕРНИЛЬНИЦА, ТРОСТНИКОВОЕ ПЕРО.



62. ЗАНЯТИЯ В ШКОЛЕ. АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ КИЛИК МАСТЕРА ДУРИСА. ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ V В. НАЙДЕН В ИТАЛИИ.



63. ДОРИЙСКИЙ И ИОНИЙСКИЙ
ЖЕНСКИЕ ХИТОНЫ.



64. КОРА-ПЕРСЕФОНА В ХИ-
ТОНЕ, ЗАВЯЗАННОМ ПОД ГРУДЬЮ,
С ДИАДЕМОЙ И ЛЕНТАМИ В ВОЛО-
САХ И КРУПНЫМИ СЕРЬГАМИ В
УШАХ. ОЛЬВИЙСКАЯ ТЕРРАКОТА.
III В.



65. МУЖЧИНА В ГИМАТИИ, ЖЕНЩИНА В ХИТОНЕ И ПЛАЩЕ, РЕБЕНОК
КОРОТКОМ ХИТОНЕ. ОЛЬВИЙСКАЯ НАДГРОБНАЯ СТЕЛА. I В. Н. Э.



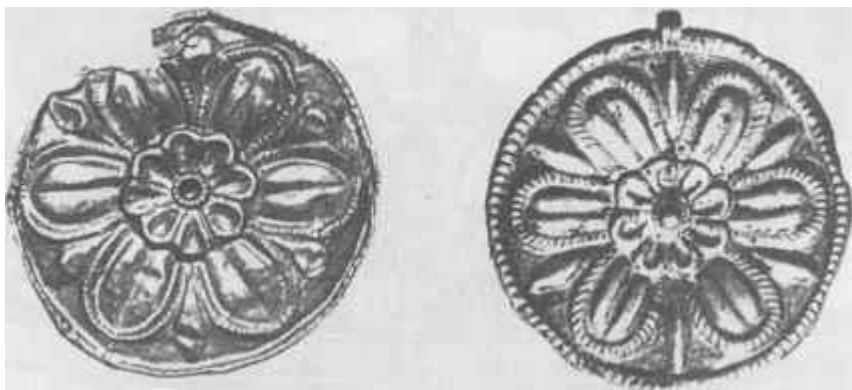
66. ОЛЬВИЙСКАЯ РАСПИСНАЯ АМФОРА. III В.



67. СКИФЫ. ДЕТАЛЬ СЕРЕБРЯНОЙ ВАЗЫ ИЗ КУРГАНА ЧЕРТОМЛЫК. IV В.



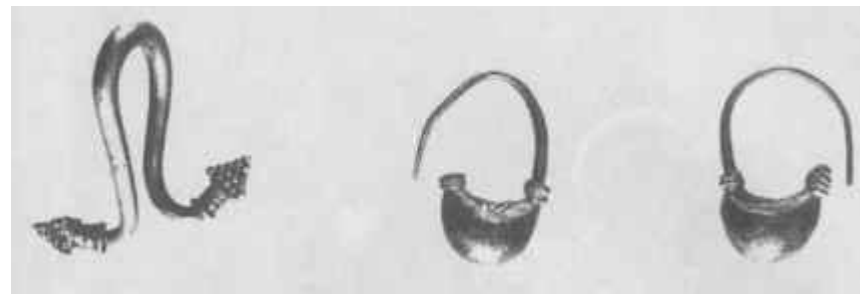
68. АМАЗОНКА В СКИФСКОМ КОСТЮМЕ. АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ АЛАБАСТР, РАСПИСАННЫЙ ПСИАКСОМ. КОНЕЦ VI В. НАЙДЕН В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.



69. ЗОЛОТЫЕ ВИСОЧНЫЕ БЛЯШКИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



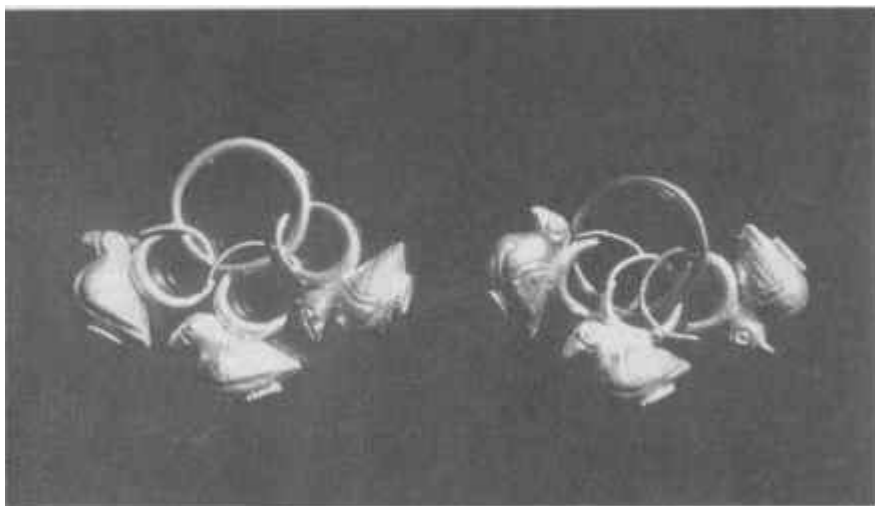
70. ЗОЛОТАЯ ДИАДЕМА. IV В.



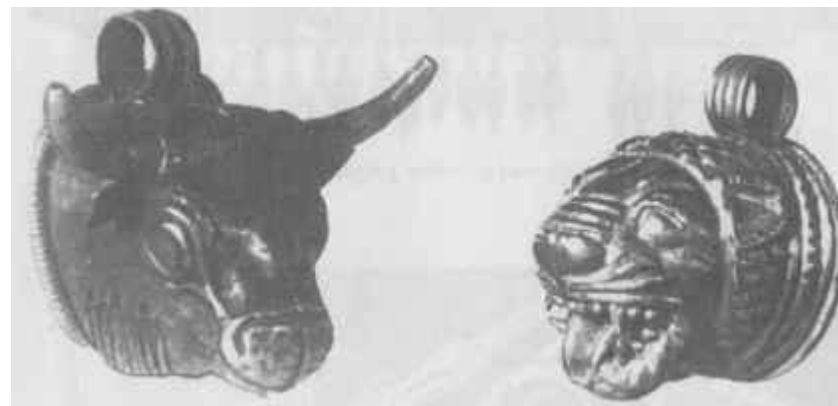
71. ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЕВИДНАЯ ПОДВЕСКА И СЕРЬГИ-КАЛАЧИКИ. VI В.



72. ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ С ПОДВЕСКАМИ, СЕРЬГИ-КАЛАЧИКИ И СЕРЬГИ-ПТИЧКИ. VI В.



73. ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ С ФИГУРКАМИ ПТИЧЕК. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



75. ЗОЛОТЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ ГОЛОВЫ БЫКА И РЫЧАЩЕГО ЛЬВА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



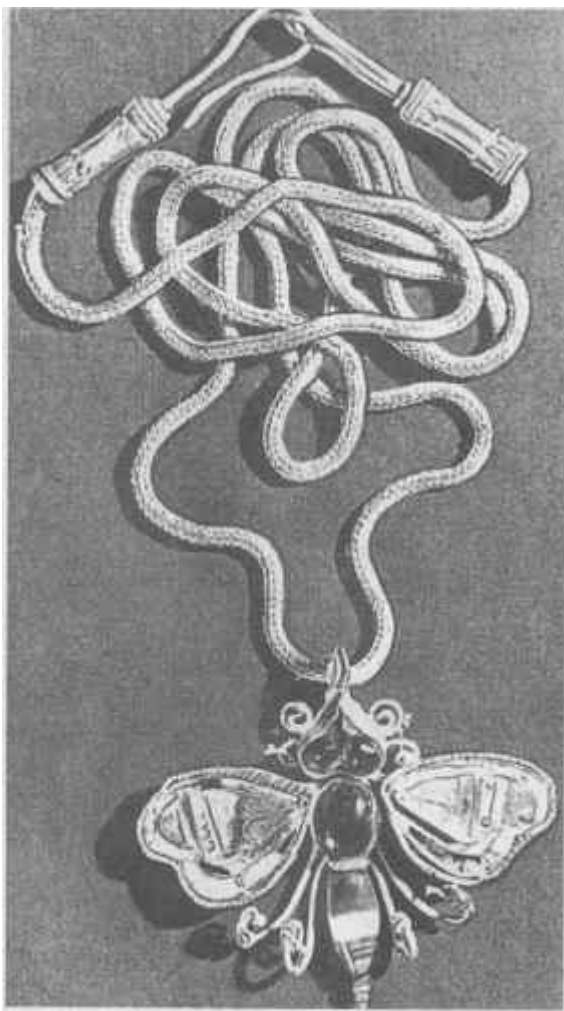
74. ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ-НАУШНИЦЫ С ГОЛОВКАМИ РЫЧАЩИХ ЛЬВОВ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



76. ЗОЛОТЫЕ ОЖЕРЕЛЬЯ. VI В.



77. ЗОЛОТОЕ НАГРУДНОЕ УКРАШЕНИЕ. VI В.



78. ЗОЛОТАЯ ЦЕПЧКА С ПОДВЕСКОЙ-БАБОЧКОЙ. III В.

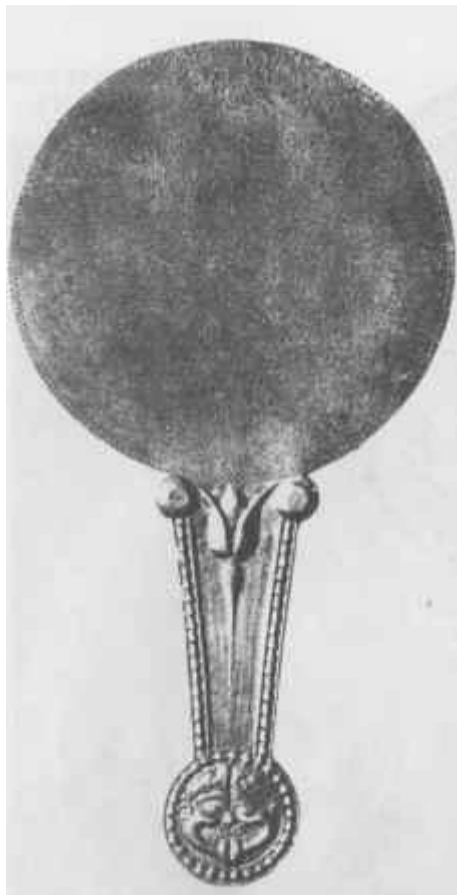


79. ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ, УКРАШЕННОЕ ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ, ЦВЕТНЫМИ СТЕКЛАМИ И ПОДВЕСКОЙ-БАБОЧКОЙ. II В.



81. КРЫШКА ЗЕРКАЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДЕМЕТРЫ. III В.





83. АРГОССКОЕ БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО С РУЧКОЙ, УКРАШЕННОЙ ЦВЕТКОМ ЛОТОСА И МАСКОЙ МЕДУЗЫ ГОРГОНЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



84. БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО С РУЧКОЙ, УКРАШЕННОЙ ФИГУРКОЙ ПАНТЕРЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.

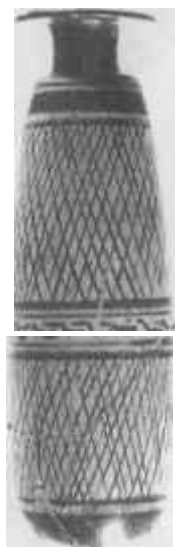
85. БРОНЗОВОЕ ЗЕРКАЛО С РУЧКОЙ, УКРАШЕННОЙ ФИГУРКОЙ ОЛЕНЯ И ГОЛОВКОЙ БАРАНА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



86. ВОСТОЧНО-ГРЕЧЕСКИЙ АСК. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI В.



87. ФАЯНСОВЫЕ АРИБАЛЛЫ, АМФОРИСКИ И АРИБАЛЛЫ ИЗ ФИНИКИЙСКОГО СТЕКЛА. VI В.



88. АТТИЧЕСКИЙ АЛАБАСТР. V В.

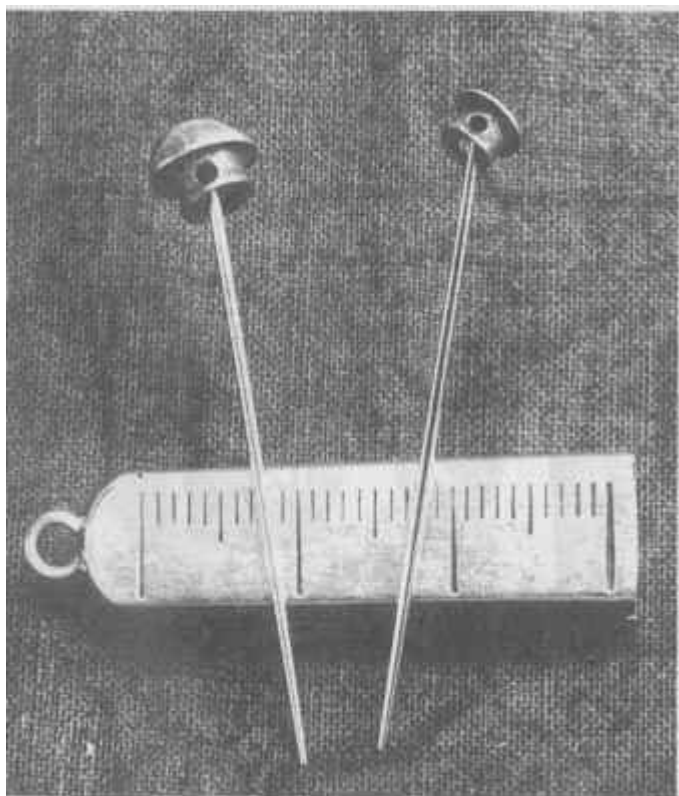
89. АТТИЧЕСКИЙ ЧЕРНОФИГУРНЫЙ ЛЕККИФ. ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ VI В.



90. ЛЕККИФЫ V-IV ВВ.



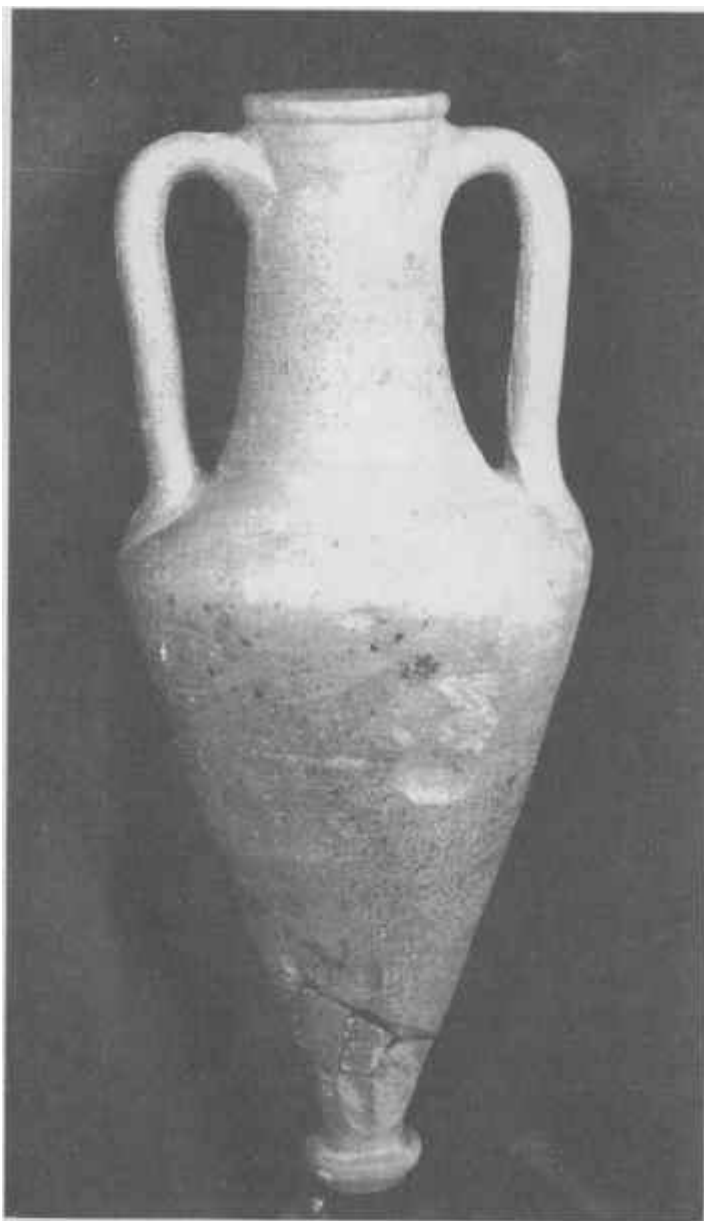
91. Коринфская пиксида. Начало V в.



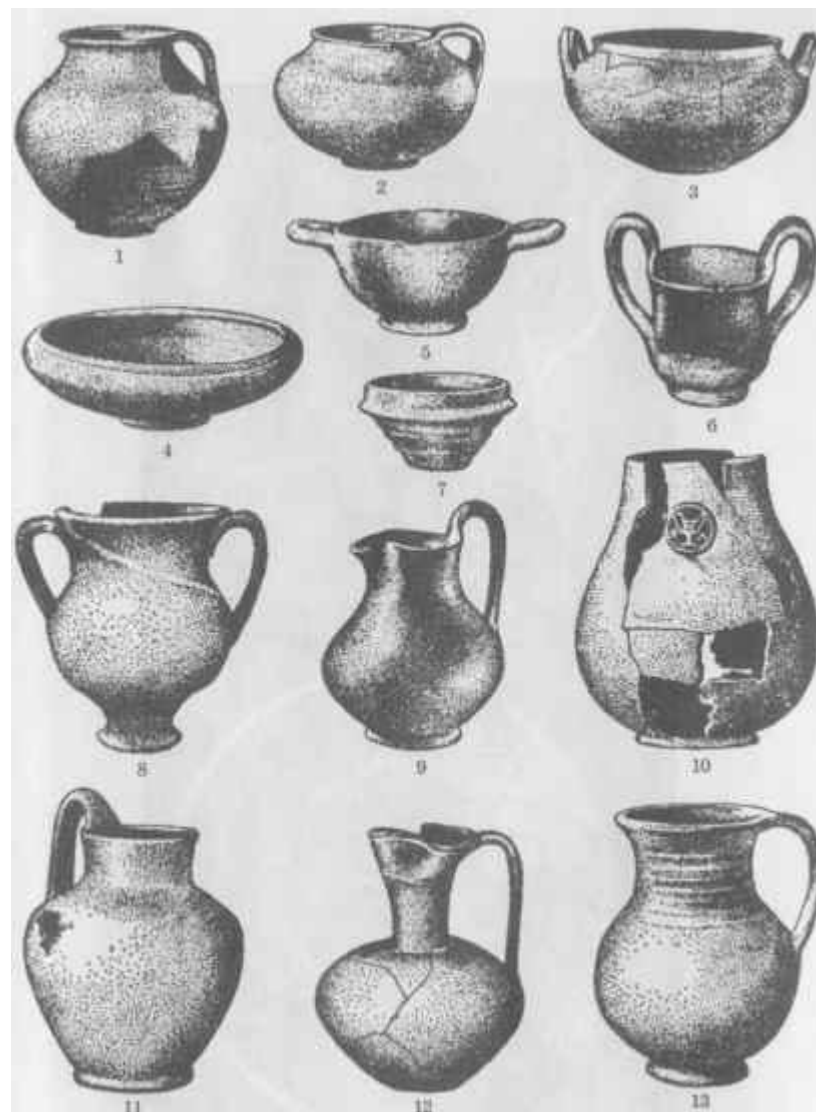
92. Золотой сосудик для благовоний. VI в.



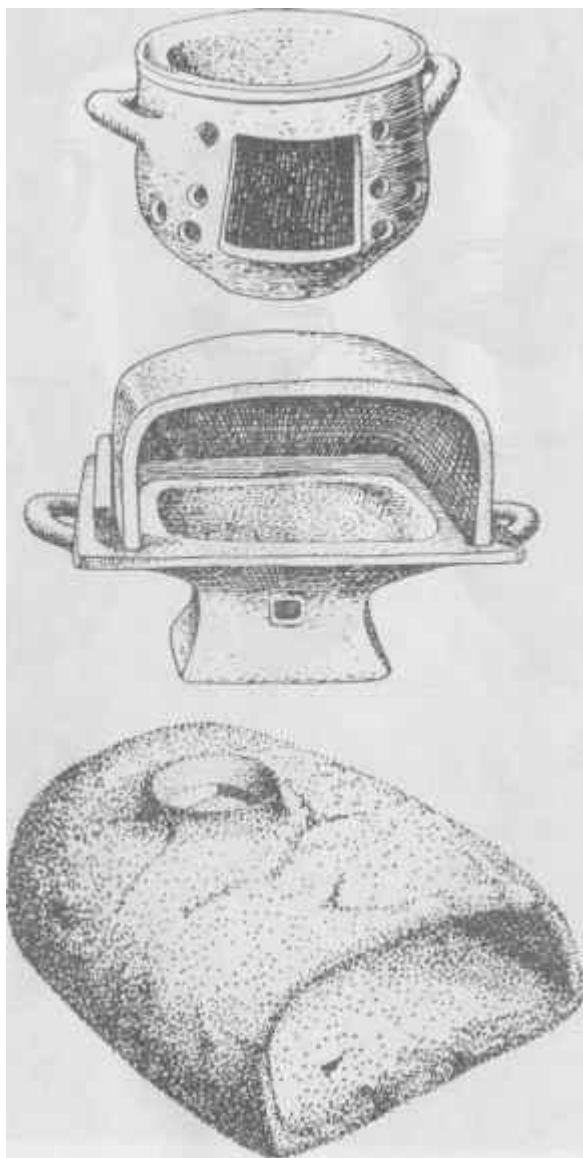
93. Хиосская амфора. V в.



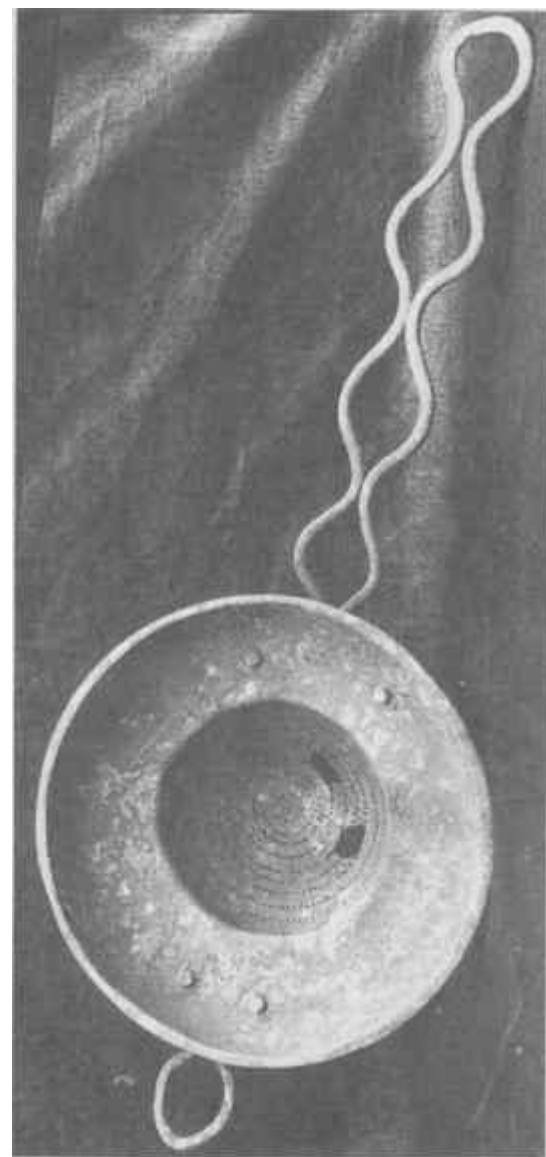
94. АМФОРА НЕИЗВЕСТНОГО ЦЕНТРА ПРОИЗВОДСТВА. IV В.



95. КУХОННАЯ И ПРОСТАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА: 1, 2 — ГОРШКИ; 3 — КАСТРЮЛЯ; 4, 7 — ЧАШКИ; 5 — КИЛИК; 6 — КАНФАР; 8, 11, 13 — КУВШИНЫ; 9, 10, 12 — ОЙНОХОИ.



96. ЖАРОВНИ.



97. БРОНЗОВОЕ СИТЕЧКО ДЛЯ ПРОЦЕЖИВАНИЯ ВИНА. V В.

Производственные центры-экспортеры

	Хиос	Лесбос	Самос	Менде	Флос	Герракия	Синопа	Прочие и неизвестные центры
IV в. до н. э.								
V в. до н. э.								
VI в. до н. э.								
VII в. до н. э.								

98. ТАБЛИЦА ФОРМ АМФОР VI-IV ВВ., НАЙДЕННЫХ В ОЛЬВИИ. СОСТАВИТЕЛЬ И. Б. БРАШИНСКИЙ.



99. ОБЛОМОК РУЧКИ РОДОССКОЙ АМФОРЫ С КЛЕЙМОМ, ИЗОБРАЖАЮЩИМ ЦВЕТОК ГРАНАТА. III В.



100. ОБЛОМОК РУЧКИ ФАСОССКОЙ АМФОРЫ С КЛЕЙМОМ. IV В.



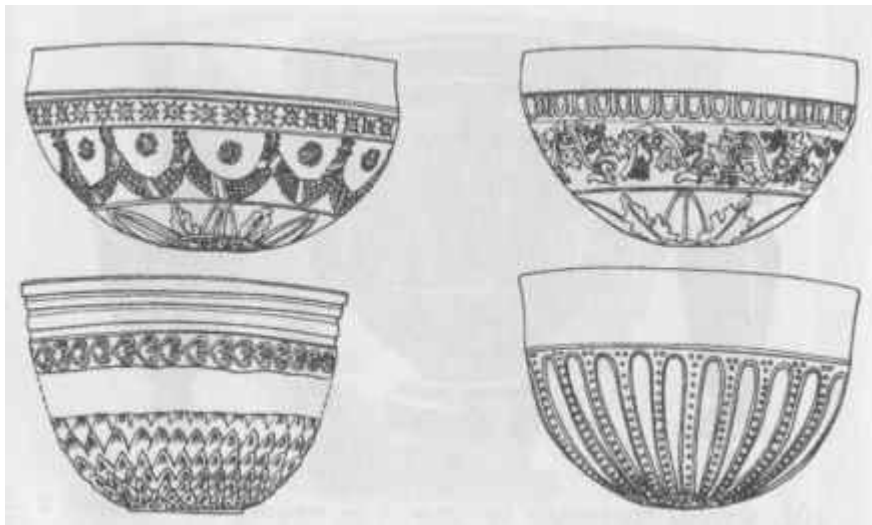
101. АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ КИАФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИОНИСА И ПЕГАСА. 500-490 ГГ.



102. ФОРМЫ ГРЕЧЕСКИХ СОСУДОВ: 1 — ПИФΟΣ; 2 — КИЛИК; 3 — АЛАБАСТР; 4 — КИАФ; 5 — ЧАША; 6 — ОЙНОХОЯ; 7 — БОМБИЛИЙ; 8 — РИТОН; 9 — АМФОРА; 10 — ОЛЬПА; 11 — АРИБАЛЛ; 12 — КАНФАР; 13 — АСК; 14 — ЛЕКИФ; 15 — ПЕЛИКА; 16 — КРАТЕР; 17 — ГИДРИЯ.



103. АТТИЧЕСКИЙ ЧЕРНОЛАКОВЫЙ КАНФАР. 350-352 ГГ.



104. МЕГАРСКИЕ ЧАШИ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ И РАСТИТЕЛЬНЫМИ ОРНАМЕНТАМИ. III В.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
1. Краткий очерк истории Ольвии	10
2. Общий вид города	19
3. Жилые дома	31
4. Календарь и определение времени	43
5. Праздники и жертвоприношения	49
6. Музыка	63
7. Гимнасий и занятия спортом	73
8. Торговля и деньги	78
9. Суд	93
10. Повседневные занятия и досуг мужчин	103
11. Семейное положение и обязанности женщин	126
12. Воспитание и образование детей и юношей	141
13. Одежда и украшения	155
14. Предметы туалета и косметика	182
15. Еда и посуда	190
Послесловие	203
Приложение. Переводы ольвийских надписей	207
Список сокращений	215
Предметно-терминологический указатель	216
Иллюстрации	223

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Редактор:

Л. А. Абышко

Оригинал-макет:

Е. Н. Ванчурина

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 20.03.2000. Подписано в печать 25.06.2000.

Формат 60x88 18 п. л. Тираж 1300 экз. Заказ № 3362.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург. 9 линия, 12

Printed in Russia